ІОАННЪ ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ

ИСТОРІЯ МОНГАЛОВЪ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ДЕ РУБРУКЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВОСТОЧНЫЯ СТРАНЫ

ВВЕДЕНІЕ, ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢЧАНІЯ

А. І. МАЛЕИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 8 РИСУНКОВЪ, КАРТЫ И УКАЗАТЕЛЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1911

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

ІОАННЪ ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ

ИСТОРІЯ МОНГАЛОВЪ

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ДЕ РУБРУКЪ

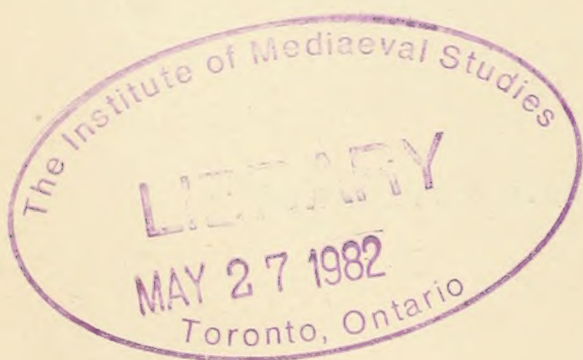
ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВОСТОЧНЫЯ СТРАНЫ

ВВЕДЕНІЕ, ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢЧАНІЯ

А. І. МАЛЕИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 8 РИСУНКОВЪ, КАРТЫ И УКАЗАТЕЛЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1911

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Отъ издателя.

Настоящій выпускъ издаваемой нами «Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи» посвященъ не столько нашей родинѣ, сколько тому нѣкогда могущественному народу, который покорилъ Русь въ половинѣ XIII вѣка. Какъ бы мы ни объясняли вліяніе на насъ монголовъ—свойствами ли характера завоевателей, или, по Н. И. Костомарову, «способомъ самаго завоеванія и обстоятельствами, его сопровождавшими», во всякомъ случаѣ вліяніе это было огромнымъ. Къ сожалѣнію, въ своей совокупности оно досель еще никѣмъ не выяснено. Издаваемые авторы могутъ служить наилучшимъ источникомъ для подобнаго изслѣдованія, такъ какъ они съ наибольшими подробностями изображаютъ государственное устройство и бытъ татаръ, взаимно дополняя другъ друга. Попутно они даютъ много цѣнныхъ наблюденій для положенія Руси въ періодъ монгольскаго завоеванія и для характеристики внѣшняго вида ея жителей, ихъ занятій, вѣрованій и суевѣрія. На русскомъ языкѣ былъ извѣстенъ только Плано Карпини и то въ несовершенныхъ и устарѣлыхъ переводахъ (1795 и 1820 г.г.), Рубрукъ же появляется у насъ впервые. Переводъ обоихъ писателей исполненъ А. І. Малеинымъ, которому принадлежитъ переводъ Герберштейна и Корба, а также примѣчанія къ этимъ сочиненіямъ, напечатаннымъ въ нашей «Библіотекѣ» въ 1906—1908 г. Къ тексту перевода мы сочли нужнымъ приложить рисунки, взятые изъ I тома изданія: Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles. Par P. Bergeron. Tome premier (A la Haye 1735).

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Папскія миссіи къ Татарамъ. Путешествіе Плано Карпини. Его сообщенія о Руси. Личная жизнь Плано Карпини.

Блестящіе завоевательные успѣхи Татаръ въ XIII вѣкѣ обратили на себя вниманіе намѣстниковъ ап. Петра, которые все усерднѣе и усерднѣе начинаютъ дѣлать попытки обращенія ихъ въ христіанство и, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ и подчиненія своей духовной власти. За дальностью разстоянія, отдѣлявшаго папъ отъ монголовъ, попытки эти могли ограничиться только посылкой миссіонеровъ съ увѣщательными грамотами. Дѣятельными сотрудниками римскихъ первосвященниковъ въ этомъ отношеніи были члены возникшихъ въ то время духовныхъ орденовъ: францисканцевъ и доминиканцевъ.

На Ліонскомъ соборѣ 1245 г., когда монголы наиболѣе угрожали спокойствію Европы, было рѣшено послать къ хану миссіонеровъ, которые должны были войти съ нимъ въ мирныя сношенія и попытаться обратить его въ христіанскую вѣру. Такимъ образомъ въ 1246 г. папа Иннокентій IV снарядилъ двѣ миссіи, во главѣ которыхъ стали монахи: францисканецъ Плано Карпини и доминиканецъ Асцелинъ. Обѣ миссіи не имѣли никакого успѣха на религіозномъ поприщѣ, но за то ихъ руководители представили отчетъ о своей поѣздкѣ. Особой обстоятельностью отличалось донесеніе Плано Карпини, которому довелось даже видѣть возведеніе на престолъ великаго хана Куйюка. Кромѣ того, въ виду крѣпнувшихъ тогда слуховъ о возможномъ нашествіи Татаръ на Европу, францисканецъ съ особымъ усердіемъ занялся описаніемъ ихъ быта, исторіей, а также вопросомъ, каковы боевыя силы Татаръ, и какъ надо вести съ ними войну. Плано Карпини выѣхалъ къ Татарамъ изъ Ліона, гдѣ проживалъ тогда папа, черезъ Германію, Богемію, Силезію, Польшу и южную Русь, которая только что испытала за это время на себѣ вторичное татарское нашествіе. Всѣ ужасы его, отъ которыхъ, по выраженію современниковъ, могъ бы прослезиться антихристъ, путешественникъ могъ видѣть съ на-

глядной очевидностью: «когда мы ѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныя головы и кости мертвыхъ людей, лежавшія на полѣ: ибо этотъ городъ (Кіевъ) былъ весьма большой и очень многолюдный, а теперь сведенъ почти ни на что: едва существуетъ тамъ двѣсти домовъ, а людей тѣхъ держатъ они въ самомъ тяжеломъ рабствѣ» (стр. 25). Плано Карпини довелось быть и свидѣтелемъ того, какъ татарскіе баскаки обращались съ покоренными русскими: «въ бытность нашу въ Руссіи, былъ присланъ туда одинъ Саррацинъ, какъ говорили, изъ партіи Куйюкъ-кана и Батыя. И этотъ намѣстникъ у всякаго человѣка, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, какъ намъ говорили впослѣдствіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уводилъ всѣхъ мущинъ, не имѣвшихъ женъ, и точно также поступалъ съ женщинами, не имѣвшими законныхъ мужей, а равнымъ образомъ выселялъ онъ и бѣдныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе нищенствомъ. Остальныхъ же, согласно своему обычаю, пересчиталъ, приказывая, чтобы каждый, какъ малый, такъ и большой, даже однодневный младенецъ, или бѣдный, или богатый, платилъ такую дань, именно, чтобы онъ давалъ одну шкуру бѣлаго медвѣдя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру нѣкоего животнаго, имѣющаго пристанище въ той землѣ, названіе котораго мы не умѣемъ передать полатыни, а по-нѣмецки оно называется ильтисъ (iltis), Поляки же и Русскіе называютъ этого звѣря дохорь, и одну черную лисью шкуру. И всякій, кто не дастъ этого, долженъ быть отведенъ къ Татарамъ и обращенъ въ ихъ раба» (стр. 33—34). Далѣе, въ бытность францисканца въ Ордѣ онъ присутствовалъ при отравленіи Татарами великаго князя Ярослава Всеволодовича. На пути и туда, и обратно Плано Карпини вступалъ въ въ личныя отношенія съ князьями Галицкими, Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, и велъ съ ними и духовенствомъ любопытные переговоры о вѣрѣ. Кромѣ того, во всемъ описаніи разсѣяно много мелкихъ подробностей по географіи и этнографіи Россіи, что дѣлаетъ разсказъ Плано Карпини однимъ изъ важныхъ источниковъ и для нашей исторіи. Къ сожалѣнію, францисканецъ далеко не отличался особымъ образованіемъ и не приготовился къ своему путешествію такъ добросовѣстно, какъ, увидимъ ниже, это сдѣлалъ Рубрукъ. Поэтому сочиненіе Плано Карпини преисполнено разнаго рода баснословіями. Въ этомъ отношеніи онъ является вполнѣ сыномъ своего вѣка, когда съ ненасытной жадностью бросались на чудесное и вѣрили даже въ невозможное.

Что касается личной жизни Плано Карпини, родившагося около 1220 г., то, какъ и подобаетъ послѣдователю св. Франциска, она не блещетъ внѣшними событіями. Онъ происходилъ изъ Перуджіи, и такъ какъ его ро-

дина находится по близости отъ Ассизи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ сталъ послѣдователемъ св. Франциска подъ непосредственнымъ обаяніемъ его проповѣдей. Донесеніе Плано Карпини понравилось папѣ, который вскорѣ сдѣлалъ его генераломъ францисканскаго ордена. Но этой почетной и сравнительно спокойной службѣ Плано Карпини предпочелъ кипучую дѣятельность проповѣдника христіанской вѣры, съ каковой цѣлью посѣтилъ Богемію, Венгрію, Данію и Норвегію. Умеръ онъ въ глубокой старости.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Миссіи къ Татарамъ короля Людовика IX Святаго. Вильгельмъ де Рубрукъ. Его происхожденіе и біографія. Путешествіе къ Татарамъ. Образованность Рубрука. Наиболѣе интересныя данныя, извлекаемыя изъ его путешествія.

Наряду съ папами, о просвѣщеніи монголовъ свѣтомъ вѣры Христовой заботился и «христіаннѣйшій» французскій король Людовикъ IX. Онъ легко довѣрялся разнымъ слухамъ о мнимомъ обращеніи хановъ въ христіанство и два раза отправлялъ къ нимъ миссіонеровъ. Однимъ изъ нихъ былъ миноритъ Вильгельмъ де Рубрукъ, который представилъ королю подробный отчетъ о своихъ отдаленныхъ странствіяхъ и о самихъ Татарахъ.

На сколько ясны и точны свѣдѣнія, сообщаемыя Рубрукомъ о Татарахъ, на столько же темны данныя объ его личной жизни. Самая фамилія его передается изслѣдователями въ 11 различныхъ формахъ [1]. Столь же сбивчивы и неопредѣленны свѣдѣнія о родинѣ и даже о происхожденіи Рубрука. Французскій ученый Бакеръ, увлекаясь патріотизмомъ, пытался [2] воскресить старую теорію, будто Рубрукъ—его соотечественникъ, но это мнѣніе не можетъ выдержать критику уже по одному тому, что самъ писатель не признаетъ себя таковымъ. Именно онъ упоминаетъ Людовику про уроженца Парижа, Вильгельма, такъ: «мастеръ Вильгельмъ, нѣкогда *вашъ* гражданинъ», а не *нашъ* (стр. 165), или, желая попасть къ королю, Рубрукъ пишетъ ему (стр. 177): охотно я повидалъ бы васъ и нѣкоторыхъ особенно «близкихъ мнѣ друзей, которыхъ имѣю я въ королевствѣ *вашемъ*».

[1] De Rubruk, de Rubruck, de Rubruc, Rubroc, Risbrouc, Risbroucke, Ruysbrok, Ruysbroeck, Risbrucke, Ruysbrocke и, наиболѣе обычно, de Rubruquis. *D'Avezac*, стр. 205. Рукописи же Путешествія, судя по факсимиле у Avezac'а, даютъ Rubruc, и только манускриптъ Британскаго музея, F° 225, имѣетъ Rubruk.

[2] Guillaume de Rubrouck, Ambassadeur (?) de Saint Louis en Orient. Récit de son voyage traduit de l'original latin et annoté par Louis de Baker. Paris, 1877 (въ серіи Bibliothèque orientale elzévirienne, XIII).

Съ другой стороны, говоря про тѣхъ нѣмецкихъ рабовъ, которые томятся въ Болатѣ, Рубрукъ называетъ ихъ говорящими *на нашемъ языкѣ* (стр. 157). Это обстоятельство ставятъ въ связь съ тѣмъ, что и понынѣ еще существуетъ въ приходѣ аббатства Bertin, у Касселя, въ сѣверномъ Департаментѣ, фламандская деревня Rubrouk, гдѣ въ XII и XIII вѣкахъ очень часто встрѣчались представители рода Rubruk. Въ библіотекѣ упомянутаго аббатства хранилось нѣкогда большое собраніе рукописей о путешествіяхъ въ Азію. Согласно съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, Рубрукъ родился между 1220 и 1230 гг. Про его внѣшность мы имѣемъ только одну подробность, извлекаемую изъ его же описанія (стр. 102): «Для меня всегда сохраняли крѣпкаго коня, такъ какъ я былъ очень дороденъ». Какія причины побудили Рубрука поступить въ духовный орденъ миноритовъ, неизвѣстно. Несомнѣнно, что Рубрукъ не только бывалъ въ Парижѣ, но и былъ хорошо знакомъ и съ этимъ городомъ, и съ его окрестностями. Такъ ширину рѣки Дона въ томъ мѣстѣ, гдѣ Рубрукъ черезъ нее переправлялся, онъ сравниваетъ съ шириной Сены въ Парижѣ (стр. 87), упоминаетъ про «Большой Мостъ» въ этомъ городѣ (стр. 122), сопоставляетъ (стр. 146) городъ Каракарумъ по величинѣ съ пригородомъ св. Діонисія (faubourg St.-Dénis), дворецъ въ Каракарумѣ съ монастыремъ св. Діонисія, приравниваетъ свой ежедневный маршрутъ черезъ землю Кангле къ разстоянію между Парижемъ и Орлеаномъ (стр. 102) и т. п. Выше было уже упомянуто, что во Франціи у Рубрука были близкіе друзья. Близокъ былъ, повидимому, Рубрукъ и къ самому королю Людовику, и къ его матери, извѣстной Бланкѣ Кастильской. Несомнѣнно, что Рубрукъ былъ съ Людовикомъ въ Египтѣ, ибо, желая разъяснить королю ширину рукавовъ Волги, онъ говоритъ, что «каждый изъ нихъ почти вдвое больше рѣки [Нила] у Даміетты» (стр. 168). Послѣдняя прибавка указываетъ, что Рубрукъ могъ присутствовать при взятіи Даміетты. При отправленіи Рубрука онъ получилъ отъ короля Библію, Бланка же подарила ему псалтырь. Эта близость Рубрука къ королю и была, вѣроятно, той побудительной причиной, которая заставила его предпринять столь трудное путешествіе. Именно до короля стали доходить съ разныхъ сторонъ извѣстія, что сынъ Батыя, Сартахъ, принялъ христіанство. Это обстоятельство подвинуло Людовика возобновить свои неудачныя попытки миссіонерства среди татаръ, и вотъ онъ отправляетъ Рубрука къ Сартаху, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Въ виду могущаго воспослѣдовать неуспѣха, эта миссія не носила даже названія королевскаго посольства, и уже при первомъ появленіи своемъ среди Татаръ Рубрукъ заявилъ, что онъ ѣдетъ по своей волѣ, а также по волѣ

КАРТА

ІОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИН

12.

Путь Іоанна де Плано Карпини 1246 г.

ПУТИ

ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУКЪ

5.

ильгельма де Рубрукъ 1253—1255 г.

Англійскія мили.

своего настоятеля (стр. 81). Скромнымъ цѣлямъ миссіи соотвѣтствовалъ и ея составъ, именно съ Рубрукомъ ѣхалъ только его товарищъ по ордену, братъ Варѳоломей изъ Кремоны, бывавшій при дворѣ византійскаго императора Ватацеса (стр. 118), молодой клирикъ или причетникъ Вильгельмъ Госсель или Госсетъ, вручившій Людовику отчетъ Рубрука (стр. 68 и 176—77), толмачъ, «человѣкъ вовсе не развитой и не обладавшій никакимъ краснорѣчіемъ» (стр. 83), почему онъ и именуется Рубрукомъ «человѣкъ Божій», да еще отрокъ Николай, котораго монахъ купилъ въ Константинополѣ на благостыню короля (стр. 68). 7 мая 1253 г. Рубрукъ сѣлъ на корабль въ Константинополѣ и поплылъ Чернымъ моремъ въ Солдаію (н. Судакъ) въ Крыму. Оттуда сухимъ путемъ онъ поднялся на сѣверъ. Позволю себѣ не излагать дальнѣйшихъ подробностей пути Рубрука, такъ какъ онъ подробно передаетъ ихъ въ своемъ отчетѣ. Кромѣ того, для большей наглядности изложенія прилагается карта путешествій какъ Рубрука, такъ и Плано Карпини [1]. Добравшись съ превеликими трудностями до Сартаха, минориты должны были съ большою грустью убѣдиться, что слухи объ его христіанствѣ преувеличены. Мало того, на другой день послѣ ауденціи у Сартаха, одинъ изъ главнѣйшихъ его вельможъ, Койякъ, сообщилъ Рубруку слѣдующее извѣстіе: «Господинъ король написалъ хорошія слова моему господину, но среди нихъ есть нѣкоторыя неудобоисполнимыя, касательно которыхъ онъ не смѣетъ ничего сдѣлать безъ совѣта своего отца; поэтому вамъ надлежитъ отправиться къ его отцу» (стр. 91). Рубрукъ не могъ не повиноваться и 3-го августа пустился въ новое путешествіе, причемъ отрокъ Николай остался заложникомъ при дворѣ Сартаха. До Батыя добрались они дня черезъ три или четыре, но затѣмъ пять недѣль кочевали вмѣстѣ съ его палатками, причемъ, за недостаткомъ лошадей, имъ приходилось идти пѣшкомъ. Но братьевъ-миноритовъ ждало и нѣчто худшее. Уже послѣ первой аудіенціи у Батыя бывшій проводникъ Рубрука сообщилъ ему: «Господинъ король проситъ, чтобы ты остался въ этой землѣ, а этого Батый не можетъ сдѣлать безъ вѣдома Мангу-хана. Отсюда слѣдуетъ, чтобы ты и твой толмачъ отправились къ Мангу-хану; а твой товарищъ и другой человѣкъ вернутся ко двору Сартаха, ожидая тамъ, пока ты не вернешься» (стр. 99). Послѣ продолжительныхъ переговоровъ минориты могли добиться

[1] Карта эта заимствована изъ англійскаго изданія: The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the World 1253—55, as narrated by himself with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine. Translated from the Latin and Edited with an Introductory Notice, by William Woodville Rockhill. London. M. DCCCC.

только одного, а именно, что отправятся къ Мангу-хану всѣ втроемъ, т. е. Рубрукъ, братъ Варѳоломей и толмачъ. Такимъ образомъ отъ маленькой компаніи отдѣлилось еще одно лицо: клирикъ или причетникъ Госсетъ. И вотъ, около праздника Воздвиженія Креста Господня, къ путникамъ явился одинъ богатый татаринъ и сообщилъ имъ, что долженъ отвезти ихъ къ Мангу-хану, прибавивъ, что «это—путь четырехъ мѣсяцевъ, и что тамъ стоитъ столь сильный холодъ, что отъ него раскалываются камни и деревья» (стр. 100). Разумѣется, съ нашей эгоистической точки зрѣнія мы можемъ только радоваться этому дальнѣйшему движенію Рубрука, такъ какъ оно даетъ интереснѣйшія и географическія, и этнографическія данныя, но за то бѣднымъ монахамъ приходилось во время этого пути совсѣмъ тяжело: «нѣтъ числа нашимъ страданіямъ отъ голода, жажды, холода и усталости», пишетъ Рубрукъ (стр. 102). Поэтому нельзя не удивляться тому, какъ среди этихъ лишеній онъ могъ поддерживать въ себѣ столь сильную научную любознательность и имѣлъ терпѣніе дѣлать разнаго рода помѣтки для составленія подробнаго отчета королю. До Мангу минориты добрались 27-го декабря и такъ измучились за эту дорогу, что при возвращеніи (16 или 17 октября 1254 г.) братъ Варѳоломей уже не могъ отважиться еще разъ на подобный путь зимой и рѣшилъ остаться у Мангу до болѣе благопріятнаго времени. Обратное путешествіе, описанное нѣсколько короче, Рубрукъ совершилъ по иной дорогѣ: на Сарай, Дербентъ, Нахичевань, Эрзерумъ, Кесарію Каппадокійскую, Иконій, Антіохію и Триполи, причемъ заѣзжалъ на Кипръ. Въ Триполи Провинціалъ ордена предписалъ Рубруку избрать своимъ мѣстопребываніемъ монастырь въ Акрѣ, не дозволивъ ему личнаго свиданія съ королемъ Людовикомъ, такъ что путешественникъ долженъ былъ ограничиться лишь однимъ письменнымъ сообщеніемъ о своей поѣздкѣ. И Мангу-ханъ не разрѣшилъ Рубруку остаться въ ихъ землѣ для проповѣди слова Божія. Такимъ образомъ съ религіозной точки зрѣнія огромное путешествіе минорита оказалось совершенно безрезультатнымъ. Тѣмъ успѣшнѣе удалось оно въ научномъ отношеніи. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Рубрукъ тщательно подготовился къ своему странствію. Онъ хорошо вчитался въ главные тогда географическіе источники, Исидора и Солина, особенно въ перваго; кромѣ того, онъ освѣдомлялся, гдѣ только могъ, у жителей о названіяхъ мѣстностей, черезъ которыя проѣзжалъ, и присматривался повсюду къ обычаямъ и вѣрованіямъ, наконецъ, онъ искалъ случая бесѣдовать съ лицами, раньше него бывавшими въ тѣхъ краяхъ. Неудивительно поэтому, что въ своемъ отчетѣ Рубрукъ могъ дать массу новыхъ и важныхъ свѣдѣній. Такъ, ему удалось уста-

новить первому, что Каспійское море не имѣетъ никакого сообщенія съ океаномъ, какъ это полагалъ Исидоръ. Затѣмъ миноритъ сообщилъ много любопытнѣйшихъ подробностей про Китайцевъ и первый изъ западно-европейскихъ писателей отожествилъ ихъ съ Seres, извѣстными уже древнимъ римлянамъ. Столь же важныя свѣдѣнія далъ Рубрукъ и про поклонниковъ Будды; такъ, онъ первымъ изъ европейцевъ говоритъ про ихъ ученіе о воплощеніи, про знаменитую формулу ихъ религіи и т. д. Наконецъ, цѣнны и филологическія наблюденія Рубрука, какъ напр. его замѣчаніе: «у Югуровъ (Уйгуровъ) заключается источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчія» (стр. 110). Для насъ въ частности весьма интересны тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Рубрукъ про одѣянія русскихъ, ихъ монету, вѣрованія, суевѣрія, а главное про ихъ положеніе при дворѣ татаръ, гдѣ они занимались разнаго рода ремеслами.

Конецъ жизни Рубрука не извѣстенъ. Можно думать, что ему удалось еще побывать въ Парижѣ. Именно великій ученый XIII вѣка, Роджеръ Бэконъ, упоминаетъ въ своемъ трактатѣ Opus Majus про бесѣду съ Рубрукомъ въ Парижѣ, а это скорѣе всего могло быть уже послѣ путешествія монаха на востокъ, такъ какъ во время перваго пребыванія Бэкона въ Парижѣ (1250 г.) Рубрукъ былъ уже на востокѣ и въ своемъ описаніи онъ нигдѣ не упоминаетъ про великаго англичанина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Источники и пособія при составленіи настоящаго изданія.

Если мы теперь, обладая богатѣйшей аналогичной литературой, все же читаемъ съ удовольствіемъ описанія путешествій Плано Карпини и Рубрука, то само собой понятно, съ какимъ живѣйшимъ интересомъ читались они ихъ современниками. Плано Карпини говоритъ (стр. 62), что съ его Исторіи снимали копіи, когда онъ не успѣлъ еще добраться до папы. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что оба путешествія дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Такъ кодексы Плано Карпини имѣются въ библіотекахъ Вѣнской (3 копіи), Ватиканской, въ Британскомъ музеѣ, въ Кэмбриджѣ (2 копіи), въ Турнэ, въ Лейденѣ (изъ коллекціи Павла Пето) и въ Парижѣ (изъ собранія знаменитаго министра Кольбера). Рукописи Рубрука хранятся въ библіотекахъ Кэмбриджа (3 копіи), въ Британскомъ музеѣ, въ Лейденѣ и Парижѣ. Всѣ эти списки или современны оригиналамъ, или позже ихъ на столѣтіе. Лучшее латинское изданіе обоихъ текстовъ имѣется въ серіи Recueil de voyages et de mémoires, pu-

blié par la Société de Géographie. Tome quatrième. Paris. M DCCC XXXIX. По этому изданію сдѣланъ и настоящій переводъ. Текстъ Плано Карпини обработанъ былъ извѣстнымъ знатокомъ Востока d'Avezac'омъ, который построилъ свое изданіе на основаніи трехъ кодексовъ: Лейденскаго, Парижскаго и Лондонскаго. Разумѣется, это изданіе, пользовавшееся прежде громкою извѣстностью, не можетъ въ настоящее время совершенно удовлетворить требованіямъ строгой филологической критики. Мы не видимъ, чтобы авторъ сличилъ всѣ рукописи и подвергъ изслѣдованію ихъ взаимное отношеніе. Изданіе Рубрука исполнено въ той же серіи двумя учеными: Michel'емъ и Wright'омъ. Данный ими текстъ совершенно неудовлетворителенъ, потому что издатели вполнѣ произвольно положили въ основу его Кэмбриджскую рукопись XIII вѣка, тогда какъ для всякаго мало-мальски опытнаго читателя очевидно, что другой Кэмбриджскій кодексъ (правда, XIV вѣка) сохранилъ гораздо болѣе вѣрныя чтенія, особенно въ именахъ собственныхъ. Затѣмъ издатели поставили себѣ задачей воспроизвести рукописное чтеніе безъ всякой критики. Этимъ объясняется у нихъ полная непослѣдовательность въ графикѣ, особенно опять таки въ именахъ собственныхъ. По примѣру другихъ переводчиковъ Рубрука, я не счелъ себя въ правѣ отступать здѣсь отъ оригинала, хотя въ указателяхъ старался соблюсти въ этомъ отношеніи возможно строгое единство. Такимъ образомъ, оба автора ждутъ еще своего настоящаго изданія, и эта благодарная задача могла бы быть предпринята нашей Академіей Наукъ, такъ какъ огромное большинство мѣстностей, описанныхъ обоими путешественниками, входитъ нынѣ въ предѣлы Россіи. Конечно, для подобнаго изданія столь же необходимы силы филологовъ и историковъ, какъ и оріенталистовъ. Кромѣ того, я пользовался французскимъ изданіемъ Бержерона, названнымъ выше (въ предисловіи отъ издателя). Бержеронъ перевелъ Плано Карпини съ латинскаго текста упомянутой выше рукописи Павла Пето, а Рубрука онъ взялъ съ англійскаго перевода Перчаса, который принялъ за основу текстъ Кэмбриджской рукописи № 61. По французскому тексту Бержерона былъ сдѣланъ въ концѣ XVIII столѣтія русскій переводъ Плано Карпини: «Любопытнѣйшее путешествіе Монаха Францисканскаго Ордена Жана дю Планъ Карпино, посланнаго въ 1246 году въ достоинствѣ Легата и Посла отъ папы Иннокентія IV къ Татарамъ; Имъ самимъ писанное, и заключающее въ себѣ достовѣрныя извѣстія о тогдашнемъ въ Европѣ и Азіи могуществѣ Татаръ; объ одеждѣ ихъ, пищѣ и питіи; о политическомъ и гражданскомъ правленіи; о образѣ Богопочитанія ихъ; о поведеніяхъ ихъ на войнѣ; объ обрядахъ, наблюдаемыхъ при свадьбахъ и погребеніяхъ, и о многихъ до-

стопамятныхъ происшествіяхъ, касающихся до Россійскихъ Великихъ Князей. Москва, 1800. Въ Университетской Типографіи у Ридигера и Клаудія»[1]. «Предувѣдомленіе Трудившагося въ переводѣ» подписано иниціалами А. М. Изъ Бержерона же въ настоящемъ изданіи взято, для удобства читателя, дѣленіе на главы текста Рубрука, имѣющееся въ латинскомъ оригиналѣ только отчасти. Къ французскому переводу, сдѣланному Бакеромъ и названному выше, я прибѣгалъ весьма рѣдко въ виду его значительныхъ неточностей. За то огромную пользу принесли мнѣ два англійскихъ изданія изъ Гаклюйтовой серіи: 1) упомянутый уже раньше переводъ Рубрука, исполненный Rockhill'емъ, и 2) The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces, edited by C. Raymond Beazley, M. A., F. K. G. S. London, M. DCCCCIII. Эта перепечатка изданія 1598—99 гг. снабжена цѣнными критическими и объяснительными толкованіями. Къ сожалѣнію, текстъ Рубрука приведенъ здѣсь не весь, а только до начала стр. 111 (по настоящему изданію), им. кончая словами: «и между ними»..., такъ какъ Гаклюйтъ положилъ въ основу своего изданія неполную рукопись лорда Лумлея. Изъ этихъ двухъ изданій взяты главнымъ образомъ данныя мною объясненія. Затѣмъ большую услугу оказали мнѣ ученыя изслѣдованія Bretschneider'a: Mediaeval Researches From Eastern Asiatic Sources. Vol. I and II. London 1888. Кромѣ того, благодаря любезности гг. библіотекарей Азіатскаго Музея при Академіи Наукъ, я имѣлъ возможность ползоваться рукописными замѣчаніями Бретшнейдера, сдѣланными имъ на проложенномъ чистыми листами экземплярѣ перевода Бакера. Всѣ эти объясненія отмѣчены мной прибавкой *Бретшнейдеръ.* Нечего и говорить, что при переводѣ Плано Карпини у меня постоянно подъ руками была работа Д. И. Языкова: «Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Плано Карпини. II. Асцелинъ. Спб. 1825». Слѣдуетъ замѣтить однако, что Языковъ, переводившій съ Гаклюйтова текста, произвольно переставилъ главы оригинала, именно онъ помѣстилъ сперва описаніе путешествія Плано Карпини, а потомъ описаніе самихъ Татаръ

[1] Это заглавіе выписано по экземпляру 2-го изданія, принадлежащему библіотекѣ Академіи Наукъ. Первое изданіе этого перевода вышло въ 1795 г. Иниціалы переводчика стояли въ немъ и на обложкѣ. По мнѣнію В. Н. Рогожина (В. С. Сопиковъ, Опытъ россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина, ч. IV. Спб. 1905, стр. 159), это былъ Алексѣй Малиновскій.—Здѣсь же замѣчу, что цитуемое во многихъ энциклопедіяхъ, какъ послѣднее слово науки, французское изданіе Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guil. de Rubruquis, envoyé de Saint Louis, et Marco Polo, marchand Vénitien. Paris 1888, есть только перепечатка перевода Бержерона.

и земли ихъ. Затѣмъ этотъ ученый вставилъ въ свой переводъ имѣющіеся въ XXX книгѣ Speculum historiale Винцентія Бовезскаго разсказы доминиканца Симона Сенъ-Кентенскаго, путешествовавшаго вмѣстѣ съ Асцелиномъ къ Татарамъ, по порученію папы Иннокентія IV. Такимъ образомъ настоящее изданіе является первымъ русскимъ переводомъ Плано Карпини, сдѣланнымъ непосредственно съ латинскаго и передающимъ текстъ путешественника безъ всякихъ постороннихъ прибавокъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ изложенія оригинала. Въ предисловіи къ своему труду (стр. X) Д. И. Языковъ говорилъ, что намѣревается издать еще 9 авторовъ и въ томъ числѣ на первомъ планѣ Рубруквиса. Это изданіе не появилось въ печати, но сохранился рукописный переводъ всѣхъ означенныхъ писателей. Эти рукописи Языкова принадлежатъ въ настоящее время Н. Е. Макаренко, который въ высшей степени любезно предоставилъ въ мое пользованіе переводъ Рубрука, сдѣланный Языковымъ съ французскаго текста Бержерона. Къ переводу прибавлены краткія объяснительныя примѣчанія, большею частью неоригинальныя. Кромѣ того, свободный пересказъ части путешествія Рубрука былъ помѣщенъ въ «Журналѣ для дѣтей», 1861, №№ 39—42, подъ заглавіемъ: «Изъ путешествія Рубруквиса. Отъ Крыма до Волги». Остальныя пособія, бывшія у меня подъ руками, указаны въ примѣчаніяхъ. Не будучи оріенталистомъ, я долженъ просить великодушнаго прощенія за свои неизбѣжные промахи въ библіографіи относящейся къ данному предмету научной литературы, а особенно въ транскрипціи именъ собственныхъ, гдѣ главной опорой мнѣ служили Rockhill и Beazley. Подобно своимъ предшествующимъ аналогичнымъ работамъ, при переводѣ я старался возможно ближе держаться подлинника, но при передачѣ текста Рубрука это удавалось далеко не всегда. Составленіе указателей къ настоящему переводу, въ силу неизмѣнной любезности, принялъ на себя Ѳ. А. Виноградовъ, за что приношу ему сердечную признательность. Искренно благодаренъ я также проф. Н. И. Веселовскому и С. Н. Шубинскому, сдѣлавшимъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній.

ИСТОРІЯ МОНГАЛОВЪ

ІОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ.

ІОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ,

АРХІЕПИСКОПА АНТИВАРІЙСКАГО,

ИСТОРІЯ МОНГАЛОВЪ,

ИМЕНУЕМЫХЪ НАМИ ТАТАРАМИ.

Начинается исторія Монгаловъ, именуемыхъ нами Татарами.

Всѣмъ, вѣрнымъ Христовому ученію, до коихъ можетъ дойти настоящее писаніе, Іоаннъ де Плано Карпини, братъ ордена миноритовъ, легатъ апостольскаго Престола, посланецъ къ Татарамъ и инымъ народамъ востока, [желаетъ] милости Божіей въ настоящемъ, славы въ будущемъ и торжествующей побѣды надъ врагами Бога и Господа нашего Іисуса Христа.

Кончается привѣтствіе, начинается введеніе.

I. Когда направлялись мы, по порученію апостольскаго Престола, къ Татарамъ и къ инымъ народамъ востока и знали волю [на то] Господина Папы и досточтимыхъ кардиналовъ, мы прежде избрали путешествіе къ Татарамъ. Именно мы опасались, что отъ нихъ вскорѣ будетъ грозить опасность Церкви Божіей. И хотя мы опасались, что Татары или другіе народы могутъ насъ убить или подвергнуть вѣчному плѣненію, или голоду, жаждѣ, холоду, зною, чрезмѣрнымъ поношеніямъ и трудамъ и, такъ сказать, мучить сверхъ силъ (все это, за исключеніемъ смерти или вѣчнаго плѣненія, и случилось съ нами многократно въ гораздо большей степени, чѣмъ мы могли представить себѣ раньше), однако мы не щадили себя самихъ, чтобы имѣть возможность исполнить волю Божію согласно порученію Господина Папы и чтобы принести чѣмъ нибудь пользу христіанамъ или, по крайней мѣрѣ, узнавъ ихъ истинное желаніе и намѣреніе, имѣть возможность открыть это христіанамъ, дабы Татары своимъ случайнымъ и внезапнымъ вторженіемъ не застигли ихъ врасплохъ, какъ это и случилось

однажды по грѣхамъ людскимъ, и не произвели большого кровопролитія среди христіанскаго народа.

II. Поэтому, всему тому, что мы пишемъ вамъ для вашей пользы и предосторожности, вы должны вѣрить тѣмъ безопаснѣе, что мы или сами видѣли все своими глазами, странствуя одинаково у нихъ и вмѣстѣ съ ними слишкомъ годъ и четыре мѣсяца или пробывъ въ ихъ средѣ, или услышавъ отъ христіанъ, находящихся въ плѣну среди нихъ и, какъ мы увѣрены, достойныхъ довѣрія. Вѣдь мы имѣли порученіе отъ верховнаго первосвященника, чтобы обслѣдовать все въ совокупности и тщательно осмотрѣть каждую подробность. Это и выполнено со тщаніемъ какъ нами, такъ и принадлежащимъ къ тому же ордену братомъ Бенедиктомъ, который былъ участникомъ нашихъ бѣдствій и толмачемъ.

III. Но если мы къ свѣдѣнію читателей пишемъ нѣчто такое, что неизвѣстно въ вашихъ странахъ, то вы не должны ради этого именовать лживыми насъ, излагающихъ вамъ то, что мы сами видѣли или слышали за вѣрное отъ другихъ, кого признаемъ достойными довѣрія. Наоборотъ, это очень жестоко, если человѣка за добро, которое онъ дѣлаетъ, другіе подвергаютъ позору.

[Распредѣленіе книги по главамъ].

Итакъ, желая написать про дѣянія Татаръ, мы опишемъ ихъ, чтобы читатели могли легче разобраться, по главамъ слѣдующимъ образомъ: въ первой разскажемъ объ ихъ землѣ, во второй—о людяхъ, въ третьей—объ обычаяхъ, въ четвертой—о нравахъ, въ пятой—о державѣ ихъ, въ шестой—о войнахъ, въ седьмой—о странахъ, подчиненныхъ ими своей власти, въ восьмой—о томъ, какъ надлежитъ съ ними встрѣтиться на войнѣ, въ послѣдней—о пути, который мы совершили, о дворѣ Императора и свидѣтеляхъ, которые нашли насъ въ странѣ Татаръ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

О положеніи земли Татаръ, ея качествѣ и распредѣленіи въ ней воздуха.

О землѣ мы предположили разсуждать слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ мы скажемъ объ ея положеніи, во-вторыхъ—о качествѣ, въ-третьихъ—о распредѣленіи въ ней воздуха.

§ I. О положеніи земли.

Итакъ, вышеназванная земля расположена въ той части востока, въ которой, какъ мы полагаемъ, востокъ соединяется съ сѣверомъ. Къ востоку же отъ нихъ расположена земля Китайцевъ, а также Солонговъ, къ югу земля Саррациновъ, къ юго-западу расположена земля Гуировъ, съ запада область Наймановъ; съ сѣвера земля Татаръ окружена моремъ океаномъ. Въ одной своей части она чрезмѣрно гориста, въ другой представляетъ равнину, но почти вся она смѣшана съ хрящемъ, рѣдко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качествѣ земли.

Въ одной части земли находятся нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, другая же часть совершенно безлѣсна, пищу же себѣ варятъ и сидятъ [для тепла] какъ императоръ, такъ вельможи и всѣ другіе люди при огнѣ, разведенномъ изъ бычачьяго и конскаго навоза. Далѣе даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не можетъ даже приносить плода, если не орошается рѣчными водами. Но водъ и ручьевъ тамъ немного, а рѣки очень рѣдки, откуда тамъ нѣтъ селеній, а также и какихъ нибудь городовъ за исключеніемъ одного, который слыветъ довольно хорошимъ и называется Каракаронъ, но мы его не видѣли, а были почти за полдня пути до него, когда находились въ Сыръ-ордѣ, каковая является главнымъ дворомъ ихъ императора. И хотя въ другихъ отношеніяхъ земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведенія скота.

§ III. О распредѣленіи воздуха.

Воздухъ въ этой землѣ распредѣленъ удивительно. Именно среди лѣта, когда въ другихъ странахъ обычно бываетъ въ изобиліи наивысшая теплота, тамъ бываютъ сильные громы и молніи, которые убиваютъ очень многихъ людей. Въ то же время тамъ падаютъ также въ изобиліи снѣга. Бываютъ тамъ также столь сильныя бури съ весьма холодными вѣтрами, что иногда люди едва съ затрудненіемъ могутъ ѣздить верхомъ. Отсюда, когда мы были въ Ордѣ (такъ называются у нихъ становища Императора и вельможъ), то отъ силы вѣтра лежали распростертые на землѣ и вслѣдствіе обилія пыли отнюдь не могли смотрѣть. Въ этой землѣ также зимою никогда не бываетъ дождя, а лѣтомъ идетъ онъ часто и такъ мало, что едва можетъ иногда смочить пыль и корни травъ. Падаетъ тамъ также часто очень крупный градъ. Отсюда въ то время, когда былъ избранъ Императоръ и долженъ былъ возсѣсть на царскомъ престолѣ, въ бытность нашу при дворѣ, выпалъ столь сильный градъ, что, когда онъ внезапно растаялъ, какъ мы узнали вполнѣ достовѣрно, болѣе 160 человѣкъ утонуло тамъ же при дворѣ, а имущества и жилищъ была снесено еще больше. Тамъ бываетъ также лѣтомъ внезапно сильный зной и неожиданно страшнѣйшій холодъ. Зимою же въ одной части выпадаютъ сильнѣйшіе снѣга, а въ другой неглубокіе.

И, чтобы сдѣлать краткое заключеніе объ этой землѣ, она велика, но въ другихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли собственными глазами (такъ какъ странствовали по ней, ѣздя кругомъ, пять мѣсяцевъ съ половиной), гораздо хуже, чѣмъ мы могли бы высказать.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

О внѣшнемъ видѣ лицъ, о супружествѣ, одѣяніи, жилищахъ и имуществѣ ихъ.

Сказавъ о землѣ, надлежитъ сказать о людяхъ: во-первыхъ мы опишемъ внѣшній видъ ихъ лицъ, во-вторыхъ изложимъ объ ихъ супружествѣ, въ-третьихъ—объ одѣяніи, въ-четвертыхъ—о жилищахъ и въ-пятыхъ—объ ихъ имуществѣ.

§ I. О внѣшнемъ видѣ лицъ.

Внѣшній видъ лицъ отличается отъ всѣхъ другихъ людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чѣмъ у другихъ людей, щеки же очень выдаются отъ скулъ; носъ у нихъ плоскій и небольшой; глаза маленькіе,

и рѣсницы приподняты до бровей. Въ поясѣ они въ общемъ тонки за исключеніемъ нѣкоторыхъ и притомъ немногихъ, росту почти всѣ невысокаго. Борода у всѣхъ почти выростаетъ очень маленькая, все же у нѣкоторыхъ на верхней губѣ и на бородѣ есть небольшіе волоса, которыхъ они отнюдь не стригутъ. На маковкѣ головы они имѣютъ гуменце на подобіе клириковъ, и всѣ вообще бреютъ [голову] на три пальца ширины отъ одного уха до другого; эти выбритыя мѣста соединяются съ вышеупомянутымъ гуменцемъ; надо лбомъ равнымъ образомъ также всѣ бреютъ на два пальца ширины; тѣ же волосы, которые находятся между гуменцемъ и вышеупомянутымъ бритымъ мѣстомъ, они оставляютъ рости вплоть до бровей, а съ той и другой стороны лба оставляютъ длинные волосы, обстригая ихъ болѣе, чѣмъ на половину; остальнымъ же волосамъ даютъ рости, какъ женщины. Изъ этихъ волосъ они составляютъ двѣ косы и завязываютъ каждую за ухомъ. Ноги у нихъ также небольшія.

§ II. *Объ ихъ супружествѣ.*

Женъ же каждый имѣетъ столько, сколько можетъ содержать: иной сто, иной пятьдесятъ, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могутъ сочетаться бракомъ со всѣми вообще родственницами, за исключеніемъ матери, дочери и сестры отъ той же матери. На сестрахъ же только по отцу, а также на женахъ отца послѣ его смерти они могутъ жениться. А на женѣ брата другой братъ младшій послѣ смерти перваго или иной младшій изъ родства обязанъ даже жениться. Всѣхъ остальныхъ женщинъ они берутъ въ жены безъ всякаго различія и покупаютъ ихъ у ихъ родителей очень дорого. По смерти мужей жены не легко вступаютъ во второй бракъ, развѣ только кто пожелаетъ взять въ жены свою мачиху.

§ III. *Объ ихъ одѣяніи.*

Одѣяніе же какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ сшито одинаковымъ образомъ. Они не имѣютъ ни плащей, ни шапокъ, ни шляпъ, ни шубъ. Кафтаны же носятъ изъ букарана, пурпура или балдакина, сшитые слѣдующимъ образомъ. Сверху до низу они разрѣзаны и на груди запахиваются; съ лѣваго же боку они застегиваются одной, а на правомъ тремя пряжками, и на лѣвомъ также боку разрѣзаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются такимъ же образомъ, но верхній полушубокъ имѣетъ волосы снаружи, а сзади онъ открытъ, но у него есть одинъ хвостикъ, висящій назадъ до колѣнъ. Замужнія же женщины носятъ одинъ кафтанъ очень широкій и разрѣзанный спереди до земли. На

головѣ же онѣ носятъ нѣчто круглое, сдѣланное изъ прутьевъ или изъ коры, длиною въ одинъ локоть и заканчивающееся на верху четырехугольникомъ, и съ низу до верху этотъ [уборъ] все увеличивается въ ширину, а на верху имѣетъ одинъ длинный и тонкій прутикъ изъ золота, серебра или дерева или даже перо; и этотъ [уборъ] нашитъ на шапочку, которая простирается до плечъ. И какъ шапочка, такъ и вышеупомянутый уборъ покрыты букараномъ или пурпуромъ, или балдакиномъ. Безъ этого убора онѣ никогда не появляются на глаза людямъ, и по нему узнаютъ ихъ другія женщины. Дѣвушекъ же и молодыхъ женщинъ съ большимъ трудомъ можно отличить отъ мущинъ, такъ какъ онѣ одѣваются во всемъ такъ, какъ мущины. Шапочки у нихъ иныя, чѣмъ у другихъ народовъ; описать понятно ихъ видъ мы безсильны.

Типы Татаръ.

§ IV. *Объ ихъ жилищахъ.*

Ставки у нихъ круглыя, изготовленныя на подобіе палатки и сдѣланныя изъ прутьевъ и тонкихъ палокъ. На верху же въ серединѣ ставки имѣется круглое окно, откуда попадаетъ свѣтъ, а также для выхода дыма, потому что въ серединѣ у нихъ всегда разведенъ огонь. Стѣны же и крыши покрыты войлокомъ, двери сдѣланы также изъ войлока. Нѣкоторыя ставки велики,

а нѣкоторыя небольшія, сообразно достоинству и скудости людей. Нѣкоторыя быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючныхъ животныхъ, другія не могутъ разбираться, но перевозятся на повозкахъ. Для меньшихъ при перевезеніи на повозкѣ достаточно одного быка, для большихъ—три, четыре или даже больше, сообразно съ величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или въ другое мѣсто, они всегда перевозятъ ихъ съ собой.

§ V. Объ ихъ имуществѣ.

Они очень богаты скотомъ: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючнаго скота у нихъ такое огромное количество, какого, по нашему мнѣнію, нѣтъ и въ цѣломъ мірѣ; свиней и иныхъ животныхъ нѣтъ вовсе.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

О Богопочитаніи, о томъ, что они признаютъ грѣхами, о гаданіяхъ и очищеніяхъ и погребальномъ обрядѣ.

Сказавъ о людяхъ, слѣдуетъ изложить объ обрядности; о ней мы будемъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: сперва скажемъ о Богопочитаніи, во-вторыхъ—о томъ, что они признаютъ грѣхами, въ-третьихъ—о гаданіяхъ и очищеніяхъ грѣховъ, въ-четвертыхъ—о погребальномъ обрядѣ.

§ I. О Богопочитаніи Татаръ.

I. Они вѣруютъ въ единаго Бога, котораго признаютъ творцомъ всего видимаго и невидимаго, а также и признаютъ его творцомъ какъ блаженства въ этомъ мірѣ, такъ и мученій, однако они не чтутъ его молитвами или похвалами, или какимъ либо обрядомъ. Тѣмъ не менѣе у нихъ есть какіе-то идолы изъ войлока, сдѣланные по образу человѣческому, и они ставятъ ихъ съ обѣихъ сторонъ двери ставки и вкладываютъ въ нихъ нѣчто изъ войлока, сдѣланное на подобіе сосцовъ, и признаютъ ихъ за охранителей стадъ, дарующихъ имъ обиліе молока и приплода скота. Другихъ же идоловъ они дѣлаютъ изъ шелковыхъ тканей и очень чтутъ ихъ. Нѣкоторые ставятъ ихъ на прекрасной закрытой повозкѣ предъ входомъ въ ставку, и всякаго, кто украдетъ что-нибудь съ этой повозки, они убиваютъ безъ всякаго сожалѣнія. А когда они хотятъ дѣлать этихъ идоловъ, то собираются вмѣстѣ всѣ пожилыя хозяйки, которыя находятся въ тѣхъ ставкахъ, и съ благоговѣніемъ дѣлаютъ ихъ, а когда сдѣлаютъ, то убиваютъ овцу, ѣдятъ ее и сжигаютъ огнемъ ея кости. И когда также боленъ какой-нибудь отрокъ, то они дѣлаютъ идола вышесказаннымъ

способомъ и привязываютъ его надъ ложемъ. Вожди, тысячники и сотники всегда имѣютъ козла въ серединѣ ставки. Вышеупомянутымъ идоламъ они приносятъ прежде всего молоко всякаго скота и обыкновеннаго, и вьючнаго. И всякій разъ, какъ они приступаютъ къ ѣдѣ или питью, они прежде всего приносятъ имъ часть отъ кушаній и питья. И всякій разъ, какъ они убиваютъ какого-нибудь звѣря, они приносятъ на какомъ-нибудь блюдѣ сердце идолу, который находится на повозкѣ, и оставляютъ до утра, а тогда уносятъ сердце съ его вида, варятъ и ѣдятъ.

II. Прежде всего также они дѣлаютъ идолъ для императора и съ почетомъ ставятъ его на повозкѣ передъ ставкой, какъ мы видѣли при дворѣ настоящаго императора, и приносятъ ему много даровъ. Посвящаютъ ему также лошадей, на которыхъ никто не дерзаетъ садиться до самой ихъ смерти. Посвящаютъ ему также и иныхъ животныхъ, и если убиваютъ ихъ для ѣды, то не сокрушаютъ у нихъ ни единой кости, а сожигаютъ огнемъ. Въ полдень также они покланяются ему, какъ Богу, и заставляютъ поклоняться нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, которыя имъ подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который былъ однимъ изъ великихъ князей Русскихъ, когда онъ отправился на поклонъ къ Батыю, они заставили раньше пройти между двухъ огней; послѣ они сказали ему, чтобы онъ поклонился на полдень Чингисъ-хану. Тотъ отвѣтилъ, что охотно поклонится Батыю и даже его рабамъ, но не поклонится изображенію мертваго человѣка, такъ какъ христіанамъ этого дѣлать не подобаетъ. И, послѣ неоднократнаго указанія ему поклониться и его нежеланія, вышеупомянутый князь передалъ ему черезъ сына Ярослава, что онъ будетъ убитъ, если не поклонится. Тотъ отвѣтилъ, что лучше желаетъ умереть, чѣмъ сдѣлать то, чего не подобаетъ. И Батый послалъ одного тѣлохранителя, который билъ его пяткой въ животъ противъ сердца такъ долго, пока тотъ не скончался. Тогда одинъ изъ его воиновъ, который стоялъ тутъ же, ободрялъ его, говоря: «Будь твердъ, такъ какъ эта мука не долго для тебя продолжится, и тотчасъ воспослѣдуетъ вѣчное веселіе». Послѣ этого ему отрѣзали голову ножомъ, и у вышеупомянутаго воина голова была также отнята ножомъ.

III. Сверхъ того они набожно поклоняются солнцу, лунѣ и огню, а также водѣ и землѣ, посвящая имъ начатки пищи и питія и преимущественно утромъ, раньше чѣмъ станутъ ѣсть или пить. И такъ какъ они не соблюдаютъ никакого закона о Богопочитаніи, то никого еще, насколько мы знаемъ, не заставили отказаться отъ своей вѣры или закона, за исключеніемъ Михаила, о которомъ сказано выше. Что они станутъ дѣлать дальше, не знаемъ; нѣкоторые однако предполагаютъ,

что если Татары получатъ единовластіе,—да отвратитъ это Богъ,—то они заставятъ всѣхъ поклоняться этому идолу. Случилось также въ недавнюю бытность нашу въ ихъ землѣ, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится въ Руссіи, былъ обвиненъ предъ Батыемъ въ томъ, что уводилъ лошадей Татаръ изъ земли и продавалъ ихъ въ другое мѣсто; и хотя этого не было доказано, онъ всетаки былъ убитъ. Услышавъ это, младшій братъ его прибылъ съ женою убитаго къ вышеупомянутому князю Батыю съ намѣреніемъ упросить его не отнимать у нихъ земли. Батый сказалъ отроку, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены жену вышеупомянутаго родного брата своего, а женщинѣ приказалъ поять его въ мужья согласно обычаю Татаръ. Тотъ сказалъ въ отвѣтъ, что лучше желаетъ быть убитымъ, чѣмъ поступить вопреки закону. А Батый тѣмъ не менѣе передалъ ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и ихъ обоихъ повели на ложе, и плачущаго и кричащаго отрока положили на нее и принудили ихъ одинаково совокупиться сочетаніемъ не условнымъ, а полнымъ.

§ II. *О томъ, что они признаютъ грѣхами.*

Хотя у нихъ нѣтъ никакого закона о справедливыхъ дѣяніяхъ или предостереженіи отъ грѣха, тѣмъ не менѣе все же они имѣютъ нѣкоторыя преданія о томъ, что называютъ грѣхами, измышленныя или ими самими, или ихъ предшественниками. Одно состоитъ въ томъ, чтобы вонзать ножъ въ огонь, или также какимъ бы то ни было образомъ касаться огня ножомъ, или извлекать ножомъ мясо изъ котла, также рубить топоромъ возлѣ огня, ибо они вѣруютъ, что такимъ образомъ должна быть отнята голова у огня; точно также опираться на плеть, которой погоняютъ коня (они вѣдь не носятъ шпоръ), точно также касаться стрѣлъ бичомъ, точно также ловить или убивать молодыхъ птицъ, ударять лошадь уздою, точно также ломать кость о другую кость, точно также проливать на землю молоко или другой какой напитокъ, или пищу, мочиться въ ставкѣ; но, если кто это сдѣлаетъ добровольно, его убиваютъ, если же иначе, то имъ должно заплатить много денегъ колдуну, чтобы онъ очистилъ ихъ и заставилъ также и ставку, и то, что въ ней находится, пройти между двухъ огней, а, раньше чѣмъ она будетъ такъ очищена, никто не дерзаетъ войти въ нее и унести изъ нея что нибудь. Точно также если кому положатъ въ ротъ кусочекъ, и онъ не можетъ проглотить его и выброситъ его изо рта, то подъ ставкой дѣлаютъ отверстіе, вытаскиваютъ его черезъ это отверстіе и безъ всякаго сожалѣнія убиваютъ; точно также, если кто наступаетъ на порогъ ставки какого нибудь вождя, то его умерщвляютъ точно такимъ же обра-

зомъ. И у нихъ есть много подобнаго этому, о чемъ было бы слишкомъ долго разсказывать. А убивать людей, нападать на земли другихъ, захватывать имущество другихъ всякимъ несправедливымъ способомъ, предаваться блуду, обижать другихъ людей, поступать вопреки запрещеніямъ и заповѣдямъ Божіимъ отнюдь не считается у нихъ грѣховнымъ. Они ничего не знаютъ о вѣчной жизни и вѣчномъ осужденіи; вѣруютъ однако, что послѣ смерти станутъ жить въ иномъ мірѣ, будутъ умножать свои стада, ѣсть, пить и дѣлать другое, что дѣлаютъ люди, живущіе въ этомъ мірѣ.

§ III. О гаданіяхъ и очищеніяхъ грѣховъ.

I. Они усиленно предаются гаданіямъ вообще, а также по полету птицъ и внутренностямъ животныхъ, чародѣйствамъ и волшебствамъ. И, когда имъ отвѣчаютъ демоны, они вѣруютъ, что это говоритъ имъ самъ Богъ. Этого Бога они называютъ Итога, а Команы именуютъ его Камъ; они удивительно боятся и чтутъ его и приносятъ ему много даровъ и начатки пищи и питья, и дѣлаютъ все согласно его отвѣтамъ. Все то, что они желаютъ дѣлать новаго, они начинаютъ въ началѣ луны или въ полнолуніе, откуда именуютъ ее великимъ императоромъ, преклоняютъ предъ ней колѣна и молятся. Солнце они называютъ также матерью луны, потому что она получаетъ свѣтъ отъ солнца.

II. И, говоря кратко, они вѣруютъ, что огнемъ все очищается, отсюда когда къ нимъ приходятъ послы или вельможи или какія бы то ни было лица, то и имъ самимъ, и приносимымъ ими дарамъ надлежитъ пройти между двухъ огней, чтобы подвергнуться очищенію, дабы они не устроили какого нибудь отравленія и не принесли яду или какого нибудь зла. Точно также если огонь упадетъ съ неба на стада или на людей, что тамъ часто случается, или если съ ними случится что нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливыми, то имъ равнымъ образомъ надлежитъ подвергнуться очищенію при посредствѣ колдуновъ; и, такъ сказать, всю свою надежду они возложили на подобныхъ лицъ.

III. Когда кто нибудь изъ нихъ смертельно заболѣетъ, то на ставкѣ его выставляютъ копье и его обвиваютъ вокругъ чернымъ войлокомъ; и съ того времени никто чужой не смѣетъ вступить въ предѣлы его ставокъ; и когда у больного начнется агонія, то почти всѣ удаляются отъ него, потому что никто изъ присутствующихъ при его смерти не можетъ входить въ орду какого нибудь князя или императора до новой луны. Когда же онъ умретъ, то, если онъ изъ знатныхъ лицъ, его хоронятъ тайно въ полѣ, гдѣ имъ будетъ угодно; хоронятъ же съ его ставкой,

именно сидящаго по срединѣ ея, и передъ нимъ ставятъ столъ и корыто, полное мяса, и чашу съ кобыльимъ молокомъ; и вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ кобылу съ жеребенкомъ и коня съ уздечкой и сѣдломъ, а другого коня съѣдаютъ и набиваютъ кожу соломой и ставятъ ее повыше на двухъ или четырехъ деревяшкахъ, чтобы у него была въ другомъ мірѣ ставка, гдѣ жить, кобыла, чтобы получать отъ нея молоко и даже имѣть возможность умножать себѣ коней, и кони, на коихъ онъ могъ бы ѣздить, а кости того коня, котораго они съѣдаютъ за упокой его души, они сожигаютъ. И часто также женщины собираются для сожженія костей за упокой душъ людей, какъ это мы видѣли собственными глазами и узнали тамъ же отъ другихъ. Мы видѣли также, что Оккодай-ханъ, отецъ нынѣшняго императора, посадилъ кустъ за упокой своей души, вслѣдствіе этого онъ предписалъ, чтобы никто тамъ ничего не срѣзалъ; если же кто срѣзалъ какой нибудь прутъ, то, какъ мы сами видѣли, подвергался бичеванію, снятію одежды и злымъ побоямъ. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смѣли срѣзать ни одного прута. Золото и серебро они хоронятъ такимъ же образомъ вмѣстѣ съ нимъ. Повозку, на которой везутъ его, ломаютъ, а ставку его разрушаютъ, и никто вплоть до третьяго поколѣнія не дерзаетъ называть умершаго его собственнымъ именемъ.

§ IV. *О погребальномъ обрядѣ.*

I. Иной также способъ существуетъ для погребенія нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Они идутъ тайкомъ въ поле, удаляютъ тамъ траву съ корнемъ и дѣлаютъ большую яму и съ боку этой ямы дѣлаютъ яму подъ землею, и кладутъ подъ покойника того раба, который считается его любимцемъ. Рабъ лежитъ подъ нимъ такъ долго, что начинаетъ какъ бы впадать въ агонію, а затѣмъ его вытаскиваютъ, чтобы онъ могъ вздохнуть, и такъ поступаютъ трижды; и если онъ уцѣлѣетъ, то впослѣдствіи становится свободнымъ, дѣлаетъ все, что ему будетъ угодно, и считается великимъ въ ставкѣ и въ средѣ родственниковъ усопшаго. Мертваго же кладутъ въ яму, которая сдѣлана съ боку, вмѣстѣ съ тѣми вещами, о которыхъ сказано выше, затѣмъ зарываютъ яму, которая находится передъ его ямой, и сверху кладутъ траву, какъ было раньше, съ тою цѣлью, чтобы впредь нельзя было найти это мѣсто Въ остальномъ они поступаютъ такъ, какъ о томъ сказано выше, но наружную его палатку оставляютъ на полѣ. Въ ихъ землѣ существуютъ два кладбища. Одно, на которомъ хоронятъ императоровъ, князей и всѣхъ вельможъ, и, гдѣ бы они не умерли, ихъ переносятъ туда, если это можно удобно сдѣлать; а

вмѣстѣ съ ними хоронятъ много золота и серебра. Другое—то, на которомъ похоронены тѣ, кто былъ убитъ въ Венгріи, ибо тамъ были умерщвлены многіе. Къ этимъ кладбищамъ не дерзаетъ подойти никто, кромѣ сторожей, которые приставлены тамъ для охраны, а если кто подойдетъ, то его хватаютъ, обнажаютъ, бичуютъ и подвергаютъ очень злымъ побоямъ. Поэтому мы сами по невѣдѣнію вошли въ предѣлы кладбища тѣхъ, кто былъ убитъ въ Венгріи, и сторожа пошли на насъ, желая перестрѣлять, но такъ какъ мы были послами и не знали обычая страны, то они дали намъ уйти безпрепятственно.

II. Родственниковъ же [усопшаго] и всѣхъ тѣхъ, кто пребываетъ въ его ставкахъ, надлежитъ очистить огнемъ; это очищеніе дѣлается слѣдующимъ образомъ. Устраиваютъ два огня и рядомъ съ огнями ставятъ два копья съ веревкой на верхушкѣ копій, и надъ этой веревкой привязываютъ какіе-то обрѣзки изъ букарана; подъ этой веревкой и привязками между упомянутыхъ двухъ огней проходятъ люди, животныя и ставки. И присутствуютъ двѣ женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающія воду и читающія какія-то заклинанія; и если тамъ сломаются какія нибудь повозки или даже тамъ упадутъ какія нибудь вещи, это получаютъ колдуны. И если кого нибудь убьетъ громомъ, то всѣмъ людямъ, которые пребываютъ въ тѣхъ ставкахъ, надлежитъ пройти вышесказаннымъ способомъ чрезъ огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у нихъ будетъ тому подобнаго, не подлежатъ чьему либо прикосновенію, но отвергаются всѣми, какъ нечистое.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

О нравахъ Татаръ хорошихъ и дурныхъ, ихъ пищѣ и обычаяхъ.

Сказавъ объ обрядѣ, надлежитъ сказать о нравахъ; о нихъ будемъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: сперва скажемъ о хорошихъ, во-вторыхъ—о дурныхъ, въ-третьихъ—о пищѣ, въ-четвертыхъ—объ обычаяхъ.

§ I. О хорошихъ нравахъ Татаръ.

Вышеупомянутые люди, то есть Татары, болѣе повинуются своимъ владыкамъ, чѣмъ какіе бы то ни было люди, живущіе въ семъ мірѣ или духовные, или свѣтскіе, болѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и не легко лгутъ предъ ними. Словопренія между ними бываютъ рѣдко или никогда, драки же никогда; войнъ, ссоръ, ранъ, человѣкоубійства между ними не бываетъ никогда. Тамъ не обрѣтается также разбойниковъ и воровъ важныхъ пред-

метовъ; отсюда ихъ ставки и повозки, гдѣ они хранятъ свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой нибудь скотъ, то всякій, кто найдетъ его, или просто отпускаетъ его или ведетъ къ тѣмъ людямъ, которые для того приставлены; люди же, которымъ принадлежитъ этотъ скотъ, отыскиваютъ его у вышеупомянутыхъ лицъ и безъ всякаго труда получаютъ его обратно. Одинъ достаточно чтитъ другого, и всѣ они достаточно дружны между собою; и хотя у нихъ мало пищи, однако они вполнѣ охотно дѣлятся ею между собою. И они также довольно выносливы; поэтому, голодая одинъ день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражаютъ какого нибудь нетерпѣнія, но поютъ и играютъ, какъ будто хорошо поѣли. Во время верховой ѣзды они сносятъ великую стужу, иногда также терпятъ и чрезмѣрный зной. И это люди не изнѣженные. Взаимной зависти, кажется, у нихъ нѣтъ; среди нихъ нѣтъ почти никакихъ тяжебныхъ ссоръ; никто не презираетъ другого, но помогаетъ и поддерживаетъ, насколько можетъ по средствамъ. Женщины ихъ цѣломудренны, и о безстыдствѣ ихъ ничего среди нихъ не слышно; однако нѣкоторыя изъ нихъ въ шутку произносятъ достаточно позорныхъ и безстыдныхъ словъ. Раздоры между ними возникаютъ или рѣдко, или никогда, и хотя они доходятъ до сильнаго опьяненія, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступаютъ въ словопренія или драки.

§ II. *О дурныхъ нравахъ ихъ.*

Описавъ ихъ хорошіе нравы, слѣдуетъ изложить теперь о дурныхъ. Они весьма горды по сравненію съ другими людьми и всѣхъ презираютъ, мало того, считаютъ ихъ, такъ сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видѣли при дворѣ Императора, какъ знатный мужъ Ярославъ, великій князь Руссіи, а также сынъ царя и царицы Грузинской, и много великихъ султановъ, а также князь Соланговъ не получали среди нихъ никакого должнаго почета, но приставленные къ нимъ Татары, какого бы то низкаго званія они ни были, шли впереди ихъ и занимали всегда первое и главное мѣсто, а наоборотъ часто тѣмъ надлежало сидѣть сзади зада ихъ. По сравненію съ другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительнаго нрава. И также они гораздо болѣе лживы, чѣмъ другіе люди, и въ нихъ не обрѣтается никакой почти правды; въ началѣ, правда, они льстивы, а подъ конецъ жалятъ, какъ скорпіонъ. Они коварны и обманщики и, если могутъ, обходятъ всѣхъ хитростью. Это— грязные люди, когда они принимаютъ пищу и питье и въ другихъ дѣлахъ своихъ. Все зло, какое они хотятъ сдѣлать другимъ людямъ, они

удивительнымъ образомъ скрываютъ, чтобы тѣ не могли позаботиться о себѣ или найти средство противъ ихъ хитростей. Пьянство у нихъ считается почетнымъ, и, когда кто много выпьетъ, тамъ же извергаетъ обратно, но изъ за этого не оставляетъ выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что нибудь, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма крѣпко удерживаютъ все свое и очень скупые дарители. Убійство другихъ людей считается у нихъ ни за что. И, говоря кратко, всѣ дурные нравы ихъ по своей пространности не могутъ быть изображены въ описаніи.

§ III. Объ ихъ пищѣ.

I. Ихъ пищу составляетъ все, что можно разжевать, именно они ѣдятъ собакъ, волковъ, лисицъ и лошадей, а въ случаѣ нужды вкушаютъ и человѣческое мясо. Отсюда, когда они воевали противъ одного Китайскаго города, гдѣ пребывалъ ихъ Императоръ, и осаждали его такъ долго, что у самихъ Татаръ вышли всѣ съѣстные припасы, то, такъ какъ у нихъ не было вовсе, что ѣсть, они брали тогда для ѣды одного изъ десяти человѣкъ. Они ѣдятъ также очищенія, выходящія изъ кобылъ вмѣстѣ съ жеребятами. Мало того, мы видѣли даже, какъ они ѣли вшей, именно они говорили: «Неужели я не долженъ ѣсть ихъ, если онѣ ѣдятъ мясо моего сына и пьютъ его кровь?» Мы видѣли также, какъ они ѣли мышей. Скатертей и салфетокъ у нихъ нѣтъ. Хлѣба у нихъ нѣтъ, равно какъ зелени и овощей и ничего другого, кромѣ мяса; да и его они ѣдятъ такъ мало, что другіе народы съ трудомъ могутъ жить на это.

II. Они очень грязнятъ себѣ руки жиромъ отъ мяса, а когда поѣдятъ, то вытираютъ ихъ о свои сапоги или о траву, или о что-нибудь подобное; болѣе благородные имѣютъ также обычно какія-то маленькія суконки, которыми напослѣдокъ вытираютъ руки, когда поѣдятъ мяса. Пищу разрѣзаетъ одинъ изъ нихъ, а другой беретъ остріемъ ножика кусочки и раздаетъ каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно съ тѣмъ, больше или меньше они хотятъ кого почтить. Посуды они не моютъ, а если иногда и моютъ мясной похлебкой, то снова съ мясомъ выливаютъ въ горшокъ. Также если они очищаютъ горшки или ложки, или другіе сосуды, для этого назначенные, то моютъ точно также. У нихъ считается великимъ грѣхомъ, если какимъ нибудь образомъ дано будетъ погибнуть чему нибудь изъ питья или пищи, отсюда они не позволяютъ бросать собакамъ кости, если изъ нихъ прежде не высосать мозжечекъ. Платья свои они также не моютъ и не даютъ мыть, а особенно въ то время, когда начинается громъ, до тѣхъ поръ, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у нихъ есть, они пьютъ въ огромномъ количествѣ, пьютъ также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у нихъ нѣтъ, если этого имъ не пришлютъ и не подарятъ другіе народы. Зимою у нихъ нѣтъ даже и кобыльяго молока, если они не богаты. Они также варятъ просо съ водою, размельчая его настолько, что могутъ не ѣсть, а пить. И каждый изъ нихъ пьетъ поутру чашу или двѣ, и днемъ они больше ничего не ѣдятъ, а вечеромъ каждому дается немного мяса, и они пьютъ мясную похлебку. Лѣтомъ же, имѣя тогда достаточно кобыльяго молока, они рѣдко ѣдятъ мясо, если имъ случайно не подарятъ его, или они не поймаютъ на охотѣ какого нибудь звѣря или птицу.

§ IV. Объ ихъ законахъ и обычаяхъ.

I. Далѣе, у нихъ есть законъ или обычай убивать мужчину или женщину, которыхъ они застанутъ въ явномъ прелюбодѣяніи; также если и дѣвица будетъ съ кѣмъ нибудь блудодѣйствовать, они убиваютъ мущину и женщину. Если кто нибудь будетъ застигнутъ на землѣ ихъ владѣнія въ грабежѣ или явномъ воровствѣ, то его убиваютъ безъ всякаго сожалѣнія. Точно также если кто нибудь открываетъ ихъ замыселъ, особенно когда они хотятъ идти на войну, то ему дается по заду сто ударовъ такихъ сильныхъ, насколько можетъ дать ихъ крестьянинъ большой палкой. Точно также, когда кто нибудь изъ младшихъ оскорбляетъ кого нибудь, то ихъ старшіе не щадятъ ихъ, а подвергаютъ тяжкому бичеванію. Точно также между сыномъ отъ наложницы и отъ жены нѣтъ никакой разницы, но отецъ даетъ каждому изъ нихъ, что хочетъ, и если онъ изъ рода князей, то сынъ наложницы является княземъ по стольку же, какъ и сынъ законной супруги. И если одинъ Татаринъ имѣетъ много женъ, то каждая изъ нихъ сама по себѣ имѣетъ свою ставку и свое семейство; и одинъ день онъ пьетъ, ѣстъ и спитъ съ одною, а другой день съ другою; всетаки одна изъ нихъ считается старшей среди другихъ, и онъ бываетъ съ ней чаще, чѣмъ съ другими; и хотя ихъ такъ много, онѣ не легко ссорятся между собою.

II. Мущины ничего вовсе не дѣлаютъ, за исключеніемъ стрѣлъ, а также имѣютъ отчасти попеченіе о стадахъ; но они охотятся и упражняются въ стрѣльбѣ, ибо всѣ они отъ мала до велика суть хорошіе стрѣлки, и дѣти ихъ, когда имъ два или три года отъ роду, сряду же начинаютъ ѣздить верхомъ и управляютъ лошадьми и скачутъ на нихъ, и имъ дается лукъ сообразно ихъ возрасту, и они учатся пускать стрѣлы, ибо они очень ловки, а также смѣлы.

III. Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ и ловко скачутъ на коняхъ, какъ мущины. Мы также видѣли, какъ онѣ носили колчаны и луки. И какъ мущины, такъ и женщины могутъ ѣздить верхомъ долго и упорно. Стремена у нихъ очень короткія; лошадей они очень берегутъ, мало того,— они усиленно охраняютъ все имущество. Жены ихъ все дѣлаютъ: полушубки, платья, башмаки, сапоги и всѣ издѣлія изъ кожи, также онѣ правятъ повозками и чинятъ ихъ, вьючатъ верблюдовъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ очень проворны и скоры. Всѣ женщины носятъ штаны, а нѣкоторыя и стрѣляютъ, какъ мущины.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

О началѣ державы Татаръ, объ ихъ князьяхъ, о власти императора и его князей.

Сказавъ объ ихъ обычаяхъ, слѣдуетъ присовокупить объ ихъ державѣ, и сперва скажемъ объ ея началѣ, во-вторыхъ — объ ея князьяхъ, въ-третьихъ—о власти Императора и князей.

§ I. О началѣ державы Татаръ.

I. Есть нѣкая земля среди странъ Востока, о которой сказано выше, и которая именуется Монгалъ. Эта земля имѣла нѣкогда четыре народа: одинъ назывался Йека-Монгалъ, то есть великіе Монгалы, второй назывался Су-Монгалъ, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Тартарами отъ нѣкоей рѣки, которая течетъ чрезъ ихъ страну и называется Татаръ; третій народъ назывался Меркитъ, четвертый — Мекритъ. Всѣ эти народы имѣли одну форму лицъ и одинъ языкъ, хотя между собою они раздѣлялись по областямъ и государямъ.

II. Въ землѣ Йека-Монгалъ былъ нѣкто, который назывался Чингисъ; онъ началъ быть сильнымъ ловцомъ передъ Господомъ, ибо онъ научилъ людей воровать и грабить добычу. Далѣе, онъ ходилъ въ другія земли и не оставлялъ плѣнять и присоединять къ себѣ кого только могъ, людей же своего народа онъ преклонилъ къ себѣ, и они слѣдовали за нимъ какъ за вождемъ, на всѣ злодѣянія. Далѣе, онъ началъ сражаться съ Су-Монгалъ или Татарами, послѣ того какъ подчинилъ себѣ многихъ людей, и убилъ ихъ вождя, въ продолжительной войнѣ покорилъ себѣ всѣхъ Татаръ, привелъ ихъ себѣ въ рабство и подчинилъ. Послѣ этого, вмѣстѣ со всѣми ними, онъ сразился съ Меркитами, страна которыхъ была расположена возлѣ земли Татаръ, и ихъ также подчинилъ себѣ войною. Подвигаясь оттуда, онъ сразился противъ Мекритовъ и покорилъ ихъ также.

III. Найманы, услышавъ, что Хингисъ такъ возвысился, сильно вознегодовали, ибо у нихъ самихъ раньше былъ очень храбрый императоръ, и всѣ вышеназванные народы платили ему дань. Когда онъ исполнилъ общій долгъ всего плотскаго, его мѣсто заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умѣли держать народа, а между собою они жили въ раздорѣ и несогласіи; отсюда въ то время, какъ вышеназванный Хингисъ такъ возвысился, они все же тѣмъ не менѣе устраивали набѣгъ на вышеуказанныя земли и убивали мущинъ, женщинъ и дѣтей и забирали отъ нихъ добычу. Хингисъ, слыша это, соединилъ всѣхъ подвластныхъ себѣ людей; Найманы такъ же, какъ и Кара-Китаи, т. е. черные Китаи, равнымъ образомъ собрались напротивъ въ огромномъ количествѣ въ нѣкую долину, сжатую между двухъ горъ, черезъ которую проѣзжали мы, отправляясь къ ихъ Императору, и завязалось сраженіе, въ которомъ Найманы и Кара-Китаи были побѣждены Монгалами, и большая часть ихъ была убита, а другіе, которые не могли ускользнуть, были обращены въ рабство. Въ землѣ же вышеназванныхъ Кара-Китаевъ Оккодай-канъ, сынъ Хингисъ-кана, послѣ своего назначенія императоромъ, построилъ нѣкій городъ, который назвалъ Омылъ; вблизи него къ югу есть нѣкая великая пустыня, въ которой, какъ говорятъ навѣрное, живутъ лѣсные люди; они никакъ не говорятъ и не имѣютъ суставовъ въ колѣнахъ, а если когда упадутъ, то отнюдь не могутъ встать сами безъ помощи другихъ; но у нихъ есть настолько разсудительности, что они дѣлаютъ войлоки изъ верблюжьей шерсти, въ которые одѣваются, и даже ставятъ ихъ противъ вѣтра, и если какіе нибудь Татары идутъ на нихъ и ранятъ ихъ стрѣлами, то они кладутъ траву въ раны и быстро бѣгутъ отъ враговъ.

IV. Монгалы же, вернувшись въ свою страну, подготовились къ битвѣ противъ Китаевъ и, снявшись съ лагеря, вступили въ ихъ землю; императоръ же Китаевъ, услышавъ это, пошелъ противъ нихъ со своимъ войскомъ, и завязалось тяжкое сраженіе, въ каковомъ сраженіи Монгалы были побѣждены, и всѣ вельможи Монгаловъ, которые были въ вышесказанномъ войскѣ, были убиты, за исключеніемъ семи; отсюда и до сихъ поръ, когда кто нибудь грозитъ имъ, говоря: «Вы будете убиты, если пойдете въ ту страну, такъ какъ тамъ пребываетъ множество народа, и находятся люди, пригодные къ сраженію», они отвѣчаютъ: «Нѣкогда мы также были убиты, и насъ осталось только семь, а теперь мы выросли въ огромную толпу, поэтому насъ не страшитъ подобное». Хингисъ же и другіе, которые остались, убѣжали въ свою землю.

V. И, нѣсколько отдохнувъ, вышеназванный Хингисъ снова подготовился къ бою и вышелъ на войну противъ земли Гуировъ; эти люди —

христіане Несторіанской ереси; ихъ онъ также покорилъ войною, и Татары приняли ихъ грамоту, ибо прежде не имѣли никакихъ письменъ: теперь же эту грамоту именуютъ Монгальскою. Двинувшись отсюда противъ земли Сари-Гуйюръ и противъ земли Караитовъ, и противъ земли Войратъ, и противъ земли Комана, Хингисъ покорилъ войною всѣ эти земли и вернулся затѣмъ въ свою землю.

VI. И когда онъ нѣсколько отдохнулъ, то, созвавъ всѣхъ своихъ людей, двинулся равнымъ образомъ на войну противъ Китаевъ, и, послѣ долгой борьбы съ ними, они покорили большую часть земли Китаевъ, императора же ихъ заперли въ его главномъ городѣ. Они осаждали его такъ долго, что у войска не хватило вовсе съѣстныхъ припасовъ, и, когда у нихъ не было вовсе, что ѣсть, Хингисъ-канъ приказалъ имъ, чтобы они отдавали для ѣды одного человѣка изъ десяти. Жители же города мужественно сражались противъ нихъ при помощи машинъ и стрѣлъ, и когда не стало хватать камней, то они вмѣсто камней бросали серебро, и главнымъ образомъ серебро расплавленное, ибо этотъ городъ былъ полонъ многими богатствами. И послѣ долгаго сраженія, не будучи вовсе въ состояніи одолѣть городъ войною, Татары сдѣлали большую дорогу подъ землею отъ войска до середины города и, открывъ внезапно землю, выскочили, безъ вѣдома тѣхъ, въ серединѣ города и сразились съ людьми того же города; и тѣ, которые были внѣ, такимъ же образомъ сражались противъ горожанъ; разбивъ ворота, вошли въ городъ; убивъ императора и многихъ людей, завладѣли городомъ и унесли золото, серебро и всѣ его богатства, и, поставивъ во главѣ вышеназванной земли Китаевъ своихъ людей, вернулись въ собственную землю. И тогда впервые, послѣ побѣды надъ императоромъ Китаевъ, вышеназванный Хингисъ-канъ сдѣлался императоромъ. Все же нѣкоторую часть земли Китаевъ, какъ расположенную на морѣ, они никоимъ образомъ не одолѣли вплоть до нынѣшняго дня. Китаи же, о которыхъ мы сказали выше, суть язычники, которые имѣютъ особую грамоту, и, какъ говорятъ, у нихъ есть Новый и Ветхій Завѣтъ; и они имѣютъ Житія Отцовъ, и пустынниковъ, и дома, сдѣланные на подобіе церквей, гдѣ они молятся въ свое время; и говорятъ, что они имѣютъ нѣкоторыхъ святыхъ. Они чтутъ единаго Бога, уважаютъ Господа Іисуса Христа и вѣруютъ въ вѣчную жизнь, но крещенія у нихъ отнюдь нѣтъ; уважаютъ и чтутъ наше Писаніе, любятъ христіанъ и творятъ значительныя милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человѣчными. Бороды у нихъ нѣтъ, и въ очертаніи лица они очень схожи съ Монгалами, однако они не такъ широки въ лицѣ; языкъ у нихъ особый; въ цѣломъ мірѣ нельзя найти лучшихъ мастеровъ во всѣхъ тѣхъ

дѣлахъ, въ которыхъ обычно упражняются люди. Земля ихъ очень богата хлѣбомъ, виномъ, золотомъ, серебромъ и шелкомъ, а также всѣми вещами, которыя обычно поддерживаютъ природу человѣческую.

VII. И, нѣсколько отдохнувъ, онъ раздѣлилъ свои войска. Одного изъ своихъ сыновей, по имени Тоссука, котораго также называли канъ, то есть императоромъ, онъ послалъ съ войскомъ противъ Комановъ, которыхъ тотъ побѣдилъ въ продолжительной борьбѣ; а послѣ того, какъ онъ ихъ побѣдилъ, онъ вернулся въ свою землю. Также другого сына онъ послалъ съ войскомъ противъ Индовъ, и онъ покорилъ малую Индію; это—черные Сарацины, которые именуются Эѳіопами. Это же войско вышло на бой противъ христіанъ, которые находятся въ большой Индіи. Слыша это, царь той страны, который именовался въ народѣ Пресвитеромъ Іоанномъ, выступилъ противъ нихъ съ соединеннымъ войскомъ и, сдѣлавъ мѣдныя изображенія людей, помѣстилъ ихъ на сѣдлахъ на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади мѣдныхъ изображеній помѣстилъ на лошадей людей съ мѣхами, и со многими изображеніями и лошадьми, такъ подготовленными, они вступили въ бой противъ вышеназванныхъ Татаръ; и когда они пришли на мѣсто боя, то послали впередъ этихъ лошадей, одну рядомъ съ другой; мужи же, бывшіе сзади, положили что-то на огонь, который былъ въ вышеназванныхъ изображеніяхъ, и стали сильно дуть мѣхами. Отсюда произошло, что греческій огонь опалялъ людей и лошадей, и воздухъ омрачился отъ дыма, и тогда они пустили стрѣлы въ Татаръ; отъ этихъ стрѣлъ много людей было ранено и убито, и такимъ образомъ они выгнали ихъ въ замѣшательствѣ изъ своихъ предѣловъ, и мы никогда не слыхали, чтобы Татары впредь къ нимъ возвращались.

VIII. Когда они возвращались черезъ пустыни, то пришли въ нѣкую землю, въ которой, какъ намъ, при нашемъ приходѣ ко двору императора, говорили за вѣрное русскіе клирики и другіе, долго бывшіе среди нихъ, Татары нашли какихъ-то чудовищъ, имѣвшихъ женскій обликъ. И, когда чрезъ многихъ толмачей они спросили ихъ, гдѣ находятся мущины той страны, чудовища-женщины отвѣтили, что въ той землѣ всѣ женщины, которыя только рождались, имѣютъ человѣческій обликъ, мущины же имѣютъ обликъ собачій. И, пока они затягивали пребываніе въ вышеназванной землѣ, на другой сторонѣ рѣки собрались воедино собаки, и такъ какъ была лютѣйшая зима, то всѣ собаки-мущины бросились въ воду, а послѣ этого на твердой землѣ стали кататься въ пыли, и такимъ образомъ пыль, смѣшанная съ водой, стала замерзать на нихъ. И, послѣ частаго повторенія этого, на нихъ образовался густой ледъ; затѣмъ они въ сильномъ натискѣ сошлись для боя съ Татарами. А тѣ часто метали въ нихъ стрѣлы, но стрѣлы отска-

кивали назадъ, какъ если бы они метали ихъ въ камни; также и другое оружіе Татаръ никоимъ образомъ не могло повредить имъ. Собаки же, сдѣлавъ набѣгъ на нихъ, ранили укусами многихъ и убили, и такимъ образомъ выгнали ихъ изъ своихъ предѣловъ. И отсюда до сихъ поръ еще есть у нихъ пословица: «Твой отецъ или братъ былъ убитъ собаками»; женщинъ же ихъ, которыхъ они взяли въ плѣнъ, Татары отвели въ свою страну, и онѣ были тамъ до своей смерти.

IX. И, пока то войско, именно Монгаловъ, возвращалось назадъ, оно пришло къ землѣ Буритабетъ, которыхъ они побѣдили войною. Эти люди— язычники; они имѣютъ удивительный, а, вѣрнѣе сказать, достойный сожалѣнія обычай, такъ какъ, когда чей нибудь отецъ свершаетъ долгъ человѣческой природы, они собираютъ всю родню и съѣдаютъ его, какъ намъ говорили за вѣрное. Они не имѣютъ волосъ на бородѣ; мало того, они носятъ въ рукахъ какое-то желѣзо, какъ мы видѣли, которымъ постоянно выщипываютъ бороду, если случайно на ней выростаетъ какой нибудь волосокъ; и они также сильно безобразны. Отсюда это войско вернулось въ свою страну.

X. Хингисъ-канъ также въ то время, когда раздѣлилъ тѣ войска, пошелъ походомъ противъ Востока черезъ землю Кергисъ, которыхъ не одолѣлъ войною, и, какъ намъ говорили, тамъ же прошелъ до Каспійскихъ горъ; горы же эти въ той сторонѣ, къ которой они пришли, состоятъ изъ адамантова камня, почему и притянули къ себѣ ихъ стрѣлы и желѣзное оружіе. Люди, заключенные среди Каспійскихъ горъ, услышавъ, какъ гласитъ преданіе, крикъ войска, начали ломать гору, и, когда Татары возвращались туда въ другое время, десять лѣтъ спустя, они нашли гору сломанною; но, когда Татары пытались подойти къ людямъ, они отнюдь не могли этого, такъ какъ передъ ними было распростерто нѣкое облако, за которое они никоимъ образомъ не могли пройти, потому что совершенно теряли зрѣніе, какъ только доходили до него; тѣ же, полагая наоборотъ, что Татары страшатся подойти къ нимъ, сдѣлали противъ нихъ нападеніе, но какъ только они добрались до облака, то не могли пойти дальше по вышеупомянутой причинѣ. Но, прежде чѣмъ дойти до вышеназванныхъ горъ, они шли болѣе мѣсяца по обширной пустынѣ. Все подвигаясь оттуда къ Востоку слишкомъ на мѣсяцъ пути, они прошли по большой степи и добрались до нѣкоей земли, гдѣ, какъ намъ передавали за вполнѣ достовѣрное, они видѣли наѣзженныя дороги, но не могли найти ни одного человѣка; но они такъ усиленно искали по землѣ, что нашли одного человѣка съ его женой, которыхъ привели предъ Хингисъ-кана; и, когда онъ ихъ спросилъ, гдѣ находятся люди этой страны, тѣ отвѣтили, что

они живутъ въ землѣ подъ горами. А вышеназванный Хингисъ-канъ, удержавъ жену, отправилъ этого мущину со своими послами, поручая тѣмъ людямъ, чтобы они явились на его приказъ. Тотъ, пойдя къ нимъ, разсказалъ имъ все, что имъ приказалъ Хингисъ-канъ. Тѣ сказали въ отвѣтъ, что въ такой-то день явятся къ нему для исполненія его приказа, сами же тѣмъ временемъ соединились потаенными путями подъ землею, выступили противъ нихъ въ бой и, внезапно бросившись на нихъ, убили очень многихъ. А эти, именно Хингисъ-канъ и его подданные, видя, что они ничего не достигаютъ, а скорѣе теряютъ своихъ людей—а къ тому же они не могли вынести шума солнца; наоборотъ, въ то время, когда восходило солнце, имъ надлежало приложить одно ухо къ землѣ, а верхнее крѣпко заткнуть, чтобы не слыхать этого ужаснаго шума, но и такъ все же они не могли остеречься, чтобы изъ-за этого весьма многихъ изъ нихъ не убивало,—побѣжали и вышли изъ вышеназванной страны; тѣхъ людей однако, именно мужа съ женою, они взяли съ собой, и тѣ оставались до смерти въ землѣ Татаръ. На вопросъ, почему люди этой земли живутъ подъ землею, тѣ сказали, что въ одно время года, когда восходитъ солнце, бывалъ столь сильный шумъ, что люди никоимъ образомъ не могли выдержать, какъ выше сказано о Татарахъ; мало того, они даже били тогда въ бубны, тимпаны и другіе инструменты, чтобы не слышать этого шума.—И, во время возвращенія Хингисъ-кана изъ той земли, у нихъ не хватило съѣстныхъ припасовъ, и они ощущали сильнѣйшій голодъ, но имъ удалось тогда найти свѣжія внутренности одного животнаго; взявъ ихъ, они сварили, вынувъ только калъ, и отнесли ихъ къ Хингисъ-кану; тотъ поѣлъ ихъ вмѣстѣ со своими, и поэтому Хингисомъ было установлено, чтобы не бросать ничего отъ звѣря, ни крови, ни внутренностей, ни чего другого, что можно ѣсть, за исключеніемъ кала.

XI. И отсюда онъ вернулся въ свою землю; тамъ онъ издалъ многочисленные законы и постановленія, которые Татары нерушимо соблюдаютъ; изъ нихъ мы упомянемъ только про два. Одно постановленіе такое, что всякаго, кто, превознесясь въ гордости, пожелаетъ быть императоромъ собственною властью безъ избранія князей, должно убивать безъ малѣйшаго сожалѣнія. Отсюда, до избранія настоящаго Куйюкъ-кана, изъ-за этого былъ убитъ одинъ изъ князей, внукъ Хингисъ-кана, ибо онъ хотѣлъ царствовать безъ избранія. Другое постановленіе такое, что они должны подчинить себѣ всю землю и не должны имѣть мира ни съ какимъ народомъ, если прежде не будетъ имъ оказано подчиненія, пока не настанетъ время ихъ умерщвленія: именно, они сражались сорокъ два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лѣтъ. Послѣ

этого, какъ говорятъ, они должны быть побѣждены другимъ народомъ, какимъ однако, не знаютъ, какъ имъ было предсказано, и тѣ, которые будутъ въ состояніи уйти, какъ говорятъ, должны соблюдать тотъ законъ, который соблюдаютъ тѣ, кто побѣдитъ ихъ войною. Онъ установилъ также, что ихъ войско должно быть раздѣлено подъ начальствомъ тысячниковъ, сотниковъ, десятниковъ и тьмы (то есть десять тысячъ). Онъ установилъ также и многое другое, разсказывать о чемъ было бы долго, да къ тому же мы и не знаемъ [всего]. Послѣ этого, свершивъ свои распоряженія и постановленія, онъ былъ убитъ ударомъ грома.

§ II. О князьяхъ Татаръ.

I. А у него было четыре сына: одного звали Оккодай, второго звали Тоссукъ-канъ, третьяго звали Хыаадай, а имени четвертаго мы не знаемъ. Отъ этихъ четырехъ лицъ произошли всѣ вожди Монгаловъ. Первый, именно Оккодай-канъ, имѣлъ слѣдующихъ сыновей: перваго—Куйюка, который нынѣ императоромъ, Коктена и Хиренена; имѣлъ ли онъ больше сыновей, мы не знаемъ. Сыновья же Тоссукъ-кана суть: Батый (Bati), онъ наиболѣе богатъ и могуществен послѣ Императора; Орду, онъ старшій изъ всѣхъ вождей; Сыбанъ, Бора, Берка, Θаутъ; именъ другихъ сыновей Тоссукъ-кана мы не знаемъ. Сыновья Хыадая суть Буринъ и Каданъ; имена другихъ сыновей его намъ неизвѣстны. Имена же сыновей другого сына Хингисъ-кана, имени котораго мы не знаемъ, суть слѣдующія: одинъ называется Менгу, мать коего Сероктанъ; эта госпожа пользовалась среди всѣхъ Татаръ предпочтительнымъ уваженіемъ, за исключеніемъ матери Императора, а Менгу былъ могущественнѣе всѣхъ, за исключеніемъ Батыя; другой называется Бихакъ. У него было еще нѣсколько сыновей, но именъ ихъ мы не знаемъ.

II. Имена вождей суть слѣдующія: Орду, онъ былъ въ Польшѣ и Венгріи, Батый, Каданъ, Сыбанъ, Буринъ и Бунгекъ, всѣ они были въ Венгріи; Хирподанъ, онъ находится до сихъ поръ за моремъ [въ борьбѣ] противъ нѣкіихъ солдановъ земли Саррацинской и другихъ, которые находятся за моремъ. Другіе остались въ своей землѣ, а именно: Менгу, Коктенъ, Хирененъ, Хубилай (Hubilay), Серемумъ, Синокуръ, Θуатемуръ, Карахай, старецъ Сибедей, который у нихъ называется воиномъ, Бора, Берка, Мауци, Коренца, но это—самый младшій среди другихъ. Другихъ же вождей очень много, но именъ ихъ мы не знаемъ.

§ III. *О власти Императора и его князей.*

I. Императоръ же этихъ Татаръ имѣетъ изумительную власть надъ всѣми. Никто не смѣетъ пребывать въ какой нибудь странѣ, если гдѣ императоръ не укажетъ ему. Самъ же онъ указываетъ, гдѣ пребывать вождямъ, вожди же указываютъ мѣста тысячникамъ, тысячники сотникамъ, сотники же десятникамъ. Сверхъ того, во всемъ томъ, что онъ предписываетъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, по отношенію-ли къ войнѣ, или къ смерти, или къ жизни, они повинуются безъ всякаго противорѣчія. Точно также, если онъ проситъ дочь дѣвицу или сестру, они даютъ ему безъ всякаго противорѣчія; мало того, каждый годъ или по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ собираетъ дѣвицъ изъ всѣхъ предѣловъ Татаръ и, если хочетъ удержать какихъ нибудь себѣ, удерживаетъ, а другихъ даетъ своимъ людямъ, какъ ему кажется удобнымъ. Какихъ бы, сколько бы и куда бы онъ ни отправлялъ пословъ, имъ должно давать безъ замедленія подводы и содержаніе; откуда бы также ни приходили къ нему данники или послы, равнымъ образомъ имъ должно давать коней, колесницы и содержаніе. Но послы, приходящіе изъ другихъ странъ, терпятъ большую нужду какъ въ содержаніи, такъ и въ одеждѣ, ибо издержки на нихъ скудны и малы, а въ особенности когда они прибываютъ къ князьямъ и должны тамъ имѣть пребываніе. Тогда на десять человѣкъ дается такъ мало, что на это едва могутъ прожить двое; также и при дворахъ князей и въ путешествіи дается имъ поѣсть только разъ въ день, и очень мало; точно также, если имъ причиняютъ какія нибудь обиды, они отнюдь не легко могутъ жаловаться, поэтому имъ слѣдуетъ терпѣливо сносить эти обиды.

II. Сверхъ того, какъ князья, такъ и другія лица, какъ знатныя, такъ и незнатныя, выпрашиваютъ у нихъ много подарковъ, а если они не получаютъ, то низко цѣнятъ пословъ,—мало того, считаютъ ихъ какъ бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желаютъ брать отъ нихъ скромный подарокъ, а говорятъ: «Вы приходите отъ великаго человѣка, а даете такъ мало?» Вслѣдствіе этого они не считаютъ достойнымъ брать, и если послы хотятъ хорошо обдѣлать свои дѣла, то имъ слѣдуетъ давать больше. Поэтому и намъ пришлось также раздать по нуждѣ на подарки большую часть тѣхъ вещей, которыя люди благочестивые дали намъ для продовольствія. И слѣдуетъ также знать, что все настолько находится въ рукѣ Императора, что никто не смѣетъ сказать: «это мое или его», но все принадлежитъ Импе-

ратору, то есть имущество, вьючный скотъ и люди, и по этому поводу недавно даже появился указъ Императора.

III. Ту же власть имѣютъ во всемъ вожди надъ своими людьми, именно люди, то есть Татары и другіе, распредѣлены между вождями. Также и посламъ вождей, куда бы тѣ ихъ ни посылали, какъ подданные Императора, такъ и всѣ другіе обязаны давать какъ подводы, такъ и продовольствіе, а также, безъ всякаго противорѣчія, людей для охраны лошадей и для услугъ посламъ. Какъ вожди, такъ и другіе обязаны давать Императору для дохода кобылъ, чтобы онъ получалъ отъ нихъ молоко, на годъ, на два или на три, какъ ему будетъ угодно; и подданные вождей обязаны дѣлать то же самое своимъ господамъ, ибо среди нихъ нѣтъ никого свободнаго. И, говоря кратко, Императоръ и вожди берутъ изъ ихъ имущества все, что ни захотятъ, и сколько хотятъ. Также и личностью ихъ они располагаютъ во всемъ, какъ имъ будетъ благоугодно.

IV. По смерти Императора, какъ сказано было выше, вожди собрались и выбрали въ императоры Оккодая, сына вышеназваннаго Хингисъкана. Онъ, устроивъ собраніе князей, раздѣлилъ войска. Батыя, который приходился ему во второмъ колѣнѣ, онъ послалъ противъ земли Высокаго-Султана и противъ земли Бисерминовъ; ибо они были Сарацины, но говорили по Командски. И когда онъ вошелъ въ ихъ землю, онъ сразился съ ними и войною подчинилъ ихъ себѣ. А одинъ городъ, по имени Бархимъ, долго противился ему; именно они сдѣлали большіе рвы вокругъ города и закрыли ихъ, а когда тѣ подходили къ городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чѣмъ заполнили тѣ рвы. Люди же изъ нѣкоего города, по имени Іанкинтъ (Iankint), услышавъ это, вышли имъ на встрѣчу и добровольно предались въ ихъ руки, отчего городъ ихъ не былъ разрушенъ, но они убили многихъ изъ нихъ, а другихъ переселили и, произведя грабежъ города, наполнили его другими людьми. Пошли они также противъ города, который именуется Орнасъ. Этотъ городъ былъ очень многолюдный, ибо тамъ было очень много христіанъ, именно Хозаръ (Gazari), Русскихъ, Алановъ и другихъ, а также Сарациновъ, Сарацинамъ же принадлежала и власть надъ городомъ. А этотъ городъ былъ полонъ многими богатствами, ибо былъ расположенъ на нѣкоей рѣкѣ, которая течетъ чрезъ Іанкинтъ и страну Бисерминовъ, и которая впадаетъ въ море, отсюда этотъ городъ служитъ какъ бы гаванью, и другіе Сарацины имѣли въ немъ огромный рынокъ. И такъ какъ они не могли одолѣть его иначе, то перекопали рѣку, которая текла черезъ городъ, и потопили его съ имуществомъ и людьми.

V. Совершивъ это, они вступили затѣмъ въ землю Турковъ, которые суть язычники; побѣдивъ ее, они пошли противъ Руссіи и произвели великое избіеніе въ землѣ Руссіи, разрушили города и крѣпости и убили людей, осадили Кіевъ, который былъ столицей Руссіи, и послѣ долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныя головы и кости мертвыхъ людей, лежавшія на полѣ; ибо этотъ городъ былъ весьма большой и очень многолюдный, а теперь онъ сведенъ почти ни на что: едва существуетъ тамъ двѣсти домовъ, а людей тѣхъ держатъ они въ самомъ тяжеломъ рабствѣ. Подвигаясь отсюда, они сраженіями опустошили всю Руссію. Изъ Руссіи же и изъ Команіи вышеназванные вожди подвинулись впередъ и сразились съ Венграми и Поляками; изъ этихъ Татаръ многіе были убиты въ Польшѣ и Венгріи; и, если бы Венгры не убѣжали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы изъ ихъ предѣловъ, такъ какъ Татары возымѣли такой страхъ, что всѣ пытались бѣжать. Но Батый, обнаживъ мечъ предъ лицомъ ихъ, воспротивился имъ, говоря: «Не бѣгите, такъ какъ если вы побѣжите, то никто не ускользнетъ, и если мы должны умереть, то лучше умремъ всѣ, такъ какъ сбудется то, что предсказалъ Хингисъ-канъ, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпимъ». И такимъ образомъ они воодушевились, остались и разорили Венгрію.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли въ землю Мордвановъ, которые суть язычники, и побѣдили ихъ войною. Подвинувшись отсюда противъ Билеровъ, то есть великой Булгаріи, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на сѣверъ противъ Баскартъ, то есть великой Венгріи, они побѣдили и ихъ. Выйдя отсюда, они пошли дальше къ сѣверу и прибыли къ Пароситамъ, у которыхъ, какъ намъ говорили, небольшіе желудки и маленькій ротъ; они не ѣдятъ мяса, а варятъ его. Сваривъ мясо, они ложатся на горшокъ и впитываютъ дымъ и этимъ только себя поддерживаютъ; но если они что нибудь ѣдятъ, то очень мало. Подвинувшись оттуда, они пришли къ Самогедамъ; а эти люди, какъ говорятъ, живутъ только охотами; палатки и платье ихъ также сдѣланы только изъ шкуръ звѣрей. Подвинувшись оттуда далѣе, они пришли къ нѣкоей землѣ надъ Океаномъ, гдѣ нашли нѣкіихъ чудовищъ, которыя, какъ намъ говорили за вѣрное, имѣли во всемъ человѣческій обликъ, но концы ногъ у нихъ были, какъ у ногъ быковъ, и голова у нихъ была человѣческая, а лицо—какъ у собаки; два слова говорили они на человѣческій ладъ, а при третьемъ лаяли, какъ собака, и такимъ образомъ въ промежуткѣ разговора они вставляли лай, но все же возвращались къ

своей мысли, и такимъ образомъ можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они въ Команію, и до сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ пребываютъ тамъ.

VII. Хиродапъ же въ то же время послалъ Оккодай-кана съ войскомъ на югъ противъ Кергисъ, которыхъ онъ побѣдилъ на войнѣ. Эти люди—язычники, они не имѣютъ волосъ на бородѣ; обычай ихъ таковъ: когда умираетъ чей нибудь отецъ, то они отъ скорби вырѣзаютъ на своемъ лицѣ въ знакъ печали какъ бы одинъ ремень отъ одного уха до другого. Побѣдивъ ихъ, онъ пошелъ къ югу противъ Арменовъ; но когда онъ переходилъ черезъ пустыни, то они, какъ намъ говорили за вѣрное, нашли также нѣкоторыхъ чудовищъ, имѣющихъ человѣческій обликъ, но у нихъ была только одна полная рука, то есть какъ до локтя, такъ и послѣ локтя, и то на серединѣ груди, и одна нога, и двое стрѣляли изъ одного лука; они бѣгали такъ сильно, что лошади не могли ихъ догнать, ибо они бѣгали, скача на одной ногѣ, а когда утомлялись отъ такой ходьбы, то ходили на рукѣ и ногѣ, такъ сказать, вертясь кругомъ; Исидоръ назвалъ ихъ Циклопедами. А, когда они утомлялись такимъ образомъ, они бѣжали по прежнему способу. Все же нѣкоторыхъ изъ нихъ Татары убили, и, какъ намъ говорили Русскіе клирики при дворѣ, пребывающіе вмѣстѣ съ вышеназваннымъ Императоромъ, многіе изъ нихъ приходили въ посольствѣ вѣстниками ко двору вышеуказаннаго Императора, чтобы имѣть возможность заключить миръ съ нимъ. Двинувшись отсюда, они пришли въ Арменію, которую побѣдили войною, а также часть Георгіаніи; и другая часть явилась по ихъ приказу, и каждый годъ они платили имъ въ качествѣ дани по сорокъ тысячъ иперперовъ; это же они дѣлаютъ и доселѣ. Отсюда они подвинулись къ землѣ солдана де Урумъ, который былъ довольно великъ и могущественъ; съ нимъ они также сразились и побѣдили. И, воюя и побѣждая, они прошли дальше до земли солдана Халапіи (Halapiae) и теперь также занимаютъ эту землю, а, сверхъ того, предполагаютъ завоевать тамъ другія земли, и впослѣдствіи вплоть до нынѣ текущаго дня они не возвращались въ свою землю. То же войско пошло противъ земли калифа де Балдахъ, которую они также подчинили себѣ, и онъ имъ всякій день платитъ въ качествѣ дани четыреста бизанціевъ, помимо балдакиновъ и другихъ даровъ; и всякій годъ они отправляютъ пословъ за калифомъ, чтобы онъ явился къ нимъ. Тотъ посылаетъ вмѣстѣ съ данью великіе дары, прося, чтобы они его извинили; самъ же Императоръ принимаетъ дары и тѣмъ не менѣе посылаетъ за нимъ, чтобы тотъ явился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О войнѣ и раздѣленіи войскъ, объ оружіи и хитростяхъ при столкновеніи, объ осадѣ укрѣпленій и вѣроломствѣ ихъ противъ тѣхъ, кто сдается имъ, и о жестокости противъ плѣнныхъ.

Сказавъ о власти, надлежитъ сказать о войнѣ слѣдующимъ образомъ: сперва о раздѣленіи войскъ, во-вторыхъ—объ оружіи, въ-третьихъ—о хитростяхъ при столкновеніи, въ-четвертыхъ—объ осадѣ крѣпостей и городовъ, въ-пятыхъ—объ вѣроломствѣ, которое они проявляютъ къ тѣмъ, кто имъ сдается, и о жестокости, съ которой они обращаются съ плѣнниками.

§ I. О раздѣленіи войскъ.

О раздѣленіи войскъ скажемъ такимъ образомъ: Хингисъ-канъ приказалъ, чтобы во главѣ десяти человѣкъ былъ поставленъ одинъ (и онъ по нашему называется десятникомъ), а во главѣ десяти десятниковъ былъ поставленъ одинъ, который называется сотникомъ, а во главѣ десяти сотниковъ былъ поставленъ одинъ, который называется тысячникомъ, а во главѣ десяти тысячниковъ былъ поставленъ одинъ, и это число называется у нихъ тьма. Во главѣ же всего войска ставятъ двухъ вождей или трехъ, но такъ, что они имѣютъ подчиненіе одному. Когда же войска находятся на войнѣ, то если изъ десяти человѣкъ бѣжитъ одинъ, или двое, или трое, или даже больше, то всѣ они умерщвляются, и если бѣгутъ всѣ десять, а не бѣгутъ другіе сто, то всѣ умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступаютъ сообща, то всѣ бѣгущіе умерщвляются; точно также если одинъ или двое, или больше смѣло вступаютъ въ бой, а десять другихъ не слѣдуютъ, то ихъ также умерщвляютъ, а если изъ десяти попадаютъ въ плѣнъ одинъ или больше, другіе же товарищи не освобождаютъ ихъ, то они также умерщвляются.

§ II. Объ оружіи.

I. Оружіе же всѣ по меньшей мѣрѣ должны имѣть такое: два или три лука, или по меньшей мѣрѣ одинъ хорошій, и три большіе колчана, полные стрѣлами, одинъ топоръ и веревки, чтобы тянуть орудія. Богатые же имѣютъ мечи, острые въ концѣ, рѣжущіе только съ одной стороны и нѣсколько кривые; у нихъ есть также вооруженная лошадь, прикрытія для голеней, шлемы и латы. Нѣкоторые имѣютъ латы, а также прикрытіе для лошадей изъ кожи, сдѣланныя слѣдующимъ образомъ: они берутъ

ремни отъ быка или другого животнаго, шириною въ руку, заливаютъ ихъ смолою вмѣстѣ по три или по четыре и связываютъ ремешками или веревочками; на верхнемъ ремнѣ они помѣщаютъ веревочки на концѣ, а на нижнемъ—въ серединѣ и такъ поступаютъ до конца, отсюда, когда нижніе ремни наклоняются, верхніе встаютъ, и такимъ образомъ удваиваются или утраиваются на тѣлѣ. Прикрытіе лошади они дѣлятъ на пять частей: съ одной стороны лошади одну, а съ другой стороны другую, которыя простираются отъ хвоста до головы и связываются у сѣдла, а сзади сѣдла на спинѣ и также на шеѣ; также на крестецъ они кладутъ другую сторону тамъ, гдѣ соединяются связи двухъ сторонъ; въ этомъ кускѣ они дѣлаютъ отверстіе, черезъ которое выставляютъ хвостъ, и на грудь также кладутъ одну сторону. Всѣ части простираются до колѣнъ или до связей голеней; и предъ лбомъ они кладутъ желѣзную полосу, которая съ обѣихъ сторонъ шеи связывается съ вышеназванными сторонами. Латы же имѣютъ также четыре части: одна часть простирается отъ бедра до шеи, но она сдѣлана согласно расположенію человѣческаго тѣла, такъ какъ сжата передъ грудью, а отъ рукъ и ниже облегаетъ кругло вокругъ тѣла, сзади же къ крестцу они кладутъ другой кусокъ, который простирается отъ шеи до того куска, который облегаетъ вокругъ тѣла; на плечахъ же эти два куска, именно передній и задній, прикрѣпляются пряжками къ двумъ желѣзнымъ полосамъ, которыя находятся на обоихъ плечахъ; и на обѣихъ рукахъ сверху они имѣютъ кусокъ, который простирается отъ плечъ до кисти рукъ, которыя также ниже открыты, и на каждомъ колѣнѣ они имѣютъ по куску; всѣ эти куски соединяются пряжками. Шлемъ же сверху желѣзный или мѣдный, а то, что прикрываетъ кругомъ шею и горло,—изъ кожи. И всѣ эти куски изъ кожи составлены указаннымъ выше способомъ.

II. У нѣкоторыхъ же все то, что мы выше назвали, составлено изъ желѣза слѣдующимъ образомъ: они дѣлаютъ одну тонкую полосу шириною въ палецъ, а длиною въ ладонь, и такимъ образомъ они приготовляютъ много полосъ; въ каждой полосѣ они дѣлаютъ восемь маленькихъ отверстій и вставляютъ внутрь три ремня плотныхъ и крѣпкихъ, кладутъ полосы одна на другую, какъ бы поднимаясь по уступамъ, и привязываютъ вышеназванныя полосы къ ремнямъ тонкими ремешками, которые пропускаютъ чрезъ отмѣченныя выше отверстія; въ верхней части они вшиваютъ одинъ ремешекъ, который удваивается съ той и другой стороны и сшивается съ другимъ ремешкомъ, чтобы вышеназванныя полосы хорошо и крѣпко сходились вмѣстѣ, и образуютъ изъ полосъ какъ бы одинъ ремень, а послѣ связываютъ все по кускамъ такъ, какъ сказано

выше. И они дѣлаютъ это какъ для вооруженія коней, такъ и людей. И они заставляютъ это такъ блестѣть, что человѣкъ можетъ видѣть въ нихъ свое лицо.

III. У нѣкоторыхъ изъ нихъ есть копья, и на шейкѣ желѣза копья они имѣютъ крюкъ, которымъ, если могутъ, стаскиваютъ человѣка съ сѣдла. Длина ихъ стрѣлъ составляетъ два фута, одну ладонь и два пальца, а такъ какъ футы различны, то мы приводимъ здѣсь мѣру геометрическаго фута: двѣнадцать зеренъ ячменя составляютъ поперечникъ пальца, а шестнадцать поперечниковъ пальцевъ образуютъ геометриче-

Способъ переправы Татаръ черезъ рѣку (стр. 30).

скій футъ. Желѣзные наконечники стрѣлъ весьма остры и рѣжутъ съ обѣихъ сторонъ на подобіе обоюдоостраго меча; и они всегда носятъ при колчанѣ напильники для изощренія стрѣлъ. Вышеупомянутые желѣзные наконечники имѣютъ острый хвостъ, длиною въ одинъ палецъ, который вставляется въ дерево. Щитъ у нихъ сдѣланъ изъ ивовыхъ или другихъ прутьевъ, но мы не думаемъ, чтобы они носили ихъ иначе, какъ въ лагерѣ и для охраны Императора и князей, да и то только ночью. Есть у нихъ также и другія стрѣлы для стрѣлянія птицъ, звѣрей и безоружныхъ людей, въ три пальца ширины. Есть у нихъ, далѣе, и другія разнообразныя стрѣлы для стрѣлянія птицъ и звѣрей.

§ III. *О хитростяхъ при столкновеніи.*

Когда они желаютъ пойти на войну, они отправляютъ впередъ передовыхъ застрѣльщиковъ (praecursores), у которыхъ нѣтъ съ собой ничего, кромѣ войлоковъ, лошадей и оружія. Они ничего не грабятъ, не жгутъ домовъ, не убиваютъ звѣрей, а только ранятъ и умерщвляютъ людей, а, если не могутъ иного, обращаютъ ихъ въ бѣгство; все же они гораздо охотнѣе убиваютъ, чѣмъ обращаютъ въ бѣгство. За ними слѣдуетъ войско, которое, наоборотъ, забираетъ все, что находитъ; также и людей, если ихъ могутъ найти, забираютъ въ плѣнъ или убиваютъ. Тѣмъ не менѣе все же стоящіе въ главѣ войска посылаютъ послѣ этого глашатаевъ, которые должны находить людей и укрѣпленія, и они очень искусны въ розыскахъ.

II. Когда же они добираются до рѣкъ, то переправляются черезъ нихъ, даже если онѣ и велики, слѣдующимъ образомъ: болѣе знатные имѣютъ круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругомъ они дѣлаютъ частыя ручки, въ которыя вставляютъ веревку и завязываютъ, такъ что образуютъ въ общемъ нѣкій круглый мѣшокъ, который наполняютъ платьями и инымъ имуществомъ, и очень крѣпко связываютъ вмѣстѣ; послѣ этого, въ срединѣ кладутъ сѣдла и другіе болѣе жесткіе предметы; люди также садятся въ срединѣ. И этотъ корабль, такимъ образомъ приготовленный, они привязываютъ къ хвосту лошади и заставляютъ плыть впередъ, наравнѣ съ лошадью, человѣка, который бы управлялъ лошадью. Или иногда они берутъ два весла, ими гребутъ по водѣ и такимъ образомъ переправляются черезъ рѣку, лошадей же гонятъ въ воду, и одинъ человѣкъ плыветъ рядомъ съ лошадью, которою управляетъ, всѣ же другія лошади слѣдуютъ за той и такимъ образомъ переправляются чрезъ воды и большія рѣки. Другіе же, болѣе бѣдные, имѣютъ кошель изъ кожи, крѣпко сшитый; всякій обязанъ имѣть его. Въ этотъ кошель, или въ этотъ мѣшокъ, они кладутъ платье и все свое имущество, очень крѣпко связываютъ этотъ мѣшокъ вверху, вѣшаютъ на хвостъ коня и переправляются, какъ сказано выше.

III. Надо знать, что, всякій разъ какъ они завидятъ враговъ, они идутъ на нихъ, и каждый бросаетъ въ своихъ противниковъ три или четыре стрѣлы; и если они видятъ, что не могутъ ихъ побѣдить, то отступаютъ вспять къ своимъ; и это они дѣлаютъ ради обмана, чтобы враги преслѣдовали ихъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они устроили засаду; и, если ихъ враги преслѣдуютъ ихъ до вышеупомянутой засады, они окружаютъ ихъ и такимъ образомъ ранятъ и убиваютъ. Точно также, если они видятъ,

что противъ нихъ имѣется большое войско, они иногда отходятъ отъ него на одинъ или два дня пути и тайно нападаютъ на другую часть земли и разграбляютъ ее; при этомъ они убиваютъ людей и разрушаютъ и опустошаютъ землю. А если они видятъ, что не могутъ сдѣлать и этого, то отступаютъ назадъ на десять или на двѣнадцать дней пути. Иногда также они пребываютъ въ безопасномъ мѣстѣ, пока войско ихъ враговъ не раздѣлится, и тогда они приходятъ украдкой и опустошаютъ всю землю. Ибо въ войнахъ они весьма хитры, такъ какъ сражались съ другими народами уже сорокъ лѣтъ и даже болѣе.

IV. Когда же они желаютъ приступить къ сраженію, то располагаютъ всѣ войска такъ, какъ они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступаютъ въ бой, но стоятъ вдали противъ войска враговъ, и имѣютъ рядомъ съ собою на коняхъ отроковъ, а также женщинъ и лошадей. Иногда они дѣлаютъ изображенія людей и помѣщаютъ ихъ на лошадей; это они дѣлаютъ для того, чтобы заставить думать о большемъ количествѣ воюющихъ. Предъ лицомъ враговъ они посылаютъ отрядъ плѣнныхъ и другихъ народовъ, которые находятся между ними; можетъ быть, съ ними идутъ и какіе нибудь Татары. Другіе отряды болѣе храбрыхъ людей они посылаютъ далеко справа и слѣва, чтобы ихъ не видали ихъ противники, и такимъ образомъ окружаютъ противниковъ и замыкаютъ въ середину; и такимъ образомъ они начинаютъ сражаться со всѣхъ сторонъ. И, хотя ихъ иногда мало, противники ихъ, которые окружены, воображаютъ, что ихъ много. А въ особенности бываетъ это тогда, когда они видятъ тѣхъ, которые находятся при вождѣ или начальникѣ войска, отроковъ, женщинъ, лошадей и изображенія людей, какъ сказано выше, которыхъ они считаютъ за воителей, и вслѣдствіе этого приходятъ въ страхъ и замѣшательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраиваютъ имъ дорогу для бѣгства, и сряду, какъ тѣ начнутъ бѣжать и отдѣляться другъ отъ друга, они ихъ преслѣдуютъ и тогда, во время бѣгства, убиваютъ больше, чѣмъ могутъ умертвить на войнѣ. Однако надо знать, что, если можно обойтись иначе, они неохотно вступаютъ въ бой, но ранятъ и убиваютъ людей и лошадей стрѣлами, а когда люди и лошади ослаблены стрѣлами, тогда они вступаютъ съ ними въ бой.

§ IV. Объ осадѣ укрѣпленій.

Укрѣпленія они завоевываютъ слѣдующимъ способомъ. Если встрѣтится такая крѣпость, они окружаютъ ее; мало того, иногда они такъ ограждаютъ ее, что никто не можетъ войти или выйти; при этомъ они весьма храбро

сражаются орудіями и стрѣлами и ни на одинъ день или на ночь не прекращаютъ сраженія, такъ что находящіеся на укрѣпленіяхъ не имѣютъ отдыха; сами же Татары отдыхаютъ, такъ какъ они раздѣляютъ войска, и одно смѣняетъ въ бою другое, такъ что они не очень утомляются. И если они не могутъ овладѣть укрѣпленіемъ такимъ способомъ, то бросаютъ на него греческій огонь; мало того, они обычно берутъ иногда жиръ людей, которыхъ убиваютъ, и выливаютъ его въ растопленномъ видѣ на дома; и вездѣ, гдѣ огонь попадаетъ на этотъ жиръ, онъ горитъ, такъ сказать, неугасимо; все же его можно погасить, какъ говорятъ, наливъ вина или пива; если же онъ упадетъ на тѣло, то можетъ быть погашенъ треніемъ ладони руки. А если они не одолѣваютъ такимъ способомъ, и этотъ городъ или крѣпость имѣютъ рѣку, то они преграждаютъ ее или дѣлаютъ другое русло и, если можно, потопляютъ это укрѣпленіе. Если же этого сдѣлать нельзя, то они дѣлаютъ подкопъ подъ укрѣпленіе и подъ землею входятъ въ него въ оружіи. А когда они уже вошли, то одна часть бросаетъ огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется съ людьми того укрѣпленія. Если же и такъ они не могутъ побѣдить его, то ставятъ противъ него свой лагерь или укрѣпленіе, чтобы не видѣть тягости отъ вражескихъ копій, и стоятъ противъ него долгое время, если войско, которое съ ними борется, случайно не получитъ подмоги и не удалитъ ихъ силою.

§ V. *О вѣроломствѣ Татаръ и о жестокости противъ плѣнныхъ.*

Но когда они уже стоятъ противъ укрѣпленія, то ласково говорятъ съ его жителями и много обѣщаютъ имъ съ тою цѣлью, чтобы тѣ предались въ ихъ руки; а если тѣ сдадутся имъ, то говорятъ: «Выйдите, чтобы сосчитать васъ согласно нашему обычаю». А когда тѣ выйдутъ къ нимъ, то Татары спрашиваютъ, кто изъ нихъ ремесленники, и ихъ оставляютъ, а другихъ, исключая тѣхъ, кого захотятъ имѣть рабами, убиваютъ топоромъ; и если, какъ сказано, они щадятъ кого нибудь иныхъ, то людей благородныхъ и почтенныхъ не щадятъ никогда, а если случайно, въ силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняютъ какихъ нибудь знатныхъ лицъ, то тѣ не могутъ болѣе выйти изъ плѣна ни мольбами, ни за выкупъ. Во время же войнъ они убиваютъ всѣхъ, кого берутъ въ плѣнъ, развѣ только пожелаютъ сохранить кого нибудь, чтобы имѣть ихъ въ качествѣ рабовъ. Назначенныхъ на убіеніе они раздѣляютъ между сотниками, чтобы они умерщвляли ихъ обоюдоострою сѣкирою; тѣ же, послѣ этого, раздѣляютъ плѣнниковъ и даютъ каждому рабу для умерщвленія десять человѣкъ или больше, или меньше, сообразно съ тѣмъ, какъ угодно начальствующимъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ они заключаютъ миръ съ людьми; о названіяхъ земель, которыя они покорили; о земляхъ, которыя оказали имъ сопротивленіе, и о жестокости, которую они проявляютъ къ своимъ подданнымъ.

Описавъ, какимъ образомъ они воюютъ, надлежитъ сказать о земляхъ, которыя они подчинили своей власти. Объ этомъ напишемъ мы такимъ образомъ: сперва скажемъ, какъ они заключаютъ миръ съ людьми; во-вторыхъ — объ названіяхъ земель, которыя они себѣ подчинили; въ-третьихъ—о земляхъ, которыя оказали имъ мужественное сопротивленіе; въ-четвертыхъ—о жестокости, которую они проявляютъ къ своимъ подданнымъ.

§ I. Какъ они заключаютъ миръ съ людьми.

Надо знать, что они не заключаютъ мира ни съ какими людьми, если тѣ имъ не подчинятся, потому что, какъ сказано выше, они имѣютъ приказъ отъ Хингисъ-кана, чтобы, если можно, подчинить себѣ всѣ народы. И вотъ чего Татары требуютъ отъ нихъ: чтобы они шли съ ними въ войскѣ противъ всякаго человѣка, когда имъ угодно, и чтобы они давали имъ десятую часть отъ всего, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Именно они отсчитываютъ десять отроковъ и берутъ одного и точно также поступаютъ и съ дѣвушками; они отвозятъ ихъ въ свою страну и держатъ въ качествѣ рабовъ. Остальныхъ они считаютъ и распредѣляютъ согласно своему обычаю. А когда они получатъ полную власть надъ ними, то, если что и обѣщали имъ, не исполняютъ ничего, но пытаются повредить имъ всевозможными способами, какіе только соотвѣтственно могутъ найти противъ нихъ. Напримѣръ, въ бытность нашу въ Руссіи, былъ присланъ туда одинъ Сарацинъ, какъ говорили, изъ партіи Куйюкъ-кана и Батыя. И этотъ намѣстникъ у всякаго человѣка, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, какъ намъ говорили впослѣдствіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уводилъ всѣхъ мущинъ, не имѣвшихъ женъ, и точно также поступалъ съ женщинами, не имѣвшими законныхъ мужей, а равнымъ образомъ выселялъ онъ и бѣдныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе нищенствомъ. Остальныхъ же, согласно своему обычаю, пересчиталъ, приказывая, чтобы каждый, какъ малый, такъ и большой, даже однодневный младенецъ, или бѣдный, или богатый, платилъ такую дань, именно, чтобы онъ давалъ одну шкуру бѣлаго медвѣдя, одного чернаго бобра, одного чернаго соболя, одну черную шкуру нѣкоего животнаго, имѣющаго пристанище въ той землѣ, названіе котораго мы не умѣемъ

передать по-латыни, а по-нѣмецки оно называется ильтисъ (iltis). Поляки же и Русскіе называютъ этого звѣря дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякій, кто не дастъ этого, долженъ быть отведенъ къ Татарамъ и обращенъ въ ихъ раба.

II. Они посылаютъ также за государями земель, чтобы тѣ являлись къ нимъ безъ замедленія; а когда они придутъ туда, то не получаютъ никакого должнаго почета, а считаются наряду съ другими презрѣнными личностями, и имъ надлежитъ подносить великіе дары какъ вождямъ, такъ и ихъ женамъ, и чиновникамъ, тысячникамъ и сотникамъ; мало того, всѣ вообще, даже и сами рабы, просятъ у нихъ даровъ съ великою надоѣдливостью, и не только у нихъ, а даже и у ихъ пословъ, когда тѣхъ посылаютъ къ нимъ. Для нѣкоторыхъ также они находятъ случай, чтобы ихъ убить, какъ было сдѣлано съ Михаиломъ и съ другими; инымъ же они позволяютъ вернуться, чтобы привлечь другихъ; нѣкоторыхъ они губятъ также напитками или ядомъ. Ибо ихъ замыселъ заключается въ томъ, чтобы имъ однимъ господствовать на землѣ, поэтому они выискиваютъ случаи противъ знатныхъ лицъ, чтобы убить ихъ. У другихъ же, которымъ они позволяютъ вернуться, они требуютъ ихъ сыновей или братьевъ, которыхъ больше никогда не отпускаютъ, какъ было сдѣлано съ сыномъ Ярослава, нѣкіимъ вождемъ Алановъ и весьма многими другими. И если отецъ или братъ умираетъ безъ наслѣдника, то они никогда не отпускаютъ сына или брата; мало того, они забираютъ себѣ всецѣло его государство, какъ, мы видѣли, было сдѣлано съ однимъ вождемъ Солангoвъ.

III. Башаѳовъ (Baschathos), или намѣстниковъ своихъ, они ставятъ въ землѣ тѣхъ, кому позволяютъ вернуться; какъ вождямъ, такъ и другимъ подобаетъ повиноваться ихъ мановенію, и если люди какого нибудь города или земли не дѣлаютъ того, что они хотятъ, то эти башаѳы возражаютъ имъ, что они невѣрны Татарамъ, и такимъ образомъ разрушаютъ ихъ городъ или землю, а людей, которые въ ней находятся, убиваютъ при помощи сильнаго отряда Татаръ, которые приходятъ, безъ вѣдома жителей, по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на нихъ, какъ недавно случилось, еще въ бытность нашу въ землѣ Татаръ, съ однимъ городомъ, который они сами поставили надъ Русскими въ землѣ Командовъ. И не только государь Татаръ, захватившій землю, или намѣстникъ его, но и всякій Татаринъ, проѣзжающій черезъ эту землю или городъ, является какъ бы владыкой надъ жителями, въ особенности тотъ, кто считается у нихъ болѣе знатнымъ. Сверхъ того, они требуютъ и забираютъ безъ всякаго условія золото и серебро и другое, что угодно, и сколько угодно.

IV. Сверхъ того, если у тѣхъ государей, которые имъ сдались, возникаютъ какіе нибудь спорные случаи, то имъ надлежитъ отправляться для разбирательства къ Императору Татаръ, какъ случилось недавно съ двумя сыновьями царя Георгіаніи. Именно, одинъ былъ законный, а другой, имя котораго было Давидъ, родился отъ прелюбодѣянія; законнаго же звали Меликъ; сыну прелюбодѣйки отецъ оставилъ часть земли; другой же, который былъ моложе, поѣхалъ вмѣстѣ съ матерью къ Императору Татаръ ради того, что вышеупомянутый Давидъ предвосхитилъ путь къ нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгіанская, по которой мужъ владѣлъ царствомъ, такъ какъ то царство находилось во владѣніи по женщинамъ, умерла въ дорогѣ. Они же, по прибытіи, роздали огромные подарки, въ особенности же законный сынъ, требовавшій части земли, которую отецъ оставилъ сыну своему Давиду, такъ какъ этотъ послѣдній, будучи сыномъ прелюбодѣйки, не долженъ былъ владѣть ей. Тотъ же отвѣчалъ: «Пусть я сынъ наложницы, все-же я прошу, чтобы мнѣ оказана была справедливость по обычаю Татаръ, не дѣлающихъ никакого различія между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговоръ былъ произнесенъ противъ законнаго сына, чтобы онъ подчинился Давиду, который былъ старше, и чтобы онъ владѣлъ спокойно и мирно тою землею, которую далъ ему отецъ, и такимъ образомъ младшій сынъ потерялъ розданные имъ дары и проигралъ дѣло, которое велъ противъ брата своего Давида.

V. Они берутъ дань также съ тѣхъ народовъ, которые находятся далеко отъ нихъ и смежны съ другими народами, которыхъ до извѣстной степени они боятся, и которые имъ не подчинены, и поступаютъ съ ними, такъ сказать, участливо, чтобы тѣ не привели на нихъ войска, или также чтобы другіе не страшились предаться имъ, какъ они поступили съ Обезами или Георгіанами, отъ которыхъ, какъ сказано, они получаютъ въ качествѣ дани пятьдесятъ или сорокъ тысячъ иперперовъ или бизанціевъ. Другимъ народамъ они даютъ еще пребывать въ спокойствіи; однако, согласно тому, что мы отъ нихъ узнали, намѣреваются завоевать ихъ.

§ II. О названіяхъ земель, которыя они себѣ подчинили.

Названія земель, которыя они одолѣли, суть слѣдующія: Китаи, Найманы, Соланги, Каракитаи или черные Китаи, Комана, Туматъ, Войратъ, Караниты, Гуйюръ (Huyur), Сумонгалъ, Меркиты, Мекриты, Саригуйюръ, Баскартъ, то есть великая Венгрія, Кергисъ, Касмиръ, Сарацены, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгарія, Корола, Комуки, Буритабетъ, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы или Ассы, Обезы или

Георгіаны, Несторіаны, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Іудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки, малая Индія или Эѳіопія, Чиркасы, Руѳены, Балдахъ, Сарты; есть и еще много земель, но именъ ихъ мы не знаемъ. Мы видѣли даже мущинъ и женщинъ почти изъ всѣхъ вышеназванныхъ странъ.

§ III. О земляхъ, которыя оказали имъ мужественное сопротивленіе.

Имена земель, оказавшихъ имъ мужественное сопротивленіе и доселѣ еще не подчиненыхъ имъ, суть слѣдующія: великая Индія, Мангія, нѣкая часть Алановъ, нѣкая часть Китаевъ, Саксы; именно, какъ намъ говорили тамъ же, они осадили одинъ городъ вышеназванныхъ Саксовъ и пытались завоевать ихъ, но тѣ сдѣлали машины противъ ихъ машинъ и сломали всѣ машины Татаръ, такъ что тѣ, изъ-за машинъ и баллистъ, не могли приблизиться къ городу для сраженія; наконецъ, они сдѣлали дорогу подъ землею и вскочили въ городъ; и одни пытались зажечь городъ, а другіе сражались. Жители же города назначили одну часть населенія для тушенія огня, а другая часть храбро сразилась съ тѣми, которые вошли въ городъ, и многихъ изъ нихъ убила, а другихъ ранила, заставляя ихъ вернуться къ своимъ; а сами Татары, видя, что не могутъ ничего сдѣлать, и что многіе изъ нихъ умираютъ, удалились отъ нихъ.

§ IV. О жестокости, которую они проявляютъ къ своимъ подданнымъ.

Въ землѣ Саррациновъ и другихъ, въ средѣ которыхъ они являются какъ бы господами, они забираютъ всѣхъ лучшихъ ремесленниковъ и приставляютъ ихъ ко всѣмъ своимъ дѣламъ. Другіе же ремесленники платятъ имъ дань отъ своего занятія. Всѣ посѣвы они убираютъ въ житницы своихъ господъ; однако тѣ отпускаютъ имъ сѣмянъ, а также столько хлѣба, сколько имъ вполнѣ достаточно для продовольствія; другимъ же каждому они даютъ на день хлѣба на вѣсъ, но очень немного, а также не удѣляютъ имъ ничего другого, какъ небольшую порцію мяса трижды въ недѣлю. И они дѣлаютъ это только для тѣхъ ремесленниковъ, которые пребываютъ въ городахъ. Сверхъ того, когда угодно господамъ, они забираютъ всѣхъ юношей съ женами и сыновьями и заставляютъ идти сзади себя со всѣми своими слугами. Впрочемъ, эти юноши принадлежатъ къ числу Татаръ, а, вѣрнѣе сказать, къ числу плѣнныхъ, такъ какъ, хотя они считаются въ ихъ средѣ, однако не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ Татары, но приравниваются къ рабамъ и посылаются на всѣ опасности,

какъ другіе плѣнные. Ибо въ войнахъ они идутъ первыми, а также, если приходится перейти болото или опасную воду, то имъ надлежитъ сперва извѣдать бродъ. Имъ также нужно работать все, что надлежитъ дѣлать. Точно также, если они кого нибудь оскорбятъ, или не повинуются по мановенію, то ихъ бьютъ, какъ ословъ. И, говоря кратко, они мало что ѣдятъ, мало пьютъ и очень скверно одѣваются, если только они не могутъ что нибудь заработать въ качествѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и другихъ хорошихъ ремесленниковъ. Но нѣкоторые имѣютъ такихъ плохихъ господъ, что тѣ имъ ничего не отпускаютъ, и у нихъ нѣтъ времени, отъ множества господскихъ дѣлъ, чтобы заработать себѣ что нибудь, если они не украдутъ для себя времени, когда, можетъ быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могутъ дѣлать тѣ, кому позволено имѣть женъ или собственную ставку. Другіе же, которыхъ держатъ дома въ качествѣ рабовъ, достойны всякой жалости: мы видѣли, какъ они весьма часто ходятъ въ мѣховыхъ штанахъ, а прочее тѣло у нихъ все нагое, несмотря на сильнѣйшій солнечный зной, зимою же, они испытываютъ сильнѣйшій холодъ. Мы видѣли также, что иные отъ сильной стужи теряли пальцы на ногахъ и рукахъ; слышали мы также, что другіе умирали, или также отъ сильной стужи всѣ члены тѣла ихъ становились, такъ сказать, непригодными.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ надлежитъ встрѣтить Татаръ на войнѣ, что они замышляютъ, объ оружіи и устройствѣ войскъ, какъ надлежитъ встрѣтить ихъ хитрости въ бою, объ укрѣпленіи крѣпостей и городовъ и что надлежитъ дѣлать съ плѣнными.

Сказавъ о земляхъ, которыя имъ повинуются, слѣдуетъ изложить, какъ надлежитъ встрѣтить Татаръ на войнѣ. Объ этомъ, кажется, намъ слѣдуетъ сказать такимъ образомъ: сперва слѣдуетъ написать о томъ, что они замышляютъ, во-вторыхъ — объ оружіи и устройствѣ войскъ, въ-третьихъ, какъ надлежитъ встрѣтить ихъ хитрости при столкновеніи въ-четвертыхъ—объ укрѣпленіи крѣпостей и городовъ, въ-пятыхъ, что надлежитъ дѣлать съ ихъ плѣнными.

§ I. Что замышляютъ Татары.

I. Замыселъ Татаръ состоитъ въ томъ, чтобы покорить себѣ, если можно, весь міръ, и объ этомъ, какъ сказано выше, они имѣютъ приказъ Хингисъ-кана. Поэтому ихъ императоръ такъ пишетъ въ своихъ

грамотахъ: «Храбрость Бога, императоръ всѣхъ людей»; и въ написаніи печати его стоитъ слѣдующее: «Богъ на небѣ и Куйюкъ-канъ надъ землею храбрость Божія. Печать императора всѣхъ людей». И потому, какъ сказано, они не заключаютъ мира ни съ какими людьми, если только тѣ случайно не предаются въ ихъ руки. И такъ какъ, за исключеніемъ Христіанства, нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, которой бы они ни владѣли, то поэтому они приготовляются къ бою противъ насъ. Отсюда да знаютъ всѣ, что, въ бытность нашу въ землѣ Татаръ, мы присутствовали въ торжественномъ засѣданіи, которое было назначено уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, гдѣ они въ нашемъ присутствіи избрали въ императоры, который на ихъ языкѣ именуется канъ, Куйюка. Этотъ вышеназванный Куйюкъ-канъ поднялъ со всѣми князьями знамя противъ Церкви Божіей и Римской Имперіи, противъ всѣхъ царствъ Христіанъ и противъ народовъ Запада въ случаѣ, если бы они не исполнили того, что онъ приказываетъ Господину Папѣ, государямъ и всѣмъ народамъ Христіанъ на Западѣ. Намъ кажется, что этого отнюдь не слѣдуетъ исполнять какъ по причинѣ чрезмѣрнаго и невыносимаго рабства, которое доселѣ неслыхано, которое мы видѣли своими глазами и въ которое они обращаютъ всѣ народы, имъ подчиненные, такъ и потому, что къ нимъ нѣтъ никакой вѣры, и ни одинъ народъ не можетъ довѣрять ихъ словамъ, ибо они не соблюдаютъ всего того, что обѣщаютъ, когда видятъ, что обстоятельства имъ благопріятствуютъ, коварны во всѣхъ своихъ дѣлахъ и обѣщаніяхъ, замышляютъ даже, какъ сказано выше, уничтожить съ земли всѣхъ государей, всѣхъ вельможъ, всѣхъ воиновъ и благородныхъ мужей, и дѣлаютъ это, по отношенію къ своимъ подданнымъ, коварно и искусно. Точно также недостойно Христіанъ подчиниться имъ, вслѣдствіе мерзостей ихъ, и потому, что почитаніе Бога сводится у нихъ ни къ чему, души погибаютъ, тѣла терпятъ разнообразныя мученія больше, чѣмъ можно повѣрить; въ началѣ, правда, они льстивы, а послѣ жалятъ, какъ скорпіоны, терзаютъ и мучаютъ. Затѣмъ они меньше числомъ и слабѣе тѣломъ, чѣмъ христіанскіе народы.

II. А въ вышеупомянутомъ собраніи были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли ихъ державы изъ десяти человѣкъ они посылаютъ троихъ съ ихъ слугами. Одно войско, какъ намъ говорили, должно вступить черезъ Венгрію, другое—черезъ Польшу; придутъ же они съ тѣмъ, чтобы сражаться безпрерывно 18 лѣтъ. Имъ назначенъ срокъ похода: въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ мы нашли войско, набранное у всѣхъ Татаръ, черезъ область которыхъ мы проѣзжали, у земли Руссіи; въ три или четыре года они дойдутъ до Команіи, изъ Команіи же

сдѣлаютъ набѣгъ на вышеуказанныя земли. Однако мы не знаемъ, придутъ ли они сряду послѣ третьей зимы или подождутъ еще до времени, чтобы имѣть возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей милости, не сдѣлаетъ имъ какого либо препятствія, какъ Онъ сдѣлалъ, когда они пришли въ Венгрію и Польшу. Именно, они должны были подвигаться впередъ, воюя тридцать лѣтъ, но ихъ императоръ былъ тогда умерщвленъ ядомъ, и вслѣдствіе этого они донынѣ успокоились отъ битвъ. Но теперь, такъ какъ императоръ избранъ сызнова, они начинаютъ снова готовиться къ бою. Еще надо знать, что Императоръ собственными устами сказалъ, что желаетъ послать свое войско въ Ливонію и Пруссію.

III. И такъ какъ онъ замышляетъ разорить или обратить въ рабство всю землю, а это рабство, такъ сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежитъ, стало быть, какъ сказано выше, встрѣтить ихъ на войнѣ. Но если одна область не захочетъ подать помощь другой, то та земля, противъ которой они сражаются, будетъ разорена, и вмѣстѣ съ тѣми людьми, которыхъ они заберутъ въ плѣнъ, они будутъ сражаться противъ другой земли, и эти плѣнники будутъ первыми въ строю. Если они плохо будутъ сражаться, то будутъ ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживаютъ ихъ посулами и льстивыми рѣчами, а также, чтобы тѣ не убѣжали отъ нихъ, сулятъ имъ, что сдѣлаютъ ихъ великими господами, а послѣ того, какъ могутъ быть увѣренными на ихъ счетъ, что они не уйдутъ, обращаютъ ихъ въ злосчастнѣйшихъ рабовъ; точно такъ же поступаютъ они и съ женщинами, которыхъ желаютъ держать въ качествѣ рабынь и наложницъ. И такимъ образомъ вмѣстѣ съ людьми побѣжденной области они разоряютъ другую землю. И нѣтъ, какъ намъ кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себѣ оказать имъ сопротивленіе, если только за ея жителей не пожелаетъ сражаться Богъ, потому что, какъ сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татаръ. Отсюда, если Христіане хотятъ сохранить себя самихъ, свою землю и Христіанство, то царямъ, князьямъ, баронамъ и правителямъ земель надлежитъ собраться во едино и съ общаго рѣшенія послать противъ нихъ людей на бой, прежде чѣмъ они начнутъ распространяться по землѣ, такъ какъ, разъ они начнутъ разсѣиваться по землѣ, ни одинъ не можетъ соотвѣтственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскиваютъ повсюду людей и убиваютъ, а если кто запрется въ крѣпости, то они ставятъ вокругъ крѣпости или города, для осады ихъ, три или четыре тысячи людей и больше, а сами тѣмъ не менѣе разсѣиваются по землѣ и убиваютъ людей.

§ II. Объ оружіи и устройствѣ войскъ.

I. Всѣ же, желающіе сражаться съ ними, должны имѣть слѣдующее оружіе: хорошіе и крѣпкіе луки, баллисты, которыхъ они очень боятся, достаточное количество стрѣлъ, палицу (dolabrum) изъ хорошаго желѣза, или сѣкиру съ длинной ручкой (острія стрѣлъ для лука или баллисты должны, какъ у Татаръ, когда они горячія, закаляться въ водѣ, смѣшанной съ солью, чтобы они имѣли силу пронзить ихъ оружіе), также мечи и копья съ крючкомъ, чтобы имѣть возможность стаскивать ихъ съ сѣдла, такъ какъ они весьма легко падаютъ съ него, ножики и двойныя латы, такъ какъ стрѣлы ихъ не легко пронзаютъ ихъ, шлемъ и другое оружіе для защиты тѣла и коня отъ оружія и стрѣлъ ихъ. А если нѣкоторые не вооружены такъ хорошо, какъ мы сказали, то они должны идти сзади другихъ, какъ дѣлаютъ Татары, и стрѣлять въ нихъ изъ луковъ или баллистъ. И не должно щадить денегъ на приготовленіе оружія, чтобы имѣть возможность спасти душу, тѣло, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежитъ подчинить, подобно Татарамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ и вождямъ войска. Эти вожди никоимъ образомъ не должны вступать въ сраженіе, какъ не вступаютъ и ихъ вожди, но должны смотрѣть за войскомъ и поддерживать порядокъ. Они должны также установить законъ выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, какъ они построены, и всякій, кто покинетъ другого, или идущаго на войну, или сражающагося, или всякій, кто побѣжитъ, если не отступаютъ всѣ вмѣстѣ, долженъ быть подвергнутъ тяжкому наказанію, такъ какъ тогда часть воюющихъ [Татаръ] преслѣдуетъ бѣгущихъ и убиваетъ ихъ стрѣлами, а часть сражается съ тѣми, кто остается, и такимъ образомъ приводятся въ замѣшательство и подвергаются избіенію и остающіеся, и бѣгущіе. И равнымъ образомъ всякій, кто обратится къ собиранію добычи, раньше чѣмъ войско противниковъ будетъ окончательно побѣждено, долженъ быть подвергнутъ самой тяжкой пенѣ. Ибо у Татаръ такого человѣка убиваютъ безъ всякаго состраданія.

§ III. Какъ надлежитъ встрѣтить ихъ хитрости при столкновеніи.

Если возможно, то мѣсто для сраженія должно выбрать такое, гдѣ простирается гладкая равнина и Татаръ можно отовсюду видѣть; если можно, то съ тыла или съ боку надлежитъ имѣть большой лѣсъ, но такъ, чтобы Татары не могли проникнуть между войскомъ и лѣсомъ. И не должно

всѣмъ заразъ собираться во едино, но слѣдуетъ устроить много отрядовъ, раздѣленныхъ взаимно, однако не очень отстоящихъ другъ отъ друга; противъ тѣхъ, кто идетъ сперва, надлежитъ послать одинъ отрядъ, чтобы онъ вышелъ имъ на встрѣчу; если же Татары устроятъ притворное бѣгство, то не надо идти далеко сзади ихъ, если случайно нельзя осмотрѣться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно въ уготованную засаду, какъ они обычно дѣлаютъ, и другой отрядъ долженъ быть готовъ, чтобы помочь, на случай нужды, тому отряду. Сверхъ того, надо имѣть со всѣхъ сторонъ лазутчиковъ, чтобы увидѣть, когда придутъ другіе отряды Татаръ, сзади, справа или слѣва, и всегда должно отправлять имъ на встрѣчу отрядъ противъ отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своихъ непріятелей въ серединѣ; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имѣли возможности сдѣлать это, потому что въ такомъ случаѣ войско легче всего терпитъ пораженіе. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бѣжать за ними далеко, по причинѣ засадъ, которыя они обычно устрояютъ, ибо они болѣе борются коварствомъ, чѣмъ храбростью.

II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тѣмъ, кто находится въ бою, и вслѣдствіе этого должно также избѣгать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, такъ какъ у нашихъ нѣтъ изобилія въ лошадяхъ, а Татары на ту лошадь, на которой ѣздятъ одинъ день, не садятся послѣ того три или четыре дня; отсюда, вслѣдствіе имѣющагося у нихъ изобилія въ лошадяхъ, они не заботятся о томъ, не утомились-ли ихъ лошади. И если Татары отступаютъ, то наши все-же не должны отходить или раздѣляться взаимно, такъ какъ они дѣлаютъ это притворно, чтобы раздѣлить войска и послѣ того вступить свободно въ землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться отъ излишней, какъ это въ обычаѣ, траты съѣстныхъ припасовъ, чтобы изъ-за недостатка въ нихъ не быть вынужденными вернуться и открыть Татарамъ дорогу перебить войско и другихъ, разорить всю землю и подвергнуть, отъ ихъ распространенія, хуленію имя Божіе. Но это должно дѣлать старательно, чтобы, если какимъ нибудь ратникамъ выпадетъ на долю отступить, другіе заняли ихъ мѣсто.

III. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днемъ и ночью, чтобы Татары не ринулись на нихъ внезапно и неожиданно, потому что они, какъ демоны, измышляютъ много злокозненностей и способовъ вредить; мало того, должно быть всегда готовыми, какъ днемъ, такъ и ночью, не должно ложиться раздѣтыми и съ прохладой сидѣть за столомъ, чтобы нельзя было застать насъ неприготовленными, такъ какъ Татары всегда бодрствуютъ, чтобы высмотрѣть, какимъ образомъ они могутъ

причинить вредъ. Жители же страны, ожидающіе Татаръ или боящіеся, что они придутъ на нихъ, должны имѣть сокрытыя ямы, куда должны отложить посѣвы, равно какъ и другое, по двумъ причинамъ, именно, чтобы Татары не могли овладѣть этимъ, и чтобы, если Богъ окажется къ нимъ милостивымъ, получить возможность обрѣсти это впослѣдствіи, когда Татары побѣгутъ изъ ихъ земли. Сѣно и солому надлежитъ сжечь и крѣпко спрятать, чтобы Татарскія лошади тѣмъ менѣе находили себѣ пищи для ѣды.

§ IV. *Объ укрѣпленіи крѣпостей и городовъ.*

При желаніи же укрѣпить города и крѣпости, прежде надлежитъ разсмотрѣть, каково ихъ мѣстоположеніе. Именно, мѣстоположеніе крѣпостей должно быть таково, чтобы ихъ нельзя было завоевать орудіями и стрѣлами, чтобы у нихъ было достаточно воды и дровъ, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресѣчь къ нимъ входъ и выходъ и чтобы было достаточное количество лицъ, могущихъ сражаться попеременно. И должно тщательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы Татары не могли взять крѣпости какою нибудь хитростью. Должно имѣть запасъ продовольствія, достаточный на много лѣтъ; слѣдуетъ все же тщательно сохранять съѣстные припасы и изводить ихъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ, такъ какъ неизвѣстно, сколько времени придется быть заключенными въ крѣпости. Именно, когда они начинаютъ осаждать какую нибудь крѣпость, то осаждаютъ ее много лѣтъ, какъ это происходитъ и въ нынѣшній день съ одной горой въ землѣ Алановъ. Какъ мы полагаемъ, они осаждали ее уже двѣнадцать лѣтъ, причемъ тѣ оказали имъ мужественное сопротивленіе и убили многихъ Татаръ и притомъ вельможъ. Другіе же крѣпости и города, не имѣющіе подобнаго положенія, надлежитъ сильно укрѣпить глубокими и обнесенными стѣнами рвами и хорошо устроенными стѣнами; и надлежитъ имѣть достаточное количество луковъ и стрѣлъ, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарамъ выставлять свои машины, но отражать ихъ своими машинами; и если случайно, при помощи какой нибудь выдумки или какой нибудь хитрости, Татары воздвигнутъ свои машины, то надо, если возможно, разрушать ихъ своими машинами; должно также оказывать сопротивленіе, при помощи баллистъ, пращей и орудій, чтобы они не приближались къ городу. Должно также быть готовыми и въ другихъ отношеніяхъ, какъ сказано выше. Должно также тщательно смотрѣть за крѣпостями и городами, расположенными при рѣкахъ, чтобы ихъ нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любятъ, чтобы люди запирались въ городахъ и крѣпо-

стяхъ, чѣмъ чтобы сражались съ ними на полѣ. Именно, они говорятъ, что это ихъ поросята, запертые въ хлѣву, отчего и приставляютъ къ нимъ стражей, какъ сказано выше.

§ V. *Что надлежитъ сдѣлать съ плѣнными.*

Если же какіе нибудь Татары будутъ на войнѣ сброшены со своихъ лошадей, то ихъ тотчасъ слѣдуетъ брать въ плѣнъ, потому что, будучи на землѣ, они сильно стрѣляютъ, ранятъ и убиваютъ лошадей и людей. И, если ихъ сохранить, они могутъ оказаться такими, что изъ-за нихъ можно получить, такъ сказать, вѣчный миръ и взять за нихъ большія деньги, такъ какъ они очень любятъ другъ друга. А какъ распознать Татаръ, сказано выше, именно тамъ, гдѣ было изложено объ ихъ внѣшности; однако когда ихъ берутъ въ плѣнъ, и если ихъ должно сохранить, то надо приставить бдительный караулъ, чтобы они не убѣжали. Вмѣстѣ съ ними бываетъ также много другихъ народовъ, которыхъ можно отличить отъ нихъ, благодаря указанной выше внѣшности. Надо также знать, что вмѣстѣ съ ними въ войскѣ есть много такихъ, которые, если улучать удобное время и получать увѣренность, что наши не убьютъ ихъ, будутъ сражаться съ ними, какъ сами сказали намъ, изо всѣхъ частей войска, и причинятъ имъ больше зла, чѣмъ другіе, являющіеся ихъ сильными непріятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужнымъ привести только, какъ лично видѣвшіе и слышавшіе это, и не для того, чтобы учить лицъ свѣдущихъ, которыя, служа въ боевомъ войскѣ, знаютъ военныя хитрости. Именно, мы увѣрены, что тѣ, кто опытенъ и свѣдущъ въ этомъ, придумаютъ и сдѣлаютъ много лучшаго и болѣе полезнаго; однако они получатъ возможность, благодаря вышесказанному, имѣть случай и содержаніе для размышленія. Ибо сказано въ Писаніи: «Слыша, мудрецъ будетъ мудрѣе, и разумный будетъ обладать кормилами».

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА.

О тѣхъ областяхъ, черезъ которыя мы проѣхали, и объ ихъ положеніи, о дворѣ Императора Татаръ и его князей и о свидѣтеляхъ, которые насъ тамъ нашли.

Сказавъ, какъ надлежитъ встрѣтить ихъ на войнѣ, скажемъ напослѣдокъ о пути, который мы свершили, о положеніи земель, черезъ которыя проѣхали, о порядкахъ двора Императора и его князей и о свидѣтеляхъ, которые нашли насъ въ землѣ Татаръ.

§ I. О пути, который мы свершили, и о положеніи земель, через которыя проѣхали.

I. Когда мы уже вознамѣрились, какъ сказано выше, отправиться къ Татарамъ, мы прибыли къ королю Богемскому. Когда мы спросили у него совѣта, такъ какъ этотъ государь былъ благосклоненъ къ намъ издавна, какая дорога лучше для нашего путешествія, онъ отвѣтилъ, что, какъ ему казалось, лучше было бы поѣхать черезъ Польшу и Руссію, ибо въ Польшѣ у него были родственники, съ помощью которыхъ мы могли бы выѣхать въ Руссію. И, давъ намъ грамоту и хорошихъ провожатыхъ, онъ приказалъ также давать продовольствіе по его землямъ и городамъ, пока мы не пріѣдемъ къ князю Силезіи, Болеславу, его племяннику, который былъ намъ также знакомъ и близокъ.

II. Онъ также далъ намъ свою грамоту, надежныхъ провожатыхъ и продовольствіе по своимъ помѣстьямъ и городамъ, пока мы не пріѣхали къ князю Ланцискому, Конраду. Въ это время, по споспѣшествующей намъ милости Божіей, туда прибылъ Господинъ Василько, князь Руссіи, отъ котораго мы полнѣе узнали о настроеніи Татаръ. Именно онъ посылалъ туда своихъ пословъ, которые вернулись къ нему и брату его, Даніилу, съ охранной грамотой для проѣзда къ Батыю для господина Даніила. Василько сказалъ намъ, что если мы захотимъ поѣхать къ нимъ, то намъ слѣдуетъ имѣть великіе дары для раздачи имъ, такъ какъ они требовали ихъ съ большою надоѣдливостью, а если ихъ не давали, то—что вполнѣ правдиво—посолъ не могъ соотвѣтственно исполнить своихъ дѣлъ; мало того, онъ, такъ сказать, не цѣнится ни во что. Мы же, не желая, чтобы дѣло Господина Папы и Церкви встрѣчало вслѣдствіе этого затрудненіе, приказали купить на то, что намъ было дано, какъ милостыня и для поддержанія жизни, нѣсколько шкуръ бобровъ, а также иныхъ различныхъ животныхъ. Князь Конрадъ и Княгиня Краковская, нѣкіе воины и Епископъ Краковскій, узнавъ это, подарили намъ также еще больше этихъ шкуръ. Также князь Конрадъ, сынъ его и Краковскій Епископъ очень усердно просили вышеупомянутаго Василько, чтобы онъ помогъ намъ, на сколько могъ, въ переѣздѣ къ Татарамъ; онъ отвѣтилъ имъ, что охотно это сдѣлаетъ.

III. Отсюда онъ повезъ насъ въ свою землю. И такъ какъ онъ задержалъ насъ на нѣсколько дней на своемъ иждивеніи, чтобы мы нѣсколько отдохнули, и, по нашей просьбѣ, приказалъ явиться къ намъ своимъ епископамъ, то мы прочли имъ грамоту Господина Папы, въ которой тотъ увѣщевалъ ихъ, что они должны вернуться къ единству святой матери

Церкви; мы также увѣщевали ихъ и даже склоняли къ тому же самому, на сколько могли, какъ князя, такъ епископовъ и всѣхъ другихъ, которые собрались. Но, такъ какъ въ то время, когда вышеупомянутый князь поѣхалъ въ Польшу, его братъ, князь Даніилъ, поѣхалъ къ Батыю, и его не было на лицо, то они не могли дать рѣшительный отвѣтъ, и намъ, для окончательнаго отвѣта, надлежало ждать возвращенія Даніила.

IV. Послѣ этого вышеназванный князь послалъ съ нами до Кіева одного служителя. Тѣмъ не менѣе все же мы ѣхали постоянно въ смертельной опасности изъ-за Литовцевъ, которые часто и тайно, насколько могли, дѣлали набѣги на землю Руссіи и особенно въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя мы должны были проѣзжать; и такъ какъ бо̀льшая часть людей Руссіи была перебита Татарами или отведена въ плѣнъ, то они поэтому отнюдь не могли оказать имъ сильное сопротивленіе, а со стороны самихъ Русскихъ мы были въ безопасности, благодаря вышеназванному служителю. Отсюда, по споспѣшествующей милости Божіей и избавившись отъ враговъ Креста Христова, мы прибыли въ Кіевъ, который служитъ столицею Руссіи; прибывъ туда, мы имѣли совѣщаніе о нашемъ путешествіи съ тысячникомъ и другими знатными лицами, бывшими тамъ-же. Они намъ отвѣтили, что если мы поведемъ въ Татарію тѣхъ лошадей, которыя у насъ были, то онѣ всѣ могутъ умереть, такъ какъ лежали глубокіе снѣга, и онѣ не умѣли добывать копытами траву подъ снѣгомъ, подобно лошадямъ Татаръ, а найти имъ для ѣды что нибудь другое нельзя, потому что у Татаръ нѣтъ ни соломы, ни сѣна, ни корму. Поэтому мы, послѣ совѣщанія, рѣшили оставить ихъ тамъ съ двумя слугами, которые должны были охранять ихъ. Вслѣдствіе этого намъ надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для полученія себѣ подводъ и провожатыхъ. Прежде чѣмъ попасть въ Кіевъ, мы смертельно заболѣли въ Даниловѣ; тѣмъ не менѣе все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозкѣ по снѣгу, чтобы дѣло Христіанства не могло испытать препятствія.

V. Итакъ, устроивъ всѣ эти дѣла въ Кіевѣ, на второй день послѣ праздника Очищенія Нашей Владычицы, мы на лошадяхъ тысячника и съ провожатыми поспѣшно направились изъ Кіева къ инымъ варварскимъ народамъ. Мы прибыли къ нѣкоему селенію, по имени Кановъ, которое было подъ непосредственной властью Татаръ. Начальникъ же селенія далъ намъ лошадей и провожатыхъ до другого селенія, начальникомъ коего былъ аланъ, по имени Михей, человѣкъ преисполненный всякой злобы и коварства. Именно, онъ самъ послалъ противъ насъ въ Кіевъ нѣкоторыхъ своихъ тѣлохранителей, дабы ложно сообщить намъ отъ имени Коренцы,

чтобы мы считались послами и чтобы явились къ нему. И хотя это не правда, онъ дѣлалъ это для того, чтобы имѣть возможность извлечь отъ насъ дары. Когда же мы добрались до него, онъ выказалъ себя очень недоступнымъ къ намъ и никоимъ образомъ не хотѣлъ насъ провожать, если мы не посулимъ ему подарковъ; мы же, видя, что иначе не можемъ подвинуться далѣе, посулили дать ему нѣсколько подарковъ, и, хотя мы давали ему то, что намъ казалось соотвѣтственнымъ, онъ не хотѣлъ брать, если мы не дадимъ ему большаго. Въ силу этого намъ пришлось прибавить согласно съ его желаніемъ, а кое что онъ утащилъ у насъ коварно, воровски и злобно.

VI. Послѣ этого мы выѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ понедѣльникъ четыредесятницы, и онъ проводилъ насъ до первой заставы Татаръ. И, когда въ первую пятницу послѣ дня Пепла мы стали останавливаться на ночлегъ при закатѣ солнца, на насъ ужаснымъ образомъ ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы отвѣтили, что мы послы Господина Папы, то они тотчасъ удалились, получивъ отъ насъ кое-что изъ съѣстного. Съ наступленіемъ утра, когда мы встали и подвинулись нѣсколько впередъ, намъ выѣхали на встрѣчу ихъ старѣйшины, бывшіе на заставѣ, спрашивая, зачѣмъ мы ѣдемъ къ нимъ и какое имѣемъ порученіе. Мы отвѣтили имъ, что мы послы Господина Папы, который является господиномъ и отцомъ Христіанъ, Онъ посылаетъ насъ какъ къ царю, такъ къ князьямъ и ко всѣмъ Татарамъ потому, что ему угодно, чтобы всѣ Христіане были друзьями Татаръ и имѣли миръ съ ними; сверхъ того, онъ желаетъ, чтобы Татары были велики на небѣ передъ Господомъ. Поэтому Господинъ Папа увѣщеваетъ ихъ какъ черезъ насъ, такъ и своей грамотой, чтобы они стали Христіанами и приняли вѣру Господа Нашего Іисуса Христа, потому что иначе они не могутъ спастись. Кромѣ того, онъ поручаетъ передать имъ, что удивляется такому огромному избіенію людей, произведенному Татарами, и главнымъ образомъ Христіанъ, а преимущественно Венгровъ, Моравовъ и Поляковъ, которые подвластны ему, хотя тѣ ихъ ничѣмъ не обидѣли и не пытались обидѣть. И такъ какъ Господь Богъ тяжко разгнѣвался на это, то Господинъ Папа увѣщеваетъ ихъ остерегаться отъ этого впредь и покаяться въ совершенномъ. Еще мы сказали, что Господинъ Папа просилъ, чтобы они отписали ему, что хотятъ дѣлать впередъ, и каково ихъ намѣреніе, и чтобы о всемъ вышесказанномъ они отвѣтили ему своей грамотой. Выслушавъ причины и понявъ указанное выше, они сказали, что, касательно этихъ рѣчей, хотятъ дать намъ подводы и провожатыхъ къ Коренцѣ, и тотчасъ попросили даровъ, что мы и исполнили, ибо намъ приходилось принужденіе обращать въ желаніе.

VII. Итакъ, давъ подарки и получивъ для подводъ лошадей, съ которыхъ слѣзли они сами, мы поспѣшили съ ихъ провожатыми отправиться къ Коренцѣ. Сами они, однако, предварительно послали къ вышеназванному вождю вѣстника на быстромъ конѣ, чтобы передать ему тѣ слова, которыя мы имъ сказали. А этотъ вождь является господиномъ всѣхъ, которые поставлены на заставѣ противъ всѣхъ народовъ Запада, чтобы тѣ случайно не ринулись на нихъ неожиданно и врасплохъ; какъ мы слышали, этотъ вождь имѣетъ подъ свою властью шестьдесятъ тысячъ вооруженныхъ людей. Когда же мы добрались до него, онъ приказалъ намъ поставить ставки вдали отъ него и послалъ къ намъ своихъ рабовъ-управителей спросить у насъ, чѣмъ мы ему хотимъ поклониться, то есть какіе хотимъ дать подарки. Мы отвѣтили, что Господинъ Папа не послалъ никакихъ даровъ, такъ какъ не былъ увѣренъ, что мы можемъ добраться до Татаръ. Сверхъ того, мы ѣхали по очень опаснымъ мѣстамъ изъ-за страха предъ Литовцами, которые часто рыщутъ по дорогамъ отъ Польши до земли Татаръ, и черезъ страну которыхъ мы проѣхали; но все же мы почтимъ его, какъ сможемъ, изъ того, что у насъ есть по милости Божіей и Господина нашего Папы. И хотя мы дали ему очень много, но ему этого показалось недостаточно, и черезъ третьихъ лицъ онъ попросилъ больше, обѣщая, что, если мы исполнимъ его просьбу, онъ прикажетъ проводить насъ съ почетомъ; намъ надлежало согласиться на это, разъ мы хотѣли остаться въ живыхъ и привести къ надлежащему осуществленію приказъ Господина Папы.

III. Взявъ дары, они повели насъ къ ордѣ, или палаткѣ его, и научили насъ, чтобы мы трижды преклонили лѣвое колѣно предъ входомъ въ ставку и бережно остереглись ступить ногой на порогъ входной двери. Мы тщательно исполнили это, такъ какъ смертный приговоръ грозитъ тѣмъ, кто съ умысломъ попираетъ порогъ ставки какого нибудь вождя. Когда мы вошли, намъ надлежало, въ присутствіи вождя и всѣхъ другихъ старѣйшинъ, которые были нарочно для того приглашены, сказать, преклонивъ колѣна, то, что мы сказали выше. Мы поднесли ему также грамоту Господина Папы; но такъ какъ нашъ толмачъ, котораго мы за плату взяли изъ Кіева, не былъ въ состояніи удовлетворительно истолковать смыслъ грамоты, а другого пригоднаго толмача не было, то поэтому они не могли уразумѣть ея содержаніе. Послѣ этого намъ дали лошадей и трехъ Татаръ, которые были десятниками, а одинъ—человѣкъ Батыя, чтобы отвезти насъ съ возможною поспѣшностью къ вышеназванному вождю. А этотъ Батый наиболѣе могуществененъ по сравненію со всѣми князьями Татаръ, за исключеніемъ Императора, которому онъ обязанъ повиноваться.

IX. Въ понедѣльникъ же послѣ перваго воскресенья Четыредесятницы мы поспѣшно отправились въ путь къ нему, и, проѣзжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, такъ какъ обыкновенно у насъ бывали свѣжія лошади три или четыре раза всякій день, мы ѣхали съ утра до ночи, а, кромѣ того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранѣе среды Страстной Недѣли. Ѣхали же мы черезъ всю страну Комановъ, представляющую собою сплошную равнину и имѣющую четыре большія рѣки: первую—Днѣпръ (Neper), возлѣ которой, со стороны Руссіи, кочевалъ Коренца, а съ другой стороны по тамошнимъ степямъ кочевалъ Мауци, который выше Коренцы; вторую—Донъ, у которой кочуетъ нѣкій князь, по имени Картанъ, женатый на сестрѣ Батыя; третью—Волгу—эта рѣка очень велика, у нея переходитъ съ мѣста на мѣсто Батый; четвертая называется Яикъ (Jaec), у нея переходятъ съ мѣста на мѣсто два тысячника, одинъ съ одной стороны рѣки, другой съ другой стороны. Всѣ они зимою спускаются къ морю, а лѣтомъ по берегу этихъ самыхъ рѣкъ поднимаются на горы. Море же это есть Великое Море, изъ котораго выходитъ рукавъ Св. Георгія, текущій въ Константинополь. На Днѣпрѣ же мы въ теченіе многихъ дней ѣхали по льду. Эти рѣки велики и преисполнены рыбами, а особенно Волга; эти рѣки впадаютъ въ море Греціи, именуемое Великимъ Моремъ. По берегамъ этого моря мы въ очень многихъ мѣстахъ съ большой опасностью въ теченіе многихъ дней проѣзжали по льду, ибо оно хорошо замерзаетъ на три левки отъ берега. Но, прежде чѣмъ намъ попасть къ Батыю, двое изъ нашихъ Татаръ поѣхали впередъ, чтобы передать ему всѣ слова, которыя мы сказали у Коренцы.

X. Когда же мы стали добираться до Батыя, то насъ съ удобствомъ помѣстили въ предѣлахъ земли Комановъ на одну левку разстоянія отъ его ставокъ. Когда же насъ должны были отвести къ его двору, то намъ было сказано, что мы должны пройти между двухъ огней, чего намъ не хотѣлось дѣлать въ силу нѣкоторыхъ соображеній. Но намъ сказали: «Идите спокойно, такъ какъ мы заставляемъ васъ пройти между двухъ огней не по какой другой причинѣ, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое нибудь зло противъ нашего господина или если случайно приносите ядъ, огонь унесъ все зло». Мы отвѣтили имъ: «Мы пройдемъ ради того, чтобы не подать на этотъ счетъ повода къ подозрѣнію». И когда мы добрались до орды, то его управляющій, по имени Елдегай, спросилъ насъ, чѣмъ мы желаемъ поклониться, то есть какіе дары желаемъ дать ему [Батыю?]. Мы отвѣтили ему такъ, какъ раньше сказали Коренцѣ, а именно, что Господинъ Папа не посылалъ даровъ, а мы желаемъ почтить его, какъ можемъ, изъ того, что по милости Божьей и

Господина Папы имѣли на продовольствіе. По врученіи и принятіи подарковъ управляющій Батыя, по имени Елдегай, спросилъ у насъ о причинѣ нашего прибытія. Мы высказали ему тѣ же самыя причины, которыя раньше сказали Коренцѣ.

XI. Выслушавъ причины, насъ ввели въ ставку, послѣ предварительнаго преклоненія и выслушанія напоминанія о порогѣ, какъ о томъ сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою рѣчь, преклонивъ колѣна; произнеся рѣчь, мы поднесли грамоту и просили дать намъ толмачей, могущихъ перевести ее. Ихъ дали намъ въ день Великой Пятницы, и мы вмѣстѣ съ ними тщательно переложили грамоту на письмена русскія и саррацинскія и на письмена Татаръ; этотъ переводъ былъ представленъ Батыю, и онъ читалъ и внимательно отмѣтилъ его. Наконецъ насъ отвели обратно къ нашей ставкѣ, но намъ не дали никакой пищи, кромѣ какъ одинъ разъ, въ первую ночь по пріѣздѣ, на блюдечкѣ немного пшена.

XII. А этотъ Батый живетъ съ полнымъ великолѣпіемъ, имѣя привратниковъ и всѣхъ чиновниковъ, какъ и Императоръ ихъ. Онъ также сидитъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ на тронѣ, съ одною изъ своихъ женъ; другіе же, какъ братья и сыновья, такъ и иные младшіе, сидятъ ниже по срединѣ на скамейкѣ, прочіе же люди сзади ихъ на землѣ, причемъ мущины сидятъ направо, женщины налѣво. Шатры у него большіе и очень красивые, изъ льняной ткани; раньше принадлежали они королю Венгерскому. Никакой посторонній человѣкъ не смѣетъ подойти къ его палаткѣ, кромѣ его семейства, иначе какъ по приглашенію, какъ бы онъ ни былъ великъ и могущественъ, если не станетъ случайно извѣстнымъ, что на то есть воля самого Батыя. Мы же, высказавъ свое дѣло, сѣли слѣва, такъ именно поступаютъ всѣ послы при ѣздѣ туда; а при возвращеніи отъ Императора насъ всегда сажали справа. На срединѣ, вблизи входа въ ставку, ставятъ столъ, на которомъ ставится питье въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, и ни Батый, ни одинъ Татарскій князь не пьютъ никогда, если предъ ними не поютъ или не играютъ на гитарѣ. И когда онъ ѣдетъ, то надъ головой его несутъ всегда щитъ отъ солнца или шатерчикъ на копьѣ, и такъ поступаютъ всѣ болѣе важные князья Татаръ и даже жены ихъ. Вышеупомянутый Батый очень милостивъ къ своимъ людямъ, а все же внушаетъ имъ сильный страхъ; въ бою онъ весьма жестокъ; онъ очень проницателенъ и даже весьма хитеръ на войнѣ, такъ какъ сражался уже долгое время.

XIII. Въ день же Великой Субботы насъ позвали къ ставкѣ, и къ намъ вышелъ раньше упомянутый управляющій Батыя, сообщая отъ его имени, чтобы мы поѣхали къ Императору Куйюку, въ ихъ собственную землю,

оставивъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ въ той надеждѣ, что ихъ отошлютъ обратно къ Господину Папѣ. Мы дали имъ, для врученія ему, грамоту о всѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, но, когда они вернулись къ Мауци, ихъ тамъ удержали до нашего возвращенія. Мы же въ день Воскресенія Господня, отслуживъ обѣдню и свершивъ кое-какую трапезу, удалились вмѣстѣ съ двумя Татарами, которые были приставлены къ намъ у Коренцы, съ горькими слезами, не зная, ѣдемъ ли мы на смерть или жизнь. Мы были однако такъ слабы, что съ трудомъ могли ѣхать: въ теченіе всей той четыредесятницы,— равно какъ и въ другіе постные дни,—пищей нашей служило только пшено съ водою и солью, и у насъ не было, что пить, кромѣ снѣга, растаявшаго въ котлѣ.

XIV. Съ сѣвера же къ Команіи, непосредственно за Руссіей, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгаріей, прилегаютъ Баскарты, то есть великая Венгрія; за Баскартами Паросситы и Самогеды; за Самогедами тѣ, кто, какъ говорятъ, имѣетъ собачье лицо, на берегахъ Океана въ пустыняхъ. Съ юга же къ Команіи прилегаютъ Аланы, Чиркассы, Хозары (Gazaros), Греція и Константинополь, также земля Иберовъ, Кахи, Брутахіи, которые слывутъ іудеями,—они бреютъ голову,—также земля Цикковъ, Георгіановъ и Арменовъ и земля Турковъ. А съ запада прилегаютъ Венгрія и Руссія. И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проѣхали черезъ нее наивозможно быстро, такъ какъ всякій день, по пяти или по семи разъ на дню, у насъ бывали свѣжія лошади, за исключеніемъ того времени, когда мы ѣхали по пустынямъ, какъ сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучшихъ и болѣе крѣпкихъ, могущихъ выдержать непрерывный трудъ, именно съ начала четыредесятницы и кончая недѣлей послѣ Пасхи. Этихъ Комановъ перебили Татары. Нѣкоторые даже убѣжали отъ ихъ лица, а другіе обращены ими въ рабство; однако весьма многіе изъ бѣжавшихъ возвращаются къ нимъ.

XV. Послѣ этого мы въѣхали въ землю Кангитовъ, въ которой, въ очень многихъ мѣстахъ, ощущается сильная скудость въ водѣ, даже и населеніе ея немногочисленно изъ за недостатка въ водѣ. Поэтому люди князя Русскаго, Ярослава, ѣхавшіе къ нему въ Татарскую землю, въ большомъ количествѣ умерли въ этой пустынѣ. Въ этой землѣ, а также въ Команіи, мы нашли многочисленныя головы и кости мертвыхъ людей, лежащія на землѣ подобно навозу; черезъ эту землю мы ѣхали, начиная съ восьмого дня послѣ Пасхи и почти до Вознесенія Господа Нашего. Эти люди были язычники, и какъ Команы, такъ и Кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотомъ; они не строили также домовъ, а помѣщались въ шатрахъ. Ихъ также истребили Татары и живутъ въ ихъ землѣ, а тѣ, кто остался, обращены ими въ рабовъ.

XVI. Изъ земли Кангитовъ мы въѣхали въ землю Бисерминовъ. Эти люди говорили и доселѣ еще говорятъ Команскимъ языкомъ, а закона держатся Саррацинскаго. Въ этой землѣ мы нашли безчисленные истребленные города, разрушенныя крѣпости и много опустошенныхъ селеній. Въ этой землѣ есть одна большая рѣка, имя которой намъ неизвѣстно; на ней стоитъ нѣкій городъ, именуемый Янкинтъ (Janckint), другой по имени Бархинъ, и третій, именуемый Орнасъ, и очень много иныхъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны. У этой земли былъ владыка, котораго звали Высокій-Султанъ; онъ былъ умерщвленъ Татарами вмѣстѣ со всѣмъ своимъ потомствомъ; собственное имя его намъ неизвѣстно. А въ землѣ этой существуютъ величайшія горы; съ юга же прилегаютъ къ ней Іерусалимъ, Балдахъ и вся земля Саррациновъ; по близости ихъ границъ живутъ два вождя — родные братья, Буринъ и Каданъ; съ сѣвера же прилегаетъ къ ней часть земли черныхъ Китаевъ и Океанъ. Тамъ пребываетъ Сыбанъ, братъ Батыя. Черезъ эту землю мы ѣхали отъ праздника Вознесенія и кончая почти недѣлей до праздника блаженнаго Іоанна Крестителя.

XVII. Затѣмъ мы въѣхали въ землю черныхъ Китаевъ, въ которой Татары построили сызнова только одинъ городъ, по имени Омылъ. Императоръ построилъ здѣсь домъ, въ который мы приглашены были выпить, и тотъ, кто былъ тамъ со стороны Императора, заставилъ плясать предъ нами старѣйшинъ города, а также двухъ своихъ сыновей. Выѣхавъ оттуда, мы нашли нѣкое море, не очень большое, имя котораго, такъ какъ мы не спросили о немъ, намъ неизвѣстно. На берегу же этого моря существуетъ нѣкая небольшая гора, въ которой, какъ говорятъ, имѣется нѣкоторое отверстіе, откуда зимою выходятъ столь сильныя бури съ вѣтрами, что люди едва и съ большою опасностью могутъ проходить мимо. Лѣтомъ же тамъ слышенъ всегда шумъ вѣтровъ, но, какъ передавали намъ жители, онъ выходитъ изъ отверстія слегка. По берегамъ этого моря мы ѣхали довольно много дней; это море имѣетъ довольно много островковъ, и мы оставили его съ лѣвой стороны. Земля же изобилуетъ многими рѣками, но небольшими; на берегахъ рѣкъ съ той и другой стороны стоятъ лѣса, но необширные. Въ этой землѣ живетъ Орду, старшій надъ Батыемъ; мало того, онъ древнѣе всѣхъ князей Татарскихъ; тамъ имѣется также орда, или дворъ, его отца, въ которомъ живетъ управляющая имъ одна изъ его женъ. Ибо у Татаръ существуетъ такой обычай, что дворовъ князей и вельможъ они не разрушаютъ, а всегда назначаютъ для управленія ими какихъ нибудь женщинъ, и имъ отдаютъ часть подарковъ, какъ обычно давали ихъ владыкамъ. Послѣ этого мы пріѣхали къ первой ордѣ Императора, въ которой была одна изъ его женъ; и такъ какъ мы еще не видали Императора, то они не захотѣли

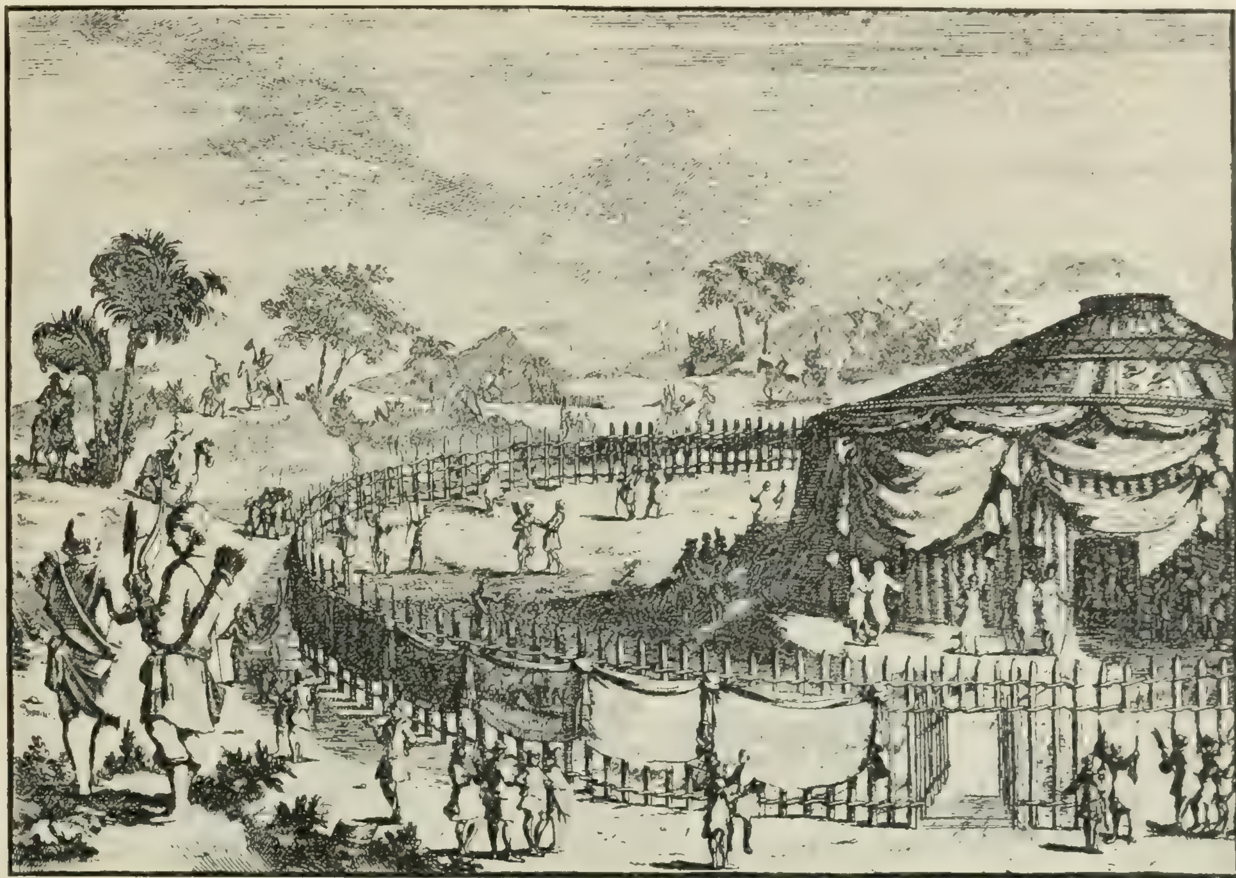
насъ пригласить и допустить къ его ордѣ, но устроили намъ въ нашемъ шатрѣ очень хорошее, по обычаю Татаръ, угощеніе, и удержали насъ тамъ на одинъ день, чтобы дать намъ возможность отдохнуть.

XVIII. Выѣхавъ отсюда въ канунъ дня, посвященнаго Блаженному Петру, мы попали въ землю Наймановъ; они язычники. Въ день же апостоловъ Петра и Павла тамъ выпалъ глубокій снѣгъ, и мы ощутили сильнѣйшій холодъ. Эта земля чрезмѣрно гориста и холодна, а ровныхъ мѣстъ тамъ не много. (И эти два народа не занимались земледѣліемъ, но, подобно Татарамъ, жили въ шатрахъ; Татары также ихъ уничтожили). Черезъ эту эту страну мы ѣхали много дней.

XIX. Затѣмъ мы въѣхали въ страну Монгаловъ, именуемыхъ нами Татарами. Какъ мы полагаемъ, мы ѣхали черезъ эту землю три недѣли быстраго пути, и въ день блаженной Маріи Магдалины пріѣхали къ Куйюку, нынѣшнему императору. По всей этой дорогѣ мы подвигались съ великой поспѣшностью, потому что нашимъ Татарамъ было приказано быстро отвезти насъ на торжественное засѣданіе, назначенное уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ для избранія Императора, чтобы мы имѣли возможность при семъ присутствовать. Поэтому мы вставали рано утромъ и ѣхали до ночи безъ ѣды; и очень часто пріѣзжали такъ поздно, что не ѣли и ночью, а то, что мы должны были ѣсть вечеромъ, намъ давалось раннимъ утромъ; и мы ѣхали, какъ только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, такъ какъ очень часто днемъ мы имѣли свѣжихъ лошадей, и, какъ сказано выше, тѣ, которыя валились, возвращались обратно. И такимъ образомъ мы ѣхали быстро безъ всякаго перерыва.

§ II. Объ устройствѣ двора Императора и его князей.

I. Когда же мы пріѣхали къ Куйюку, то онъ велѣлъ дать намъ шатеръ и продовольствіе, какое обычно даютъ Татары; все же у насъ было оно получше, чѣмъ они дѣлали это для другихъ пословъ. Къ нему самому, однако, насъ не позвали, такъ какъ онъ еще не былъ избранъ и не допускалъ къ себѣ по дѣламъ правленія. Все же вышеназванный Батый вручилъ ему переводъ грамоты Господина Папы и содержаніе другихъ рѣчей, произнесенныхъ нами. И, когда мы простояли тамъ пять или шесть дней, онъ отослалъ насъ къ своей матери, гдѣ собиралось торжественное засѣданіе. И, когда мы прибыли туда, уже былъ воздвигнутъ большой шатеръ, приготовленный изъ бѣлаго пурпура; по нашему мнѣнію, онъ былъ такъ великъ, что въ немъ могло помѣститься болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, а кругомъ была сдѣлана деревянная ограда (tabulatum), которая была разрисована разными изображеніями.

Шатеръ императора Татаръ.

II. На второй или на третій день мы поѣхали туда съ Татарами, назначенными намъ для охраны, и тамъ собрались всѣ вожди. Каждый изъ нихъ разъѣзжалъ съ своими людьми кругомъ по холмамъ и по равнинѣ. Въ первый день всѣ одѣты были въ бѣлый пурпуръ, на второй—въ красный, и тогда къ упомянутому шатру прибылъ Куйюкъ; на третій день всѣ были въ голубомъ пурпурѣ, а на четвертый въ самыхъ лучшихъ балдакинахъ. А у упомянутой ограды возлѣ шатра было двое большихъ воротъ: черезъ одни долженъ былъ входить одинъ только Императоръ, и при нихъ не было никакой охраны, хотя они были открыты, такъ какъ чрезъ нихъ никто не смѣлъ входить или выходить; черезъ другія вступали всѣ, кто могъ быть допущенъ, и при этихъ воротахъ стояли сторожа съ мечами, луками и стрѣлами. И если кто нибудь подходилъ къ шатру за назначенныя границы, то его подвергали бичеванію, если хватали; если же онъ бѣжалъ, то въ него пускали стрѣлу безъ желѣзнаго наконечника. Лошади, какъ мы думаемъ, находились на разстояніи двухъ полетовъ стрѣлы. Вожди шли отовсюду вооруженные съ очень многими изъ своихъ людей, но никто, кромѣ вождей, не могъ подойти къ лошадямъ; мало того, тѣ, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжкимъ побоямъ. И было много такихъ, которые на уздечкахъ, нагрудникахъ, сѣдлахъ и подсѣдельникахъ имѣли золота приблизительно, по нашему разсчету, на двадцать марокъ.

И, такимъ образомъ, вожди говорили внутри шатра и, какъ мы полагаемъ, разсуждали объ избраніи. Весь же другой народъ былъ далеко внѣ вышеупомянутой ограды. И такимъ образомъ они пребывали почти до полудня, а затѣмъ начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотрѣть.

III. Насъ же позвали внутрь и дали намъ пива, такъ какъ мы вовсе не пили кобыльяго молока, и этимъ они оказали намъ великій почетъ; но все же они принуждали насъ пить, чего мы, съ непривычки, никоимъ образомъ не могли выдержать. Поэтому мы указали имъ, что насъ это тяготило, и тогда они перестали насъ принуждать. Снаружи ограды былъ Русскій Князь Ярославъ изъ Суздаля и нѣсколько вождей Китаевъ и Солангов̆ъ, также два сына царя Грузіи, также посолъ калифа Балдахскаго, который былъ султаномъ, и болѣе десяти другихъ султановъ Саррациновъ, какъ мы полагаемъ и какъ намъ говорили управляющіе. Тамъ было болѣе четырехъ тысячъ пословъ въ числѣ тѣхъ, кто приносилъ дань, и тѣхъ, кто шелъ съ дарами, султановъ, другихъ вождей, которые являлись покориться имъ, тѣхъ, за которыми они послали, и тѣхъ, кто были намѣстниками земель. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ поставили за оградой и имъ подавали пить вмѣстѣ; намъ же и князю Ярославу они всегда давали высшее мѣсто, когда мы были съ ними внѣ ограды. Если мы хорошо помнимъ, то думаемъ, что пребывали тамъ въ довольствѣ четыре недѣли, и мы полагаемъ, что тамъ справляли избраніе, но тамъ его не обнародовали. И объ этомъ можно было догадываться главнымъ образомъ потому, что, всякій разъ какъ Куйюкъ выходилъ тамъ изъ шатра, то, пока онъ пребывалъ внѣ ограды, предъ нимъ всегда пѣли, а также наклоняли какіе-то красивые прутья, имѣвшіе вверху багряную шерсть. Этого не дѣлали ни передъ какимъ другимъ вождемъ. А ставка эта, или дворъ, именуется ими Сыра-Орда.

IV. Отправившись отсюда, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали на другое мѣсто, за три или за четыре левки. Тамъ, на одной прекрасной равнинѣ, возлѣ нѣкоего ручья между горами, былъ приготовленъ другой шатеръ, называемый у нихъ Золотой Ордой. Тамъ Куйюкъ долженъ былъ возсѣсть на престолъ въ день Успенія Нашей Владычицы, но изъ-за выпавшаго града, о которомъ было сказано выше, это было отложено. Шатеръ же этотъ былъ поставленъ на столбахъ, покрытыхъ золотыми листами и прибитыхъ къ дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стѣнъ онъ былъ крытъ балдахиномъ, а снаружи были другія ткани. Тамъ пробыли мы до праздника блаженнаго Варѳоломея, въ который собралась большая толпа и стояла съ лицами, обращенными къ югу. Были нѣкоторые, которые находились отъ другихъ на разстояніи полета камня,

и подвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колѣна къ югу. Мы же не желали дѣлать колѣнопреклоненія, не зная, творятъ ли они заклинанія или преклоняютъ колѣна предъ Богомъ или кѣмъ другимъ. Это они дѣлали долго, послѣ чего вернулись къ шатру и посадили Куйюка на императорскомъ престолѣ, и вожди преклонили предъ нимъ колѣна. Послѣ этого то же сдѣлалъ весь народъ, за исключеніемъ насъ, которые не были имъ подчинены. Затѣмъ они стали пить и, какъ это у нихъ въ обычаѣ, пили непрерывно вплоть до вечера. Послѣ этого прибыло на повозкахъ вареное мясо, безъ соли, и они давали одинъ кусокъ на четверыхъ или на пятерыхъ. Въ шатрѣ же подавали мясо и похлебку съ солью вмѣсто соуса, и такъ было всякій день, когда они устраивали пиршества.

Избраніе Куйюка императоромъ.

V. Тутъ позвали насъ предъ лицо Императора; и, когда первый секретарь, Хингай, записалъ имена наши и тѣхъ, отъ кого мы были посланы, а также вождя Соланговъ и иныхъ, онъ прокричалъ громкимъ голосомъ, читая ихъ предъ Императоромъ и всѣми вождями. Послѣ этого, каждый изъ насъ четыре раза преклонилъ лѣвое колѣно, и они внушили намъ не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали насъ касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли въ дверь съ восточной стороны, такъ какъ съ запада не смѣетъ входить никто, кромѣ одного только Им-

ператора. Также поступаетъ и каждый вождь въ своемъ шатрѣ; менѣе же важныя лица не очень заботятся объ этомъ. И это было въ первый разъ, что, послѣ того какъ онъ сталъ Императоромъ, мы въ его присутствіи вошли въ его ставку; онъ принималъ тамъ пословъ, но въ шатеръ его входили весьма немногіе. Тамъ также послы принесли столь великіе дары въ шелкахъ, бархатахъ, пурпурахъ, балдакинахъ, шелковыхъ поясахъ, шитыхъ золотомъ, благородныхъ мѣхахъ и другихъ приношеніяхъ, что было удивительно взглянуть. Былъ ему также поднесенъ тамъ нѣкій щитокъ отъ солнца или шатерчикъ, который носятъ надъ головою Императора; онъ былъ весь убранъ жемчугами. Тамъ также нѣкій начальникъ одной области привелъ ему много верблюдовъ, съ попонами изъ балдакина, и на нихъ положены были сѣдла съ какими-то снарядами, внутри которыхъ могли сидѣть люди, и, какъ мы думаемъ, верблюдовъ было сорокъ или пятьдесятъ, а также много коней и муловъ, прикрытыхъ бляхами или вооруженныхъ, причемъ у нѣкоторыхъ бляхи были изъ кожи, а у нѣкоторыхъ изъ желѣза. И насъ также спросили, желаемъ ли мы дать дары; но мы уже почти все потратили, почему у насъ ничего не было, что ему дать. Тамъ же, на горѣ, вдали отъ ставокъ, было разставлено болѣе, чѣмъ 500 повозокъ, которыя всѣ были полны золотомъ, серебромъ и шелковыми платьями. Всѣ онѣ были раздѣлены между Императоромъ и вождями; и отдѣльные вожди распредѣлили свои части между своими людьми, однако такъ, какъ имъ было угодно.

VI. Удалившись оттуда, мы прибыли къ другому мѣсту, гдѣ былъ раскинутъ изумительный шатеръ, весь изъ пламенно-краснаго пурпура который подарили Китаи. Туда насъ также ввели внутрь. И всегда, когда мы входили, намъ давали пить пиво или вино, предлагали также вареннаго мяса, если мы желали получить его. Былъ также воздвигнутъ высокій помостъ изъ досокъ, гдѣ былъ поставленъ тронъ Императора. Тронъ же былъ изъ слоновой кости, изумительно вырѣзанный; было тамъ также золото, дорогіе камни, если мы хорошо помнимъ, и перлы; и на тронъ, который сзади былъ круглымъ, взбирались по ступенямъ. Кругомъ этого сѣдалища были также поставлены лавки, гдѣ госпожи сидѣли на скамейкахъ съ лѣвой стороны, справа же никто выше не сидѣлъ, а вожди сидѣли на лавкахъ ниже, и притомъ въ серединѣ, прочіе же сидѣли сзади ихъ. И каждый день госпожи собирались въ огромномъ количествѣ. Эти три палатки, о которыхъ мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками, изъ бѣлаго войлока достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Тамъ они раздѣлились, и мать Императора пошла въ одну сторону, а Императоръ въ другую, для производства суда. Была схвачена тетка ны-

нѣшняго императора, убившая ядомъ его отца въ то время, когда ихъ войско было въ Венгріи, откуда, вслѣдствіе этого, удалилось вспять войско, бывшее въ вышеупомянутыхъ странахъ. Надъ ней и очень многими другими былъ произведенъ судъ, и они были убиты.

VII. Въ то же время умеръ Ярославъ, бывшій великимъ княземъ въ нѣкоей части Руссіи, которая называется Суздаль. Онъ только что былъ приглашенъ къ матери Императора, которая, какъ бы въ знакъ почета, дала ему ѣсть и пить изъ собственной руки; и онъ вернулся въ свое помѣщеніе, тотчасъ же занедужилъ и умеръ, спустя семь дней, и все тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло. Поэтому всѣ вѣрили, что его тамъ опоили, чтобы свободнѣе и окончательнѣе завладѣть его землею. И доказательствомъ этому служитъ то, что мать Императора, безъ вѣдома бывшихъ тамъ его людей, поспѣшно отправила гонца въ Руссію къ его сыну Александру, чтобы тотъ явился къ ней, такъ какъ она хочетъ подарить ему землю отца. Тотъ не пожелалъ поѣхать, а остался, и тѣмъ временемъ она посылала грамоты, чтобы онъ явился для полученія земли своего отца. Однако всѣ вѣрили, что, если онъ явится, она умертвитъ его или даже подвергнетъ вѣчному плѣну.

VIII. Послѣ смерти Ярослава, если только мы хорошо помнимъ время, наши Татары отвели насъ къ Императору. И когда Императоръ услышалъ отъ нашихъ Татаръ, что мы пришли къ нему, то велѣлъ намъ вернуться къ матери ради того, что на слѣдующій день онъ хотѣлъ поднять знамя противъ всей земли Запада, какъ намъ говорили за вѣрное знавшіе про то, и какъ о томъ сказано выше; именно онъ хотѣлъ, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней, и снова вернулись къ нему; вмѣстѣ съ нимъ мы пробыли благополучно мѣсяцъ, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, такъ какъ продовольствія, выдаваемаго на четверыхъ, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, такъ какъ рынокъ былъ очень далеко. И, если бы Господь не предуготовалъ намъ нѣкоего Русскаго, по имени Косму, бывшаго золотыхъ дѣлъ мастеромъ у Императора и очень имъ любимаго, который оказалъ намъ кой въ чемъ поддержку, мы, какъ полагаемъ, умерли бы, если бы Господь не оказалъ намъ помощи черезъ кого нибудь другого. Косма показалъ намъ и тронъ Императора, который сдѣланъ былъ имъ раньше, чѣмъ тотъ возсѣлъ на престолѣ, и печать его, изготовленную имъ, а также разъяснилъ намъ надпись на этой печати. И также много другихъ тайнъ вышеупомянутаго Императора мы узнали черезъ тѣхъ, кто прибылъ съ другими вождями, черезъ многихъ Русскихъ и Венгровъ, знающихъ по латыни и по французски, черезъ русскихъ клириковъ и

другихъ, бывшихъ съ ними, причемъ нѣкоторые пребывали тридцать лѣтъ на войнѣ и при другихъ дѣяніяхъ Татаръ, и знали всѣ ихъ дѣянія, такъ какъ знали языкъ, и неотлучно пребывали съ ними нѣкоторые двадцать, нѣкоторые десять лѣтъ, нѣкоторые больше, нѣкоторые меньше; отъ нихъ мы могли все развѣдать, и они сами излагали намъ все охотно, иногда даже безъ вопросовъ, такъ какъ знали наше желаніе.

IX. Послѣ этого Императоръ послалъ къ намъ сказать, черезъ Хингая, своего перваго секретаря, чтобы мы записали наши слова и порученія и отдали ему; это мы и сдѣлали, написавъ ему всѣ слова, сказанныя раньше у Батыя, какъ сказано выше. И, по прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ приказалъ снова позвать насъ и сказалъ намъ черезъ Кадана, управителя всей державы, въ присутствіи первыхъ секретарей Бала и Хингая и многихъ другихъ писцовъ, чтобы мы сказали всѣ слова; мы исполнили это добровольно и охотно. Толмачемъ же нашимъ былъ какъ этотъ разъ, такъ и другой, Темеръ, воинъ Ярослава, въ присутствіи клирика, бывшаго съ нимъ, а также другого клирика, бывшаго съ Императоромъ. И онъ спросилъ насъ въ то время, есть ли у Господина Папы лица, понимавшія грамоту Русскихъ или Саррациновъ, или также Татаръ. Мы отвѣтили, что не знаемъ ни русской, ни татарской, ни саррацинской грамоты, но Саррацины все же есть въ странѣ, хотя и живутъ далеко отъ Господина Папы. Все же мы высказали то, что намъ казалось полезнымъ, а именно, чтобы они написали по татарски и перевели намъ, а мы напишемъ это тщательно на своемъ языкѣ и отвеземъ какъ грамоту, такъ и переводъ Господину Папѣ. И тогда они удалились отъ насъ къ Императору.

X. Въ день же блаженнаго Мартина насъ позвали вторично, и къ намъ пришли Кадакъ, Хингай, Бала и многіе вышеупомянутые писцы и истолковали намъ грамоту отъ слова до слова. А, когда мы написали ее по латыни, они заставляли переводить себѣ отдѣльными реченіями (orationes), желая знать, не ошибаемся ли мы въ какомъ нибудь словѣ. Когда же обѣ грамоты были написаны, они заставили насъ читать разъ и два, чтобы у насъ случайно не было чего нибудь меньше, и сказали намъ: «Смотрите, чтобы все хорошенько понять, такъ какъ нѣтъ пользы отъ того, что вы не поймете всего, если должны поѣхать въ такія отдаленныя области». И, когда мы отвѣтили: «Понимаемъ все хорошо», они переписали грамоту по саррацински, чтобы можно было найти кого нибудь въ тѣхъ странахъ, кто прочиталъ бы ее, если пожелаетъ Господинъ Папа.

XI. У Татарскаго Императора въ обычаѣ, что онъ никогда не говоритъ съ иностранцемъ собственными устами, какъ бы тотъ ни былъ великъ,

но слушаетъ и отвѣчаетъ чрезъ посредствующее лицо, какъ было сказано. Всякій же разъ однако, когда они излагаютъ дѣло предъ Кадакомъ или выслушиваютъ отвѣтъ Императора, тѣ, кто ему подчиненъ, стоятъ, преклонивъ колѣна, до конца рѣчи, какъ бы они ни были велики. Не можетъ быть, да и нѣтъ обычая, чтобы кто нибудь говорилъ что нибудь о какомъ нибудь дѣлѣ послѣ того, какъ оно рѣшено Императоромъ. А вышеупомянутый Императоръ какъ имѣетъ управляющаго, первыхъ секретарей и писцовъ, такъ имѣетъ въ дѣлахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, всякихъ чиновниковъ, за исключеніемъ стряпчихъ, потому что все дѣлается безъ шума судебныхъ разбирательствъ по волѣ Императора. И другіе князья Татаръ поступаютъ также въ томъ, что къ нимъ относится.

XII. А этотъ Императоръ можетъ имѣть отъ роду сорокъ или сорокъ пять лѣтъ, или больше; онъ небольшого роста; очень благоразуменъ и черезчуръ хитеръ, весьма серьезенъ и важенъ характеромъ. Никогда не видитъ человѣкъ, чтобы онъ попусту смѣялся и совершалъ какой нибудь легкомысленный поступокъ, какъ намъ говорили христіане, неотлучно съ нимъ пребывавшіе. Говорили намъ также христіане, принадлежавшіе къ его челяди, что они твердо вѣруютъ, что онъ долженъ стать христіаниномъ; и явный признакъ этого они видятъ въ томъ, что онъ держитъ христіанскихъ клириковъ и даетъ имъ содержаніе, также предъ большой своей палаткой имѣетъ всегда христіанскую часовню; и они поютъ всенародно и открыто и звонятъ къ часамъ, согласно обычаю Грековъ, какъ и прочіе Христіане, какъ бы велика тамъ ни была толпа Татаръ или также другихъ людей; другіе вожди этого не дѣлаютъ.

XIII. Императоръ, какъ сказали намъ наши Татары, имѣлъ намѣреніе отправить съ нами своихъ пословъ, которые должны были поѣхать съ нами. Всетаки, какъ мы полагаемъ, онъ хотѣлъ, чтобы мы этого у него попросили, потому что одинъ изъ нашихъ Татаръ, который былъ постарше, внушалъ намъ, чтобы мы просили этого. Но, такъ какъ намъ далеко не казалось удобнымъ, чтобы они отправились, мы отвѣтили, что не наше дѣло просить, но, если самъ Императоръ пошлетъ ихъ по своей волѣ, мы проводимъ ихъ съ помощью Божіей въ безопасности. Намъ же по многимъ причинамъ представлялось неудобнымъ прибытіе ихъ. Первая—та, что мы опасались, что, при видѣ существовавшихъ между нами раздоровъ и войнъ, они еще болѣе воодушевятся къ походу противъ насъ. Вторая причина была та, что мы питали страхъ, не оказались бы они лазутчиками въ нашей землѣ. Третья причина была та, что мы боялись, что ихъ убьютъ, такъ какъ наши народы въ значительной степени надменны и горды: когда служители, которые были съ нами, по просьбѣ Кардинала, легата Але-

манніи, пошли къ нему въ татарскомъ платьѣ, то по дорогѣ они чуть не были убиты Тевтонами и были вынуждены снять это платье; ибо у Татаръ есть обычай никогда не заключать мира съ тѣми людьми, которые убили ихъ пословъ, чтобы отомстить имъ. Четвертая причина состоитъ въ томъ, что мы страшились, что ихъ отнимутъ у насъ силою, какъ это однажды сталось съ однимъ княземъ Саррациновъ, который все еще находится въ плѣну, если не умеръ. Пятая причина—та, что отъ ихъ пріѣзда не было никакой пользы, такъ какъ у нихъ не было никакого другого порученія или власти, какъ только передать грамоту Императора Господину Папѣ и другимъ князьямъ, а грамота эта была у насъ; и мы считали зломъ то, что можетъ отсюда выйти. Поэтому намъ не нравилось, чтобы они ѣхали. На третій день послѣ этого, именно въ праздникъ блаженнаго Бриція, намъ дали отпускъ и грамоту, запечатанную печатью Императора, и послали насъ къ матери Императора; она дала каждому изъ насъ лисью шубу, шерстью наружу и извнутри подбитую ватой, а также пурпуръ; изъ него наши Татары украли пядень отъ каждаго куска, а отъ того, что дали служителю, украли добрую половину. Это отъ насъ не укрылось, но мы не пожелали вступать въ пререканія по такому поводу.

§ III. О пути, который мы совершили при возвращеніи.

I. Тогда мы направились въ обратный путь и проѣхали всю зиму, причемъ намъ приходилось часто спать на снѣгу въ пустыняхъ, гдѣ не было деревъ, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себѣ мѣсто ногою. И часто, когда вѣтеръ гналъ снѣгъ, мы оказывались совершенно покрытыми имъ. И такимъ образомъ къ Вознесенію Господню пріѣхали мы къ Батыю, у котораго спросили, что отвѣтить Господину Папѣ. Онъ отвѣтилъ, что не желаетъ ничего поручать, кромѣ того, что написалъ Императоръ; все же онъ прибавилъ, чтобы мы тщательно передали Господину Папѣ и другимъ владыкамъ о томъ, что написалъ Императоръ. И, получивъ проѣзжую грамоту, мы удалились отъ него и добрались до Мауци въ субботу послѣ Троицыной недѣли; тамъ были наши товарищи и служители, которые были задержаны; мы заставили привести ихъ къ себѣ обратно. И оттуда мы поѣхали къ Коренцѣ, который также снова попросилъ у насъ даровъ, а мы не дали, потому что у насъ не было; онъ далъ намъ двухъ Комановъ, бывшихъ изъ числа Татаръ, до Русскаго города Кіева. Однако нашъ Татаринъ не покинулъ насъ, пока мы не выѣхали съ послѣдней заставы Татаръ. Тѣ же другіе, приставленные къ намъ Коренцой, въ шесть дней довезли насъ отъ послѣдней заставы до Кіева.

II. Пріѣхали же мы туда за пятнадцать дней до праздника блаженнаго Іоанна Крестителя. Кіевляне же, узнавъ о нашемъ прибытіи, всѣ радостно вышли намъ на встрѣчу, именно они поздравляли насъ, какъ будто мы возстали отъ мертвыхъ; такъ принимали насъ по всей Руссіи, Польшѣ и Богеміи. Даніилъ и Василько, братъ его, устроили намъ большой пиръ и продержали насъ противъ нашей воли дней съ восемь. Тѣмъ временемъ они совѣщались между собою, съ епископами и другими достойными уваженія людьми о томъ, о чемъ мы говорили съ ними, когда ѣхали къ Татарамъ, и единодушно отвѣтили намъ, говоря, что желаютъ имѣть Господина Папу своимъ преимущественнымъ господиномъ и отцомъ, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей, причемъ подтвердили все то, о чемъ раньше сообщали по этому поводу чрезъ своего аббата, и послали также съ нами касательно этого къ Господину Папѣ свою грамоту и пословъ.

§ IV. О свидѣтеляхъ, которые нашли насъ въ землѣ Татаръ.

I. И, чтобы не возникло у кого нибудь сомнѣнія, что мы были въ землѣ Татаръ, мы записываемъ имена тѣхъ, кто насъ тамъ нашелъ. Король Даніилъ Русскій со всѣми воинами и людьми, именно съ тѣми, которые прибыли съ нимъ, нашелъ насъ вблизи ставокъ Картана, женатаго на сестрѣ Батыя; у Коренцы мы нашли Кіевскаго сотника Монгрота и его товарищей, которые провожали насъ на нѣкоторую часть дороги; а къ Батыю они прибыли раньше насъ. У Батыя мы нашли сына князя Ярослава, который имѣлъ при себѣ одного воина изъ Руссіи, по имени Сангора; онъ родомъ Команъ, но теперь христіанинъ, какъ и другой Русскій, бывшій нашимъ толмачемъ у Батыя, изъ земли Суздальской. У Императора Татаръ мы нашли князя Ярослава, тамъ умершаго, и его воина, по имени Темера, бывшаго нашимъ толмачемъ у Куйюкъ-кана, то есть императора Татаръ, какъ по переводу грамоты Императора къ Господину Папѣ, такъ и при произнесеніи рѣчей и отвѣтѣ на нихъ; тамъ былъ также Дубарлай, клирикъ вышеупомянутаго князя, и служители его Яковъ, Михаилъ и другой Яковъ. При возвращеніи въ землю Бесерминовъ, въ городѣ Лемфинкъ, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава и Батыя, ѣхалъ къ вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всѣхъ его товарищей. Всѣ они вернулись въ землю Суздальскую въ Руссіи; у нихъ можно будетъ, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли нашихъ товарищей, которые оставались тамъ, князь Ярославъ и его товарищи, а также нѣкто изъ Руссіи, по имени Святополкъ (Santopolicus), и его товарищи. И при

выѣздѣ изъ Команіи мы нашли князя Романа, который въѣзжалъ въ землю Татаръ, и его товарищей, и живущаго нынѣ князя Алогу (Aloha) и его товарищей. Съ нами изъ Команіи выѣхалъ также посолъ князя Черниговскаго и долго ѣхалъ съ нами по Руссіи. И все это Русскіе князья.

II. Свидѣтелями служатъ всѣ граждане Кіева, давшіе намъ провожатыхъ и коней до первой Татарской заставы и встрѣтившіе насъ при возвращеніи съ провожатыми изъ Татаръ и ихъ конями, которые къ нимъ возвращались, и всѣ Русскіе люди, черезъ землю которыхъ мы проѣзжали, и которые приняли запечатанную грамоту Батыя и приказъ давать намъ лошадей и продовольствіе; если же они этого не сдѣлали бы, то были бы казнены имъ. Сверхъ того, свидѣтелями служатъ Бреславльскіе купцы, ѣхавшіе съ нами вплоть до Кіева и знавшіе, что нашъ отрядъ въѣхалъ въ землю Татаръ, а равно и многіе другіе купцы, какъ изъ Польши, такъ и изъ Австріи, прибывшіе въ Кіевъ послѣ нашего отъѣзда къ Татарамъ. Служатъ свидѣтелями и купцы изъ Константинополя, пріѣхавшіе въ Руссію черезъ землю Татаръ и бывшіе въ Кіевѣ, когда мы вернулись изъ земли Татаръ. Имена же купцовъ этихъ слѣдующія: Михаилъ Генуэзскій, а также и Варѳоломей, Мануилъ Венеціанскій, Яковъ Реверій изъ Акры, Николай Пизанскій; это болѣе главные. Другіе менѣе важные суть: Маркъ, Генрихъ, Іоаннъ Вазій, другой Генрихъ Бонадіесъ, Петръ Пасхами; было еще и много другихъ, но имена ихъ намъ неизвѣстны.

[Заключеніе для всей книги.]

Просимъ всѣхъ, кто читаетъ вышесказанное, чтобы они ничего не измѣняли и не прибавляли, такъ какъ мы, въ предшествіи истины, написали все, что видѣли или слышали отъ другихъ, кого считали достойными довѣрія, ничего не прибавляя съ умысломъ, чему Богъ свидѣтель. Но такъ какъ тѣ, черезъ землю которыхъ мы проѣзжали, живущіе въ Польшѣ, Богеміи, Тевтоніи, Леодіи и Кампаніи, имѣли желаніе прочитать написанную исторію, то они списали ее раньше, чѣмъ она была закончена и вполнѣ выправлена, потому что у насъ еще не было времени, чтобы имѣть возможность вполнѣ закончить ее на досугѣ. Отсюда да не удивляется никто, что она гораздо подробнѣе и лучше исправлена, чѣмъ та, потому что эту, получивъ малѣйшую возможность досуга, мы вполнѣ исправили и завершили то, что еще не было выполнено.

ЗАКОНЧЕНА ИСТОРІЯ МОНГАЛОВЪ, ИМЕНУЕМЫХЪ НАМИ ТАТАРАМИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУКЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ВОСТОЧНЫЯ СТРАНЫ

ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУКЪ

ВЪ ЛѢТО БЛАГОСТИ 1253.

Посланіе Вильгельма де Рубрукъ Людовику IX, королю французскому.

Превосходительнѣйшему и христіаннѣйшему государю, Людовику, Божіей милостью славному королю Франковъ, братъ Вильгельмъ де Рубрукъ, наименьшій въ орденѣ братьевъ миноритовъ, [шлетъ] привѣтъ и [желаетъ] всегда радоваться о Христѣ. Писано въ Екклезіастѣ о Мудрецѣ: «Онъ отправится въ землю чужихъ народовъ, испытаетъ во всемъ хорошее и дурное». Это дѣло свершилъ я, господинъ Король мой, но о если бы какъ мудрецъ, а не какъ глупецъ, ибо многіе творятъ то, что творитъ мудрецъ, но не мудро, а болѣе глупо; боюсь, что я принадлежу къ ихъ числу. Все же, какимъ бы образомъ я ни свершилъ это, но, разъ вы сказали мнѣ, когда я удалялся отъ васъ, чтобы я описалъ вамъ все, что увижу среди Татаръ, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вамъ длинныхъ посланій, я дѣлаю то, что вы препоручили, правда, дѣлаю со страхомъ и почтеніемъ, такъ какъ у меня не хватаетъ соотвѣтствующихъ словъ, которыя я долженъ былъ бы написать вашему столь славному величеству.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ нашъ изъ Константинополя и прибытіе въ Солдаію, первый городъ Татаръ.

Итакъ да знаетъ ваше священное величество, что въ лѣто Господне 1253, седьмого мая, въѣхали мы въ море Понта, именуемое въ просторѣчіи великимъ (majus) моремъ. Какъ я узналъ отъ купцовъ, оно имѣетъ въ

длину 1100 миль и раздѣляется какъ бы на двѣ части. Именно около его средины находятся два выступа земли: одинъ на сѣверѣ, а другой на югѣ. Тотъ, который находится на югѣ, именуется Синополь, и это — крѣпость и гавань султана Турціи; тотъ, который находится на сѣверѣ, занятъ нѣкоей областью, именуемой нынѣ Латинами Газарія; Греками же, живущими въ ней по берегу моря, она именуется Кассарія, то есть Цезарія. И [тамъ] есть нѣкіе мысы, выдающіеся въ море, именно съ юга въ направленіи къ Синополю; между Синополемъ и Кассаріей триста миль, такъ что отъ этихъ выступовъ считается въ направленіи къ Константинополю семьсотъ миль въ длину и ширину и семьсотъ въ направленіи къ востоку, то есть къ Иверіи, которая есть область Георгіи. Мы прибыли въ область Газарію или Кассарію, которая представляетъ какъ бы треугольникъ, имѣющій съ запада городъ, именуемый Керсона, въ которомъ былъ замученъ святой Климентъ. И, плывя передъ этимъ городомъ, мы увидѣли островъ, на которомъ находится знаменитый храмъ, сооруженный, какъ говорятъ, руками ангельскими. Въ срединѣ же, приблизительно въ направленіи къ южной оконечности, Кассарія имѣетъ городъ, именуемый Солдаія, который обращенъ къ Синополю наискось, и туда пристаютъ всѣ купцы, какъ ѣдущіе изъ Турціи и желающіе направиться въ сѣверныя страны, такъ и ѣдущіе обратно изъ Руссіи и сѣверныхъ странъ и желающіе переправиться въ Турцію. Одни привозятъ горностаевъ, бѣлокъ и другіе драгоцѣнные мѣха; другіе привозятъ ткани изъ хлопчатой бумаги, бумазею (gambasio), шелковыя матеріи и душистые коренья. Въ восточной же части этой области есть городъ, именуемый Матрика, гдѣ рѣка Танаидъ впадаетъ въ море Понта, имѣя въ устьѣ 12 миль въ ширину. Именно эта рѣка, прежде чѣмъ впасть въ море Понта, образуетъ на сѣверѣ какъ бы нѣкое море, имѣющее въ ширину и длину семьсотъ миль, но нигдѣ не имѣющее глубины свыше шести шаговъ (passus); поэтому большіе корабли не входятъ въ него, а купцы изъ Константинополя, приставая къ вышеупомянутому городу Матрикѣ, посылаютъ [оттуда] свои лодки (barcas) до рѣки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетровъ, чебаковъ (bosas barbatas) и другихъ рыбъ въ безпредѣльномъ количествѣ.

Итакъ вышеупомянутая область Цезарія окружена моремъ съ трехъ сторонъ, именно съ запада, гдѣ находится Керсона, городъ Климента, съ юга, гдѣ—городъ Солдаія, къ которому мы пристали,—онъ вершина области,—и съ востока, гдѣ—городъ Маритандисъ или Матрика и устье моря Танаидскаго. Выше этого устья находится Зикія, которая не повинуется Татарамъ, а къ востоку Свевы и Иверы, которые [также] не по-

винуются Татарамъ. Затѣмъ къ югу находится Трапезунда, которая имѣетъ собственнаго государя по имени Гвидо, принадлежащаго къ роду императоровъ константинопольскихъ; онъ повинуется Татарамъ. Затѣмъ лежитъ Синополь, который принадлежитъ султану Турціи; онъ равнымъ образомъ [имъ] повинуется. Затѣмъ находится земля Вастація, сынъ котораго, по дѣду со стороны матери, именуется Аскаръ; онъ не повинуется [Татарамъ]. Отъ устья Танаида къ западу, до Дуная, все принадлежитъ имъ; также и за Дунаемъ, въ направленіи къ Константинополю, Валахія, земля, принадлежащая Ассану, и малая Булгарія до Склавоніи, всѣ платятъ имъ дань; и даже сверхъ условленной дани они брали, въ недавноминувшіе годы, со всякаго дома по одному топору и все желѣзо, которое находили въ слиткѣ.

Итакъ мы прибыли въ Солдаію 21 мая, а раньше насъ пріѣхали туда нѣкіе купцы изъ Константинополя, которые сказали, что туда явятся послы изъ Святой Земли, желающіе направиться къ Сартаху. Однако я заявилъ въ Вербное Воскресенье, говоря проповѣдь въ церкви Святой Софіи, что я не вашъ и ничей посолъ, но направляюсь къ этимъ невѣрнымъ согласно уставу нашего ордена. Затѣмъ, когда я прибылъ въ Солдаію, названные купцы внушили мнѣ, чтобы я говорилъ осторожно, такъ какъ они ранѣе сказали, что я являюсь посломъ, и если бы я сталъ говорить, что я не посолъ, то мнѣ отказали бы въ проѣздѣ. Тогда я слѣдующимъ образомъ сказалъ начальникамъ (capitaneos) города, а вѣрнѣе ихъ замѣстителямъ, такъ какъ начальники отправились зимою къ Батыю съ данью и еще не вернулись: «Мы слышали, что о вашемъ господинѣ Сартахѣ (Sarcaht) говорятъ въ Святой Землѣ, будто онъ христіанинъ, и христіане этому очень обрадовались, а въ особенности христіаннѣйшій государь король Франковъ, который тамъ странствуетъ и сражается съ Саррацинами, чтобы вырвать изъ рукъ ихъ святыя мѣста; поэтому я намѣреваюсь отправиться къ Сартаху и отвезти ему грамоту господина короля, въ которой тотъ внушаетъ ему о пользѣ всего христіанства». Они приняли насъ съ радостью и дали намъ пріютъ въ епископской церкви. И епископъ той церкви бывалъ у Сартаха; онъ сказалъ мнѣ много хорошаго о Сартахѣ, чего я впослѣдствіи не нашелъ.

Тогда предоставили намъ на выборъ, хотимъ ли мы имѣть для перевозки своего имущества телѣги, запряженныя двумя быками, или вьючныхъ лошадей. Константинопольскіе купцы посовѣтовали мнѣ взять телѣги и даже купить въ собственность крытыя повозки, въ которыхъ русскіе перевозятъ свои мѣха, и положить туда наше имущество, которое мнѣ не нужно было доставать ежедневно, ибо если бы я взялъ лоша-

дей, то мнѣ приходилось бы во всякой гостинницѣ снимать имущество и перекладывать на другихъ лошадей. Кромѣ того, они посовѣтовали мнѣ ѣхать тихимъ шагомъ верхомъ, рядомъ съ быками. Я послушался тогда ихъ совѣта, однако на свою бѣду, такъ какъ былъ въ пути до Сартаха два мѣсяца, а если бы я поѣхалъ на лошадяхъ, то могъ бы совершить этотъ путь въ одинъ мѣсяцъ. По совѣту купцовъ, я привезъ съ собою изъ Константинополя, въ качествѣ подарковъ главнымъ начальникамъ, плодовъ, мускатнаго вина и вкусныхъ сухарей (biscoctum), дабы путь мнѣ былъ болѣе доступенъ, такъ какъ у нихъ ни на кого не взираютъ милостивымъ окомъ, если онъ приходитъ съ пустыми руками; все это, не найдя начальниковъ города, я сложилъ на одной повозкѣ, такъ какъ мнѣ говорили, что эти вещи будутъ весьма пріятны для Сартаха (Sarcaht), если я смогу довезти ихъ до него. Итакъ мы направились въ путь около 1 іюня съ четырьмя нашими крытыми повозками и полученными отъ нихъ двумя другими, на которыхъ везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверхъ того, они дали намъ пять верховыхъ лошадей, ибо насъ было пять лицъ: я и товарищъ мой, братъ Варѳоломей изъ Кремоны, везшій подарки Госсель, человѣкъ Божій Тургеманнъ [драгоманъ] и отрокъ Николай, котораго я купилъ въ Константинополѣ на вашу благостыню. Они дали намъ также двухъ людей, которые правили повозками и караулили быковъ и лошадей. На морѣ, отъ Керсоны до устья Танаида, находятся высокіе мысы, а между Керсоной и Солдаіей существуетъ сорокъ замковъ; почти каждый изъ нихъ имѣлъ особый языкъ; среди нихъ было много Готовъ, языкъ которыхъ Нѣмецкій. За этими гористыми мѣстностями къ сѣверу тянется по равнинѣ, наполненной источниками и ручейками, очень красивый лѣсъ, а сзади этого лѣса простирается огромная равнина, которая тянется на пять дневныхъ переходовъ до конца этой области къ сѣверу; она суживается, имѣя море съ востока и съ запада, такъ что отъ одного моря до другого существуетъ одинъ большой перекопъ (fossatum). На этой равнинѣ, до прихода Татаръ, обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить имъ дань. А, когда пришли Татары, Команы, которые всѣ бѣжали къ берегу моря, вошли въ эту землю въ такомъ огромномъ количествѣ, что они пожирали другъ друга взаимно, живые мертвыхъ, какъ мнѣ разсказывалъ видѣвшій это нѣкій купецъ; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умершихъ, какъ собаки — трупы. На сѣверѣ этой области находится много большихъ озеръ, на берегахъ которыхъ имѣются соляные источники; какъ только вода ихъ попадаетъ въ озеро, образуется соль, твердая, какъ ледъ; съ этихъ солончаковъ Батый и Сартахъ получаютъ большіе доходы, такъ какъ со всей Руссіи ѣздятъ туда за солью,

и со всякой нагруженной повозки даютъ два куска хлопчатой бумаги, стоящихъ полъ-иперпера. Моремъ также приходитъ за этой солью множество судовъ, которыя всѣ платятъ пошлину по своему грузу. Итакъ, выѣхавъ изъ Солдаіи, на третій день мы нашли Татаръ. Когда я вступилъ въ ихъ среду, мнѣ совершенно представилось, будто я попалъ въ какой-то другой міръ. Какъ могу, опишу вамъ ихъ жизнь и обычаи.

ГЛАВА II.

О Татарахъ и ихъ жилищахъ.

Они не имѣютъ нигдѣ постояннаго мѣстожительства (civitatem) и не знаютъ, гдѣ найдутъ его въ будущемъ. Они подѣлили между собою Скиѳію (Cithiam), которая тянется отъ Дуная до восхода солнца; и всякій начальникъ (capitaneus) знаетъ, смотря по тому, имѣетъ-ли онъ подъ своею властью большее или меньшее количество людей, границы своихъ пастбищъ, а также гдѣ онъ долженъ пасти свои стада зимою, лѣтомъ, весною и осенью. Именно зимою они спускаются къ югу въ болѣе теплыя страны, лѣтомъ поднимаются на сѣверъ въ болѣе холодныя. Въ мѣстахъ, удобныхъ для пастбища, но лишенныхъ воды, они пасутъ стада зимою, когда тамъ бываетъ снѣгъ, такъ какъ снѣгъ служитъ имъ вмѣсто воды. Домъ, въ которомъ они спятъ, они ставятъ на колесахъ изъ плетеныхъ прутьевъ; бревнами его служатъ прутья, сходящіеся къ верху въ видѣ маленькаго колеса, изъ котораго поднимается въ высь шейка, на подобіе печной трубы; ее они покрываютъ бѣлымъ войлокомъ, чаще же пропитываютъ также войлокъ известкой, бѣлой землей и порошкомъ изъ костей, чтобы онъ сверкалъ ярче; а иногда также берутъ они черный войлокъ. Этотъ войлокъ около верхней шейки они украшаютъ красивой и разнообразной живописью. Передъ входомъ они также вѣшаютъ войлокъ, разнообразный отъ пестроты тканей. Именно они сшиваютъ цвѣтной войлокъ или другой, составляя виноградныя лозы и деревья, птицъ и звѣрей. И они дѣлаютъ подобныя жилища настолько большими, что тѣ имѣютъ иногда тридцать футовъ въ ширину. Именно я вымѣрилъ однажды ширину между слѣдами колесъ одной повозки въ 20 футовъ, а, когда домъ былъ на повозкѣ, онъ выдавался за колеса по крайней мѣрѣ на пять футовъ съ того и другого бока. Я насчиталъ у одной повозки 22 быка, тянущихъ домъ, одиннадцать въ одинъ рядъ вдоль ширины повозки и еще 11 передъ ними. Ось повозки была величиной съ мачту корабля, и человѣкъ стоялъ на повозкѣ при входѣ въ домъ, погоняя быковъ. Кромѣ того, они дѣлаютъ четыреугольные ящики изъ расколотыхъ маленькихъ прутьевъ, величиной съ большой

сундукъ, а послѣ того, съ одного краю до другого, устраиваютъ навѣсъ изъ подобныхъ прутьевъ и на переднемъ краю дѣлаютъ небольшой входъ; послѣ этого покрываютъ этотъ ящикъ или домикъ чернымъ войлокомъ, пропитаннымъ саломъ или овечьимъ молокомъ, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящикъ равнымъ образомъ украшаютъ они пестротканными или пуховыми матеріями. Въ такіе сундуки они кладутъ всю свою утварь и сокровища, а потомъ крѣпко привязываютъ ихъ къ высокимъ повозкамъ, которыя тянутъ верблюды, чтобы можно было такимъ образомъ перевозить эти ящики и черезъ рѣки. Такіе сундуки никогда не сни-

Повозки Татаръ.

маются съ повозокъ. Когда они снимаютъ свои дома для остановки, они всегда поворачиваютъ ворота къ югу и послѣдовательно размѣщаютъ повозки съ сундуками съ той и другой стороны вблизи дома, на разстояніи половины полета камня, такъ что домъ стоитъ между двумя рядами повозокъ, какъ бы между двумя стѣнами. Женщины устраиваютъ себѣ очень красивыя повозки, которыя я не могу вамъ описать иначе, какъ живописью; мало того, я все нарисовалъ бы вамъ, если бы умѣлъ рисовать. Одинъ богатый Моалъ или Татаринъ имѣетъ такихъ повозокъ съ сундуками непремѣнно 100 или 200; у Батыя 26 женъ, у каждой изъ которыхъ имѣется по большому дому, не считая дру-

гихъ маленькихъ, которые онѣ ставятъ сзади большого; они служатъ какъ бы комнатами, въ которыхъ живутъ дѣвушки, и къ каждому изъ этихъ домовъ примыкаютъ по 200 повозокъ. И когда они останавливаются гдѣ нибудь, то первая жена ставитъ свой дворъ на западной сторонѣ, а затѣмъ размѣщаются другія по порядку, такъ что послѣдняя жена будетъ на восточной сторонѣ, и разстояніе между дворомъ одной госпожи и другой будетъ равняться полету камня. Такимъ образомъ одинъ дворъ богатаго Моала будетъ имѣть видъ какъ бы большого города, только въ немъ будетъ очень немного мущинъ. Самая слабая изъ женщинъ (muliercula) можетъ править 20 или 30 повозками, ибо земля ихъ очень ровна. Они привязываютъ повозки съ быками или верблюдами, одну за другой, и бабенка будетъ сидѣть на передней, понукая быка, а всѣ другія повозки слѣдуютъ за ней ровнымъ шагомъ. Если имъ случится дойти до какого нибудь плохого перехода, то они развязываютъ повозки и перевозятъ ихъ по одной. Ибо они ѣдутъ такъ медленно, какъ ходитъ ягненокъ или быкъ.

ГЛАВА III.

Объ ихъ постеляхъ, идолахъ и обрядахъ передъ питьемъ.

Когда они поставятъ дома, обративъ ворота къ югу, то помѣщаютъ постель господина на сѣверную сторону. Мѣсто женщинъ всегда съ восточной стороны, то есть налѣво отъ хозяина дома, когда онъ сидитъ на своей постели, повернувъ лицо къ югу. Мѣсто же мущинъ съ западной стороны, то есть направо. Мущины, входя въ домъ, никоимъ образомъ не могутъ повѣсить своего колчана на женской сторонѣ. И надъ головою господина бываетъ всегда изображеніе, какъ бы кукла или статуетка изъ войлока, именуемая братомъ хозяина; другое похожее изображеніе находится надъ постелью госпожи и именуется братомъ госпожи; эти изображенія прибиты къ стѣнѣ; а выше, среди нихъ, находится еще одно изображеніе маленькое и тонкое, являющееся, такъ сказать, сторожемъ всего дома. Госпожа дома помѣщаетъ у своего праваго бока, у ножекъ постели, на высокомъ мѣстѣ козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой матеріей, а возлѣ нея маленькую статуетку, смотрящую въ направленіи къ служанкамъ и женщинамъ. Возлѣ входа, со стороны женщинъ, есть опять другое изображеніе, съ коровьимъ выменемъ, для женщинъ, которыя доятъ коровъ; ибо доить коровъ принадлежитъ къ обязанности женщинъ. Съ другой стороны входа, по направленію къ мущинамъ, есть другая статуя, съ выменемъ кобылы, для мущинъ, которые доятъ кобылъ. И, всякій разъ какъ они соберутся для питья, они сперва обрызгиваютъ напиткомъ то

изображеніе, которое находится надъ головой господина, а затѣмъ другія изображенія по порядку. Послѣ этого слуга выходитъ изъ дома съ чашей и питьемъ и кропитъ трижды на югъ, преклоняя каждый разъ колѣна, и это дѣлается для выраженія почтенія къ огню; послѣ того онъ повторяетъ то же, обратясь на востокъ, въ знакъ выраженія почтенія къ воздуху; послѣ того онъ обращается на западъ, для выраженія почтенія къ водѣ; на сѣверъ они кропятъ (prohiciunt) въ память умершихъ. Когда господинъ держитъ чашу въ рукѣ и долженъ пить, то, прежде чѣмъ пить, онъ выливаетъ на землю соотвѣтствующую часть. Если онъ пьетъ, сидя на лошади, то до питья дѣлаетъ изліяніе ей на шею или на гриву. Итакъ, когда слуга покропитъ такимъ образомъ на четыре стороны міра, онъ возвращается въ домъ; и два служителя съ двумя чашами и столькими же блюдами стоятъ наготовѣ, чтобы отнести питье господину и женѣ, сидящей на постели возлѣ него, но повыше. И если у господина очень много женъ, то та, съ которой онъ спитъ ночью, сидитъ рядомъ съ нимъ днемъ, а всѣмъ другимъ въ тотъ день надлежитъ приходить къ тому дому, и тамъ въ тотъ день происходитъ собраніе, приносимые же подарки складываются въ сокровищницы этой госпожи. При входѣ стоитъ скамья съ бурдюкомъ молока или другого какого питья и съ чашами.

ГЛАВА IV.

Объ ихъ напиткахъ и о томъ, какъ они поощряютъ другихъ къ питью.

Зимою они дѣлаютъ превосходный напитокъ изъ рису, проса, ячменя и меду, чистый, какъ вино, а вино имъ привозится изъ отдаленныхъ странъ. Лѣтомъ они заботятся только о кумысѣ (cosmos). Кумысъ стоитъ всегда внизу у дома предъ входомъ въ дверь, и возлѣ него стоитъ гитаристъ со своей маленькой гитарой. Нашихъ гитаръ и рылей (viellas) я тамъ не видалъ, но видѣлъ много другихъ инструментовъ, которыхъ у насъ не имѣется. И когда господинъ начинаетъ пить, то одинъ изъ слугъ возглашаетъ громкимъ голосомъ: «Га!» И гитаристъ ударяетъ о гитару, а когда они устраиваютъ большой праздникъ, то всѣ хлопаютъ въ ладоши, и также пляшутъ подъ звукъ гитары, мущины предъ лицомъ господина, а женщины предъ лицомъ госпожи. Когда же господинъ выпьетъ, то слуга восклицаетъ, какъ прежде, и гитаристъ молчитъ. Тогда всѣ кругомъ, и мущины, и женщины, пьютъ, при этомъ иногда они пьютъ взапуски очень гадко и съ жадностью. И, когда они хотятъ побудить кого нибудь къ питью, то хватаютъ его за уши и сильно тянутъ, чтобы расширить ему

горло, и рукоплещутъ и танцуютъ предъ его лицомъ. Точно также, когда они хотятъ сдѣлать кому нибудь большой праздникъ и радость, одинъ беретъ полную чашу, а двое другихъ становятся направо и налѣво отъ него, и такимъ образомъ они трое идутъ съ пѣніемъ и пляской къ тому лицу, которому они должны подать чашу, и поютъ и пляшутъ предъ его лицомъ; а, когда онъ протянетъ руку для принятія чаши, они внезапно отскакиваютъ и снова возвращаются, какъ прежде, и издѣваются надъ нимъ такимъ образомъ, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока онъ не развеселится хорошенько и не почувствуетъ хорошаго аппетита. Тогда они подаютъ ему чашу, поютъ, хлопаютъ въ ладоши и ударяютъ ногами, пока онъ не выпьетъ.

ГЛАВА V.

Объ ихъ пищѣ.

Объ ихъ пищѣ и съѣстныхъ припасахъ знайте, что они ѣдятъ безъ разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стадъ, вполнѣ понятно, умираетъ много животныхъ. Однако лѣтомъ, пока у нихъ тянется кумысъ, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пищѣ. Поэтому, если тогда доведется умереть у нихъ быку и лошади, они сушатъ мясо, разрѣзывая его на тонкіе куски и вѣшая на солнце и на вѣтеръ, и эти куски тотчасъ сохнутъ безъ соли и не распространяя никакой вони. Изъ кишекъ лошадей они дѣлаютъ колбасы, лучшія, чѣмъ изъ свинины, и ѣдятъ ихъ свѣжими. Остальное мясо сохраняютъ на зиму. Изъ шкуръ быковъ они дѣлаютъ большіе бурдюки, которые удивительно высушиваютъ на дыму. Изъ задней части конской шкуры они дѣлаютъ очень красивые башмаки. Отъ мяса одного барана они даютъ ѣсть 50 или 100 человѣкамъ, именно они разрѣзаютъ мясо на маленькіе кусочки на блюдечкѣ вмѣстѣ съ солью и водой—другой приправы они не дѣлаютъ,—а затѣмъ остріемъ ножика или вилочки, сдѣланныхъ нарочно для этого, на подобіе тѣхъ, какими мы обычно ѣдимъ свареныя въ винѣ груши и яблоки, они протягиваютъ каждому изъ окружающихъ одинъ или два кусочка, сообразно съ количествомъ вкушающихъ. Прежде чѣмъ поставить мясо барана [гостямъ], господинъ самъ беретъ, что ему нравится, а также если онъ даетъ кому нибудь особую часть, то получающему надлежитъ съѣсть ее одному, и нельзя давать никому; если же онъ не можетъ съѣсть всего, то ему надлежитъ унести это съ собою или отдать своему служителю, если на лицо находится тотъ, кто охраняетъ его, или иначе онъ прячетъ это въ свой **каптаргакъ**, то есть въ квадратный мѣшокъ, который

они носятъ для сохраненія всего подобнаго: сюда они прячутъ также и кости, когда у нихъ нѣтъ времени хорошенько обглодать ихъ, чтобы обглодать впослѣдствіи, дабы не пропадало ничего изъ пищи.

ГЛАВА VI.

Какъ они приготовляютъ кумысъ.

Самый кумысъ, то есть кобылье молоко, приготовляется слѣдующимъ образомъ. На двухъ кольяхъ, вбитыхъ въ землю, они натягиваютъ длинную веревку; къ этой веревкѣ они привязываютъ около третьяго часа дня дѣтенышей кобылицъ, которыхъ хотятъ доить. Тогда матки стоятъ возлѣ своихъ дѣтенышей и даютъ доить себя спокойно. А если какая нибудь изъ нихъ очень несдержана, то человѣкъ беретъ дѣтеныша и подноситъ къ ней, давая немного пососать; затѣмъ онъ оттаскиваетъ его, и на смѣну является дольщикъ молока. Итакъ, накопивъ большое количество молока, которое, пока свѣжее, такъ же сладко, какъ коровье, они наливаютъ его въ большой бурдюкъ или бутыль (butellum) и начинаютъ бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ея внизу съ человѣческую голову, а внутри она просверлена. Какъ только они начинаютъ сбивать, молоко начинаетъ кипѣть, какъ новое вино, и окисать или бродить, и они его сбиваютъ до тѣхъ поръ, пока не извлекутъ масла. Тогда они пробуютъ молоко и, если оно надлежаще остро, пьютъ. Ибо оно при питьѣ щиплетъ языкъ такъ же, какъ вино съ прибавкой свѣжаго винограда, а, когда человѣкъ перестаетъ пить, оно оставляетъ на языкѣ вкусъ миндальнаго молока и доставляетъ много пріятности внутренностямъ человѣка, слабыя же головы даже опьяняетъ; также вызываетъ оно много мочи. Они дѣлаютъ также для нуждъ важныхъ господъ каракосмосъ, то есть черный кумысъ. Въ этомъ случаѣ кобылье молоко не свертывается. Правиломъ служитъ то, что ни у одного животнаго, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванію. Если въ брюхѣ кобылицы нѣтъ зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается. Итакъ, они настолько сбиваютъ молоко, что все, что въ немъ есть густого, идетъ прямо на дно, какъ винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминаетъ собою сыворотку или бѣлый виноградный сокъ. Гуща бываетъ очень бѣла, дается рабамъ и наводитъ глубокій сонъ. Свѣтлую часть пьютъ господа, и это, несомнѣнно, напитокъ очень пріятный и хорошаго дѣйствія. Около своего становища, на разстояніи дня пути, Батый имѣетъ тридцать человѣкъ, изъ которыхъ всякій во всякій день служитъ ему такимъ молокомъ отъ ста кобылицъ, то есть во всякій день [онъ полу-

чаетъ] молоко отъ трехъ тысячъ кобылицъ, за исключеніемъ другого бѣлаго молока, которое приносятъ другіе. Ибо какъ въ Сиріи поселяне даютъ третью часть плодовъ, такъ Татарамъ надлежитъ приносить ко дворамъ своихъ господъ кобылье молоко каждаго третьяго дня. Изъ коровьяго молока они сперва извлекаютъ масло и кипятятъ его до полнаго сваренія, а потомъ прячутъ его въ кожахъ барановъ, которыя для этого сберегаютъ. Хотя они не кладутъ соли въ масло, оно все-таки не подвергается гніенію вслѣдствіе сильной варки. И они сохраняютъ его на зиму. Остальному молоку, которое остается послѣ масла, они даютъ киснуть, насколько только можно сильнѣе, и кипятятъ его; отъ кипѣнія оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушатъ на солнцѣ, и оно становится твердымъ, какъ выгарки желѣза; его они прячутъ въ мѣшки на зиму. Въ зимнее время, когда у нихъ не хватаетъ молока, они кладутъ въ бурдюкъ это кислое и свернувшееся молоко, которое называютъ гріутъ, наливаютъ сверху теплой воды и сильно трясутъ его, пока оно не распустится въ водѣ, которая дѣлается отъ этого вся кислая; эту воду они пьютъ вмѣсто молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

ГЛАВА VII.

О животныхъ, которыми они питаются; объ ихъ одеждѣ и объ ихъ охотѣ.

Важные господа имѣютъ на югѣ помѣстья, изъ которыхъ на зиму имъ доставляется просо и мука. Бѣдные добываютъ себѣ это въ обмѣнъ на барановъ и кожи. Рабы наполняютъ свой желудокъ даже грязной водой и этимъ довольствуются. Ловятъ они также и мышей, многія породы которыхъ находятся тамъ въ изобиліи. Мышей съ длинными хвостами они не ѣдятъ, а отдаютъ своимъ птицамъ. Они истребляютъ соней (glires) и всякую породу мышей съ короткимъ хвостомъ. Тамъ водится также много сурковъ, именуемыхъ тамъ согуръ; они собираются зимою въ одну яму заразъ въ числѣ 20 или 30 и спятъ шесть мѣсяцевъ; ихъ ловятъ Татары въ большомъ количествѣ. Водятся тамъ также кролики съ длиннымъ хвостомъ, какъ у кошки, и съ черными и бѣлыми волосами на концѣ хвоста. У нихъ есть также много другихъ маленькихъ звѣрьковъ, пригодныхъ для ѣды, которыхъ они сами очень хорошо различаютъ. Оленей я тамъ не видалъ; зайцевъ видѣлъ мало, газелей много. Дикихъ (silvestres) ословъ я видѣлъ въ большомъ количествѣ; они похожи на муловъ. Видѣлъ я также другую породу животныхъ, именуемыхъ аркали; они имѣютъ тѣло, точно у барана, и рога, загнутые, какъ у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва могъ поднять два рога;

изъ этихъ роговъ они дѣлаютъ большія чаши. У нихъ есть въ большомъ количествѣ соколы, кречеты и аисты; всѣхъ ихъ они носятъ на правой рукѣ и надѣваютъ всегда соколу на шею небольшой ремень, который виситъ у него до средины груди. При помощи этого ремня они наклоняютъ лѣвой рукой голову и грудь сокола, когда выпускаютъ его на добычу, чтобы онъ не получалъ встрѣчныхъ ударовъ отъ вѣтра или не уносился въ высь. Итакъ охотой они добываютъ себѣ значительную часть своего пропитанія.

Объ одѣяніяхъ и платьѣ ихъ знайте, что изъ Катайи и другихъ восточныхъ странъ, а также изъ Персіи и другихъ южныхъ странъ имъ доставляютъ шелковыя и золотыя матеріи, а также ткани изъ хлопчатой бумаги, въ которыя они одѣваются лѣтомъ. Изъ Руссіи, изъ Мокселя (Maxel), изъ великой Булгаріи и Паскатира, то есть великой Венгріи, изъ Керкиса (всѣ эти страны лежатъ къ сѣверу и полны лѣсовъ) и изъ многихъ другихъ странъ съ сѣверной стороны, которыя имъ повинуются, имъ привозятъ дорогіе мѣха разнаго рода, которыхъ я никогда не видалъ въ нашихъ странахъ, и въ которые они одѣваются зимою. И зимою они всегда дѣлаютъ себѣ по меньшей мѣрѣ двѣ шубы: одну, волосъ которой обращенъ къ тѣлу, а другую, волосъ которой находится наружу къ вѣтру и снѣгамъ. Эти шубы по большей части сшиты изъ шкуръ волчьихъ и лисьихъ или изъ шкуръ павіановъ (papionibus); пока Татары сидятъ въ домѣ, они носятъ другую шубу болѣе нѣжную. Бѣдные приготовляютъ верхнія шубы изъ шкуръ собачьихъ или козьихъ. Когда они хотятъ охотиться на звѣрей, то собираются въ большомъ количествѣ, окружаютъ мѣстность, про которую знаютъ, что тамъ находятся звѣри, и мало по малу приближаются другъ къ другу, пока не замкнутъ звѣрей другъ съ другомъ, какъ бы въ кругѣ, и тогда пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Они устрояютъ также шаровары изъ кожъ. Богатые также подшиваютъ себѣ платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бѣдные подшиваютъ платье полотномъ, хлопчатой бумагой и болѣе нѣжной шерстью, которую они могутъ извлечь изъ болѣе грубой. Изъ болѣе грубой они дѣлаютъ войлокъ для покрыванія своихъ домовъ, сундуковъ, а также постелей. Изъ шерсти также, съ примѣсью третьей части конскаго волоса, они дѣлаютъ себѣ веревки. Изъ войлока они дѣлаютъ также плащи, чапраки и шапки противъ дождя; такимъ образомъ они издерживаютъ много шерсти. Платье мущинъ вы видѣли.

ГЛАВА VIII.

О бритьѣ мущинъ и нарядѣ женщинъ.

Мущины выбриваютъ себѣ на макушкѣ головы четыреугольникъ и съ переднихъ угловъ ведутъ бритье макушки головы до висковъ. Они бреютъ также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лобъ до макушки, на которой оставляютъ пучокъ волосъ, спускающихся до бровей. Въ углахъ затылка они оставляютъ волосы, изъ которыхъ дѣлаютъ косы, которыя заплетаютъ, завязывая узломъ до ушей. Платье дѣвушекъ не отличается отъ платья мущинъ, за исключеніемъ того, что оно нѣсколько длиннѣе. Но на слѣдующій день послѣ свадьбы она бреетъ себѣ черепъ съ середины головы въ направленіи ко лбу; она носитъ рубашку такой ширины, какъ куколь монахини, но въ общемъ болѣе широкую и длинную и спереди разрѣзанную, которую онѣ завязываютъ на правомъ боку. Ибо Татары отличаются отъ Турокъ именно тѣмъ, что Турки завязываютъ свои рубашки съ лѣвой стороны, а Татары всегда съ правой. Кромѣ того, онѣ носятъ украшеніе на головѣ, именуемое бокка, устраиваемое изъ древесной коры или изъ другого матеріала, который онѣ могутъ найти, какъ болѣе легкій, и это украшеніе круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно въ локоть и болѣе, а вверху четыреугольное, какъ капитель колонны. Эту бокку онѣ покрываютъ драгоцѣнной шелковой тканью; внутри бокка—пустая, а въ серединѣ надъ капителью, или надъ упомянутымъ четыреугольникомъ, онѣ ставятъ прутикъ изъ стебельковъ перьевъ или изъ тонкихъ тростинокъ, длиною также въ локоть и больше. И этотъ прутикъ онѣ украшаютъ сверху павлиньими перьями и, вдоль кругомъ, перышками изъ хвоста селезня, а также драгоцѣнными камнями. Богатыя госпожи полагаютъ это украшеніе на верхъ головы, крѣпко стягивая его мѣховой шапкой (almuccia), имѣющей въ верхушкѣ приспособленное для того отверстіе. Сюда онѣ прячутъ свои волосы, которые собираютъ сзади къ верху головы, какъ бы въ одинъ узелъ, и полагаютъ въ упомянутую бокку, которую потомъ крѣпко завязываютъ подъ подбородкомъ. Отсюда, когда много госпожъ ѣдетъ вмѣстѣ, то, если смотрѣть на нихъ издали, онѣ кажутся солдатами, имѣющими на головахъ шлемы съ поднятыми копьями. Именно бокка кажется шлемомъ, а прутикъ наверху копьемъ. И всѣ женщины сидятъ на лошадяхъ, какъ мущины, разставляя бедра въ разныя стороны, и онѣ подвязываютъ свои куколи по чресламъ шелковой тканью небеснаго цвѣта, другую же повязку прикрѣпляютъ къ грудямъ, а

подъ глазами подвязываютъ кусокъ бѣлой матеріи: эти куски спускаются на грудь. Всѣ женщины удивительно тучны; и та, у которой носъ меньше другихъ, считается болѣе красивой. Онѣ также безобразятъ себя, позорно разрисовывая себѣ лицо. Для родовъ онѣ никогда не ложатся въ постель.

ГЛАВА IX.

Объ обязанностяхъ женщинъ, объ ихъ занятіяхъ и объ ихъ свадьбахъ.

Обязанность женщинъ состоитъ въ томъ, чтобы править повозками, ставить на нихъ жилища и снимать ихъ, доить коровъ, дѣлать масло и грутъ, приготовлять шкуры и сшивать ихъ, а сшиваютъ ихъ онѣ ниткой изъ жилъ. Именно онѣ раздѣляютъ жилы на тонкія нитки и послѣ сплетаютъ ихъ въ одну длинную нить. Онѣ шьютъ также сандаліи (sotulares), башмаки и другое платье. Платьевъ онѣ никогда не моютъ, такъ какъ говорятъ, что Богъ тогда гнѣвается, и что будетъ громъ, если ихъ повѣсить сушить. Мало того, онѣ бьютъ моющихъ платье и отнимаютъ его у нихъ. Они боятся грома выше мѣры, высылаютъ тогда всѣхъ чужестранцевъ изъ своихъ домовъ и закутываются въ черные войлоки, въ которые прячутся, пока не пройдетъ [гроза]. Никогда также не моютъ онѣ блюдъ; мало того, сваривъ мясо, онѣ моютъ чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой изъ котла, а послѣ обратно выливаютъ въ котелъ. Онѣ дѣлаютъ также войлокъ и покрываютъ дома. Мущины дѣлаютъ луки и стрѣлы, приготовляютъ стремена и уздечки и дѣлаютъ сѣдла, строютъ дома и повозки, караулятъ лошадей и доятъ кобылицъ, трясутъ самый кумысъ, то есть кобылье молоко, дѣлаютъ мѣшки, въ которыхъ его сохраняютъ, охраняютъ также верблюдовъ и вьючатъ ихъ. Овецъ и козъ они караулятъ сообща, и доятъ иногда мущины, иногда женщины. Кожи приготовляютъ они при помощи кислаго, сгустившагося и соленаго овечьяго молока. Когда они хотятъ вымыть руки или голову, они наполняютъ себѣ ротъ водою и мало по малу льютъ ее изо рта себѣ на руки, увлажняютъ такой же водою свои волосы и моютъ себѣ голову. О свадьбахъ ихъ знайте, что никто не имѣетъ тамъ жены, если не купитъ ея; отсюда, раньше чѣмъ выйти замужъ, дѣвушки достигаютъ иногда очень зрѣлаго возраста. Ибо родители постоянно держатъ ихъ, пока не продадутъ. Они соблюдаютъ первую и вторую степень родства, свойства же не признаютъ ни въ какой степени. Именно они женятся вмѣстѣ или послѣдовательно на двухъ сестрахъ. Ни одна вдова не выходитъ у нихъ замужъ на томъ основаніи, что они вѣруютъ, что всѣ, кто служитъ имъ въ этой жизни, будетъ слу-

жить и въ будущей; отсюда о вдовѣ они вѣрятъ, что она всегда вернется послѣ смерти къ первому мужу. Отъ этого среди нихъ случается позорный обычай, именно, что сынъ беретъ иногда всѣхъ женъ своего отца, за исключеніемъ матери. Именно дворъ отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежитъ заботиться о всѣхъ женахъ своего отца, которыя достаются ему съ отцовскимъ дворомъ, и тогда, при желаніи, онъ пользуется ими, какъ женами, такъ какъ онъ не признаетъ, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется къ отцу. Итакъ, когда кто нибудь заключитъ съ кѣмъ нибудь условіе о взятіи дочери, отецъ дѣвушки устраиваетъ пиршество, и она бѣжитъ къ близкимъ родственникамъ, чтобы тамъ спрятаться. Тогда отецъ говоритъ: «Вотъ дочь моя твоя; бери ее вездѣ, гдѣ найдешь». Тогда тотъ ищетъ ее со своими друзьями, пока не найдетъ, и ему надлежитъ силой взять ее и привести какъ бы насильно къ себѣ домой.

ГЛАВА X.

Объ ихъ судопроизводствѣ, судахъ, смерти и похоронахъ.

Объ судопроизводствѣ ихъ знайте, что, когда два человѣка борются, никто не смѣетъ вмѣшиваться, даже отецъ не смѣетъ помочь сыну; но тотъ, кто оказывается болѣе слабымъ, долженъ жаловаться предъ дворомъ государя, и если другой послѣ жалобы коснется до него, то его убиваютъ. Но ему должно идти туда немедленно безъ отсрочки, и тотъ, кто потерпѣлъ обиду, ведетъ другого, какъ плѣннаго. Они не караютъ никого смертнымъ приговоромъ, если онъ не будетъ уличенъ въ дѣяніи или не сознается. Но когда очень многіе опозорятъ его, то онъ подвергается сильнымъ мученіямъ, чтобы вынудить сознаніе. Человѣкоубійство они караютъ смертнымъ приговоромъ, такъ же, какъ соитіе не съ своею женщиной. Подъ не своей женщиной я разумѣю или жену, или служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться, какъ угодно. Точно также они караютъ смертью за огромную кражу. За легкую кражу, напримѣръ за одного барана, лишь бы только человѣкъ не часто попадался въ этомъ, они жестоко бьютъ, и если они назначаютъ сто ударовъ, то это значитъ, что тѣ получаютъ сто палокъ. Я говорю о тѣхъ, кто подвергается побоямъ по приговору двора. Точно также они убиваютъ ложныхъ пословъ, то есть тѣхъ, которые выдаютъ себя за пословъ и не суть таковые. Точно также умерщвляютъ колдуній, о которыхъ однако я скажу вамъ потомъ полнѣе, такъ какъ считаютъ подобныхъ женщинъ за отравительницъ. Когда кто-нибудь умираетъ, они скорбятъ, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не

платятъ подати до истеченія года. И если кто присутствуетъ при смерти какого-нибудь взрослаго лица, то до конца года не входитъ въ домъ самого Мангу-хана. Если умершій—ребенокъ, то онъ входитъ только по истеченіи мѣсяца. Возлѣ погребенія усопшаго они оставляютъ всегда одинъ его домъ, если онъ изъ знатныхъ лицъ, то есть изъ рода Хингиса, который былъ ихъ первымъ отцомъ и государемъ. Погребеніе того, кто умираетъ, остается неизвѣстнымъ; и всегда около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они погребаютъ своихъ знатныхъ лицъ, имѣется гостинница для охраняющихъ погребенія. Я не знаю того, чтобы они скрывали съ мертвыми сокровища. Команы насыпаютъ большой холмъ надъ усопшимъ и воздвигаютъ ему статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую у себя въ рукѣ предъ пупкомъ чашу. Они строятъ также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-гдѣ я видѣлъ большія башни изъ кирпичей, кое-гдѣ каменные дома, хотя камней тамъ и не находится. Я видѣлъ одного недавно умершаго, около котораго они повѣсили на высокихъ жердяхъ 16 шкуръ лошадей, по четыре съ каждой стороны міра; и они поставили предъ нимъ для питья кумысъ, для ѣды мясо, хотя и говорили про него, что онъ былъ окрещенъ. Я видѣлъ другія погребенія въ направленіи къ востоку, именно большія площади, вымощенныя камнями, однѣ круглыя, другія четыреугольныя, и затѣмъ четыре длинные камня, воздвигнутые съ четырехъ сторонъ міра по сю сторону площади. Когда кто нибудь занедужитъ, онъ ложится въ постель и ставитъ знакъ надъ своимъ домомъ, что тамъ есть недужный и чтобы никто не входилъ. Отсюда никто не посѣщаетъ недужнаго, кромѣ прислуживающаго ему. Когда также занедужитъ кто нибудь принадлежащій къ великимъ дворамъ, то далеко вокругъ двора ставятъ сторожей, которые не позволяютъ никому переступить за эти предѣлы. Именно они опасаются, чтобы со входящими не явился злой духъ или вѣтеръ. Самихъ гадателей они называютъ какъ бы своими жрецами.

ГЛАВА XI.

О нашемъ пріѣздѣ въ страну варваровъ и объ ихъ неблагодарности.

Итакъ, когда мы вступили въ среду этихъ варваровъ, мнѣ, какъ я выше сказалъ, показалось, что я вступаю въ другой міръ. Именно они на лошадяхъ окружили насъ, заставивъ насъ напередъ долго ожидать, причемъ мы сидѣли въ тѣни подъ нашими повозками. Первый вопросъ ихъ былъ, были ли мы когда нибудь среди нихъ. Получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, они начали безстыдно просить себѣ пищи. Мы дали имъ сухарей и вина, ко-

торое привезли съ собою изъ города; выпивъ одну бутылку вина, они попросили другую, говоря, что человѣкъ не входитъ въ домъ на одной ногѣ, но мы не дали имъ, отговорившись тѣмъ, что у насъ его мало. Тогда они спросили насъ, откуда мы ѣдемъ и куда желаемъ направиться. Я имъ сказалъ прежнія слова, именно что мы слышали про Сартаха, что онъ христіанинъ, и что я желаю направиться къ нему, такъ какъ долженъ вручить ему вашу грамоту. Они усиленно разспрашивали, ѣду ли я по своей волѣ, или меня посылаютъ. Я отвѣтилъ, что никто не заставлялъ меня ѣхать, и я не поѣхалъ бы, если бы не захотѣлъ; поэтому я ѣду по своей волѣ, а также по волѣ моего настоятеля. Я очень остерегался, чтобы отнюдь не сказать, что я вашъ посолъ. Тогда они спросили, что имѣется на повозкахъ для врученія Сартаху: золото ли, или серебро, или драгоцѣнныя одежды. Я отвѣтилъ, что Сартахъ хорошо разсмотритъ, что мы вручимъ ему, когда доберемся до него, и что не ихъ дѣло разспрашивать объ этомъ, но пусть они прикажутъ проводить меня къ своему начальнику, и пусть тотъ, если пожелаетъ, прикажетъ дать мнѣ провожатыхъ до Сартаха, въ противномъ же случаѣ я могу вернуться. Именно въ этой области былъ одинъ родственникъ Батыя, начальникъ, по имени Скатай, которому господинъ императоръ константинопольскій посылалъ письмо съ просьбой, чтобы тотъ позволилъ мнѣ проѣхать. Тогда они успокоились, давъ намъ лошадей, быковъ и двухъ людей, чтобы проводить насъ; а другіе, которые привезли насъ, вернулись. Прежде чѣмъ, однако, дать намъ выше сказанное, они заставили насъ долго ждать, прося у насъ хлѣба для своихъ малютокъ, а также всего, что они видѣли у нашихъ слугъ: ножиковъ, перчатокъ, кошельковъ и ремешковъ, всѣмъ восхищаясь и все желая имѣть. Я отговаривался тѣмъ, что намъ предстоитъ дальняя дорога, и что намъ не слѣдуетъ такъ скоро лишать себя предметовъ, нужныхъ для окончанія столь дальней дороги. Тогда они стали говорить, что я самозванецъ. Правда, что они ничего не отняли у насъ силою; но они очень надоѣдливо и безстыдно просятъ то, что видятъ, и если человѣкъ даетъ имъ, то теряетъ, такъ какъ они неблагодарны. Они считаютъ себя владыками міра, и имъ кажется, что никто не долженъ имъ ни въ чемъ отказывать; если онъ не дастъ и послѣ того станетъ нуждаться въ ихъ услугѣ, они плохо прислуживаютъ ему. Они дали намъ выпить своего коровьяго молока, изъ котораго было извлечено масло и которое было очень кисло; они называли его айра. И такимъ образомъ мы удалились отъ нихъ, причемъ мнѣ прямо представилось, что я вырвался изъ рукъ демоновъ. На слѣдующій день мы добрались до начальника.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Солдаіи, и вплоть до Сартаха, два мѣсяца, мы никогда не лежали въ домѣ или въ палаткѣ, но всегда подъ открытымъ небомъ или подъ нашими повозками, и мы не видали никакого селенія и даже слѣда какого нибудь строенія, гдѣ было бы селеніе, кромѣ огромнаго количества могилъ Комановъ. Въ тотъ вечеръ служитель, который провожалъ насъ, далъ намъ выпить кумысу; при первомъ глоткѣ я весь облился потомъ вслѣдствіе страха и новизны, потому что никогда не пилъ его. Однако онъ показался мнѣ очень вкуснымъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА XII.

О дворѣ Скатая и о томъ, что христіане не пьютъ кумысу.

Итакъ утромъ мы встрѣтили повозки Скатая, нагруженныя домами, и мнѣ казалось, что на встрѣчу мнѣ двигается большой городъ. Я также изумился количеству стадъ быковъ и лошадей и стай овецъ. Я видѣлъ однако немногихъ людей, которые ими управляли. Въ силу этого я спросилъ, сколько человѣкъ имѣетъ Скатай въ своей власти, и мнѣ было сказано, что не болѣе 500, мимо половины которыхъ мы проѣхали ранѣе при другой остановкѣ. Тогда служитель, который провожалъ насъ, началъ мнѣ говорить, что Скатаю надлежитъ что нибудь дать, и, заставивъ насъ стоять, пошелъ впередъ, съ сообщеніемъ о нашемъ приходѣ. Уже было болѣе трехъ часовъ, и они поставили свои дома возлѣ какой-то воды, когда къ намъ пришелъ его толмачъ, который, узнавъ тотчасъ, что мы никогда не были среди нихъ, потребовалъ себѣ пищи, и мы дали ему. Требовалъ онъ также какой нибудь одежды, такъ какъ долженъ былъ говорить наши слова предъ своимъ господиномъ. Мы отговорились. Онъ спросилъ, что несемъ мы его господину. Мы взяли бутылку вина, наполнили корзину сухарями и блюдо яблоками и другими фруктами, но ему не нравилось, что мы не подносимъ никакой драгоцѣнной ткани. Итакъ все же мы вошли съ робостью и со стыдомъ. Скатай самъ сидѣлъ на своемъ ложѣ, держа въ рукѣ маленькую гитару, а рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, о которой я въ правду полагалъ, что она отрѣзала себѣ между глазъ носъ, чтобы быть болѣе курносой, ибо у нея тамъ ничего не оставалось отъ носа. И она намазала это мѣсто, а также и брови, какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно въ нашихъ глазахъ. Тогда я сказалъ Скатаю вышеупомянутыя слова. Ибо вездѣ намъ надлежало говорить ту же самую рѣчь. Именно тѣ, кто былъ у нихъ, хорошо предупреждали насъ на этотъ счетъ, чтобы мы никогда не мѣняли своихъ словъ. Я также попросилъ его, чтобы онъ соблаговолилъ принять подарокъ изъ нашихъ рукъ,

причемъ извинялся, что я монахъ, и что нашему ордену не надлежитъ владѣть золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными одеждами; поэтому у меня нѣтъ ничего подобнаго, что я могъ бы ему дать, но пусть онъ приметъ въ знакъ благословенія нашу пищу. Тогда онъ приказалъ принять и тотчасъ распредѣлилъ своимъ людямъ, которые собрались для попойки. Я далъ ему также грамоту господина императора константинопольскаго. Это было въ восьмой день по Вознесеніи. Онъ тотчасъ послалъ ее въ Солдаію, чтобы тамъ перевести, такъ какъ она была написана по гречески, а съ нимъ не было никого, кто зналъ бы греческую грамоту. Онъ также спросилъ у насъ, хотимъ ли мы пить кумысъ, то есть кобылье молоко. Ибо находящіеся среди нихъ христіане, Русскіе, Греки и Аланы, которые хотятъ крѣпко хранить свой законъ, не пьютъ его и даже не считаютъ себя христіанами, когда выпьютъ, и ихъ священники примиряютъ ихъ тогда [со Христомъ], какъ будто они отказались отъ христіанской вѣры. Тогда я отвѣтилъ, что у насъ еще есть достаточно, что пить, а, когда это питье у насъ выйдетъ, намъ надлежитъ пить то, что онъ намъ дастъ. Онъ спросилъ также, что содержится въ той грамотѣ, которую вы посылали Сартаху. Я сказалъ, что наша булла запечатана, но что въ ней заключаются только любезныя и дружественныя слова. Онъ спросилъ также, какія слова скажемъ мы Сартаху. Я отвѣтилъ: «Слова христіанской вѣры». Онъ спросилъ, какія именно, такъ какъ охотно желалъ бы послушать. Тогда я изложилъ ему, какъ могъ, при посредствѣ своего толмача, человѣка вовсе не развитого и не обладавшаго никакимъ краснорѣчіемъ, символъ вѣры. Выслушавъ его, онъ замолчалъ и кивнулъ головой. Затѣмъ онъ назначилъ намъ двухъ людей для охраны насъ, лошадей и быковъ и приказалъ намъ ѣхать съ собой, пока не вернется гонецъ, котораго онъ послалъ для перевода грамоты императора, и мы ѣхали съ нимъ до дня, слѣдующаго за Пятидесятницей.

ГЛАВА XIII.

О томъ, какъ наканунѣ Пятидесятницы къ намъ пришли Аланы.

Наканунѣ Пятидесятницы пришли къ намъ нѣкіе Аланы, которые именуются тамъ Аасъ, христіане по греческому обряду, имѣющіе греческія письмена и греческихъ священниковъ. Однако они не схизматики, подобно Грекамъ, но чтутъ всякаго христіанина безъ различія лицъ. Они принесли намъ вареннаго мяса, прося покушать ихъ пищи и помолиться за одного усопшаго ихъ. Тогда я сказалъ имъ, что теперь канунъ столь великаго праздника, и что въ такой день мы не будемъ ѣсть мяса, и объяснилъ имъ этотъ праздникъ, чему они очень обрадовались, такъ какъ

не знали ничего, имѣющаго отношеніе къ христіанскому обряду, за исключеніемъ только имени Христова. Спрашивали также они и многіе другіе христіане, Русскіе и Венгры, могутъ ли они спастись, потому что имъ приходилось пить кумысъ и ѣсть мясо животныхъ, или павшихъ, или убитыхъ Сарацинами и другими невѣрными, что даже сами Греческіе и Русскіе священники считаютъ, какъ падаль или какъ принесенное въ жертву идоламъ, а также потому, что они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали. Тогда я разъяснилъ имъ, какъ могъ, научая и наставляя ихъ въ вѣрѣ. Мясо, принесенное ими, мы сберегли до праздничнаго дня, ибо не находили ничего продажнаго за золото или серебро, а только за полотно или за другія ткани, чего у насъ не было. Когда наши слуги показывали имъ иперперы, они терли ихъ пальцами и подносили къ носу, чтобы узнать по запаху, не мѣдь ли это. Въ пищу намъ давали только коровье молоко, очень кислое и вонючее. Вино было у насъ уже на исходѣ; воду лошади мутили такъ, что она не была годна для питья. Если бы у насъ не было сухарей, которые мы имѣли, и милости Божіей, мы, навѣрное, умерли бы отъ голода.

ГЛАВА XIV.

Объ одномъ Сарацинѣ, желавшемъ креститься, и о нѣкоторыхъ людяхъ имѣвшихъ видъ прокаженныхъ.

Въ день Пятидесятницы пришелъ къ намъ нѣкій Сарацинъ, во время разговора котораго съ нами мы начали излагать вѣру. Слыша про благодѣянія Божія, оказанныя человѣческому роду воплощеніемъ и воскресеніемъ мертвыхъ, и про будущій судъ, а также про то, что омовеніе грѣховъ заключается въ крещеніи, онъ заявилъ о своемъ желаніи креститься. Когда мы стали готовиться къ его крещенію, онъ неожиданно сѣлъ на свою лошадь, говоря, что отправится домой и посовѣтуется съ своей женой. На слѣдующій день въ разговорѣ съ нами онъ сказалъ, что никоимъ образомъ не дерзаетъ принять крещеніе, такъ какъ тогда не можетъ пить кумысу. Именно христіане той мѣстности говорили то, что ни одинъ истинный христіанинъ не долженъ пить его, а безъ этого напитка онъ не можетъ жить въ этой пустынѣ. Я никоимъ образомъ не могъ отвратить его отъ этого мнѣнія. Отсюда знайте за вѣрное, что они весьма далеки отъ вѣры вслѣдствіе этого мнѣнія, которое уже укрѣпилось среди нихъ, благодаря Русскимъ, количество которыхъ среди нихъ весьма велико. Въ этотъ день начальникъ далъ намъ человѣка, чтобы проводить насъ къ Сартаху, и двоихъ людей,

чтобы отвезти насъ до ближайшей стоянки, отстоявшей оттуда на пять дневныхъ переходовъ такимъ шагомъ, какимъ могли пройти быки. Они дали также намъ въ пищу козу, нѣсколько бурдюковъ съ коровьимъ молокомъ и немного кумысу, такъ какъ онъ считается среди нихъ драгоцѣнностью. И, когда мы такимъ образомъ направились прямо на сѣверъ, мнѣ показалось, что мы переступили ворота ада. Служители, насъ сопровождавшіе, начали насъ дерзко обкрадывать, такъ какъ видѣли, что мы мало остерегаемся. Наконецъ, когда мы потеряли очень много, мученія сообщили намъ разумъ. Наконецъ мы добрались до края этой области, которая замыкается перекопомъ отъ одного моря отъ другого; за нею были пристанища тѣхъ, по входѣ къ которымъ они показались намъ всѣ прокаженными, такъ какъ это были презрѣнные люди, помѣщенные тамъ, чтобы получать дань съ берущихъ соль изъ вышеупомянутыхъ солеваренъ. Съ того мѣста, какъ говорили, намъ надлежало странствовать 15 дней, не встрѣчая никакихъ людей. Мы выпили съ ними кумысу и дали имъ корзину, полную сухарей; они дали намъ, восьми человѣкамъ, для столь продолжительнаго пути одну козу и сколько-то бурдюковъ, полныхъ коровьяго молока. Перемѣнивъ такимъ образомъ лошадей и быковъ, мы снова пустились въ путь, который совершили въ десять дней до другой остановки, и на этой дорогѣ находили воду только во рвахъ, сдѣланныхъ въ долинахъ, да еще въ двухъ небольшихъ рѣкахъ. И все время, какъ мы оставили упомянутую выше область Газарію, мы ѣхали на востокъ, имѣя съ юга море, а къ сѣверу большую степь, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжается на 30 дневныхъ переходовъ, и въ которой нѣтъ никакого лѣса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. Въ ней прежде пасли свои стада Команы, именуемые Капчатъ; Нѣмцы же называютъ ихъ Валанами, а область Валаніей. Исидоръ же называетъ страну отъ рѣки Танаида до Меотидскихъ болотъ и Данубія Аланіей, и эта страна тянется въ длину отъ Данубія до Танаида, который служитъ границей Азіи и Европы, на двухмѣсячный путь быстрой ѣзды, какъ ѣздятъ Татары. Она вся заселена была Команами Капчатъ, равно какъ и дальше, отъ Танаида до Этиліи; между этими рѣками существуетъ 10 большихъ дневныхъ переходовъ. Къ сѣверу отъ этой области лежитъ Руссія, имѣющая повсюду лѣса; она тянется отъ Польши и Венгріи до Танаида. Эта страна вся опустошена Татарами и понынѣ ежедневно опустошается ими.

ГЛАВА XV.

О тягостяхъ, которыя мы испытали, и о могилахъ Комановъ.

Именно Татары предпочитаютъ Сарраииновъ Русскимъ, такъ какъ они христіане. Когда Русскіе не могутъ дать больше золота или серебра, Татары уводятъ ихъ и ихъ малютокъ, какъ стада, въ пустыню, чтобы караулить ихъ животныхъ. За Руссіей, къ сѣверу, находится Пруссія, которую недавно покорили всю братья Тевтонскаго ордена, и, разумѣется, они легко покорили бы Руссію, если бы принялись за это. Ибо, если бы Татары узнали, что великій священникъ, то есть папа, поднимаетъ противъ нихъ крестовый походъ, они всѣ убѣжали бы въ свои пустыни. Итакъ мы направлялись къ востоку, не видя ничего, кромѣ неба и земли, а иногда съ правой руки море, именуемое моремъ Танаидскимъ (Tanays), а также усыпальницы Комановъ, которыя видны были въ двухъ льё, ибо у нихъ существуетъ обычай, что все родство ихъ погребается вмѣстѣ. Пока мы были въ пустынѣ, намъ было хорошо, такъ какъ я не могу выразить словами той тягости, которую я терпѣлъ, когда мы прибыли къ становищамъ Комановъ. Именно нашъ проводникъ желалъ, чтобы я входилъ къ всякому начальнику съ подаркомъ, а для этого не хватало средствъ. Ибо ежедневно насъ было восемь человѣкъ, которые ѣли нашъ хлѣбъ, не считая случайно приходившихъ, которые всѣ хотѣли ѣсть вмѣстѣ съ нами. Ибо насъ было пятеро, и трое сопровождало насъ: двое правили повозками, а одинъ желалъ отправиться съ нами къ Сартаху. Мяса, которое они давали, не хватало, и мы не находили ничего продажнаго за деньги. Даже когда мы сидѣли подъ своими повозками ради тѣни, такъ какъ въ то время тамъ стояла сильная жара, они такъ надоѣдливо приставали къ намъ, что давили насъ, желая разсмотрѣть всѣ наши вещи. Если у нихъ появлялось желаніе опорожнить желудокъ, они не удалялись отъ насъ и на столько, на сколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядомъ съ нами во взаимной бесѣдѣ; дѣлали они и много другого, что было тягостно выше мѣры. Но больше всего удручало меня то, что я безсиленъ былъ сказать имъ какое нибудь слово проповѣди; мой толмачъ говорилъ: «Вы не можете заставить меня проповѣдовать, потому что я не умѣю говорить такихъ словъ». И онъ говорилъ правду. Ибо впослѣдствіи, когда я началъ немножечко понимать языкъ, я узналъ, что, когда я говорилъ одно, онъ говорилъ совсѣмъ другое, что ему приходило въ голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредствѣ, я предпочелъ больше молчать. Итакъ мы съ великимъ трудомъ странствовали отъ становища къ становищу, такъ что не за много дней до праздника

блаженной Маріи Магдалины достигли большой рѣки Танаида, которая отдѣляетъ Азію отъ Европы, какъ рѣка Египта Азію отъ Африки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы пристали, Батый и Сартахъ приказали устроить на восточномъ берегу поселокъ (casale) Русскихъ, которые перевозятъ на лодкахъ пословъ и купцовъ. Они сперва перевезли насъ, а потомъ повозки, помѣщая одно колесо на одной баркѣ, а другое на другой; они переѣзжали, привязывая барки другъ къ другу и такъ гребя. Тамъ нашъ проводникъ поступилъ очень глупо. Именно онъ полагалъ, что они должны дать намъ коней изъ поселка, и отпустилъ на другомъ берегу животныхъ, которыхъ мы привезли съ собою, чтобы тѣ вернулись къ своимъ хозяевамъ; а, когда мы потребовали животныхъ у жителей поселка, тѣ отвѣтили, что имѣютъ льготу отъ Батыя, а именно: они не обязаны ни къ чему, какъ только перевозить ѣдущихъ туда и обратно. Даже и отъ купцовъ они получаютъ большую дань. Итакъ тамъ, на берегу рѣки, мы стояли три дня. Въ первый день они дали намъ большую свѣжую рыбу—чебакъ (borbotam), на второй день—ржаной хлѣбъ и немного мяса, которое управитель селенія собралъ, на подобіе жертвы, въ различныхъ домахъ, на третій день—сушеной рыбы, имѣвшейся у нихъ тамъ въ большомъ количествѣ. Эта рѣка была тамъ такой же ширины, какой Сена въ Парижѣ. И, прежде чѣмъ добраться до того мѣста, мы переправлялись черезъ много рѣкъ, весьма красивыхъ и богатыхъ рыбою, но Татары не умѣютъ ее ловить и не заботятся о рыбѣ, если она не настолько велика, что они могутъ ѣсть ея мясо, какъ мясо барана. Эта рѣка служитъ восточной границей Руссіи и начинается изъ болотъ Меотиды, которыя простираются къ сѣверу до Океана. Течетъ же рѣка къ югу, образуя, прежде чѣмъ достигнуть моря Понта, нѣкое великое море въ семьсотъ миль, и всѣ воды, черезъ которыя мы переправлялись, текутъ въ тѣ стороны. Упомянутая рѣка имѣетъ также на западномъ берегу большой лѣсъ. Выше этого мѣста Татары не поднимаются въ сѣверномъ направленіи, такъ какъ въ то время, около начала августа, они начинаютъ возвращаться къ югу; поэтому ниже есть другой поселокъ, гдѣ послы переправляются въ зимнее время. Итакъ мы были тамъ въ великомъ затрудненіи, потому что не находили за деньги ни лошадей, ни быковъ. Наконецъ, когда я доказалъ имъ, что мы трудимся на общую пользу всѣхъ христіанъ, они дали намъ быковъ и людей; самимъ же намъ надлежало идти пѣшкомъ. Въ то время они жали рожь. Пшеница не родилась тамъ хорошо, а просо имѣютъ они въ большомъ количествѣ. Русскія женщины убираютъ головы такъ же, какъ наши, а платья свои съ лицевой стороны украшаютъ бѣличьими или горностаевыми мѣхами, отъ ногъ до колѣнъ. Мущины носятъ епанчи, какъ и Нѣмцы.

а на головѣ имѣютъ войлочныя шляпы, заостренныя на верху длиннымъ остріемъ. Итакъ мы шли пѣшкомъ три дня, не находя народа, и, когда сильно утомились сами, а равно и быки, и не знали, въ какой сторонѣ можемъ найти Татаръ, прибѣжали внезапно къ намъ двѣ лошади, которыхъ мы взяли съ великою радостью, и на нихъ сѣли нашъ проводникъ и толмачъ, чтобы развѣдать, въ какой сторонѣ можемъ мы найти народъ. Наконецъ, на четвертый день, найдя людей, мы обрадовались, какъ будто послѣ кораблекрушенія пристали къ гавани. Тогда, взявъ лошадей и быковъ, мы поѣхали отъ становища къ становищу, пока, 31 іюля, не добрались до мѣстопребыванія Сартаха.

ГЛАВА XVI.

О странѣ Сартаха и объ ея народахъ.

Эта страна за Танаидомъ очень красива и имѣетъ рѣки и лѣса. Къ сѣверу находятся огромные лѣса, въ которыхъ живутъ два рода людей, именно: Моксель, не имѣющіе никакого закона, чистые язычники. Города у нихъ нѣтъ, а живутъ они въ маленькихъ хижинахъ въ лѣсахъ. Ихъ государь и большая часть людей были убиты въ Германіи. Именно Татары вели ихъ вмѣстѣ съ собою до вступленія въ Германію, поэтому Моксель очень одобряютъ Германцевъ, надѣясь, что при ихъ посредствѣ они еще освободятся отъ рабства Татаръ. Если къ нимъ прибудетъ купецъ, то тому, у кого онъ впервые пристанетъ, надлежитъ заботиться о немъ все время, пока тотъ пожелаетъ пробыть въ ихъ средѣ. Если кто спитъ съ женой другого, тотъ не печалится объ этомъ, если не увидитъ собственными глазами; отсюда они не ревнивы. Въ изобиліи имѣются у нихъ свиньи, медъ и воскъ, драгоцѣнные мѣха и соколы. Сзади нихъ живутъ другіе, именуемые Мердасъ, которыхъ Латины называютъ Мердинисъ, и они—Сарацины. За ними находится Этилія. Эта рѣка превосходитъ своею величиною всѣ, какія я видѣлъ; она течетъ съ сѣвера, направляясь изъ Великой Булгаріи къ югу, и впадаетъ въ нѣкое озеро, имѣющее въ окружности пространство [пути] въ четыре мѣсяца; о немъ я скажу вамъ послѣ. Итакъ эти двѣ рѣки, Танаидъ и Этилія, отстоятъ другъ отъ друга въ направленіи къ сѣвернымъ странамъ, черезъ которыя мы проѣзжали, только на десять дневныхъ переходовъ, а къ югу онѣ очень удалены другъ отъ друга. Именно Танаидъ впадаетъ въ море Понта, а Этилія образуетъ вышеназванное море или озеро, вмѣстѣ со многими другими рѣками, которыя впадаютъ въ него изъ Персіи. Къ югу у насъ были величайшія горы, на которыхъ живутъ по бокамъ, въ направленіи къ пустынѣ, Черкисы (Cherkis) и Аланы, или Аасъ, которые исповѣдуютъ христіанскую вѣру и

все еще борются противъ Татаръ. За ними, вблизи моря или озера Этиліи, находятся нѣкіе Саррацины, именуемые Лесгами, которые равнымъ образомъ не подчинены [Татарамъ]. За ними находятся Желѣзныя Ворота, которыя соорудилъ Александръ для прегражденія варварскимъ племенамъ входа въ Персію; о положеніи этихъ воротъ я скажу вамъ впослѣдствіи, такъ какъ я проѣзжалъ черезъ нихъ при возвращеніи, и среди этихъ двухъ рѣкъ въ тѣхъ земляхъ, черезъ которыя мы проѣхали, до занятія ихъ Татарами, жили Команы Капчатъ.

ГЛАВА XVII.

О дворѣ Сартаха и объ его славѣ.

Итакъ мы нашли Сартаха близь Этиліи, въ трехъ дняхъ пути отъ нея; дворъ его показался намъ очень большимъ, такъ какъ у него самого шесть женъ, да его первородный сынъ имѣетъ возлѣ него ихъ двѣ или три, и у всякой есть большой домъ и около двухсотъ повозокъ. Нашъ проводникъ обратился къ нѣкоему несторіанцу, по имени Койяку, который считается однимъ изъ старшихъ при дворѣ. Тотъ заставилъ насъ идти очень далеко къ господину, который именуется Ямъямъ. Такъ называютъ того, на которомъ лежитъ обязанность принимать пословъ. Вечеромъ упомянутый Койякъ приказалъ намъ придти къ нему. Тогда нашъ проводникъ началъ спрашивать, что мы ему поднесемъ, и пришелъ въ великое негодованіе, когда увидѣлъ, что мы не готовимъ ничего поднести ему. Мы стали предъ Койякомъ, и онъ сидѣлъ во славѣ своей и заставлялъ играть на гитарѣ и плясать въ его присутствіи. Тогда я ему сказалъ вышесказанныя слова, какъ мы прибыли къ его господину, и просилъ его помочь, чтобы господинъ его увидѣлъ нашу грамоту. Я также извинился, что, будучи монахомъ, не имѣю, не получаю и не держу ни золота, ни серебра, ни чего либо драгоцѣннаго, за исключеніемъ только книгъ и церковной утвари, съ которой мы служимъ Богу; поэтому мы не подносимъ ни ему, ни его господину никакого дара, ибо тотъ, кто оставилъ собственное имущество, не можетъ быть носителемъ чужого. Тогда онъ отвѣтилъ довольно милостиво, что я хорошо дѣлаю, если съ тѣхъ поръ, какъ сталъ монахомъ, соблюдаю свой обѣтъ, и что онъ не нуждается въ нашемъ имуществѣ, а скорѣе дастъ намъ изъ своего имущества, если мы станемъ нуждаться. И онъ приказалъ намъ сѣсть и выпить его молока, а спустя немного попросилъ произнести для него благословеніе, что мы и сдѣлали. Онъ спросилъ также, кто наибольшій государь среди Франковъ. Я сказалъ: «Императоръ, если бы онъ держалъ свою землю въ мирѣ». —«Нѣтъ»,—отвѣчалъ онъ,—«а король».

Ибо онъ слышалъ про васъ отъ господина Балдуина Гэнó. Я нашелъ тамъ также одного изъ товарищей Давида, который былъ на Кипрѣ; онъ разсказалъ все, что видѣлъ. Затѣмъ мы вернулись въ свое помѣщеніе. На слѣдующій день я послалъ Койяку бутылку мускатнаго вина, которое очень хорошо сохранилось, несмотря на столь продолжительный путь, и корзину, полную сухарей, что ему было весьма пріятно; и въ тотъ вечеръ онъ удержалъ при себѣ нашихъ служителей. На другой день онъ поручилъ мнѣ, чтобы я явился ко двору и принесъ съ собою грамоту короля, церковную утварь и книги, такъ какъ его господинъ хотѣлъ видѣть это; мы это и сдѣлали, нагрузивъ одну повозку книгами и утварью, а другую хлѣбомъ, виномъ и плодами. Тогда онъ приказалъ развернуть всѣ книги и одѣянія, и насъ окружали на коняхъ много Татаръ, христіанъ и Саррациновъ. Разсмотрѣвъ это, онъ спросилъ, желаю ли я отдать все это его господину. Услышавъ это, я оробѣлъ, и его слово мнѣ не понравилось. Однако, скрывая [свое неудовольствіе], я отвѣтилъ: «Господинъ, мы просимъ, чтобы вашъ господинъ соблаговолилъ принять этотъ хлѣбъ, вино и плоды не въ качествѣ подарка, такъ какъ это нѣчто незначительное, а въ качествѣ благословенія, дабы мы не являлись предъ его лицо съ пустыми руками. А онъ самъ увидитъ грамоту господина короля и изъ нея узнаетъ, по какой причинѣ мы прибыли къ нему, и тогда мы будемъ состоять въ его распоряженіи, какъ сами, такъ и все наше имущество. А одежды эти священныя, и къ нимъ можно прикасаться только священникамъ». Тогда онъ указалъ намъ облачиться предъ отправленіемъ предъ лицо его господина, что мы и сдѣлали. Я же, облачившись въ болѣе драгоцѣнныя одежды, взялъ на грудь подушку, которая была очень красива, и Библію, которую вы дали мнѣ, а также очень красивый псалтырь, который дала мнѣ госпожа королева, и въ которомъ были очень красивыя картинки. Мой товарищъ взялъ служебникъ и крестъ. Причетникъ, одѣтый въ стихарь, взялъ курильницу. Въ такомъ видѣ мы явились предъ домомъ Сартаха, и они подняли войлокъ, висѣвшій предъ входомъ, чтобы господинъ могъ видѣть насъ. Затѣмъ они заставили причетника и толмача преклонить колѣна, а отъ насъ этого не потребовали. Затѣмъ они очень усердно посовѣтовали намъ остеречься при входѣ и выходѣ, чтобы не коснуться порога дома, и пропѣть какое нибудь благословеніе для Сартаха. Затѣмъ мы вошли съ пѣніемъ: «Salve, regina» (Радуйся, Царица). При входѣ же въ дверь стояла скамья съ кумысомъ и чашами; тутъ были всѣ жены его, и сами Моалы, войдя съ нами, тѣснили насъ. Упомянутый Койякъ подалъ Сартаху курильницу съ благовоніемъ, которую тотъ разсмотрѣлъ, бережно держа въ рукѣ. Послѣ Койякъ поднесъ ему псалтырь, который тотъ усердно разсматривалъ,

равно какъ и жена его, сидѣвшая рядомъ съ нимъ. Затѣмъ Койякъ принесъ Библію, и тотъ самъ спросилъ, есть ли тамъ Евангеліе. Я сказалъ, что тамъ есть [не только Евангеліе, а] даже все священное Писаніе. Онъ взялъ также себѣ въ руку крестъ и спросилъ про изображеніе, Христа ли оно изображаетъ. Я отвѣтилъ утвердительно. Сами несторіане и армяне никогда не дѣлаютъ на своихъ крестахъ изображенія Христа; поэтому, кажется, они плохо понимаютъ о Страстяхъ или стыдятся ихъ. Послѣ того Сартахъ приказалъ удалиться окружавшимъ насъ, чтобы имѣть возможность полнѣе разсмотрѣть наши облаченія. Тогда я подалъ ему вашу грамоту съ переводомъ по арабски и сирійски. Ибо я приказалъ переложить ее въ Аконѣ на оба языка и письмена; и при дворѣ Сартаха были армянскіе (Hermeni) священники, которые знали по турецки и по арабски, и упомянутый товарищъ Давида, который зналъ по сирійски, по турецки и по арабски. Затѣмъ мы вышли и сняли наши облаченія, и пришли писцы и упомянутый Койякъ, и заставили перевести грамоту. Выслушавъ ее, онъ приказалъ принять хлѣбъ, вино и плоды, а облаченія и книги приказалъ намъ отнести въ наше помѣщеніе. Это случилось въ день поклоненія веригамъ (Vincula) святаго Петра.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что мы получили приказаніе ѣхать къ отцу Сартаха Батыю.

На слѣдующее утро пришелъ нѣкій священникъ, братъ упомянутаго Койяка, и потребовалъ сосудъ съ св. мvромъ, такъ какъ Сартахъ, по его словамъ, хотѣлъ видѣть его; и мы ему дали. Въ вечерніе часы Койякъ позвалъ насъ и сказалъ намъ: «Господинъ король написалъ хорошія слова моему господину, но среди нихъ есть нѣкоторыя трудноисполнимыя, касательно которыхъ онъ не смѣетъ ничего сдѣлать безъ совѣта своего отца; поэтому вамъ надлежитъ отправиться къ его отцу. И двѣ повозки, которыя вы привезли вчера съ облаченіями и книгами, вы оставите мнѣ, такъ какъ господинъ мой желаетъ тщательно разсмотрѣть это». Я тотчасъ заподозрилъ злой и корыстолюбивый умыселъ его и сказалъ ему: «Господинъ, мы оставимъ подъ вашей охраной не только тѣ повозки, но и еще двѣ, которыя мы нынѣ имѣемъ».—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ онъ,—«вы оставите тѣ, а съ другими сдѣлаете, что вамъ угодно». Я сказалъ ему, что этого никоимъ образомъ не можетъ быть, но мы оставимъ ему все. Тогда онъ спросилъ, желаемъ ли мы остаться на долго въ этой землѣ. Я сказалъ: «Если вы хорошо поняли грамоту господина короля, то можете знать, что это такъ». Тогда онъ сказалъ, что намъ надлежитъ быть очень терпѣли-

вымп и смиренными. Такъ разстались мы съ нимъ въ тотъ вечеръ. На слѣдующее утро онъ прислалъ одного несторіанскаго священника за повозками, и мы привезли всѣ четыре. Тогда братъ Койяка, выйдя къ намъ на встрѣчу, отдѣлилъ все наше отъ тѣхъ вещей, которыя мы наканунѣ приносили ко двору, и взялъ ихъ, какъ свое имущество, именно — книги и облаченія; а Койякъ ранѣе приказывалъ, чтобы мы увезли съ собою облаченія, которыя надѣли предъ лицомъ Сартаха, и надѣли ихъ предъ лицомъ Батыя, если будетъ нужно. Этотъ же священникъ отнялъ ихъ у насъ силою, говоря: «Какъ, ты принесъ ихъ Сартаху, а теперь хочешь отнести Батыю!» И, когда я хотѣлъ дать ему объясненіе, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Не говори лишняго и ступай своей дорогой». Тогда мнѣ необходимо было запастись терпѣніемъ, такъ какъ доступъ къ Сартаху намъ былъ прегражденъ, и не было никого, кто могъ бы оказать намъ правосудіе. Я боялся также и на счетъ толмача, не передалъ ли онъ чего нибудь иначе, чѣмъ я сказалъ ему, такъ какъ онъ очень желалъ, чтобы я отдалъ все въ подарокъ. Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служило то, что, предчувствуя ихъ алчность, я извлекъ изъ книгъ Библію, правила и другія книги, которыя я больше любилъ. Псалтырь госпожи королевы я не посмѣлъ извлечь, такъ какъ онъ былъ слишкомъ замѣтенъ по своимъ золоченымъ картинкамъ. Такимъ образомъ, стало быть, вернулись мы съ двумя оставшимися повозками въ свое помѣщеніе. Затѣмъ пришелъ тотъ, кто долженъ былъ провожать насъ къ Батыю, и выразилъ желаніе пуститься въ путь немедленно. Я ему сказалъ, что ни подъ какимъ видомъ не возьму повозокъ; онъ доложилъ это Койяку. Тогда Койякъ распорядился оставить ихъ у него, но уже съ нашимъ служителемъ, что мы и сдѣлали.

Такимъ образомъ, стало быть, мы направились къ Батыю, держа путь прямо на востокъ, и на третій день добрались до Этиліи; увидѣвъ ея воды, я удивился, откуда съ сѣвера могло спуститься столько воды. Прежде чѣмъ намъ удалиться отъ Сартаха, вышеупомянутый Койякъ вмѣстѣ со многими другими писцами двора сказалъ намъ: «Не говорите, что нашъ господинъ—христіанинъ. Онъ не христіанинъ, а Моалъ», такъ какъ названіе «христіанство» представляется имъ названіемъ какого-то народа. Они превознеслись до такой великой гордости, что хотя, можетъ быть, сколько нибудь вѣруютъ во Христа, однако не желаютъ именоваться христіанами, желая свое названіе, т. е. Моалъ, превознести выше всякаго имени; не желаютъ они называться и Татарами. Ибо Татары были другимъ народомъ, о которомъ я узналъ слѣдующее.

ГЛАВА XIX.

Сартахъ, Мангу-ханъ и Кенъ-ханъ оказываютъ почетъ христіанамъ. Происхожденіе Хингиса и Татаръ.

Именно, въ то время, когда Франки взяли Антіохію, единовластіе въ упомянутыхъ сѣверныхъ странахъ принадлежало одному лицу, по имени Конъ-хамъ. Конъ—имя собственное, а хамъ—обозначеніе достоинства, значитъ же оно то же, что прорицатель. Всѣхъ прорицателей они называютъ хамъ. Отсюда ихъ государи называются хамъ, такъ какъ въ ихъ власти находится управленіе народомъ путемъ прорицанія. Поэтому въ исторіи Антіохіи читаемъ, что Турки послали за помощью противъ Франковъ къ королю Конъ-хану. Ибо изъ этихъ странъ явились всѣ Турки. Этотъ Конъ былъ Каракатай. Кара значитъ то же, что «черный», а Катай названіе народа, откуда Каракатай значитъ то же, что «черный Катай». И это они говорятъ для различенія ихъ отъ Катаевъ, живущихъ на востокѣ надъ океаномъ, о которыхъ я скажу вамъ впослѣдствіи. Эти Катаи жили на нѣкіихъ горахъ, черезъ которыя я переправлялся, а на одной равнинѣ между этихъ горъ жилъ нѣкій несторіанецъ-пастухъ (pastor), человѣкъ могущественный и владычествующій надъ народомъ, именуемымъ Найманъ (Naiman) и принадлежавшимъ къ христіанамъ несторіанамъ. По смерти Конъ-хама, этотъ несторіанецъ превознесъ себя въ короли, и несторіане называли его королемъ Іоанномъ, говоря о немъ вдесятеро больше, чѣмъ согласно было съ истиной. Именно такъ поступаютъ несторіане, прибывающіе изъ тѣхъ странъ: именно изъ ничего они создаютъ большіе разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто онъ христіанинъ; то же говорили они про Мангу-хана и про Кенъ-хана потому только, что тѣ оказываютъ христіанамъ большее уваженіе, чѣмъ другимъ народамъ; и однако на самомъ дѣлѣ они не христіане. Такимъ-то образомъ распространилась громкая слава и объ упомянутомъ королѣ Іоаннѣ; и я проѣхалъ по его пастбищамъ; никто не зналъ ничего о немъ, кромѣ немногихъ несторіанъ. На его пастбищахъ живетъ Кенъ-ханъ, при дворѣ котораго былъ братъ Андрей, и я также проѣзжалъ той дорогой при возвращеніи. У этого Іоанна былъ братъ, также могущественный пастухъ, по имениУнкъ; онъ жилъ за горами Каракатаевъ, на три недѣли пути отъ своего брата, и былъ властелиномъ нѣкоего городка, по имени Каракарумъ; подъ его властью находился народъ, именовавшійся Критъ и Меркитъ и принадлежавшій къ христіанамъ несторіанамъ. А самъ властелинъ ихъ, оставивъ почитаніе Христа, слѣдовалъ идоламъ, имѣя при себѣ идольскихъ

жрецовъ, которые всѣ принадлежатъ къ вызывателямъ демоновъ и къ колдунамъ. За его пастбищами, въ разстояніи на 10 или 15 дневныхъ переходовъ, были пастбища Моаловъ: это были очень бѣдные люди, безъ главы и безъ закона, за исключеніемъ вѣры въ колдовство и прорицанія, чему преданы всѣ въ тѣхъ странахъ. И рядомъ съ Моалами были другіе бѣдняки, по имени Тартары (Iarcar). Король Іоаннъ умеръ безъ наслѣдника, и братъ егоУнкъ обогатился и приказывалъ именовать себя ханомъ; крупныя и мелкія стада его ходили до предѣловъ Моаловъ. Въ то время въ народѣ Моаловъ былъ нѣкій ремесленникъ Хингисъ; онъ воровалъ, что могъ, изъ животныхъ Травкъ-хана, такъ что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тотъ собралъ войско и поѣхалъ въ землю Моаловъ, ища самого Хингиса, а тотъ убѣжалъ къ Татарамъ и тамъ спрятался. ТогдаУнкъ, взявъ добычу отъ Моаловъ и отъ Татаръ, вернулся. Тогда Хингисъ обратился къ Татарамъ и Моаламъ со слѣдующими словами: «Такъ какъ у насъ нѣтъ вождя, наши сосѣди тѣснятъ насъ». И Татары, и Моалы сдѣлали его вождемъ и главою. Тогда, собравъ тайкомъ войско, онъ ринулся на самого Унка и побѣдилъ его; тотъ убѣжалъ въ Катайю. Тамъ попала въ плѣнъ его дочь, которую Хингисъ отдалъ въ жены одному изъ своихъ сыновей; отъ него зачала она нынѣ царствующаго Мангу. Затѣмъ Хингисъ повсюду посылалъ впередъ Татаръ, и отсюда распространилось ихъ имя, такъ какъ вездѣ кричали: «Вотъ идутъ Татары». Но въ недавнихъ частыхъ войнахъ почти всѣ они были перебиты. Отсюда упомянутые Моалы нынѣ хотятъ уничтожить это названіе и возвысить свое. Та земля, въ которой они были сперва, и гдѣ находится еще дворъ Хингисъ-хана, называется Онанкеруле. Но такъ какъ Каракарумъ есть мѣстность, вокругъ которой было ихъ первое пріобрѣтеніе, то они считаютъ этотъ городъ за царственный и по близости его выбираютъ своего хана.

ГЛАВА XX.

О Русскихъ, Венграхъ, Аланахъ и о Каспійскомъ морѣ.

Что касается до Сартаха, то я не знаю, вѣруетъ ли онъ во Христа или нѣтъ. Знаю только то, что христіаниномъ онъ не хочетъ называться, а скорѣе, какъ мнѣ кажется, осмѣиваетъ христіанъ. Именно онъ живетъ на пути христіанъ, то есть Русскихъ, Валаховъ (Blacorum), Булгаровъ Малой Булгаріи, Солдайновъ, Керкисовъ и Алановъ, которые всѣ проѣзжаютъ черезъ его область, когда ѣдутъ ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда онъ тѣмъ болѣе цѣнитъ христіанъ. Однако, если бы явились Сарацины и привезли больше, ихъ отправили бы скорѣе. Онъ имѣетъ

также около себя священниковъ несторіанъ, которые ударяютъ въ доску и поютъ свою службу. У Батыя есть еще братъ, по имени Берка (Berra), пастбища котораго находятся въ направленіи къ Желѣзнымъ Воротамъ, гдѣ лежитъ путь всѣхъ Саррациновъ, ѣдущихъ изъ Персіи и изъ Турціи; они, направляясь къ Батыю и проѣзжая черезъ владѣнія Берки, привозятъ ему дары. Берка выдаетъ себя за Саррацина и не позволяетъ ѣсть при своемъ дворѣ свиное мясо. Тогда, при нашемъ возвращеніи, Батый приказалъ ему, чтобы онъ передвинулся съ того мѣста за Этилію къ востоку, не желая, чтобы послы Саррациновъ проѣзжали черезъ его владѣнія, такъ какъ это казалось Батыю убыточнымъ. Въ тѣ же четыре дня, когда мы были при дворѣ Сартаха, о нашей пищѣ вовсе не заботились, кромѣ того, что разъ дали намъ немного кумысу. А на пути между нимъ и его отцомъ мы ощущали сильный страхъ: именно Русскіе, Венгры и Аланы, рабы ихъ [Татаръ?], число которыхъ у нихъ весьма велико, собираются заразъ по 20 или 30 человѣкъ, выбѣгаютъ ночью съ колчанами и луками и убиваютъ всякаго, кого только застаютъ ночью. Днемъ они скрываются, а, когда лошади ихъ утомляются, они подбираются ночью къ табунамъ лошадей на пастбищахъ, обмѣниваютъ лошадей, а одну или двухъ уводятъ съ собою, чтобы въ случаѣ нужды съѣсть. Нашъ проводникъ сильно боялся такой встрѣчи. Во время этого пути мы умерли бы съ голоду, если бы не взяли съ собою немного сухарей. Итакъ мы добрались до Этиліи, весьма большой рѣки. Она вчетверо больше, чѣмъ весьма глубокая Сена; начинается Этилія изъ Великой Булгаріи, лежащей къ сѣверу, направляется къ югу и впадаетъ въ нѣкое озеро или въ нѣкое море, которое нынѣ называется море Сирканъ по имени нѣкоего города, лежащаго на берегу его въ Персіи. А Исидоръ называетъ его Каспійскимъ моремъ. Къ югу отъ него находятся Каспійскія горы и Персія, а къ востоку горы Мулигекъ, то есть Человѣкоубійцъ (Axasinorum), которые соприкасаются съ Каспійскими горами; къ сѣверу же отъ него находится та пустыня, въ которой нынѣ живутъ Татары. Прежде же тамъ были нѣкіе Команы, называвшіеся Кангле. Съ этой то стороны море принимаетъ Этилію, которая лѣтомъ увеличивается, какъ Египетскій Нилъ. Къ западу же отъ Каспійскаго моря находятся Аланскія горы, Лесги, Желѣзныя Ворота и горы Георгіановъ. Стало быть, это море съ трехъ сторонъ окружено горами, а съ сѣверной стороны къ нему прилегаетъ равнина. Братъ Андрей лично обогнулъ двѣ стороны его, именно южную и восточную, я же другія двѣ, именно сѣверную при путешествіи отъ Батыя къ Мангу-хану и равнымъ образомъ при возвращеніи, западную же—при возвращеніи отъ Батыя въ Сирію. Море это можно обогнуть въ 4 мѣсяца,

и неправильно говоритъ Исидоръ, что это — заливъ, выходящій изъ океана, ибо онъ нигдѣ не прикасается къ океану, но отовсюду окруженъ землей.

ГЛАВА XXI.

О дворѣ Батыя и о томъ, какъ онъ насъ принялъ.

Вся эта страна отъ западной стороны того моря, гдѣ находятся Желѣзныя Ворота Александра и горы Алановъ, до сѣвернаго океана и Болотъ Меотиды, гдѣ начинается Танаидъ, обычно называлась Албаніей. Исидоръ говоритъ про нее, что тамъ водятся собаки такія большія и такія свирѣпыя, что онѣ хватаютъ воловъ и умерщвляютъ львовъ. Это вѣрно, судя по тому, что я узналъ отъ разсказывавшихъ, какъ тамъ, въ направленіи къ сѣверу, собаки, въ силу своей величины и крѣпости, тянутъ повозки, какъ быки. Итакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились на берегу Этиліи, есть новый поселокъ, который Татары устроили въ перемежку изъ Русскихъ и Саррациновъ, перевозящихъ пословъ, какъ направляющихся ко двору Батыя, такъ и возвращающихся оттуда, потому что Батый находится на другомъ берегу въ восточномъ направленіи, и онъ не проходитъ черезъ это мѣсто, гдѣ мы остановились, когда поднимается лѣтомъ, а онъ уже начиналъ спускаться. Именно съ января до августа онъ самъ и всѣ другіе поднимаются къ холоднымъ странамъ, а въ августѣ начинаютъ возвращаться. Итакъ мы спустились на кораблѣ отъ этого поселка до двора Батыя, и отъ этого мѣста до городовъ Великой Булгаріи къ сѣверу считается пять дней пути. И я удивляюсь, какой дьяволъ занесъ сюда законъ Магомета. Ибо отъ Желѣзныхъ Воротъ, находящихся въ концѣ Персіи, требуется болѣе тридцати дней пути, чтобы, поднимаясь возлѣ Этиліи, пересѣчь пустыню до упомянутой Булгаріи, гдѣ нѣтъ никакого города, кромѣ нѣкіихъ поселковъ вблизи того мѣста, гдѣ Этилія впадаетъ въ море; и эти Булгаре—самые злѣйшіе Саррацины, крѣпче держащіеся закона Магометова, чѣмъ кто нибудь другой. Итакъ, когда я увидѣлъ дворъ Батыя, я оробѣлъ, потому что собственно дома его казались какъ бы какимъ-то большимъ городомъ, протянувшимся въ длину и отовсюду окруженнымъ народами на разстояніи трехъ или четырехъ льё. И какъ въ Израильскомъ народѣ каждый зналъ, съ какой стороны скиніи долженъ онъ раскидывать палатки, такъ и они знаютъ, съ какого бока двора должны они размѣщаться, когда они снимаютъ свои дома [съ повозокъ]. Отсюда дворъ на ихъ языкѣ называется ордой, что значитъ середина, такъ какъ онъ всегда находится по серединѣ ихъ людей, за исключеніемъ того, что прямо къ югу не помѣщается никто, такъ какъ съ этой стороны отворяются ворота

двора. Но справа и слѣва они располагаются, какъ хотятъ, насколько позволяетъ мѣстность, лишь бы только не попасть прямо предъ дворомъ или напротивъ двора. Итакъ насъ отвели сперва къ одному Сарацину, который не позаботился для насъ ни о какой пищѣ. На слѣдующій день насъ отвели ко двору, и Батый приказалъ раскинуть большую палатку, такъ какъ домъ его не могъ вмѣстить столько мущинъ и столько женщинъ, сколько ихъ собралось. Нашъ проводникъ внушилъ намъ, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажетъ Батый, а тогда говорили бы кратко. Онъ спросилъ также, отправляли ли вы къ

Пріемъ Рубрука Батыемъ.

нимъ пословъ. Я сказалъ, что вы посылали ихъ къ Кенъ-хану, и что не отправляли бы ни пословъ къ нему, ни грамоты къ Сартаху, если бы не думали, что они были христіанами, такъ какъ вы послали насъ не изъ-за какого нибудь страха, а съ цѣлью поздравленія, потому что вы слышали, что они — христіане. Затѣмъ онъ отвелъ насъ къ шатру [павильону, papilionem], и мы получили внушеніе не касаться веревокъ палатки, которыя они разсматриваютъ, какъ порогъ дома. Мы стояли тамъ въ нашемъ одѣяніи босикомъ съ непокрытыми головами, представляя и въ собственныхъ глазахъ великое зрѣлище.

Тамъ былъ братъ Іоаннъ де Поликарпо, но онъ перемѣнилъ платье, чтобы не подвергнуться презрѣнію, такъ какъ былъ посломъ господина папы. Тогда насъ провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уваженіе преклоненіемъ колѣнъ, какъ обычно дѣлаютъ послы. Итакъ мы стояли предъ нимъ столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и всѣ пребывали въ глубочайшемъ безмолвіи. Самъ же онъ сидѣлъ на длинномъ тронѣ, широкомъ, какъ ложе, и цѣликомъ позолоченномъ; на тронъ этотъ поднимались по тремъ ступенямъ; рядомъ съ Батыемъ сидѣла одна госпожа. Мущины же сидѣли тамъ и сямъ направо и налѣво отъ госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей сторонѣ, такъ какъ тамъ были только жены Батыя, заполняли мущины. Скамья же съ кумысомъ и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоцѣнными камнями, стояла при входѣ въ палатку. Итакъ Батый внимательно осмотрѣлъ насъ, а мы его; и по росту, показалось мнѣ, онъ походилъ на господина Жана де Бомонъ, да почіетъ въ мирѣ его душа. Лицо Батыя было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконецъ онъ приказалъ намъ говорить. Тогда нашъ проводникъ приказалъ намъ преклонить колѣна и говорить. Я преклонилъ одно колѣно, какъ предъ человѣкомъ. Тогда Батый сдѣлалъ мнѣ знакъ преклонить оба, что я и сдѣлалъ, не желая спорить изъ-за этого. Тогда онъ приказалъ мнѣ говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, такъ какъ преклонилъ оба колѣна, началъ рѣчь съ молитвы, говоря: «Государь, мы молимъ Бога, отъ Котораго исходятъ всѣ блага, и Который далъ вамъ сіи земныя, чтобы послѣ этого Онъ даровалъ вамъ небесныя, такъ какъ первыя безъ послѣднихъ ничтожны». Онъ внимательно выслушалъ, и я прибавилъ: «Знайте за вѣрное, что вы не получите небесныхъ благъ, если не станете христіаниномъ. Ибо сказалъ Богъ: «Кто увѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ. Кто же не повѣритъ, будетъ осужденъ». При этомъ словѣ онъ скромно улыбнулся, а другіе Моалы начали хлопать въ ладоши, осмѣивая насъ, и мой толмачъ оцѣпенѣлъ, такъ что мнѣ надо было ободрить его, чтобы онъ не боялся. Затѣмъ, когда настала тишина, я сказалъ: «Я прибылъ къ вашему сыну, такъ какъ мы слышали, что онъ—христіанинъ, и я привезъ ему грамоту отъ господина короля Франковъ. Онъ самъ послалъ меня сюда къ вамъ. Вы должны знать, по какой причинѣ». Тогда онъ приказалъ мнѣ встать и спросилъ объ имени вашемъ, моемъ, моего товарища и толмача, и приказалъ все записать; такъ какъ онъ зналъ, что вы вышли изъ вашей земли съ войскомъ, то спросилъ также, противъ кого ведете вы войну. Я отвѣтилъ: «Противъ Саррациновъ, оскорбляющихъ домъ Божій въ Іерусалимѣ». Онъ спросилъ также, отправляли ли вы когда нибудь къ нему

пословъ. «Къ вамъ»,—сказалъ я,—«никогда». Тогда онъ приказалъ намъ сѣсть и дать выпить молока; это они считаютъ очень важнымъ, когда кто нибудь пьетъ съ нимъ кумысъ въ его домѣ. И такъ какъ я, сидя, смотрѣлъ въ землю, то онъ приказалъ мнѣ поднять лицо, желая еще больше разсмотрѣть насъ или, можетъ быть, отъ суевѣрія, потому что они считаютъ за дурное знаменіе или признакъ, или за дурное предзнаменованіе, когда кто нибудь сидитъ предъ ними, наклонивъ лицо, какъ бы печальный, особенно если онъ опирается на руку щекою или подбородкомъ. Затѣмъ мы вышли, и спустя немного къ намъ пришелъ нашъ проводникъ и, отведя насъ въ назначенное помѣщеніе, сказалъ мнѣ: «Господинъ король проситъ, чтобы ты остался въ этой землѣ, а этого Батый не можетъ сдѣлать безъ вѣдома Мангу-хана. Отсюда слѣдуетъ, чтобы ты и твой толмачъ отправились къ Мангу-хану; а твой товарищъ и другой человѣкъ вернутся ко двору Сартаха, ожидая тамъ, пока ты не вернешься». Тогда мой толмачъ, человѣкъ Божій, началъ скорбѣть, считая себя погибшимъ, а товарищъ мой сталъ свидѣтельствовать, что пусть ему лучше отрубятъ голову, чѣмъ онъ отдѣлится отъ меня. И я сказалъ, что не могу отправиться безъ товарища, прибавивъ, что мы очень нуждаемся въ двухъ служителяхъ, такъ какъ если кому случится захворать, то другой не можетъ оставаться одинокимъ. Тогда онъ, вернувшись ко двору, передалъ эти слова Батыю. Тогда тотъ приказалъ: «Пусть отправляются два священника и толмачъ, а причетникъ пусть вернется къ Сартаху». Проводникъ, вернувшись, сообщилъ намъ это рѣшеніе, а, когда я хотѣлъ говорить въ защиту причетника, чтобы тотъ ѣхалъ съ нами, проводникъ сказалъ: «Не разсуждайте больше, такъ какъ Батый рѣшилъ, и я не смѣю больше возвращаться ко двору». Изъ вашей благостыни у причетника Госсета было 26 иперперовъ, не больше; 10 изъ нихъ онъ удержалъ для себя и для служителя, а 16 отдалъ Божьему человѣку для насъ, и такъ мы разстались другъ съ другомъ со слезами: онъ вернулся къ Сартаху, а мы остались тамъ.

ГЛАВА XXII.

О пути братьевъ ко двору Мангу-хана.

Наканунѣ Успенія нашъ причетникъ прибылъ ко двору Сартаха, а на слѣдующій день священники несторіане, облаченные въ наши одѣянія, были предъ лицомъ Сартаха. Межъ тѣмъ насъ отвели къ другому хозяину, который долженъ былъ заботиться для насъ о помѣщеніи, пищѣ и коняхъ. Но такъ какъ у насъ не было, что дать ему, то онъ дѣлалъ все плохо. И мы ѣхали съ Батыемъ, спускаясь возлѣ Волги, въ теченіе 5 недѣль.

Иногда мой товарищъ ощущалъ столь сильный голодъ, что говорилъ мнѣ почти со слезами: «Мнѣ кажется, что я никогда не получу ѣсть». Рынокъ всегда слѣдуетъ за дворомъ Батыя, но этотъ базаръ былъ такъ далекъ отъ насъ, что мы не могли пойти туда. Ибо намъ приходилось, за недостаткомъ лошадей, идти пѣшкомъ. Наконецъ насъ нашли нѣкіе Венгры, которые нѣкогда были причетниками; одинъ изъ нихъ умѣлъ еще многое пѣть наизусть, и другіе Венгры считали его какъ бы за священника, призывая его для погребенія умершихъ соотечественниковъ; а другой былъ достаточно свѣдущъ въ грамматикѣ, такъ какъ понималъ все то, что мы говорили ему по буквамъ, но не умѣлъ отвѣчать; они доставили намъ большое утѣшеніе, принося кумысу для питья, а иногда и мяса для ѣды. Они попросили у насъ какихъ нибудь книгъ, а у меня не было, что я могъ бы дать, ибо у меня не было никакихъ книгъ, кромѣ библіи и служебника, поэтому я сильно опечалился. Затѣмъ я сказалъ имъ: «Принесите намъ бумаги, и я напишу вамъ, пока мы будемъ здѣсь». Они это и исполнили, и я написалъ тѣ и другіе часы Святой Дѣвы и службу по усопшимъ. Однажды днемъ къ намъ подошелъ нѣкій Команъ, сказавшій намъ привѣтъ латинской рѣчью: «Здравствуйте, господа!» Я съ удивленіемъ привѣтствовалъ его въ отвѣтъ и спросилъ, кто научилъ его этому привѣтствію; онъ сказалъ, что наши братья въ Венгріи его крестили и научили привѣтствію. Онъ сказалъ также, что Батый много спрашивалъ у него про насъ, и что онъ разсказалъ ему правила нашего ордена. Я видѣлъ Батыя разъѣзжавшимъ съ своимъ отрядомъ, и всѣ главы семействъ ѣздятъ съ нимъ. По моему разсчету, ихъ было менѣе пятисотъ человѣкъ. Наконецъ, около праздника Воздвиженія Святаго Креста, пришелъ къ намъ нѣкій богатый Моалъ, отецъ котораго былъ тысячникомъ, что считается важнымъ среди нихъ, и сказалъ: «Я долженъ отвезти васъ къ Мангу-хану; это—путь четырехъ мѣсяцевъ, и тамъ стоитъ столь сильный холодъ, что отъ него раскалываются камни и деревья. Смотрите, сможете-ли вы выдержать. Я отвѣтилъ ему: «Надѣюсь на милость Божію, что мы выдержимъ то, что могутъ выдерживать другіе люди». Тогда онъ сказалъ: «Если не сможете выдержать, я оставлю васъ на дорогѣ». Я отвѣтилъ ему: «Это было бы несправедливо, такъ какъ мы отправились не по своей волѣ, а только посланы вашимъ государемъ, поэтому съ тѣхъ поръ, какъ мы вамъ довѣрились, вы не должны насъ покидать». Тогда онъ сказалъ: «Все будетъ хорошо». Послѣ этого онъ приказалъ намъ показать ему всѣ наши платья, и, что ему казалось менѣе необходимымъ, велѣлъ оставить подъ охраной нашего хозяина. На слѣдующій день каждому изъ насъ принесли по овечьей шубѣ съ длинной шерстью, штаны изъ того же мѣха, сапоги или

полусапожки согласно ихъ обычаю, а также войлочные башмаки и мѣховыя шапки согласно ихъ обычаю. На второй день послѣ Воздвиженія Святаго Креста мы выѣхали, при чемъ у насъ троихъ было двѣ вьючныхъ лошади, и мы ѣхали, не переставая, въ восточномъ направленіи вплоть до дня праздника Всѣхъ Святыхъ. И по всей той землѣ, и еще дальше жили Канглы, какіе-то родственники Комановъ. Къ сѣверу отъ насъ была Великая Булгарія, а къ югу вышеупомянутое Каспійское море.

ГЛАВА XXIII.

О рѣкѣ Ягакѣ и о разныхъ земляхъ и народахъ въ этой странѣ.

Проѣхавъ 12 дней отъ Этиліи, мы нашли большую рѣку, именуемую Ягакъ; она течетъ съ сѣвера изъ земли Паскатиръ и впадаетъ въ вышеупомянутое море. Языкъ Паскатиръ и Венгровъ—одинъ и тотъ же; это—пастухи, не имѣющіе никакого города; страна ихъ соприкасается съ запада съ Великой Булгаріей. Отъ этой земли къ востоку, по упомянутой сѣверной сторонѣ, нѣтъ болѣе никакого города. Поэтому Великая Булгарія—послѣдняя страна, имѣющая городъ. Изъ этой земли Паскатиръ вышли Гунны, впослѣдствіи Венгры, а это собственно и есть Великая Булгарія. И Исидоръ говоритъ, что на быстрыхъ коняхъ они переправились чрезъ преграды Александра, удерживавшія дикіе народы скалами Кавказа, такъ что имъ платили дань вплоть до Египта. Они разорили также всѣ земли вплоть до Франціи, поэтому они обладали бо̀льшимъ могуществомъ, чѣмъ нынѣшніе Татары. Съ ними боролись Валахи, Булгары и Вандалы. Ибо тѣ Булгары, которые живутъ за Дунаемъ вблизи Константинополя, вышли изъ упомянутой Великой Булгаріи. И вблизи Паскатиръ живутъ Иллакъ, что значитъ то же, что Блакъ, но Татары не умѣютъ произносить Б; отъ нихъ произошли тѣ, кто живетъ въ землѣ Ассана. Ибо обоихъ, какъ тѣхъ, такъ и этихъ, именуютъ Иллакъ. Языкъ Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ (Boemorum) и Славянъ одинъ и тотъ же съ языкомъ Вандаловъ, отрядъ которыхъ всѣхъ вмѣстѣ былъ съ Гуннами, а теперь по большей части съ Татарами, которыхъ Богъ поднялъ изъ болѣе отдаленныхъ странъ, не народъ и племя несмысленное, по словамъ Господнимъ: «Я вызову ихъ, то есть не хранящихъ своего закона, чрезъ того, кто не народъ, и раздражу ихъ племенемъ несмысленнымъ». Это исполняется буквально надъ всѣми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказалъ о землѣ Паскатиръ, я знаю черезъ братьевъ проповѣдниковъ, которые ходили туда до прибытія Татаръ, и съ того времени жители ея были покорены сосѣдними Булгарами и Сарацинами, и многіе изъ нихъ стали Сарацинами. Дру-

гое можно узнать изъ лѣтописей, такъ какъ извѣстно, что области за Константинополемъ, именуемыя нынѣ Булгаріей, Валахіей и Склавоніей, были областями Грековъ. Венгрія такимъ образомъ была Паннонiей. Итакъ мы ѣхали черезъ землю Кангле отъ праздника Святаго Креста до праздника Всѣхъ Святыхъ, причемъ почти всякій день, какъ я могъ разсчитать, дѣлали такое разстояніе, какъ отъ Парижа до Орлеана, а иногда и больше, смотря по тому, какое у насъ было количество лошадей. Именно иногда мы мѣняли лошадей дважды или трижды въ день, а иногда ѣхали безъ перемѣны два или три дня, потому что не встрѣчали народа, и тогда приходилось ѣхать медленнѣе. Изъ 20 или 30 лошадей у насъ всегда были худшія, такъ какъ мы были чужестранцами. Ибо всѣ, ѣхавшіе раньше насъ, брали лучшихъ лошадей. Для меня всегда сохраняли крѣпкаго коня, такъ какъ я былъ очень дороденъ, но я не смѣлъ предлагать вопросъ о томъ, хорошо ли идетъ конь, или нѣтъ, не смѣлъ я также жаловаться, если онъ имѣлъ не рыспстый шагъ, но каждому надлежало терпѣть свою участь. Отсюда для насъ возникали весьма тягостныя затрудненія, такъ какъ неоднократно лошади утомлялись раньше, чѣмъ мы могли добраться до народа, и тогда намъ надлежало ихъ погонять и бить кнутомъ, даже перекладывать одежду на другихъ вьючныхъ лошадей, перемѣнять коней на вьючныхъ лошадей, а иногда двоимъ ѣхать на одной лошади.

ГЛАВА XXIV.

О голодѣ, жаждѣ и иныхъ бѣдствіяхъ, которыя мы испытали въ этомъ пути.

Нѣтъ числа нашимъ страданіямъ отъ голода, жажды, холода и усталости. Пищу они даютъ только вечеромъ. Утромъ даютъ что нибудь выпить или проглотить пшена. Вечеромъ же давали намъ мяса—баранье плечо съ ребрами,—а также выпить извѣстное количество супа. Когда у насъ было мясного супа до сытости, мы отлично подкрѣплялись, и онъ казался мнѣ весьма вкуснымъ напиткомъ и весьма питательнымъ. Въ пятницу я пребывалъ въ постѣ до ночи, не дѣлая ни глотка, а затѣмъ мнѣ надлежало съ печалью и скорбью вкушать мясо. Иногда, когда мы попадали на ночлегъ съ наступленіемъ уже темноты, намъ приходилось ѣсть мясо полусваренное или почти сырое вслѣдствіе недостатка пищи для огня, такъ какъ тогда мы не могли набрать достаточно бычачьяго или конскаго навозу. Другую пищу для огня мы находили рѣдко, развѣ только кое-гдѣ какой-нибудь терновникъ. Также по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ ростутъ кое-гдѣ лѣса, но это бываетъ рѣдко. Въ началѣ нашъ проводникъ очень

презиралъ насъ и чувствовалъ отвращеніе, провожая столь низкихъ людей. Впослѣдствіи однако, когда онъ началъ насъ лучше узнавать, онъ провожалъ насъ чрезъ дворы богатыхъ Моаловъ, и намъ надлежало молиться за нихъ. Поэтому, будь у меня хорошій толмачъ, я имѣлъ бы удачный случай посѣять много добра. У упомянутаго Хингиса, перваго хана, было четыре сына, отъ которыхъ произошли многіе; всѣ они имѣютъ теперь большіе дворы и ежедневно множатся и распространяются по пустынѣ, обширной, какъ море. Итакъ черезъ владѣнія многихъ изъ нихъ везъ насъ нашъ проводникъ. И они удивлялись превыше мѣры, почему мы не хотѣли брать золото, серебро и драгоцѣнныя одежды. Они спрашивали также о великомъ папѣ, такъ-ли онъ старъ, какъ они слышали. Именно они слышали, что ему пятьсотъ лѣтъ. Спрашивали они о нашихъ земляхъ, водится ли тамъ много овецъ, быковъ и коней. О морѣ океанѣ они не могли понять, что оно безпредѣльно или безбрежно. Накануне дня Всѣхъ Святыхъ мы оставили дорогу на востокъ, такъ какъ Татары уже значительно спустились къ югу, и направили, черезъ какія-то горы, путь прямо на югъ, въ теченіе 8 дней подрядъ. Въ этой пустынѣ я видѣлъ многихъ ословъ, именуемыхъ куламъ, которые больше похожи на муловъ; нашъ проводникъ и его товарищи усиленно ихъ преслѣдовали, но ничего не достигли вслѣдствіе ихъ чрезмѣрной быстроты. На седьмой день къ югу намъ стали видны очень высокія горы, и мы въѣхали на равнину, которая орошалась, какъ садъ, и нашли воздѣланныя земли. Черезъ недѣлю послѣ праздника Всѣхъ Святыхъ мы въѣхали въ нѣкій Сарацинскій городъ, по имени Кинчатъ. Глава его выѣхалъ навстрѣчу нашему проводнику съ пивомъ и чашами. Ибо у нихъ существуетъ такой обычай, что изо всѣхъ городовъ, имъ подчиненныхъ, пословъ Батыя и Мангу-хана встрѣчаютъ съ пищей и питьемъ. Въ то время тамъ ходили по льду, и еще раньше, начиная съ праздника святаго Михаила, въ степи стояли морозы. Я спросилъ о названіи этой области; такъ какъ мы были уже на другой территоріи, они не умѣли мнѣ сказать иначе, какъ по имени города, который былъ очень малъ. И съ горъ спускалась большая рѣка, которая орошала всю страну, такъ какъ они проводили отъ нея воду, куда имъ было угодно; эта рѣка не впадала въ какое нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болотъ. Я видѣлъ тамъ лозы и дважды пилъ вино.

ГЛАВА XXV.

Объ умерщвленіи Бури и о жилищахъ Нѣмцевъ въ этой землѣ.

На слѣдующій день мы прибыли къ другому поселку, болѣе близкому къ горамъ, и я спросилъ про горы, про которыя узналъ, что это были горы Кавказа, которыя соприкасаются съ обѣими сторонами моря отъ запада къ востоку. Тутъ также узналъ я, что мы уже проѣхали вышеупомянутое море, въ которое втекаетъ Этилія. Я спросилъ также о городѣ Таласъ, въ которомъ были Нѣмцы, рабы Бури, про которыхъ говорилъ братъ Андрей и про которыхъ я также много спрашивалъ при дворѣ Сартаха и Батыя. Я не могъ узнать ничего, кромѣ того, что Бури, господинъ ихъ, былъ убитъ по такому случаю: онъ не имѣлъ хорошихъ пастбищъ и однажды, когда былъ пьянъ, сталъ такъ разсуждать со своими людьми: «Развѣ я не изъ рода Хингисъ-хана, какъ Батый (а онъ былъ племянникомъ или братомъ Батыя)? Почему и мнѣ, какъ Батыю, не идти на берегъ Этиліи, чтобы тамъ пасти стада?» Эти слова были доложены Батыю. Тогда Батый написалъ его людямъ, чтобы они привели къ нему господина ихъ связаннымъ, что тѣ и сдѣлали. Тогда Батый спросилъ у него, говорилъ ли онъ подобныя рѣчи, и тотъ сознался. Однако онъ извинился тѣмъ, что былъ пьянъ, такъ какъ они обычно прощаютъ пьяныхъ. И Батый отвѣтилъ: «Какъ ты смѣлъ называть меня въ своемъ опьянѣніи?» И затѣмъ приказалъ отрубить ему голову. Объ этихъ Нѣмцахъ я не могъ узнать ничего вплоть до пріѣзда ко двору Мангу-хана, а въ вышеназванномъ поселкѣ я узналъ, что Таласъ былъ сзади насъ возлѣ горъ, на шесть дней пути. Когда я прибылъ ко двору Мангу-хана, то узналъ, что самъ Мангу перевелъ ихъ, съ позволенія Батыя, къ востоку на разстояніе мѣсяца пути отъ Таласа, въ нѣкій городъ, по имени Болатъ, гдѣ они копаютъ золото и дѣлаютъ оружіе; поэтому я не могъ попасть въ ихъ страну въ оба мои проѣзда, туда и обратно. Однако я проѣхалъ на пути туда довольно близко, можетъ быть всего на три дня пути, отъ этого города. Но я не зналъ этого, да и не могъ также отклониться отъ дороги, если бы и хорошо зналъ ее. Отъ упомянутаго поселка мы направились къ востоку прямо къ вышеупомянутымъ горамъ, и съ того времени мы въѣхали въ среду людей Мангу-хана, которые вездѣ пѣли и рукоплескали предъ лицомъ нашего проводника, такъ какъ онъ былъ посломъ Батыя. Этотъ почетъ они оказываютъ другъ другу взаимно, такъ что люди Мангу принимаютъ вышеупомянутымъ способомъ пословъ Батыя и равнымъ образомъ люди Батыя пословъ Мангу-хана. Однако

люди Батыя стоятъ выше и не исполняютъ этого такъ тщательно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мы въѣхали въ горы, на которыхъ обычно живутъ Каракатаи, и нашли тамъ большую рѣку, черезъ которую намъ надлежало переправиться на суднѣ. Послѣ этого мы въѣхали въ одну долину, гдѣ увидѣли какой-то разрушенный замокъ, стѣны котораго были только изъ глины, и земля тамъ была воздѣлана. Послѣ этого мы нашли нѣкій хорошій городъ, по имени Эквіусъ, въ которомъ жили Саррацины, говорящіе по-персидски, хотя они были очень далеко отъ Персіи. На слѣдующій день, переправившись черезъ тѣ горы, которыя составляли отроги большихъ горъ, находившихся къ югу, мы въѣхали на очень красивую равнину, имѣющую справа высокія горы, а слѣва нѣкое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути въ окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими съ горъ водами, которыя всѣ впадаютъ въ упомянутое море. Лѣтомъ мы возвращались съ сѣвернаго бока этого моря, гдѣ равнымъ образомъ были большія горы. На вышеупомянутой равнинѣ прежде находилось много городковъ, но по большей части они были разрушены Татарами, чтобы имѣть возможность пасти тамъ свои стада, такъ какъ тамъ были наилучшія пастбища. Мы нашли тамъ большой городъ, по имени Кайлакъ, въ которомъ былъ базаръ, и его посѣщали многіе купцы. Въ немъ мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Батыя, который долженъ былъ быть товарищемъ нашего проводника въ устроеніи дѣлъ при дворѣ Мангу. Земля эта прежде называлась Органумъ, и жители ея имѣли собственный языкъ и собственныя письмена. Но теперь она была вся занята Туркоманами. Этими письменами и на этомъ языкѣ несторіане изъ тѣхъ странъ прежде даже справляли службу и писали книги, и, можетъ быть, отсюда ведутъ названіе органы, такъ какъ тамъ были, какъ мнѣ говорили, наилучшіе гитаристы или органисты. Тамъ впервые видѣлъ я идолопоклонниковъ, имѣющихъ, какъ вы узнаете, многочисленныя секты на Востокѣ.

ГЛАВА XXVI.

О смѣшеніи несторіанъ и Саррациновъ и объ ихъ идолопоклонствѣ.

Прежде всего назову Югуровъ, земля которыхъ соприкасается съ вышеупомянутой землей Органумъ, именно между названныхъ горъ въ восточномъ направленіи; во всѣхъ городахъ ихъ перемѣшаны несторіане и Саррацины, и отдѣльныя лица изъ нихъ самихъ также живутъ въ городахъ Саррациновъ въ направленіи къ Персіи. Въ вышеупомянутомъ городѣ Кайлакѣ они имѣли три кумирни; въ двѣ изъ нихъ я заходилъ, чтобы

увидѣть эти безумія. Въ первой я нашелъ нѣкоего человѣка. имѣвшаго у себя на рукѣ крестикъ изъ чернилъ: отсюда я повѣрилъ, что онъ — христіанинъ, ибо на все, что я спрашивалъ у него, онъ отвѣчалъ, какъ христіанинъ. Поэтому я спросилъ у него: «Почему же вы не имѣете здѣсь креста и изображенія Іисуса Христа?» Онъ отвѣтилъ: «У насъ это не въ обычаѣ». Отсюда я повѣрилъ, что они христіане, но пренебрегаютъ этимъ по недостатку образованія. Все же я тамъ видѣлъ за сундукомъ, служащимъ имъ вмѣсто алтаря. на который они ставятъ свѣтильники и жертвы (oblationes), какое-то изображеніе, имѣвшее крылья, какъ у святого Михаила, и другія изображенія вродѣ епископовъ, державшихъ пальцы какъ бы для благословенія. Въ тотъ вечеръ я не могъ узнать ничего другого, такъ какъ Сарацины настолько избѣгаютъ ихъ, что даже не желаютъ о нихъ и говорить. Отсюда, когда я спрашивалъ у Сарациновъ объ обрядахъ Югуровъ, они оскорблялись. На слѣдующій день было первое число и пасха Сарациновъ, и я перемѣнилъ помѣщеніе, такъ что меня поселили рядомъ съ другой кумирней. Ибо тамошніе люди принимаютъ пословъ [поочередно] каждый по степени своего могущества и по своимъ средствамъ. Войдя тогда въ упомянутую кумирню, я нашелъ тамъ жрецовъ идольскихъ. Именно, перваго числа они отворяютъ свои храмы, и жрецы облачаются, возносятъ ѳиміамъ, поднимаютъ свѣтильники и возносятъ жертвы народа, состоящія изъ хлѣба и плодовъ.

Итакъ прежде всего я опишу вамъ всѣ обряды всѣхъ идолопоклонниковъ, а послѣ того тѣхъ Югуровъ, которые являются какъ бы сектой, отдѣленной отъ другихъ. Всѣ они молятся на сѣверъ, хлопая въ ладоши и простираясь на землю на согнутыхъ колѣнахъ, причемъ челомъ опираются на руки. Отсюда несторіане въ тѣхъ странахъ отнюдь не соединяютъ рукъ для молитвы, а молятся, протянувъ руки предъ грудью. Идолопоклонники ставятъ свои храмы въ направленіи съ востока на западъ и въ сѣверной сторонѣ устраиваютъ комнату, выступающую на подобіе клироса (corum), а иногда, если домъ четыреугольный, эта комната бываетъ въ серединѣ дома. Съ сѣвернаго бока они дѣлаютъ углубленіе на мѣстѣ клироса. Тамъ они помѣщаютъ сундукъ, длинный и широкій, какъ столъ. И за этимъ сундукомъ, къ югу, ставятъ они главный идолъ, который я видѣлъ въ Каракарумѣ такой же величины, какъ рисуютъ блаженнаго Христофора. Одинъ несторіанскій священникъ, прибывшій изъ Катайи, говорилъ мнѣ, что въ этой землѣ есть идолъ такой большой, что его можно видѣть издали за два дня пути. Кругомъ ставятъ они другіе идолы; всѣ они очень красиво позолочены. На этомъ сундукѣ, который напоминаетъ собою столъ, они ставятъ свѣтильники и жертвы. Всѣ двери храмовъ отворяются на

югъ противоположно обычаю Саррациновъ. Точно также у идолопоклонниковъ, какъ и у насъ, есть большіе колокола; поэтому, думаю я, восточные христіане не пожелали имѣть ихъ. У Русскихъ, однако, и у Грековъ въ Газаріи они имѣются.

ГЛАВА XXVII.

Объ ихъ храмахъ и идолахъ и о томъ, какъ они отправляютъ службу своимъ богамъ.

Точно также всѣ жрецы ихъ бреютъ цѣликомъ голову и бороду; одѣяніе ихъ желтаго цвѣта; съ тѣхъ поръ какъ они обреютъ голову, они хранятъ цѣломудріе и должны жить по 100 или по двѣсти заразъ въ одной общинѣ. Въ тѣ дни, когда они входятъ въ храмъ, они ставятъ двѣ скамьи и сидятъ въ направленіи клироса, но противъ него, на землѣ, держа въ рукахъ книги, которыя иногда кладутъ на упомянутыя скамейки, и, пока они въ храмѣ, головы ихъ открыты; они читаютъ въ молчаніи и сохраняютъ молчаніе. Отсюда, когда я въ Каракарумѣ вошелъ въ одинъ храмъ ихъ и засталъ ихъ такъ сидящими, я на разные лады пробовалъ вызвать ихъ на разговоръ и никоимъ образомъ не могъ. Куда бы они ни шли, они имѣютъ также постоянно въ рукахъ какую-то веревочку со 100 или двумястами ядрышками, какъ мы носимъ четки, и повторяютъ постоянно слѣдующія слова: «on mani baccam», то есть «Господи, Ты вѣси», какъ одинъ изъ нихъ перевелъ мнѣ это; и онъ столько разъ ожидаетъ благодарности отъ Бога, сколько разъ, говоря это, вспоминаетъ о Богѣ. Около своего храма они всегда устрояютъ красивый притворъ, который замыкаютъ крѣпкой стѣной, и къ югу устрояютъ большія ворота, въ которыхъ садятся для разговоровъ. Надъ этими воротами они воздвигаютъ длинный шестъ, чтобы онъ выдавался, если можно, надъ всѣмъ городомъ. И по этому шесту можно узнать, что этотъ домъ—храмъ идоловъ. Это обще всѣмъ идолопоклонникамъ. Итакъ, когда я вошелъ въ упомянутую кумирню, я засталъ жрецовъ сидящими у наружныхъ воротъ. Тѣ, кого я видѣлъ, казались мнѣ Франками по своимъ бритымъ бородамъ. На головахъ у нихъ были татарскія тіары. Жрецы этихъ Югуровъ имѣютъ слѣдующее одѣяніе: куда бы они ни шли, они постоянно носятъ желтыя рубашки, довольно узкія; подпоясаны они вверху прямо, какъ Франки; плащъ они носятъ на лѣвомъ плечѣ; онъ, спускаясь, покрываетъ грудь и спину до праваго бока, какъ облаченіе у дьякона во время четыредесятницы. Татары приняли ихъ письмена. Они начинаютъ писать сверху и ведутъ строку внизъ; такимъ же образомъ они читаютъ и продолжаютъ строки слѣва направо. Они усиленно пользуются для волшебства

бумагой и буквами, откуда храмы ихъ наполнены висящими краткими изреченіями (brevibus). И Мангу-ханъ посылаетъ вамъ грамоту на языкѣ Моаловъ, но письменами Югуровъ. Они сожигаютъ своихъ умершихъ по старинному обряду и сохраняютъ прахъ на вершинѣ пирамиды. Итакъ, когда, войдя въ ихъ храмъ и осмотрѣвъ много ихъ идоловъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, я сѣлъ рядомъ съ вышеупомянутыми жрецами, то спросилъ ихъ, какъ они вѣруютъ въ Бога. Они отвѣтили: «Мы вѣруемъ только въ единаго Бога». И я спросилъ: «Вѣруете ли вы, что Онъ духъ или нѣчто тѣлесное?» Они сказали: «Мы вѣруемъ, что Онъ духъ». Тогда я спросилъ: «Вѣруете ли вы, что Онъ никогда не принималъ человѣческой природы?» Они отвѣтили: «Никогда». Тогда я спросилъ: «Разъ вы вѣруете, что Онъ только единъ и духъ, почему вы дѣлаете для Него тѣлесныя изображенія и въ такомъ количествѣ? Сверхъ того, разъ вы не вѣруете, что Онъ сталъ человѣкомъ, почему вы дѣлаете для Него предпочтительнѣе изображенія людей, а не другого животнаго?» Тогда они отвѣтили: «Мы не представляемъ въ этихъ изображеніяхъ Бога, а когда какой нибудь богачъ изъ нашихъ умираетъ, то или сынъ его, или жена, или кто нибудь дорогой для него приказываетъ сдѣлать изображеніе умершаго и ставитъ его здѣсь, а мы чтимъ его въ память его». Я сказалъ имъ: «Тогда, стало быть, вы дѣлаете это только ради лести людямъ».—«Нѣтъ», отвѣчали они, «а на память о немъ». Затѣмъ они спросили у меня какъ бы въ насмѣшку: «Гдѣ находится Богъ?» Я возразилъ имъ: «Гдѣ находится душа ваша?» Они сказали: «Въ нашемъ тѣлѣ». Я спросилъ ихъ: «Развѣ она не находится повсюду въ вашемъ тѣлѣ и не управляетъ имъ всѣмъ, а всетаки невидима? Такъ и Богъ находится повсюду и всѣмъ распоряжается, однако Онъ невидимъ, такъ какъ Онъ разумѣніе и мудрость». Затѣмъ, когда я хотѣлъ дальше разсуждать съ ними, мой толмачъ, утомившись и не желая переводить разговоръ, заставилъ меня замолчать. Моалы или Татары принадлежатъ къ ихъ сектамъ въ томъ отношеніи, что они вѣруютъ только въ единаго Бога, однако они дѣлаютъ изъ войлока изображенія своихъ умершихъ, одѣваютъ ихъ драгоцѣннѣйшими тканями и кладутъ на одну повозку или на двѣ. Къ этимъ повозкамъ никто не смѣетъ касаться, и онѣ находятся подъ охраной ихъ прорицателей, которые являются ихъ жрецами, о которыхъ я послѣ разскажу вамъ. Эти прорицатели находятся всегда предъ дворомъ самого Мангу и другихъ богачей. Ибо у бѣдныхъ ихъ нѣтъ, за исключеніемъ принадлежащихъ къ роду Хингиса. И, когда они должны ѣхать, эти прорицатели предшествуютъ имъ, какъ облачный столбъ сынамъ Израиля, и они выбираютъ мѣсто, гдѣ разбить лагерь, и затѣмъ первые снимаютъ свои дома, а за

ними весь дворъ. И затѣмъ, если наступаетъ праздничный день или первое число мѣсяца, они извлекаютъ вышеупомянутыя изображенія и ставятъ ихъ въ порядкѣ вокругъ въ своемъ домѣ. Затѣмъ приходятъ сами Моалы и вступаютъ въ тотъ домъ, кланяются этимъ изображеніямъ и чтутъ ихъ. И въ этотъ домъ нельзя входить ни одному чужестранцу. Одинъ разъ я хотѣлъ войти, но меня очень жестоко выбранили.

ГЛАВА XXVIII.

О разныхъ народахъ этихъ странъ и о тѣхъ, кто имѣли обычай ѣсть своихъ родителей.

Упомянутые Югуры, которые перемѣшаны съ христіанами и Сарацинами, какъ я думаю, путемъ частыхъ разсужденій, пришли къ тому, что вѣруютъ только въ единаго Бога. Они жили въ городахъ, которые сперва повиновались Хингисъ-хану, и откуда онъ отдалъ въ жены ихъ царю свою дочь. И самый Каракарумъ стоитъ какъ бы на ихъ территоріи, и вся земля короля или Пресвитера Іоанна и его брата, Унка, находится вокругъ ихъ земель. Но эти послѣдніе живутъ на пастбищахъ къ сѣверу, а Югуры среди горъ къ югу. Отъ этого вышло, что Моалы заимствовали ихъ письмена, и Югуры являются главными писцами среди нихъ, и почти всѣ несторіане знаютъ ихъ письмена. За ними къ востоку, среди упомянутыхъ горъ, живутъ Тангуты, очень храбрые люди, которые плѣнили на войнѣ самого Хингиса; по заключеніи мира, онъ былъ ими отпущенъ, а впослѣдствіи покорилъ ихъ. У нихъ водятся очень сильные быки, съ хвостами, полными волосъ, какъ у лошадей; также и брюхо и спина ихъ богаты волосами. Въ ногахъ они ниже другихъ быковъ, но гораздо сильнѣе ихъ. Эти быки тянутъ большіе дома Моаловъ и имѣютъ рога тонкіе, длинные, изогнутые и очень острые, такъ что верхушки ихъ всегда надлежитъ отрѣзать. Корова не даетъ себя доить, если предъ нею не начать пѣть. Эти быки по своей природѣ имѣютъ то сходство съ буйволомъ, что если они видятъ человѣка, одѣтаго въ красный цвѣтъ, то бросаются на него, желая умертвить. За этимъ народомъ живутъ Тибетцы, люди, пожиравшіе прежде своихъ умершихъ родителей, такъ какъ, по чувству сыновней любви, они не признаютъ для нихъ другой могилы, кромѣ своихъ внутренностей. Теперь однако они это оставили, такъ какъ стали возбуждать отвращеніе у всѣхъ народовъ. Однако они все еще дѣлаютъ красивыя чаши изъ головъ родителей, чтобы при питьѣ изъ этихъ чашъ вспоминать о родителяхъ во время своего наслажденія. Это разсказалъ мнѣ очевидецъ. Въ землѣ ихъ имѣется много золота; поэтому, кто нуждается

въ золотѣ, копаетъ, пока не найдетъ его, и беретъ, когда нуждается, скрывая остальное въ землю. Ибо, если онъ станетъ прятать золото въ сокровищницу или сундукъ, то вѣруетъ, что Богъ отниметъ у него другое, которое находится въ землѣ. Среди этихъ людей я видѣлъ очень безобразныхъ личностей. Среди Тангутовъ я видѣлъ людей большихъ, но смуглыхъ. Югуры роста средняго, какъ наши соотечественники. У Югуровъ заключается источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчія. За Тибетанцами живутъ Лонга и Соланга, пословъ которыхъ я видѣлъ при дворѣ; они привели болѣе десяти повозокъ, каждую изъ которыхъ тянули шесть быковъ. Это люди маленькаго роста и смуглые, какъ Испанцы. Они носятъ рубашки, такія же, какъ облаченіе (supertunicale) у діакона, съ немного болѣе тѣсными рукавами, а на головѣ имѣютъ митру, какъ епископы, но передняя часть ея немного ниже, чѣмъ задняя, и она оканчивается не однимъ угломъ, а въ верху четыреугольна. Митры эти сдѣланы изъ крѣпкаго чернаго холста и до такой степени выглажены, что при солнечныхъ лучахъ блестятъ, какъ зеркало или хорошо отполированный шлемъ; вокругъ висковъ они носятъ длинныя ленты изъ такой же матеріи и пришитыя къ самой митрѣ, которыя развѣваются на вѣтрѣ, какъ два рога, выходящіе изъ висковъ; и, когда вѣтеръ сильно волнуетъ эти ленты, ихъ складываютъ по рединѣ митры сверху отъ виска къ виску, такъ что онѣ лежатъ поперекъ головы, какъ кругъ; это—очень красивое украшеніе для головы. Главный посолъ ихъ всегда, когда приходилъ ко двору, имѣлъ дощечку изъ слоновой кости, длиною въ локоть, а шириною въ ладонь, очень гладкую. И, когда онъ говорилъ съ самимъ ханомъ или съ какимъ нибудь важнымъ человѣкомъ, онъ всегда глядѣлъ на эту дощечку, какъ будто находя въ ней то, что онъ говорилъ; онъ не глядѣлъ при этомъ ни направо, ни налѣво, ни въ лицо того, съ кѣмъ говорилъ. И, приходя предъ лицо государя и уходя отъ него, онъ не смотритъ никуда, кромѣ своей дощечки. За этими народами, какъ я узналъ навѣрное, живутъ еще люди, по имени Мукъ; у нихъ есть города, но они не берутъ себѣ въ частную собственность никакихъ животныхъ. Однако въ ихъ землѣ пасется много стадъ какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота, но никто ихъ не караулитъ; а, когда кто-нибудь нуждается въ какомъ-нибудь животномъ, онъ взбирается на холмъ и кричитъ; тогда всѣ животныя, слыша его крикъ, подходятъ къ нему и позволяютъ обращаться съ собой, какъ съ домашнимъ скотомъ. И, если посолъ или какой-нибудь иностранецъ прибываетъ въ ту страну, они, до окончанія его дѣла, запираютъ его въ домѣ, доставляя все необходимое, такъ какъ, если-бы иностранецъ поѣхалъ по странѣ, животныя разбѣжались бы отъ его запаха и стали бы дикими.

Далѣе находится великая Катайя, жители которой, какъ я полагаю, въ древности назывались Серами (Seres). Ибо отъ нихъ прибываютъ самыя лучшія шелковыя ткани, называемыя по латыни по имени этого народа serici, а народъ называется Серами отъ нѣкоего ихъ города. Я достовѣрно узналъ, что въ этой странѣ есть городъ съ серебряными стѣнами и золотыми башнями. Въ этой землѣ есть много областей, большинство которыхъ еще не повинуется Моаламъ, и между ними [Серами?] и Индіей лежитъ море. Эти Катаи люди маленькаго роста, при разговорѣ они усиленно дышатъ ноздрями; у всѣхъ жителей Востока то общее, что они имѣютъ небольшое отверстіе для глазъ. Катаи отличные работники во всякомъ ремеслѣ, и ихъ медики очень хорошо знаютъ дѣйствіе травъ и отлично разсуждаютъ о пульсѣ, а мочегонныхъ средствъ они не употребляютъ, да и вообще о мочѣ ничего не знаютъ. Я это замѣтилъ. Многіе изъ нихъ живутъ въ Каракарумѣ, и у нихъ всегда существуетъ обычай, чтобы всѣ сыновья занимались тѣмъ же искусствомъ, какимъ занимается отецъ. И потому они платятъ столь большую дань, именно они отдаютъ Моаламъ ежедневно тысячу пятьсотъ іаскотовъ, или космосъ; іаскотъ есть кусокъ серебра, вѣсящій десять марокъ. Такимъ образомъ они платятъ всякій день 15 тысячъ марокъ, помимо шелковыхъ тканей и съѣстныхъ припасовъ, которые берутъ оттуда Моалы, и другихъ услугъ, оказываемыхъ имъ Катаями. Всѣ эти племена живутъ среди горъ Кавказа, но у сѣверныхъ склоновъ этихъ горъ, вплоть до восточнаго океана, съ южной стороны Скиѳіи, которую населяютъ пастухи Моалы; всѣ племена платятъ имъ дань и всѣ преданы идолопоклонству и разсказываютъ басни про множество боговъ, про нѣкоторыхъ обоготворенныхъ людей и про родословную боговъ, какъ поступаютъ и наши поэты. Между ними, въ качествѣ пришельцевъ, примѣшаны вплоть до Катайи несторіане и Сарацины. Въ 15 городахъ Катайи живутъ несторіане и имѣютъ тамъ епископа въ городѣ по имени Сегинъ, а дальше находятся чистые идолопоклонники. Жрецы идоловъ названныхъ племенъ всѣ носятъ широкіе желтые капишоны. Есть также среди нихъ, какъ я узналъ, въ лѣсахъ и горахъ, какіе-то пустынники удивительной жизни и строгости. Несторіане тамъ ничего не знаютъ. Они произносятъ свою службу и имѣютъ священныя книги на Сирійскомъ языкѣ, котораго не знаютъ, отсюда они поютъ, какъ у насъ монахи, совершенно не знающіе грамоты, и отсюда они совершенно развращены. Прежде всего они лихоимцы и пьяницы; нѣкоторые изъ нихъ, живущіе вмѣстѣ съ Татарами, имѣютъ даже, подобно Татарамъ, многихъ женъ. Входя въ церковь, они, подобно Сарацинамъ, моютъ себѣ нижнія части тѣла, въ пятницу ѣдятъ мясо и, по Сарацинскому обычаю, устраиваютъ въ

этотъ день попойки. Рѣдко бываетъ въ этихъ странахъ епископъ, можетъ быть, едва одинъ разъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Тогда они заставляютъ его поставлять въ священники всѣхъ младенцевъ, даже въ колыбели, отсюда всѣ мущины ихъ — священники. И послѣ этого они женятся, что совершенно противно ученію св. отецъ, и бываютъ двоеженцами, такъ какъ и священники, по смерти первой жены, берутъ другую. Всѣ они преданы симоніи, не исполняя даромъ ни одного таинства. Они озабочены судьбою своихъ женъ и малютокъ, почему стараются не о расширеніи вѣры, а о наживѣ. Отсюда случается, что когда нѣкоторые изъ нихъ воспитываютъ какихъ нибудь сыновей знатныхъ Моаловъ, то, хотя и учатъ ихъ Евангелію и вѣрѣ, однако своей дурной жизнью и страстями скорѣе удаляютъ ихъ отъ закона христіанскаго, такъ какъ жизнь самихъ Моаловъ и даже Туиновъ, то есть идолопоклонниковъ, болѣе невинна, чѣмъ жизнь этихъ священниковъ.

ГЛАВА XXIX.

Что случилось съ нами по отъѣздѣ изъ Кайлака въ землю Наймановъ.

Итакъ мы выѣхали изъ вышеупомянутаго города [Кайлака] въ праздникъ святого Андрея и тамъ по близости, въ трехъ льё, нашли поселеніе совершенно несторіанское. Войдя въ церковь ихъ, мы пропѣли съ радостью, какъ только могли громко: «Радуйся, Царица», такъ какъ уже давно не видали церкви. Отправившись отсюда, черезъ три дня мы добрались до столицы этой области, въ началѣ (in capite) вышеназваннаго моря, которое казалось намъ столь бурнымъ, какъ океанъ. И мы видѣли на немъ большой островъ. Мой товарищъ приблизился къ его берегу и помочилъ въ немъ льняную ткань, чтобы отвѣдать вкусъ воды; она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди большихъ горъ, въ юго-восточномъ направленіи, тянулась долина, а затѣмъ между горами было еще какое-то большое море, и черезъ эту долину отъ перваго моря до второго протекала рѣка; въ этой долинѣ почти безпрестанно дуетъ столь сильный вѣтеръ, что люди проѣзжаютъ съ великимъ опасеніемъ, какъ бы вѣтеръ не унесъ ихъ въ море. Итакъ мы переправились черезъ долину, направляясь на сѣверъ, къ большимъ горамъ, покрытымъ глубокими снѣгами, которые тогда лежали на землѣ. Поэтому въ праздникъ святаго Николая мы стали сильно ускорять путь, такъ какъ уже не находили никакихъ людей, а только ямъ, то есть лицъ, разставленныхъ отъ одного дневного перехода къ другому для пріема пословъ, потому что во многихъ мѣстахъ среди горъ дорога тѣсна, и пастбищъ немного. Такимъ образомъ между днемъ

и ночью мы проѣзжали разстояніе между двумя ямами, дѣлая изъ двухъ дневныхъ переходовъ одинъ, и ѣхали больше ночью, чѣмъ днемъ. Тамъ стояла сильнѣйшая стужа, поэтому они одолжили намъ козьи шубы мѣхомъ наружу. Во вторую субботу Рождественскаго поста, вечеромъ мы проѣзжали черезъ одно мѣсто среди очень страшныхъ скалъ, и проводникъ нашъ прислалъ просить меня произнести какія нибудь молитвенныя (bona) слова, чтобы ими можно было обратить въ бѣгство демоновъ, такъ какъ на этомъ переходѣ демоны обычно внезапно уносили людей. И неизвѣстно было, что съ ними дѣлалось. Иногда демоны похищали лошадь, оставивъ человѣка; иногда они извлекали у человѣка внутренности, оставивъ на конѣ его тѣлесную оболочку (busto), и многое тому подобное часто совершалось тамъ. Тогда мы запѣли громкимъ голосомъ: «Вѣрую во единаго Бога» и, по милости Божіей, проѣхали невредимо со всѣми спутниками. Съ того времени они стали меня просить, чтобы я написалъ имъ бумаги, дабы они могли носить ихъ надъ головами своими, и я говорилъ имъ: «Я научу васъ слову, которое вы будете носить въ сердцѣ вашемъ, и черезъ которое спасутся души ваши и тѣла ваши на вѣки». И всегда, когда я хотѣлъ ихъ учить, мой толмачъ былъ неспособенъ для этого. Однако я написалъ имъ: «Вѣрую во единаго Бога» и «Отче нашъ», говоря: «Здѣсь написано то, чему человѣкъ долженъ вѣрить о Богѣ, и молитва, въ которой просятъ у Бога о всемъ томъ, что необходимо для человѣка; поэтому твердо вѣруйте въ то, что здѣсь написано, хотя вы и не можете понять это, и просите у Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ для васъ то, что содержится въ написанной здѣсь молитвѣ, которой Онъ Самъ Собственными устами научилъ Своихъ друзей, и я надѣюсь, что Онъ спасетъ васъ». Другого я не могъ сдѣлать, такъ какъ произносить учительныя слова при посредствѣ подобнаго толмача было очень опасно, даже невозможно, потому что онъ самъ не зналъ ихъ.

ГЛАВА XXX.

О землѣ Наймановъ, о смерти Кенъ-хана, объ его женѣ и старшемъ сынѣ.

Послѣ этого мы въѣхали на ту равнину, на которой былъ дворъ Кенъ-хана. Эта земля прежде принадлежала Найманамъ, которые были собственно подданными Пресвитера Іоанна. Но тогда я не видалъ этого двора, а видѣлъ его при возвращеніи. Всетаки здѣсь я разскажу вамъ, что случилось съ родствомъ Кенъ-хана, его сыномъ и женами. По смерти Кенъ-хана, Батый пожелалъ, чтобы Мангу былъ ханомъ. О смерти же самого Кена я не могъ узнать ничего достовѣрнаго. Братъ Андрей говорилъ мнѣ, что Кенъ

умеръ отъ одного врачебнаго средства, даннаго ему, и подозрѣвалъ, что это средство приказалъ приготовить Батый. Однако я слышалъ другое. Именно Кенъ самъ позвалъ Батыя, чтобы тотъ пришелъ поклониться ему, и Батый пустился въ путь съ великою пышностью. Однако онъ самъ и его люди сильно опасались, и онъ послалъ впередъ своего брата, по имени Стикана, который, прибывъ къ Кену, долженъ былъ подать ему чашу за столомъ, но въ это время возникла ссора между ними, и они убили другъ друга. Вдова этого Стикана удержала насъ на одинъ день, прося войти въ ея домъ и благословить ее, то есть помолиться за нее. Итакъ, по смерти Кена, былъ по желанію Батыя избранъ Мангу, и онъ былъ уже избранъ, когда братъ Андрей былъ тамъ. У Кена былъ братъ, по имени Сиремонъ, который, по совѣту жены Кена и его вассаловъ, выступилъ съ большою пышностью по направленію къ Мангу, какъ бы собираясь поклониться ему. Однако на самомъ дѣлѣ онъ намѣревался убить его и уничтожить весь его дворъ. И, когда онъ былъ уже вблизи Мангу, на разстояніи одного или двухъ дневныхъ переходовъ, одна изъ повозокъ его сломалась и остановилась на дорогѣ, и, пока кучеръ трудился надъ ея починкой, прибылъ нечаянно одинъ изъ людей Мангу, который оказалъ ему помощь. И онъ столько разспрашивалъ объ ихъ пути, что упомянутый кучеръ открылъ ему то, что намѣревался сдѣлать Сиремонъ. Тогда человѣкъ Мангу, удаляясь и какъ бы не обративъ вниманія на сообщеніе, пошелъ къ табуну лошадей и взялъ наиболѣе сильную лошадь, какую только могъ выбрать. Скача ночь и день, онъ съ поспѣшностью прибылъ ко двору Мангу и сообщилъ ему то, что услышалъ. Тогда Мангу, созвавъ быстро всѣхъ своихъ людей, приказалъ окружить свой дворъ 4 кругами вооруженныхъ людей, чтобы никто не могъ войти. Остальныхъ онъ отправилъ противъ Сиремона; тѣ захватили его, не подозрѣвавшаго, что его планъ былъ открытъ, и привели ко двору со всѣми его людьми. Когда Мангу выставилъ ему упомянутое обвиненіе, онъ тотчасъ сознался. Тогда онъ былъ убитъ, а съ нимъ старшій сынъ Кенъ-хана и также триста изъ болѣе знатныхъ Татаръ. Послали также за госпожами, которыхъ бичевали раскаленными головнями, чтобы онѣ сознались. Послѣ сознанія ихъ умертвили. Малютка, сынъ Кена, который не только не могъ быть способенъ на заговоръ, но даже и знать о немъ, былъ оставленъ въ живыхъ, и ему предоставили дворъ отца со всѣми принадлежавшими къ нему животными и людьми. Мы проѣхали мимо этого двора при возвращеніи, и мои проводники не осмѣлились на пути туда или обратно пристать къ этому двору. «Ибо въ печали сидѣла владычица народовъ, и не было у нея утѣшителя». Затѣмъ мы снова поднялись на горы, направляясь все къ сѣверу.

ГЛАВА XXXI.

О пріѣздѣ нашемъ ко двору Мангу-хана.

Наконецъ, въ день блаженнаго Стефана мы въѣхали на равнину, обширную, какъ море, такъ что нигдѣ на ней не виднѣлось никакой горки, а на слѣдующій день, въ праздникъ святаго Евангелиста Іоанна, мы прибыли ко двору упомянутаго великаго государя. Когда же мы были еще на пять дней пути отъ него, тотъ ямъ, у котораго мы провели ночь, хотѣлъ было направить насъ по какой-то обходной дорогѣ, такъ что намъ надлежало бы страдать еще болѣе пятнадцати дней. И, какъ я узналъ, ему хотѣлось сдѣлать это для того, чтобы мы проѣхали черезъ Онанкеруле, то есть черезъ ихъ собственную землю, въ которой находится дворъ Хингисъ-хана; другіе говорили, что они хотѣли сдѣлать это для того, чтобы сдѣлать дорогу болѣе продолжительной и больше выказать свое могущество. Ибо такъ обычно поступаютъ они съ людьми, прибывающими изъ странъ, не подвластныхъ имъ. И нашъ проводникъ съ большимъ трудомъ добился того, чтобы мы ѣхали по прямой дорогѣ. По поводу этого событія насъ задержали отъ разсвѣта до третьяго часа дня. Во время также этого пути тотъ секретарь, котораго мы дожидались въ Кайлакѣ, сказалъ мнѣ, что въ грамотѣ Батыя, которую онъ посылалъ Мангу-хану, содержалось сообщеніе, будто вы искали войска и помощи отъ Сартаха противъ Сарациновъ. Тогда я выразилъ сильное удивленіе и пришелъ даже въ безпокойство, такъ какъ зналъ и содержаніе вашей грамоты, и то, что въ вашей грамотѣ не было объ этомъ никакого упоминанія, кромѣ того, что вы внушали ему быть другомъ всѣхъ христіанъ, воздвигнуть крестъ и быть недругомъ всѣхъ недруговъ креста; и еще, такъ какъ толмачами были Армяне изъ Великой Арменіи, сильно ненавидѣвшіе Сарациновъ, [я опасался], какъ бы они случайно не перевели, по своему усмотрѣнію, чего нибудь нарочно съ цѣлью вызвать ненависть и затрудненія противъ Сарациновъ. Поэтому я замолчалъ, не говоря ничего ни за, ни противъ, такъ какъ боялся противорѣчить словамъ Батыя, чтобы не попасть въ клеветники безъ должнаго основанія. Итакъ въ упомянутый выше день мы пріѣхали къ названному двору. Нашему проводнику былъ назначенъ большой домъ, а намъ троимъ маленькая хижинка, въ которой мы едва могли сложить наше имущество, сдѣлать постели и развести небольшой огонь. Многіе пришли повидать нашего проводника и принесли ему рисовое пиво въ длинныхъ бутылочкахъ, съ узкой шейкой. Я не могъ установить никакого различія этого напитка отъ самаго лучшаго Оксерскаго (antisiodorensi)

вина, за исключеніемъ того, что онъ не имѣлъ запаха вина. Насъ позвали и настоятельно спросили, по какому дѣлу мы пріѣхали. Я отвѣтилъ: «Мы слышали про Сартаха, что онъ христіанинъ; пріѣхали къ нему. Король Франковъ послалъ ему черезъ насъ запечатанное письмо; Сартахъ послалъ насъ къ своему отцу, отецъ его послалъ насъ сюда. Онъ самъ долженъ былъ бы написать причину, зачѣмъ». Они стали спрашивать, желаете-ли вы заключить съ ними миръ. Я отвѣтилъ: «Король послалъ грамоту Сартаху, какъ христіанину, и если бы онъ зналъ, что тотъ не христіанинъ, онъ никогда не послалъ бы ему грамоты. Что касается до заключенія мира, я утверждаю, что король не сдѣлалъ вамъ никакой обиды. Если бы онъ сдѣлалъ что-нибудь, почему вы должны были бы объявить войну ему или его народу, онъ самъ охотно, какъ человѣкъ справедливый, пожелалъ бы извиниться и просить мира. Если вы безъ причины захотите объявить войну ему или его народу, то мы надѣемся, что Богъ, Который справедливъ, поможетъ имъ». И они все удивлялись, повторяя: «Зачѣмъ вы пріѣхали, разъ вы не хотите заключить миръ?» Именно они въ великой гордости превознеслись уже до того, что думаютъ, будто вся вселенная желаетъ заключить миръ съ ними. И, конечно, если бы мнѣ позволили, я сталъ бы, на сколько у меня хватило бы силъ, во всемъ мірѣ проповѣдывать войну противъ нихъ. Я же не хотѣлъ открыто объяснять имъ причину моего прибытія, чтобы случайно не сказать чего нибудь лишняго вопреки тѣмъ словамъ, которыя поручилъ Батый. И потому всю причину моего прибытія я сводилъ къ тому, что онъ послалъ меня. На слѣдующій день насъ повели ко двору, и я полагалъ, что могу идти босикомъ, какъ въ нашихъ краяхъ, почему и снялъ сандаліи. Когда же они являются ко двору, они слѣзаютъ съ лошади далеко, именно на полетъ стрѣлы изъ лука, отъ того дома, въ которомъ находится самъ ханъ, и тамъ остаются лошади и служители, сторожащіе лошадей. Когда мы слѣзли тамъ, и нашъ проводникъ отправился къ дому хана, тамъ находился одинъ венгерскій служитель, который призналъ насъ, то есть нашъ орденъ. И когда люди стали окружать насъ, разглядывали насъ, какъ чудовищъ, въ особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги намъ надоѣли, такъ какъ они предполагали, что мы сейчасъ лишимся ихъ, то этотъ венгерецъ объяснилъ имъ причину этого, разсказавъ правила нашего ордена. Затѣмъ пришелъ повидать насъ великій секретарь, христіанинъ изъ несторіанъ, по совѣту котораго дѣлается почти все [при дворѣ]; онъ тщательно осмотрѣлъ насъ и позвалъ упомянутаго венгерца, у котораго много разспрашивалъ [про насъ]. Затѣмъ намъ было приказано вернуться въ свое помѣщеніе.

ГЛАВА XXXII.

О христіанской часовнѣ и о встрѣчѣ съ несторіанскимъ лжемонахомъ, по имени Сергіемъ.

Когда мы возвращались, я увидѣлъ далеко передъ концомъ двора въ восточномъ направленіи, примѣрно на разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ баллисты, домъ, надъ которымъ былъ крестикъ. Тогда, сильно обрадовавшись и предполагая, что тамъ находится что-нибудь христіанское, я вошелъ съ увѣренностью и нашелъ алтарь, убранный по истинѣ красиво. Именно по золотой матеріи были вышиты или настланы (brosdate sive bistrate) изображенія Спасителя, святой Дѣвы, Іоанна Крестителя и двухъ ангеловъ, причемъ очертанія тѣла и одеждъ были расшиты жемчугомъ. Здѣсь же находился большой серебряный крестъ съ драгоцѣнными камнями по угламъ и въ серединѣ и много другихъ церковныхъ украшеній (philateria), а также предъ алтаремъ горѣла лампада съ масломъ, имѣвшая восемь свѣтиленъ. Тамъ сидѣлъ одинъ армянскій монахъ, черноватый, худощавый, одѣтый въ очень жесткую власяничную тунику, спускавшуюся до средины ногъ; сверху на немъ былъ черный шелковый плащъ, подбитый мѣхомъ, а подъ власяницей онъ имѣлъ желѣзный поясъ. Какъ только мы вошли, то, еще не здороваясь съ монахомъ, простерлись ницъ и запѣли: «Радуйся, Царица небесная!» И тотъ, вставъ, молился съ нами. Затѣмъ, поздоровавшись съ нимъ, мы сѣли рядомъ съ нимъ; предъ нимъ на жаровнѣ было немного огня. Мы разсказали ему причину нашего прибытія, и онъ сталъ усиленно ободрять насъ, увѣщевая говорить смѣло, такъ какъ мы — посланцы Божіи, Который выше всякаго человѣка. Затѣмъ онъ разсказалъ намъ о своемъ прибытіи, говоря, что явился туда за мѣсяцъ ранѣе насъ, что онъ былъ пустынникомъ на землѣ Іерусалимской, и что Богъ три раза являлся ему, приказывая идти ко владыкѣ Татаръ; когда онъ откладывалъ свое отправленіе, Богъ въ третій разъ пригрозилъ ему, повергнувъ его ницъ на землю и сказавъ, что онъ умретъ, если не отправится. Монахъ этотъ, по его словамъ, сказалъ Мангу-хану, что, если тотъ пожелаетъ стать христіаниномъ, то весь міръ придетъ въ повиновеніе ему, и что ему будутъ повиноваться Франки и великій папа; при этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ сказать хану то же самое. Тогда я отвѣтилъ: «Братъ, я охотно буду внушать ему, чтобы онъ сталъ христіаниномъ, ибо я прибылъ ради того, чтобы всѣмъ это проповѣдовать. Я буду обѣщать ему также, что Франки и папа сильно обрадуются и будутъ считать его братомъ и другомъ. Но никогда я не буду обѣщать того, что они должны

стать его рабами и платить ему дань, какъ другіе народы, потому что я говорилъ бы это противъ своей совѣсти». Тогда онъ замолчалъ. Мы пошли въ свое помѣщеніе, которое я нашелъ холоднымъ, а мы еще и не ѣли ничего въ тотъ день. Мы сварили немного мяса, а также проса въ мясномъ супѣ для питья. Нашъ проводникъ и его товарищи пьянствовали при дворѣ. Къ намъ прилагалось мало заботы. Тамъ были тогда рядомъ съ нами послы Вастація, чего мы не знали. На разсвѣтѣ люди, принадлежавшіе ко двору, приказали намъ поспѣшно встать. Я босикомъ пошелъ съ ними по узкой тропинкѣ къ дому вышеупомянутыхъ пословъ, и придворные спросили у тѣхъ, знаютъ ли они насъ. Тогда греческій воинъ, признавъ орденъ и даже моего товарища, такъ какъ видѣлъ его при дворѣ Вастація съ нашимъ Провинціаломъ братомъ Ѳомою, далъ, вмѣстѣ со всѣми своими товарищами, о насъ превосходное свидѣтельство. Тогда они спросили, что у васъ съ Вастаціемъ война или миръ. Я отвѣчалъ: «Ни миръ, ни война». И они спросили, какимъ образомъ это можетъ быть. «Потому», отвѣчалъ я, «что ихъ земли удалены взаимно другъ отъ друга, и имъ нечего разбирать другъ съ другомъ». Тогда посолъ Вастація сказалъ, что между вами миръ; это замѣчаніе сдѣлало меня осторожнымъ, и я замолчалъ. Въ это утро у меня отмерзли концы пальцевъ ногъ, такъ что больше я не могъ ходить босикомъ. Холодъ въ тѣхъ странахъ бываетъ весьма рѣзокъ, и съ тѣхъ поръ, какъ начнутся морозы, они не прекращаются до мая, а бываютъ даже и въ этомъ мѣсяцѣ. Ибо всякое утро были заморозки, а днемъ отъ силы солнца таяло. Зимою же никогда не таетъ, но морозы продолжаются при всякомъ вѣтрѣ. И если бы вѣтеръ тамъ дулъ зимою такъ же, какъ у насъ, то тамъ не могло бы быть никакой жизни; но воздухъ остается тихимъ до апрѣля, когда поднимаются вѣтры. И тогда, когда мы тамъ были, холодъ, поднявшійся съ вѣтромъ, убилъ около времени Пасхи безчисленное количество животныхъ. Зимой тамъ выпало немного снѣгу, а около Пасхи, приходившейся на конецъ апрѣля, выпало такое количество его, что всѣ улицы Каракарума были полны имъ, и его надлежало вывозить на повозкахъ. Тогда намъ впервые принесли отъ двора овчинныя шубы и штаны изъ того же матеріала, а также сандаліи; мой товарищъ и толмачъ взяли это. А я думалъ, что не нуждаюсь въ этомъ одѣяніи, такъ какъ мнѣ казалось, что мнѣ хватитъ шубы, которую я получилъ отъ Батыя.

Затѣмъ, спустя недѣлю послѣ дня избіенія Невинныхъ младенцевъ, насъ повели ко двору, и пришли священники-несторіане, о которыхъ я не зналъ, что они христіане; они стали спрашивать насъ, въ какую сторону мы оборачиваемся для молитвы. Я отвѣчалъ: «Къ востоку». Они

спрашивали объ этомъ потому, что мы, по совѣту нашего проводника, выбрили себѣ бороды, чтобы предстать предъ лицо хана согласно съ обычаемъ нашей родины. Поэтому они думали, что мы—Тунны, то есть идолопоклонники. Они заставили насъ также разъяснить мѣста изъ Библіи. Затѣмъ они спросили насъ, какой почетъ хотимъ мы оказать хану, по нашему или по ихъ обычаю. Я отвѣтилъ имъ: «Мы священники, поставленные на служеніе Богу. Знатные господа не допускаютъ въ нашихъ странахъ, чтобы священники предъ лицомъ ихъ преклоняли колѣна иначе, какъ ради почитанія Бога. Однако для Бога мы готовы унизить себя предъ всякимъ человѣкомъ. Мы являемся издалека; прежде всего, если вамъ угодно, мы воспоемъ хвалу Богу, Который послѣ столь дальняго пути привелъ насъ сюда невредимыми, а затѣмъ мы сдѣлаемъ такъ, какъ угодно будетъ вашему господину, за исключеніемъ того, что намъ нельзя приказать что нибудь такое, что было бы вопреки поклоненію Богу и почитанію Его». Тогда, войдя въ домъ, они пересказали мои слова государю, и ему это понравилось; насъ поставили предъ дверью дома, поднявъ войлокъ, висѣвшій предъ дверью, и, такъ какъ это было на Святкахъ, мы начали пѣть: «Отъ края востока солнечнаго и до предѣловъ земли мы воспоемъ владыку Христа, родившагося отъ дѣвы Маріи».

ГЛАВА XXXIII.

Описаніе сдѣланнаго намъ пріема.

Когда мы пропѣли этотъ гимнъ, они обшарили у насъ ноги, грудь и руки съ цѣлью узнать, нѣтъ ли при насъ ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи, подъ охраной одного придворнаго, бывшій на немъ ремень съ ножомъ. Затѣмъ мы вошли; при входѣ была скамья съ кумысомъ, возлѣ которой они приказали стать толмачу. Насъ же заставили сѣсть на скамью предъ госпожами. Домъ весь былъ покрытъ внутри золотымъ сукномъ, и на маленькомъ жертвенникѣ въ серединѣ дома, горѣлъ огонь изъ терновника и корней полыни, которая вырастаетъ тамъ очень большой, а также изъ бычачьяго навоза. Самъ ханъ сидѣлъ на ложѣ, одѣтый въ пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Это былъ человѣкъ курносый, средняго роста, въ возрастѣ сорока пяти лѣтъ; рядомъ съ нимъ сидѣла его молоденькая жена; а взрослая дочь его, по имени Цирина, очень безобразная, сидѣла съ другими малыми дѣтьми на ложѣ сзади нихъ. Этотъ домъ принадлежалъ раньше христіанской госпожѣ, которую ханъ очень любилъ, и отъ которой родилась у него вышеупомянутая дочь. И сверхъ того онъ взялъ себѣ молоденькую жену, но все же

дочь оставалась госпожей всего двора, принадлежавшаго ея матери. Затѣмъ онъ приказалъ спросить у насъ, чего мы желаемъ выпить, вина или террацины, то есть рисоваго пива, или каракосмосу, то есть свѣтлаго кобыльяго молока, или балъ, то есть напитка изъ меда (medonem ex melle). Эти четыре напитка они употребляютъ зимой. Тогда я отвѣтилъ: «Государь, мы не принадлежимъ къ людямъ, ищущимъ удовольствія въ питьѣ; для насъ вполнѣ достаточно исполнить только вашу волю». Тогда онъ приказалъ подать намъ свѣтлаго рисоваго напитка, вкуснаго, какъ бѣлое вино, отъ котораго, изъ уваженія къ хану, я отвѣдалъ немножечко. На нашу бѣду нашъ толмачъ стоялъ рядомъ съ ключниками, которые дали ему много пить, и онъ тотчасъ опьянѣлъ. Затѣмъ ханъ приказалъ принести соколовъ и другихъ птицъ, которыхъ бралъ себѣ на руку и разсматривалъ, и спустя много времени онъ приказалъ намъ говорить. Тогда намъ надлежало преклонить колѣна. У него былъ толмачемъ одинъ Несторіанинъ, про котораго я не зналъ, что онъ христіанинъ, а у насъ былъ нашъ таковскій переводчикъ, который къ тому же былъ уже пьянъ. Тогда я сказалъ: «Мы прежде всего воздаемъ благодарность и хвалу Богу, Который привелъ насъ изъ столь отдаленныхъ странъ, чтобы видѣть Мангу-хана, которому Богъ далъ столько власти на землѣ. И мы молимъ Христа, по власти Котораго мы всѣ живемъ и умираемъ, чтобы Онъ даровалъ ему хорошую и долгую жизнь». Ибо они хотятъ того, чтобы молились за жизнь ихъ. Затѣмъ я разсказалъ ему: «Государь, мы слышали про Сартаха, что онъ—христіанинъ, и христіане, слышавшіе это, обрадовались, а въ особенности господинъ король Франковъ. Поэтому мы отправились къ Сартаху, и господинъ король послалъ ему черезъ насъ грамоту, содержавшую мирныя слова, и среди другихъ словъ онъ свидѣтельствовалъ ему и о насъ, что мы за люди, и просилъ его позволить намъ побыть въ землѣ его. Ибо наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы учить людей жить согласно съ закономъ Божіимъ. Сартахъ же послалъ насъ къ отцу своему Батыю. Батый же послалъ насъ сюда къ вамъ. Вы тотъ, кому Богъ далъ великое владычество на землѣ. Поэтому просимъ ваше могущество даровать намъ возможность оставаться въ землѣ вашей для совершенія служенія Богу за васъ, женъ и дѣтей вашихъ. У насъ нѣтъ золота, серебра или драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые мы могли бы предложить вамъ; мы можемъ предложить только себя самихъ для служенія Богу и молитвы Богу за васъ. По крайней мѣрѣ дайте намъ возможность остаться, пока не пройдетъ этотъ холодъ. Ибо товарищъ мой такъ слабъ, что никоимъ образомъ не можетъ перенести трудъ верховой ѣзды безъ опасности для жизни». Именно, товарищъ мой самъ разсказалъ мнѣ про свою немощь и заклиналъ меня, чтобы я попросилъ

позволенія остаться. Ибо мы навѣрное предполагали, что намъ надлежитъ вернуться къ Батыю, если Мангу по особой милости не дастъ намъ позволенія остаться. Затѣмъ началъ отвѣчать ханъ: «Какъ солнце распространяетъ повсюду лучи свои, такъ повсюду распространяется владычество мое и Батыя. Отсюда мы не нуждаемся въ вашемъ золотѣ или серебрѣ». До сихъ поръ я хорошо понималъ моего толмача, но дальше не могъ уловить ни одной цѣльной фразы, изъ чего я навѣрное узналъ, что онъ былъ пьянъ. Да и самъ Мангу-ханъ, какъ мнѣ казалось, былъ въ состояніи опьянѣнія. Всетаки онъ, какъ мнѣ показалось, окончилъ свои слова тѣмъ, что ему не нравилось, что мы прибыли къ Сартаху раньше, чѣмъ къ нему. Тогда я, видя непригодность толмача, замолчалъ, попросивъ только хана не принимать въ дурную сторону того, что я сказалъ о золотѣ и серебрѣ, такъ какъ я не говорилъ того, что онъ нуждается въ подобныхъ вещахъ или желаетъ ихъ, а хотѣлъ сказать, что мы охотно желали бы почтить его мірскими и духовными благами.

Затѣмъ онъ приказалъ намъ встать и снова сѣсть, а спустя немного, послѣ привѣтствія ему, мы вышли и съ нами его секретари и тотъ его толмачъ, который роститъ одну изъ его дочерей. Они начали много разспрашивать насъ про французское королевство, водится ли тамъ много барановъ, быковъ и лошадей, какъ будто они должны были сейчасъ вступить туда и все захватить. И много разъ и въ другое время мнѣ приходилось дѣлать большое усиліе, чтобы скрыть свое негодованіе и гнѣвъ. И я отвѣтилъ: «Тамъ много хорошаго, что вы увидите, если вамъ доведется отправиться туда». Затѣмъ они приставили къ намъ одно лицо, которое должно было заботиться о насъ, и мы отправились къ монаху. И, когда мы выходили оттуда, собираясь идти въ свое помѣщеніе, вышеназванный толмачъ пришелъ къ намъ и сказалъ: «Мангу-ханъ жалѣетъ васъ и даетъ вамъ сроку пробыть здѣсь два мѣсяца; тогда пройдетъ сильный холодъ. И онъ поручаетъ передать вамъ, что здѣсь вблизи, въ десяти дняхъ пути, есть хорошій городъ, по имени Каракарумъ. Если вы желаете отправиться туда, онъ самъ прикажетъ доставить вамъ необходимое; если же вы желаете остаться здѣсь, вы можете это, и получите необходимое. Однако вамъ трудно будетъ ѣздить вмѣстѣ со дворомъ». И я отвѣтилъ: «Господь да хранитъ Мангу-хана и да пошлетъ ему хорошую и долгую жизнь! Мы нашли здѣсь такого монаха, о которомъ думаемъ, что онъ человѣкъ святой и что онъ прибылъ въ эти страны по волѣ Божіей. Поэтому, такъ какъ и мы монахи, мы охотно пребывали бы вмѣстѣ съ нимъ и произносили бы вмѣстѣ наши молитвы о сохраненіи жизни хана». Тогда онъ молча удалился. И мы пошли къ своему большому

дому. который нашли холоднымъ и безъ топлива; мы все еще были натощакъ. а наступила уже ночь. Тогда тотъ. кому мы были препоручены, позаботился доставить намъ топлива и небольшое количество пищи. Нашъ проводникъ вернулся къ Батыю, но предварительно потребовалъ у насъ дорожку (carpitam) или коверъ, который мы оставили по его распоряженію при дворѣ Батыя. Мы согласились. и онъ удалился съ миромъ, попросивъ у насъ пожать правую руку и высказавъ, что былъ виноватъ предъ нами. Именно онъ допускалъ, чтобы мы терпѣли на пути голодъ и жажду. Мы простили его, при чемъ равнымъ образомъ попросили извиненія у него и у всего его семейства на тотъ случай, если показали имъ какой нибудь дурной примѣръ.

ГЛАВА XXXIV.

Объ одной Лотарингской женщинѣ и объ одномъ Парижанинѣ, золотыхъ дѣлъ мастерѣ, которыхъ мы нашли въ той странѣ.

Насъ нашла одна женщина изъ Метца въ Лотарингіи, по имени Пакетта (Pascha), взятая въ плѣнъ въ Венгріи. Она устроила намъ, какъ умѣла, хорошее угощеніе. Пакетта принадлежала ко двору той госпожи, которая была христіанкой, и о которой я сказалъ выше. Эта женщина разсказала намъ про неслыханныя лишенія, которыя вынесла раньше, чѣмъ попасть ко двору. Но теперь она жила вполнѣ хорошо. У ней былъ молодой мужъ, русскій, отъ котораго у нея было трое маленькихъ мальчиковъ очень красивыхъ. Мужъ ея умѣлъ строить дома, что считается у нихъ выгоднымъ занятіемъ. Сверхъ того она разсказала намъ, что въ Каракарумѣ живетъ золотыхъ дѣлъ мастеръ родомъ изъ Парижа, по имени Вильгельмъ. Фамилія его Бушье, а имя отца его Лоранъ Бушье. И она еще думаетъ, что на Большомъ Мосту у него есть братъ, по имени Роже Бушье. Говорила она мнѣ также, что у этого Вильгельма живетъ одинъ юноша, котораго онъ выростилъ и считаетъ за сына, и этотъ послѣдній слыветъ отличнымъ переводчикомъ. Но Мангу-ханъ далъ названному мастеру триста яскотовъ, то есть три тысячи марокъ, и пятьдесятъ работниковъ для созданія какого-то произведенія. И потому эта женщина боялась, что Вильгельмъ не можетъ прислать ко мнѣ своего сына. А она сама слышала, что говорили ей при дворѣ: «Прибывшіе изъ твоей земли — люди хорошіе, и Мангу-ханъ охотно поговорилъ бы съ ними, но переводчикъ ихъ ничего не стоитъ». Поэтому она заботилась о переводчикѣ. Тогда я написалъ упомянутому мастеру о своемъ прибытіи, прося его, если возможно, прислать мнѣ своего сына; тотъ написалъ въ отвѣтъ, что въ те-

кущемъ мѣсяцѣ онъ этого не можетъ, а въ слѣдующемъ завершитъ свою работу и тогда пришлетъ ко мнѣ сына.

Мы жили тамъ вмѣстѣ съ другими послами, да и вообще съ послами при дворѣ Батыя поступаютъ иначе, чѣмъ при дворѣ Мангу. Именно при дворѣ Батыя есть одинъ Ямъ на западной сторонѣ, который принимаетъ всѣхъ прибывающихъ съ запада, также обстоитъ и касательно другихъ странъ міра. А при дворѣ Мангу всѣ вмѣстѣ находятся подъ властью одного Яма и могутъ посѣщать другъ друга и видѣться. При дворѣ Батыя они не знакомы другъ съ другомъ, и одинъ не знаетъ про другого, посолъ ли онъ, такъ какъ они не знаютъ помѣщеній другъ друга и видятся только при дворѣ. И, когда зовутъ одного, другого, можетъ быть, и не зовутъ, ибо они ходятъ ко двору только по зову. Мы нашли тамъ одного христіанина изъ Дамаска, который говорилъ, что онъ прибылъ отъ султана Монъ-Реальскаго и Кракскаго, который хотѣлъ стать данникомъ и другомъ Татаръ.

ГЛАВА XXXV.

О Θеодулѣ, причетникѣ изъ Акры, и о другихъ.

Также за годъ до моего пріѣзда туда тамъ былъ одинъ причетникъ изъ Акры, называвшій себя Раймундомъ, а на самомъ дѣлѣ имя его было Θеодулъ. Онъ началъ путешествіе изъ Кипра съ братомъ Андреемъ и ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ вплоть до Персіи, досталъ себѣ тамъ въ Персіи изъ Амморика какіе то инструменты и остался послѣ отъѣзда брата Андрея. Когда братъ Андрей вернулся, онъ двинулся далѣе со своими инструментами и прибылъ къ Мангу-хану. На вопросъ хана, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, Θеодулъ сказалъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ однимъ святымъ епископомъ, которому Богъ послалъ грамоту съ неба, написанную золотыми буквами, и поручилъ, чтобы тотъ послалъ ее владыкѣ Татаръ, такъ какъ онъ долженъ быть владыкой вселенной, и чтобы епископъ убѣждалъ людей заключить миръ съ ханомъ. Тогда Мангу сказалъ: «Если бы ты принесъ грамоту, пришедшую съ неба, и грамоту твоего господина, тогда ты былъ бы желаннымъ гостемъ». Тогда тотъ отвѣтилъ, что онъ несъ грамоту, но она находилась вмѣстѣ съ другими его вещами на неукротимомъ скакунѣ, который, вырвавшись, убѣжалъ въ лѣса и горы, такъ что все потерялъ. И вполнѣ правильно, что подобные случаи происходятъ часто. Отсюда каждому надлежитъ очень тщательно держать свою лошадь, когда онъ слѣзаетъ съ нея по необходимости. Тогда Мангу спросилъ объ имени епископа. Тотъ отвѣтилъ, что его зовутъ Отономъ. Затѣмъ Θеодулъ сталъ говорить

ему о Дамаскѣ и о мастерѣ Вильгельмѣ, что онъ былъ причетникомъ господина легата. Затѣмъ самъ ханъ спросилъ, къ какому королевству онъ принадлежитъ. Тотъ отвѣтилъ ему, что онъ состоитъ подъ властью одного короля Франковъ, по имени король Молесъ. Ибо онъ уже слышалъ о томъ, что случилось при Мансурѣ, и хотѣлъ сказать, что принадлежитъ къ вашимъ подданнымъ. Сверхъ того онъ говорилъ хану, что между Франками и нимъ находятся Саррацины, которые преграждаютъ путь, а будь дорога открыта, Франки отправили бы пословъ къ нему и охотно заключили бы миръ съ нимъ. Тогда Мангу-ханъ спросилъ, желаетъ ли онъ провести пословъ къ упомянутому королю и епископу. Тотъ выразилъ свое согласіе провести ихъ даже къ папѣ. Тогда Мангу приказалъ изготовить самый тугой лукъ, который едва могли натянуть два человѣка, и двѣ стрѣлы (bousiones), головки которыхъ были серебряныя и полныя отверстій, такъ что, когда ихъ пускали, онѣ свистѣли, какъ флейты. А тому Моалу, котораго онъ собирался послать съ упомянутымъ Ѳеодуломъ, онъ внушилъ: «Ты отправишься къ тому королю Франковъ, къ которому этотъ человѣкъ проведетъ тебя, и поднесешь ему это отъ меня. И, если онъ пожелаетъ имѣть миръ съ нами, мы и покоримъ землю Саррациновъ вплоть до его владѣній, и уступимъ ему остальную часть земли вплоть до Запада. Въ случаѣ же отказа верни намъ лукъ и стрѣлы, и скажи ему, что изъ подобныхъ луковъ мы стрѣляемъ далеко и поражаемъ сильно». Затѣмъ онъ приказалъ выйти Ѳеодулу, переводчикомъ котораго былъ сынъ мастера Вильгельма, и въ присутствіи этого молодого человѣка сказалъ Моалу: «Ты отправишься съ этимъ человѣкомъ; хорошенько развѣдай дорогу и страну, города, крѣпости и ихъ оружіе». Тогда этотъ юноша сталъ бранить Ѳеодула, говоря, что онъ поступаетъ плохо, ведя съ собою Татарскихъ пословъ, которые идутъ только съ цѣлью развѣдокъ. Тогда тотъ отвѣтилъ, что повезетъ ихъ моремъ, такъ что они не будутъ знать, ни откуда они прибыли, ни куда имъ вернуться. Мангу далъ также Моалу свою буллу, то есть золотую дощечку, шириною въ ладонь и длиною въ полъ-локтя, на которой пишется его приказъ. Кто ее имѣетъ въ рукахъ, тотъ можетъ приказывать, что хочетъ, и это дѣлается безъ замедленія. Такимъ образомъ Ѳеодулъ добрался до Вастація, желая переправиться къ папѣ и обмануть папу такъ же, какъ онъ обманулъ Мангу-хана. Тогда Вастацій спросилъ у него, имѣетъ ли онъ папскую грамоту на то, что онъ посолъ и что долженъ сопровождать пословъ Татаръ. Такъ какъ тотъ не могъ показать грамоту, Вастацій взялъ его въ плѣнъ, лишилъ его всего того, что онъ пріобрѣлъ, и бросилъ въ темницу. Что же касается Моала, то съ нимъ приключился тамъ недугъ, и онъ умеръ

тамъ. Вастацій же отослалъ золотую буллу къ Мангу-хану черезъ служителей этого Моала, съ которыми я встрѣтился въ Аарзерумѣ на окраинѣ Турціи, и которые разсказали мнѣ случившееся съ этимъ Ѳеодуломъ. Подобные обманщики рыщутъ по свѣту, и Моалы убиваютъ ихъ, когда могутъ поймать.

Но наступалъ день Богоявленія, и армянскій монахъ, по имени Сергій, говорилъ мнѣ, что окреститъ Мангу-хана въ этотъ праздничный день. Я просилъ его всячески постараться, чтобы и я былъ тутъ же и могъ дать свидѣтельство воочію. Онъ обѣщалъ.

ГЛАВА XXXVI.

О праздникѣ, данномъ Мангу-ханомъ. О томъ, что главная его жена и старшій сынъ были при богослуженіи несторіанъ.

Насталъ праздничный день, монахъ меня не позвалъ; а въ шестомъ часу меня позвали ко двору, и я увидѣлъ, что монахъ со священниками возвращался отъ двора съ своимъ крестомъ, а священники съ кадилами и евангеліемъ. Именно въ этотъ день Мангу-ханъ устроилъ пиршество, и у него существуетъ такой обычай, что въ тѣ дни, которые его прорицатели называютъ ему праздничными, или какіе нибудь священники-несторіане—священными, онъ устраиваетъ при дворѣ торжественное собраніе, и въ такіе дни прежде всего приходятъ въ своемъ облаченіи христіанскіе священники, молятся за него и благословляютъ его чашу. Когда уходятъ они, являются Саррацинскіе священники и поступаютъ также. Послѣ нихъ приходятъ жрецы идоловъ, поступая также. И монахъ говорилъ мнѣ, что ханъ вѣритъ однимъ только христіанамъ, но хочетъ, чтобы всѣ молились за него. Но онъ лгалъ, потому что, какъ вы впослѣдствіи узнаете, ханъ не вѣритъ никому, хотя всѣ слѣдуютъ за его дворомъ, какъ мухи за медомъ, и онъ всѣмъ даритъ, всѣ считаютъ себя его любимцами, и всѣ предвѣщаютъ ему благополучіе. Тогда мы сѣли предъ его дворомъ на большомъ разстояніи, и намъ принесли для ѣды мяса. Я отвѣтилъ имъ, что мы тамъ не будемъ ѣсть, но если они хотятъ позаботиться о пищѣ для насъ, то пусть позаботятся о насъ въ нашемъ домѣ. Тогда они сказали: «Такъ и ступайте къ себѣ домой, потому что васъ и позвали только для того, чтобы ѣсть». Итакъ мы вернулись съ монахомъ, который краснѣлъ отъ сказанной мнѣ лжи, и потому я не хотѣлъ заводить съ нимъ разговоръ по этому поводу. Однако нѣкоторые несторіане хотѣли увѣрить меня, что ханъ окрещенъ. Я говорилъ имъ, что никогда не повѣрю и не скажу другимъ, разъ не увижу этого. И такъ мы пришли къ своему дому хо-

лодному и пустому. Они позаботились для насъ о постеляхъ и одѣялахъ. Приносили они намъ также нужное для разведенія огня, давали въ пищу мясо отъ небольшого и тощаго барана, для насъ троихъ на шесть дней, и ежедневно блюдо, полное пшена (de mellis), а также кварту въ день просоваго пива и одолжили намъ для сваренія мяса котелъ и треножникъ; сваривъ мясо, мы варили просо въ мясной похлебкѣ. Это была наша пища, и ея вполнѣ хватало бы намъ, если бы они давали съѣдать ее въ мирѣ. Но тамъ великое множество голодныхъ, о пищѣ для которыхъ не заботятся, и, какъ только они видѣли, что мы приготовляемъ пищу, они бросались на насъ, такъ что приходилось давать имъ ѣсть съ нами. Тамъ я испыталъ, какое мученіе составляетъ дарить при бѣдности.

Затѣмъ холодъ началъ усиливаться, и Мангу-ханъ прислалъ намъ три шубы изъ шкуръ папіоновъ (papiones), мѣхъ которыхъ они поворачиваютъ наружу; мы ихъ приняли съ изъявленіемъ благодарности. Они спросили также, въ какомъ количествѣ имѣется у насъ необходимая пища. Я сказалъ имъ, что намъ достаточно умѣреннаго количества пищи, но у насъ нѣтъ дома, гдѣ бы мы могли молиться за Мангу-хана. Ибо наша хижина была такъ мала, что мы не могли ни стоять въ ней прямо, ни открывать книги, какъ только разводили огонь. Тогда они довели эти слова до хана, и онъ послалъ къ монаху узнать, желаетъ ли онъ нашего товарищества; тотъ съ радостью отвѣтилъ утвердительно. Съ тѣхъ поръ намъ доставили лучшее помѣщеніе, и мы поселились съ монахомъ предъ дворомъ, гдѣ не жило никого, кромѣ насъ и ихъ прорицателей, но тѣ жили ближе и предъ дворомъ старшей госпожи, а мы помѣщались на краю въ восточномъ направленіи предъ дворомъ послѣдней госпожи. Это было наканунѣ недѣльнаго дня послѣ Богоявленія. На слѣдующій день, то есть въ недѣльный день по Богоявленіи, всѣ священники-несторіане собрались до разсвѣта въ часовнѣ, ударили въ доску, торжественно пропѣли утреню, одѣлись въ свои облаченія и приготовили курильницу и благовоніе. И въ то время какъ они ожидали на церковной паперти (area), первая супруга, по имени Котота Катенъ (Катенъ значитъ госпожа, а Котота—имя собственное), вошла въ часовню съ очень многими другими госпожами, со своимъ перворождннымъ сыномъ, по имени Балту, и другими своими малютками, и они распростерлись на землю, касаясь ея лбомъ по обычаю несторіанъ, а послѣ этого дотронулись правой рукой до всѣхъ образовъ, постоянно цѣлуя руку послѣ прикосновенія; послѣ этого они подали руки всѣмъ стоящимъ кругомъ въ церкви. Это — обычай несторіанъ, входящихъ въ церковь. Затѣмъ священники пропѣли многое, давая ладанъ госпожѣ въ ея руку, и она полагала его на огонь, а затѣмъ они кадили предъ

госпожей. Послѣ этого, когда былъ уже ясный день, она стала снимать у себя съ головы украшеніе, именуемое бокка, и я увидѣлъ, что голова ее плѣшива. Тогда она сама приказала, чтобы мы ушли, и, уходя, я увидѣлъ, какъ ей принесли серебряный тазъ. Я не знаю, крестили они ее или нѣтъ, но знаю, что они не совершаютъ обѣдни въ палаткѣ, а въ постоянной церкви. И на Пасхѣ я видѣлъ, какъ они крестили и съ большою торжественностью освящали купели, чего они тогда не дѣлали. И, пока входили мы къ себѣ въ домъ, явился самъ Мангу-ханъ и вошелъ въ церковь или часовню; ему принесли золоченое ложе, на которомъ онъ сѣлъ рядомъ съ госпожею противъ алтаря. Затѣмъ позвали насъ, не знавшихъ, что пришелъ Мангу, и привратники обшарили насъ, ища, нѣтъ ли при насъ ножей. Войдя въ часовню, я имѣлъ на груди Библію и служебникъ. Я сперва преклонился предъ алтаремъ, а затѣмъ предъ ханомъ, и пройдя мимо его, мы стали между монахомъ и алтаремъ. Затѣмъ они приказали намъ пропѣть псаломъ по нашему обычаю и пѣть вообще. Мы имъ пропѣли слѣдующую прозу: «Гряди, о Святый Духъ». А ханъ приказалъ принести наши книги, Библію и служебникъ, и внимательно разспросилъ про картинки, что онѣ обозначаютъ. Несторіане отвѣтили ему, что хотѣли, такъ какъ нашъ толмачъ не входилъ съ нами. Также, когда я первый разъ былъ у хана, у меня на груди была Библія, которую онъ приказалъ принести къ себѣ и долго ее разсматривалъ. Затѣмъ онъ удалился, а госпожа осталась тамъ и раздала всѣмъ христіанамъ, тамъ бывшимъ, подарки, монаху она дала одинъ яскотъ, а архидьякону священниковъ другой. Передъ нами она приказала положить *насикъ*, то есть сукно, широкое, какъ покрывало для постели, и очень длинное, и буккаранъ. Такъ какъ я не пожелалъ взять ихъ, то они послали толмачу, и тотъ удержалъ ихъ за собою. Насикъ онъ довезъ до Кипра и продалъ его за восемьдесятъ Кипрскихъ золотыхъ (besanciis), но въ дорогѣ онъ очень испортился. Затѣмъ принесли питье, а именно рисовое пиво, красное вино, напоминающее собою вино изъ Рошелля, и кумысъ. Тогда госпожа, держа въ рукѣ полную чашу и преклонивъ колѣна, просила благословенія, всѣ священники пѣли громкимъ голосомъ, и она выпивала всю чашу. Даже и мнѣ, и моему товарищу пришлось пѣть, когда она пожелала пить въ другой разъ. Когда почти всѣ были пьяны, то принесли пищу, именно баранье мясо, которое тотчасъ было съѣдено, а послѣ этого, безъ соли и безъ хлѣба, большихъ рыбъ, по имени карповъ, отъ которыхъ вкусилъ и я. Такъ провели они день до вечера. И, когда опьянѣла уже сама госпожа, она сѣла на повозку при пѣніи и завываніи священниковъ и поѣхала своей дорогой. На слѣдующее воскресенье при чтеніи: «Бракъ

былъ въ Каинѣ, явилась дочь хана, мать которой была христіанка, и поступила также, однако не со столь большой торжественностью, именно она не давала подарковъ, а дала жрецамъ пить до опьянѣнія и ѣсть вареное пшено.

ГЛАВА XXXVII.

О постѣ Несторіанъ. О томъ, какъ мы ходили во дворецъ Мангухана, и о весьма многихъ другихъ посѣщеніяхъ.

Предъ воскресеньемъ семидесятницы несторіане постятся три дня, называемые ими Іонинымъ постомъ, который тотъ проповѣдовалъ Ниневитянамъ, а армяне постятся тогда пять дней, называя это постомъ святаго Серкиса, который считается у нихъ наибольшимъ святымъ и про котораго греки говорятъ, что онъ былъ канонъ. Несторіане начинаютъ постъ во вторникъ и оканчиваютъ его въ четвергъ, такъ что въ пятницу ѣдятъ мясо. И я видѣлъ тогда, какъ канцлеръ, то есть старшій секретарь двора, по имени Булгай, предоставилъ имъ тогда мясное продовольствіе въ пятницу, и они благословили это мясо съ большою торжественностью, какъ благословляютъ пасхальнаго агнца. Однако самъ Булгай не ѣлъ мяса [въ пятницу], поступая такъ по наставленію мастера Вильгельма парижскаго, его большого друга. Монахъ самъ препоручилъ Мангу поститься эту недѣлю, что тотъ и исполнилъ, какъ я слышалъ. Итакъ въ субботу семидесятницы, когда бываетъ, такъ сказать, армянская пасха, мы пошли въ процессіи къ дому Мангу; и монаха, и обоихъ насъ предварительно обшарили, ища, нѣтъ ли у насъ ножей, затѣмъ мы вошли со священниками предъ лицо хана. И, когда мы входили, изъ дома вышелъ служитель, вынося кости бараньихъ лопатокъ, сожженныя до черноты угольевъ; по этому поводу я очень изумился, что это значитъ. Спросивъ объ этомъ впослѣдствіи, я узналъ, что ханъ не дѣлаетъ ничего въ цѣломъ мірѣ безъ того, чтобы предварительно не поискать совѣта въ этихъ костяхъ; поэтому онъ не позволяетъ человѣку входить къ себѣ въ домъ раньше, чѣмъ посовѣтуется съ этой костью. Этотъ способъ гаданія происходитъ такъ: когда ханъ хочетъ что-нибудь предпринять, онъ приказываетъ принести себѣ три упомянутыя кости, еще не сожженныя, и, держа ихъ, размышляетъ о томъ предпріятіи, о которомъ хочетъ искать совѣта, приступать къ нему или нѣтъ, а затѣмъ передаетъ служителю кости для сожженія. И возлѣ того дома, гдѣ онъ пребываетъ, существуютъ два маленькіе домика, въ которыхъ сожигаются эти кости, и ихъ тщательно отыскиваютъ ежедневно по всему становищу. Итакъ, когда ихъ сожгутъ до черноты, ихъ приносятъ ему обратно, и тогда онъ разсматриваетъ, раскололись ли кости отъ жара огня прямо вдоль.

Тогда для того, что онъ долженъ сдѣлать, дорога открыта. Если же кости треснутъ поперекъ, или выскочатъ изъ нихъ круглые кусочки, тогда онъ этого не дѣлаетъ. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ея поверхности, всегда трескается на огнѣ. И, если изъ трехъ костей одна трескается надлежаще, онъ предпринимаетъ дѣло. Итакъ, когда мы вошли предъ его лицо, предупрежденные ранѣе, чтобы не касаться порога, священники-несторіане поднесли ему ладону; онъ самъ положилъ его въ курильницу, и они кадили предъ нимъ. Затѣмъ они пропѣли, благословляя его напитокъ, и послѣ нихъ монахъ произнесъ свое благословеніе, а въ концѣ и намъ надлежало сказать наше. И, когда онъ увидѣлъ, что мы держимъ у груди Библію, онъ приказалъ принести ее себѣ посмотрѣть, и разглядывалъ ее очень тщательно. Затѣмъ, когда онъ выпилъ, причемъ старѣйшій священникъ поднесъ ему чашу, они дали пить священникамъ. Послѣ этого мы вышли, и мой товарищъ остался сзади; и, когда мы были снаружи, онъ, готовясь выйти сзади насъ, повернулся лицомъ къ хану, кланяясь ему, а затѣмъ, слѣдуя за нами, споткнулся о порогъ дома. Въ то время какъ мы шли впереди, направляясь съ поспѣшностью къ дому сына хана, Балту, наблюдавшіе за порогомъ наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не слѣдовать за нами. Затѣмъ они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища къ Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновныхъ на смерть. А я не зналъ этого. Однако, оглянувшись и не видя его идущимъ, я подумалъ, что они удержали его, чтобы дать ему болѣе легкое платье. Ибо онъ былъ слабъ и такъ отягощенъ шубами, что едва могъ ходить. Затѣмъ они позвали нашего толмача и приказали ему сѣсть вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ. Мы же пошли къ дому первороднаго сына хана. Этотъ сынъ имѣетъ уже двухъ женъ и помѣщается направо отъ двора своего отца. Увидѣвъ, что мы идемъ, онъ тотчасъ вскочилъ съ ложа, на которомъ сидѣлъ, распростерся на землю, ударяясь о нее лбомъ и преклоняясь предъ крестомъ. Вставъ, онъ приказалъ положить крестъ съ большимъ почетомъ на новое сукно на возвышенномъ мѣстѣ рядомъ съ собою. У сына хана есть наставникъ, одинъ несторіанскій священникъ, по имени Давидъ, сильный пьяница, который учитъ его. Затѣмъ Балту приказалъ намъ сѣсть и дать священникамъ пить. И самъ онъ также выпилъ, получивъ отъ нихъ благословеніе. Затѣмъ мы пошли ко двору второй госпожи, по имени Кота, которая поклонялась идоламъ; ее мы застали лежащей въ постели и больной. Тогда монахъ приказалъ ей встать съ постели и поклониться кресту съ колѣнопреклоненіемъ и ударяясь о землю лбомъ, причемъ онъ стоялъ съ крестомъ у западной стороны дома, а она у восточной. Послѣ этого они перемѣни-

лись мѣстами, и монахъ пошелъ съ крестомъ къ востоку, а она къ западу, и, хотя она была такъ слаба, что едва могла стоять на ногахъ, онъ смѣло приказалъ ей, чтобы она распростерлась вторично, трижды поклоняясь на востокъ, по обычаю христіанъ. Она это и сдѣлала. И онъ научилъ ее сдѣлать на лицѣ крестное знаменіе. Затѣмъ, когда она снова легла на ложе, и за нее были произнесены молитвы, мы пошли къ третьему дому, гдѣ прежде жила госпожа христіанка. По смерти ея, ее замѣстила молодая дѣвушка, которая вмѣстѣ съ дочерью господина радостно приняла насъ; въ этомъ домѣ всѣ съ благоговѣніемъ поклонились кресту; онъ былъ положенъ на шелковое сукно на возвышенномъ мѣстѣ, и затѣмъ было отдано приказаніе принести пищу, а именно баранье мясо; когда его положили предъ госпожей, она приказала раздѣлить его между священниками. Я же и монахъ воздерживались отъ пищи и питья. Когда же это мясо было съѣдено, и было выпито много напитковъ, намъ надлежало идти къ помѣщенію благородной дѣвицы Херины, которое находилось сзади большого дома, принадлежавшаго ея матери; при внесеніи креста она распростерлась на землѣ и поклонилась ему весьма набожно, такъ какъ была хорошо въ этомъ наставлена, и положила его на возвышенномъ мѣстѣ на шелковой ткани; всѣ эти куски матеріи, на которые возлагался крестъ, принадлежали монаху. Этотъ крестъ принесенъ былъ однимъ армяниномъ, который прибылъ съ монахомъ, по его словамъ, изъ Іерусалима; крестъ былъ серебряный, вѣсилъ около четырехъ марокъ и имѣлъ четыре жемчужины по угламъ и одну по серединѣ; изображенія Спасителя на немъ не было, такъ какъ армяне и несторіане стыдятся показывать Христа пригвожденнымъ ко кресту. Этотъ крестъ они поднесли Мангу-хану, и Мангу спросилъ у армянина, чего онъ проситъ. Тотъ сказалъ, что онъ сынъ одного армянскаго священника, церковь котораго разрушили Сарацины, и попросилъ у него помощи для возстановленія этой церкви. Тогда ханъ спросилъ, за какую цѣну ее можно снова выстроить; тотъ отвѣтилъ, что за двѣсти яскотовъ, то есть за двѣ тысячи марокъ. И ханъ приказалъ дать ему грамоту къ тому, кто собираетъ дань въ Персіи и Великой Арменіи, чтобы тотъ выплатилъ ему упомянутую сумму серебра. Этотъ крестъ монахъ носилъ повсюду съ собою, и священники, видя доходъ отъ него, начали ему завидовать. Итакъ мы были въ домѣ этой благородной дѣвицы, и она дала священникамъ обильно выпить. Отсюда мы пошли къ четвертому дому, который былъ послѣднимъ по числу и по почету. Ибо этой госпожи [ханъ] не посѣщалъ, и домъ ея былъ ветхимъ, а сама она была мало пріятна, но послѣ Пасхи ханъ приказалъ построить ей новый домъ и новыя повозки. Она такъ же, какъ и вторая, мало или

пожалуй ничего не знала о христіанствѣ, но поклонялась прорицателямъ и идоламъ. Однако при нашемъ входѣ она поклонилась кресту, какъ ее учили монахъ и священники. Тамъ священники снова выпили; изъ этого дома мы вернулись къ себѣ въ часовню, которая находилась тамъ по близости, причемъ священники пѣли съ громкими завываніями по причинѣ своего опьянѣнія, за которое тамъ не подвергаются порицанію ни мущины, ни женщины. Затѣмъ привели моего товарища, и монахъ сильно бранилъ его за то, что тотъ коснулся порога. На слѣдующій день пришелъ Булгай, бывшій судьей, и подробно разспросилъ, внушалъ ли намъ кто-нибудь остерегаться отъ прикосновенія къ порогу. Я отвѣтилъ: «Господинъ, у насъ не было съ собой толмача; какъ могли бы мы понять?» Тогда онъ простилъ его. Послѣ того ему никогда не позволяли входить ни въ одинъ домъ хана.

ГЛАВА XXXVIII.

О томъ, какъ монахъ Сергій вылѣчилъ госпожу Коту.

Послѣ того случилось, что госпожа Кота, которая хворала съ воскресенья шестидесятницы, захворала смертельно, и волшебства идолопоклонниковъ не могли принести ей никакой пользы. Тогда Мангу послалъ за монахомъ, спрашивая у него, что можно тутъ сдѣлать, и монахъ легкомысленно отвѣтилъ, что если она не будетъ вылѣчена, то пусть ханъ отрубитъ ему голову. Послѣ такого заклада монахъ позвалъ насъ, изложилъ намъ со слезами дѣло и просилъ насъ бодрствовать съ нимъ эту ночь на молитвѣ, что мы и сдѣлали. У него былъ нѣкій корень, по названію ревень; монахъ размельчалъ его, такъ сказать, въ порошокъ и полагалъ въ воду съ бывшимъ у него маленькимъ крестикомъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя. Монахъ говорилъ про это распятіе, что при помощи его онъ узнавалъ, когда хворый долженъ былъ выздоровѣть или умереть. Именно, если онъ долженъ былъ поправиться, то оно приставало къ груди хвораго, какъ бы приклеенное, въ противномъ же случаѣ оно не прикрѣплялось. И я вѣрилъ тогда, что этотъ ревень представлялъ собою нѣчто священное, принесенное имъ изъ Іерусалима въ Святой Землѣ. Эту воду онъ давалъ пить всѣмъ хворымъ, а ихъ внутренности неизбѣжно подвергались волненіямъ отъ столь горькаго питья. И это движеніе въ ихъ тѣлѣ они считали за чудо. Когда онъ готовилъ это питье, я сказалъ ему, что его надо сдѣлать изъ освященной воды, которая приготовляется въ Римской Церкви, такъ какъ эта вода обладаетъ большой силой для изгнанія демоновъ, ибо мы знали, что госпожа мучима демономъ. И, по его просьбамъ, мы приготовили ему святой воды; онъ примѣшалъ ревеню и

положилъ крестъ, погрузивъ его на всю ночь въ воду. Я сказалъ ему также, что если онъ священникъ, то священническій чинъ имѣетъ большую силу для изгнанія демоновъ. Онъ отвѣтилъ утвердительно, и однако солгалъ, такъ какъ вовсе не имѣлъ сана, не зналъ ни одной буквы, а, какъ я послѣ провѣдалъ, былъ въ своемъ отечествѣ, черезъ которое я возвращался, ткачемъ матерій. Итакъ на слѣдующій день мы, то есть монахъ, я и два несторіанскихъ священника, пошли къ упомянутой госпожѣ; она находилась въ своемъ маленькомъ домѣ сзади большого. При нашемъ входѣ она сѣла на ложѣ, поклонилась кресту, положила его съ почетомъ рядомъ съ собою на шелковую ткань, выпила благословенной воды съ ревенемъ и омыла себѣ грудь. Монахъ попросилъ меня почитать надъ ней евангеліе. Я прочелъ Страсти Господни по Іоанну. Наконецъ она развеселилась, чувствуя себя лучше, и приказала принести четыре яскота серебра, которые положила сперва къ подножію креста, а потомъ дала одинъ монаху и протянула одинъ мнѣ, но я не пожелалъ взять его. Тогда монахъ, протянувъ руку, взялъ его. И каждому изъ священниковъ она дала по одному яскоту; такимъ образомъ за одинъ разъ она отдала сорокъ марокъ. Затѣмъ она приказала принести вина и дала выпить священникамъ, и мнѣ также надлежало трижды выпить изъ ея руки въ честь св. Троицы. Она начала также учить меня ихъ нарѣчію, причемъ шутила со мною, что я нѣмъ, не имѣя при себѣ толмача. На слѣдующій день мы снова вернулись къ ней, и Мангу-ханъ, слыша, что мы пошли туда, приказалъ ввести насъ къ нему, такъ какъ узналъ, что госпожѣ лучше. Мы нашли его съ немногими служителями сосущимъ жидкую глину, то есть тѣстовидную пищу для укрѣпленія головы, и передъ нимъ лежали сожженныя кости бараньихъ лопатокъ. Онъ взялъ крестъ себѣ въ руку, но я не видалъ того, чтобы онъ поцѣловалъ его или поклонился ему, а ханъ только глядѣлъ на него, спрашивая о чемъ-то. Тогда монахъ попросилъ позволенія носить крестъ на копьѣ въ верху, такъ какъ по этому поводу ханъ раньше говорилъ съ монахомъ, и Мангу отвѣтилъ: «Носите его такъ, какъ знаете лучше сдѣлать». Затѣмъ, послѣ привѣтствія хану, мы направились къ вышеупомянутой госпожѣ и нашли ее здоровой и бодрой; она выпила еще святой воды, и мы прочли надъ нею Страсти. И эти несчастные священники никогда не учили ея вѣрѣ и не уговаривали креститься. Я же сидѣлъ тамъ нѣмымъ, не имѣя возможности что-нибудь сказать, но она сама еще учила меня тамошнему нарѣчію. И священники не порицали ея ни за какое колдовство, ибо я видѣлъ тамъ четыре меча, извлеченные изъ ноженъ до половины, одинъ у изголовья ложа госпожи, другой у подножія, а два другіе по одному съ обѣихъ сторонъ входа. Я ви-

дѣлъ тамъ также серебряную чашу, напоминающую наши чаши, которая, вѣроятно, была похищена изъ одной изъ Венгерскихъ церквей и висѣла на стѣнѣ полная пепла, а сверху надъ этимъ пепломъ былъ черный камень, и священники никогда не учатъ ихъ тому, что это дурно. Наоборотъ, они сами дѣлаютъ это и учатъ подобному. Мы посѣщали больную три дня, и такимъ образомъ здоровье къ ней вполнѣ вернулось. Съ того времени монахъ сдѣлалъ хоругвь, всю покрытую крестами, и отыскалъ длинную жердь вродѣ копья, такъ что мы носили крестъ воздвигнутымъ. Я почиталъ монаха, какъ своего епископа, потому что онъ зналъ мѣстное нарѣчіе. Однако многое изъ того, что онъ дѣлалъ, мнѣ не нравилось. Именно онъ приказалъ соорудить для себя складное сидѣнье, какое обычно бываетъ у епископовъ, а также заказалъ перчатки и шапку изъ павлиньихъ перьевъ, а сверху ея золотой крестикъ. Это мнѣ очень понравилось только въ отношеніи креста. Онъ имѣлъ ногти съ язвинами и старался украсить ихъ благовонными мазями. Въ рѣчи онъ являлъ изъ себя надменнаго. Также и сами несторіане произносили какіе-то стихи изъ псалма, какъ они говорили, надъ двумя прутьями, которые соединялись взаимно, когда ихъ держали два человѣка. Монахъ самъ присутствовалъ при этомъ, и въ немъ замѣтно было много другихъ суетныхъ качествъ, которыя мнѣ не нравились. Однако мы не отставали отъ его общества изъ уваженія къ кресту. Именно мы носили воздвигнутый крестъ по всему становищу съ пѣніемъ: «Хоругви царя появляются», отчего Саррацины приходили въ полное оцѣпенѣніе.

ГЛАВА XXXIX.

Описаніе земель, лежащихъ въ окрестности ханскаго дворца. О нравахъ, монетахъ и письменахъ Татаръ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы попали ко двору Мангу, онъ двигался на повозкахъ только къ югу, а съ этого времени началъ возвращаться въ сѣверномъ направленіи, что было и направленіемъ къ Каракаруму. Во всю дорогу я отмѣтилъ только одно, о чемъ мнѣ сказалъ въ Константинополѣ господинъ Балдуинъ де Гэно, который былъ тамъ, именно: онъ видѣлъ удивительнаго только то, что онъ всю дорогу въ путешествіи поднимался и никогда не спускался. Ибо всѣ рѣки текли съ востока на западъ или прямо, или непрямо, то есть съ наклономъ къ югу или къ сѣверу. И я спросилъ священниковъ, прибывшихъ изъ Катаіи, и они свидѣтельствовали, что отъ того мѣста, гдѣ я нашелъ Мангу-хана, до Катаіи было 20 дней пути въ направленіи къ юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли Моаловъ, гдѣ находится дворъ Хингиса, было 10 дней пути

прямо на востокъ, и въ этихъ восточныхъ странахъ не было ни одного города. Но все же тамъ жили народы, по имени Су-Моалъ, то есть Моалы водъ, ибо Су значитъ вода. Они живутъ рыбной ловлей и охотой, не имѣя никакихъ стадъ, ни крупныхъ, ни мелкихъ. Къ сѣверу также нѣтъ ни одного города, а живетъ народъ, разводящій скотъ, по имени Керкисы. Живутъ тамъ также Оренгаи, которые подвязываютъ себѣ подъ ноги отполированныя кости и двигаются на нихъ по замерзшему снѣгу и по льду съ такою сильною быстротою, что ловятъ птицъ и звѣрей. И еще много другихъ бѣдныхъ народовъ живутъ въ сѣверной сторонѣ, по скольку имъ это позволяетъ холодъ; на западѣ соприкасаются они съ землею Паскатиръ, а это—Великая Венгрія, о которой я сказалъ вамъ выше. Предѣлъ сѣвернаго угла неизвѣстенъ въ силу большихъ холодовъ. Ибо тамъ находятся вѣчные льды и снѣга. Я освѣдомлялся о чудовищахъ или о чудовищныхъ людяхъ, о которыхъ разсказываютъ Исидоръ и Солинъ. Татары говорили мнѣ, что никогда не видали подобнаго, поэтому мы сильно недоумѣваемъ, правда ли это. Всѣмъ вышеупомянутымъ народамъ, какъ бы бѣдны они ни были, надо нести какую нибудь службу. Ибо Хингисъ издалъ такое постановленіе, что ни одинъ человѣкъ не свободенъ отъ службы, пока онъ не настолько старъ, что больше не можетъ никоимъ образомъ работать. Одинъ разъ сидѣлъ со мною одинъ священникъ изъ Катайи, одѣтый въ красное сукно самаго лучшаго цвѣта, и я спросилъ у него, откуда они берутъ такую краску. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ восточныхъ странахъ Катайи находятся высокія скалы, на которыхъ живутъ какія-то созданія, имѣющія во всемъ человѣческій образъ, кромѣ того, что они не сгибаютъ колѣнъ, а ходятъ, не знаю какъ то подпрыгивая; ростомъ они всего съ одинъ локоть, тѣло ихъ все одѣто волосами, живутъ они въ недоступныхъ пещерахъ. И охотники Катайи ходятъ на нихъ, имѣя при себѣ пиво, возможно болѣе пьяное. Они дѣлаютъ отверстія въ скалахъ, на подобіе чашъ, и наполняютъ ихъ этимъ пивомъ. Ибо въ Катайѣ нѣтъ вина, но теперь они начинаютъ сажать лозы, а [обычное] питье приготовляютъ изъ рису. Итакъ охотники прячутся, а вышеупомянутыя живыя существа выходятъ изъ своихъ пещеръ, отвѣдываютъ вышеупомянутаго напитка и кричатъ: «Хинъ, хинъ», откуда, отъ этого крика, они получили свое имя, ибо ихъ называютъ: Хинхинъ. Затѣмъ они собираются въ большомъ количествѣ, пьютъ вышеупомянутое пиво, опьяняются и тамъ засыпаютъ. Тогда подходятъ охотники и связываютъ спящихъ по рукамъ и по ногамъ. Затѣмъ открываютъ имъ на шеѣ жилу, извлекаютъ три или четыре капли крови и даютъ имъ уйти свободными. И эта кровь, какъ онъ сказалъ мнѣ, весьма цѣнна для окраски пурпура. Разсказывали также за

истину, чему я не вѣрю, что за Катайей есть нѣкая область, имѣющая такое свойство: въ какомъ бы возрастѣ человѣкъ ни вошелъ въ нее, онъ и остается въ такомъ возрастѣ, въ которомъ вошелъ. Катайя находится надъ океаномъ. И мастеръ Вильгельмъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ пословъ нѣкоторыхъ народовъ, по имени Кауле и Манзе, живущихъ на островахъ, но море тамъ зимою замерзаетъ, такъ что Татары могутъ тогда направиться къ нимъ. Эти народы предлагали ежегодно тридцать двѣ тысячи туменовъ яскотовъ, лишь бы только ихъ оставили въ мирѣ. Туменъ—монета, содержащая десять тысячъ. Ходячей монетой въ Катайѣ служитъ бумажка изъ хлопка (carta de Wambasio), шириною и длиною въ ладонь, на которой изображаютъ линіи, какъ на печати Мангу. Пишутъ они кисточкой, которой рисуютъ живописцы, и одно начертаніе содержитъ нѣсколько буквъ, выражающихъ цѣлое слово. Тибетцы пишутъ, какъ мы, и ихъ начертанія очень похожи на наши. Тангуты пишутъ справа налѣво, какъ Арабы, но умножаютъ строки, восходя вверхъ, а Югуры, какъ сказано выше, пишутъ сверху внизъ. Ходячей монетой Русскихъ служатъ шкурки разныхъ пушныхъ звѣрей, горностаевъ и бѣлокъ.

Когда мы прибыли [жить] съ монахомъ, онъ съ любовію внушилъ намъ воздерживаться отъ мяса, говоря, что нашъ служитель будетъ ѣсть мясо съ его служителями, а для насъ онъ самъ позаботится о мукѣ и маслѣ растительномъ и коровьемъ. Мы исполнили это, хотя такое требованіе сильно тяготило моего товарища по причинѣ его слабости. Отсюда пищей нашей служило пшено съ коровьимъ масломъ, или тѣсто вареное въ водѣ съ тѣмъ же масломъ или кислымъ молокомъ и прѣсный хлѣбъ, испеченный на бычачьемъ или конскомъ навозѣ.

ГЛАВА XL.

О второмъ постѣ восточныхъ народовъ.

Но настала сыропустная недѣля, когда впервые перестаютъ ѣсть мясо всѣ восточные христіане, и главная госпожа Котота ту недѣлю постилась со своими женщинами. Она приходила всякій день въ нашу часовню и раздавала съѣстные припасы священникамъ и другимъ христіанамъ, которые стекались туда въ эту первую недѣлю въ большомъ количествѣ для выслушанія службы. Она дала намъ обоимъ, мнѣ и моему товарищу, по рубашкѣ и штанамъ изъ сѣраго аксамита (samico), подбитымъ шелковыми охлопками, такъ какъ мой товарищъ сильно жаловался на тяжесть мѣха. Я взялъ платье, чтобы утѣшить своего товарища, оговорившись однако, что не ношу такихъ одеждъ. Я отдалъ моему толмачу

то, что пришлось на мою долю. Затѣмъ придворные привратники, охранявшіе дворъ, видя, что такое огромное количество людей стекалось ежедневно къ церкви, которая находилась въ предѣлахъ двора, послали одного изъ своей среды къ монаху, сообщая ему, что они не желаютъ, чтобы такое большое количество собиралось туда въ предѣлахъ двора. Тогда монахъ рѣзко отвѣтилъ имъ, что онъ хочетъ знать, самъ ли Мангу приказываетъ это, и прибавилъ даже нѣкоторыя угрозы, будто онъ собирается обвинить ихъ предъ Мангу. Тогда тѣ предупредили его и обвинили его предъ Мангу въ томъ, что онъ слишкомъ много говоритъ и собираетъ на свои бесѣды слишкомъ большую толпу. Тогда въ воскресенье четыредесятницы насъ позвали ко двору, причемъ монаха довольно позорно обшарили, ища, нѣтъ ли при немъ ножа, такъ что онъ снималъ даже свои башмаки. Затѣмъ вошли мы предъ лицо хана, который, имѣя у себя въ рукѣ сожженную баранью лопатку, всматривался въ нее, а затѣмъ, какъ бы читая въ ней, сталъ порицать монаха, спрашивая, зачѣмъ тотъ, будучи человѣкомъ, который долженъ молиться Богу, столько говоритъ съ людьми. Я же стоялъ сзади съ обнаженной головой, и ханъ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты не обнажаешь головы, когда приходишь ко мнѣ, какъ поступаетъ этотъ Франкъ?» и приказалъ позвать меня ближе. Тогда монахъ, сильно смущенный, снялъ свой клобукъ вопреки обычаю грековъ и армянъ; послѣ того какъ ханъ наговорилъ ему много рѣзкостей, мы вышли. И тогда монахъ вручилъ мнѣ крестъ для несенія до часовни, такъ какъ самъ отъ смущенія не хотѣлъ нести его. Черезъ немного дней онъ примирился съ ханомъ, обѣщая ему отправиться къ папѣ и привести въ его повиновеніе всѣ народы Запада. Затѣмъ, вернувшись отъ хана послѣ этого разговора въ часовню, онъ сталъ спрашивать у меня про папу, думаю ли я, что тотъ захочетъ его видѣть, если монахъ явится къ нему отъ Мангу, и захочетъ ли онъ дать ему коней до святаго Іакова. Спросилъ онъ также и про васъ, думаю ли я, что вы захотите послать къ Мангу вашего сына. Тогда я внушилъ ему остерегаться давать Мангу лживыя обѣщанія, такъ какъ послѣдняя ложь будетъ горше первой, и Богъ не нуждается въ нашей лжи, чтобы мы ради Него говорили коварныя выдумки.

Въ эти дни возникъ споръ между монахомъ и однимъ священникомъ, по имени Іоной, человѣкомъ хорошо образованнымъ, отецъ котораго былъ архидьякономъ, и другіе священники считали его за своего учителя и архидьякона (pro magistro archidiacono). Именно монахъ говорилъ, что человѣкъ былъ созданъ раньше рая земного, и что такъ говоритъ Евангеліе. Тогда меня позвали разобрать этотъ споръ. Я же, не зная, какія у нихъ были мнѣнія объ этомъ, отвѣтилъ, что рай былъ созданъ въ третій день, когда и

другія деревья, человѣкъ же созданъ въ шестой день. Тогда монахъ сталъ говорить: «Развѣ діаволъ не принесъ земли въ первый день съ четырехъ странъ міра и не создалъ изъ образовавшейся грязи человѣческаго тѣла, а Богъ не вдохнулъ въ него души?» Тогда, слыша знаменитую ересь Манихея и ея столь открытое и безстыдное провозглашеніе, я рѣзко выбранилъ монаха, приказывая ему положить палецъ на уста свои, такъ какъ онъ не зналъ Писанія, и остерегаться говорить, чтобы не навлечь на себя вины. Но тотъ и самъ началъ меня осмѣивать за то, что я не зналъ тамошняго языка. Итакъ я ушелъ отъ него, направляясь къ себѣ домой. Послѣ этого было такъ, что и самъ онъ, и священники въ крестномъ ходѣ отправились ко двору, не позвавъ меня, такъ какъ монахъ не говорилъ со мною по причинѣ упомянутаго упрека и не хотѣлъ вести меня съ собою, какъ это было у него въ обычаѣ раньше. Итакъ, когда они пришли предъ лицо Мангу, тотъ, не видя меня среди нихъ, внимательно освѣдомился, гдѣ я и почему не пришелъ съ ними. Священники испугались и извинились. Вернувшись же, они пересказали мнѣ слова Мангу и сѣтовали на монаха. Послѣ этого монахъ помирился со мною, а я съ нимъ, прося, чтобы онъ помогъ мнѣ въ пониманіи тамошняго языка, а я обѣщалъ помогать ему въ пониманіи Священнаго Писанія, ибо братъ, получающій помощь отъ брата, все равно, что крѣпкій городъ.

По прошествіи первой недѣли поста госпожа перестала приходить въ часовню и давать пищу и пиво, которыя мы обычно получали. Монахъ не позволялъ приносить ихъ, говоря, что при приготовленіи этого кладется бараній жиръ. Также и растительное масло онъ давалъ намъ только рѣдко. Итакъ у насъ не было ничего, кромѣ испеченнаго подъ золою хлѣба и тѣста, свареннаго на водѣ, и мы пили супъ, потому что вода была у насъ только изъ растаявшаго снѣга или льда; а такая вода весьма плохого качества. Тогда мой товарищъ началъ сильно унывать. Тогда я указалъ на нашу нужду Давиду, учителю старшаго сына хана, и тотъ доложилъ мою рѣчь самому хану, который лично приказалъ дать намъ вина, муки и масла. Рыбы въ четыредесятницу отнюдь не вкушаютъ ни несторіане, ни армяне. Затѣмъ намъ дали бурдюкъ съ виномъ. Монахъ говорилъ, что онъ ѣстъ только по воскресеньямъ, и тогда сама госпожа посылала ему пищу изъ варенаго тѣста съ уксусомъ для питья. У него же при себѣ, подъ алтаремъ, стоялъ сундукъ съ миндалемъ, изюмомъ, черносливомъ и многими другими плодами, которые онъ ѣлъ цѣлый день, когда былъ одинъ. Мы ѣли разъ въ день и то съ большимъ горемъ. Именно, съ тѣхъ поръ какъ они узнали, что Мангу-ханъ далъ намъ вина, они самымъ безстыднымъ образомъ, на подобіе собакъ, бросались на насъ,

тутъ были и священники несторіане, которые цѣлый день пьянствовали при дворѣ, и сами Моалы, и служители монаха. Да и самъ монахъ, когда къ нему приходилъ кто-нибудь, кому онъ хотѣлъ дать выпить, посылалъ къ намъ за виномъ. Итакъ это вино доставляло намъ больше горести, чѣмъ утѣшенія, такъ какъ мы не могли отказать въ немъ, не вызвавъ ссоры. Если мы стали бы раздавать его, намъ не хватило бы самимъ; а, когда бурдюкъ былъ опорожненъ, мы не смѣли просить себѣ у двора еще.

ГЛАВА XLI.

О работѣ Вильгельма, золотыхъ дѣлъ мастера, и о ханскомъ дворцѣ въ Каракарумѣ.

Около середины четыредесятницы прибылъ сынъ мастера Вильгельма и принесъ красивый серебряный крестъ, сдѣланный по франкскому обычаю съ серебрянымъ изображеніемъ Христа, прибитымъ поверхъ. Увидѣвъ это изображеніе, монахи и священники сняли его, хотя молодой человѣкъ долженъ былъ представить крестъ отъ имени мастера Булгаю, старшему секретарю двора; слыша это, я сильно огорчился. Этотъ юноша доложилъ также самому Мангу-хану, что сооруженіе, которое тотъ заказалъ сдѣлать, исполнено. Это сооруженіе я вамъ опишу. Въ Каракарумѣ у Мангу имѣется рядомъ съ городскими стѣнами, большой дворъ, обнесенный кирпичною стѣною, какъ окружаютъ у насъ монашескія обители. Тамъ помѣщается большой дворецъ, въ которомъ ханъ устраиваетъ попойку дважды въ годъ,— разъ около Пасхи, когда онъ проѣзжаетъ тамъ, и разъ лѣтомъ, когда возвращается. И это послѣднее празднество болѣе значительно, такъ какъ тогда ко двору его собираются всѣ знатныя лица, хотя бы они находились гдѣ-либо даже на разстояніи двухъ мѣсяцевъ пути, и ханъ тогда даритъ имъ платья и другія вещи и являетъ великую славу свою. Тамъ имѣется также много домовъ, длинныхъ какъ риги, куда убираютъ съѣстные припасы хана и сокровища. Такъ какъ въ этотъ большой дворецъ непристойно было вносить бурдюки съ молокомъ и другими напитками, то при входѣ въ него мастеръ Вильгельмъ парижскій сдѣлалъ для хана большое серебряное дерево, у корней котораго находились четыре серебряныхъ льва, имѣвшихъ внутри трубу, причемъ всѣ они изрыгали бѣлое кобылье молоко. И внутрь дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстія этихъ трубъ были обращены внизъ, и каждое изъ нихъ сдѣлано было въ видѣ пасти позолоченной змѣи, хвосты которыхъ обвивали стволъ дерева. Изъ одной изъ этихъ трубъ лилось вино, изъ другой каракосмосъ, то есть очищенное кобылье молоко, изъ третьей балъ, то

есть напитокъ изъ меду, изъ четвертой рисовое пиво, именуемое террацина. Для принятія всякаго напитка устроенъ былъ у подножія дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосудъ. На самомъ верху сдѣлалъ Вильгельмъ ангела, державшаго трубу, а подъ деревомъ устроилъ подземную пещеру, въ которой могъ спрятаться человѣкъ. Черезъ сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала онъ устроилъ раздувальные мѣхи, но они не давали достаточно вѣтру. Внѣ дворца находился подвалъ, въ которомъ были спрятаны напитки, и тамъ стояли прислужники, готовые потчивать, когда они услышатъ звукъ трубы ангела.

Серебряное дерево, сооруженное мастеромъ Вильгельмомъ.

А на деревѣ вѣтки, листья и груши были серебряные. Итакъ, когда начальникъ виночерпіевъ нуждался въ питьѣ, онъ кричалъ ангелу, чтобы загудѣла труба; тогда лицо, спрятанное въ подземной пещерѣ, слыша это, сильно дуло въ трубу, ведшую къ ангелу; ангелъ подносилъ трубу ко рту, и труба гудѣла очень громко. Тогда, услышавъ это, прислужники, находившіеся въ подвалѣ, наливали каждый свой напитокъ въ особую трубу, а трубы наливали жидкость вверхъ и внизъ въ приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпіи брали напитокъ и разносили его по дворцу мущинамъ и женщинамъ.

И дворецъ этотъ напоминаетъ церковь, имѣя въ серединѣ корабль, а двѣ боковыя стороны его отдѣлены двумя рядами колоннъ; во дворцѣ три двери, обращенныя къ югу. Предъ средней дверью внутри стоитъ описанное дерево, а самъ ханъ сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ съ сѣверной стороны, такъ что всѣ могутъ его видѣть. Къ его престолу ведутъ двѣ лѣстницы (gradus): по одной подающій ему чашу поднимается, а по другой спускается. Пространство, находящееся въ серединѣ между деревомъ и лѣстницами, по которымъ поднимаются къ хану, остается пустымъ; именно тамъ становится подающій ему чашу, а также послы, подносящіе дары; самъ же ханъ сидитъ тамъ вверху, какъ бы нѣкій богъ. Съ праваго отъ него боку, то есть съ западнаго, помѣщаются мущины, съ лѣваго—женщины. Дворецъ простирается съ сѣвера на югъ. Къ югу, рядомъ съ колоннами, у праваго бока, находятся возвышенныя сидѣнія, на подобіе балкона, на которыхъ сидятъ сынъ и братья хана. На лѣвой сторонѣ сдѣлано такъ же; тамъ сидятъ его жены и дочери. Одна только жена садится тамъ на верху рядомъ съ нимъ, но все же не такъ высоко, какъ онъ.

Итакъ, услышавъ, что сооруженіе выполнено, ханъ поручилъ мастеру поставить его на надлежащее мѣсто и хорошенько приладить, а самъ около воскресенья на Страстной недѣлѣ двинулся впередъ съ маленькими домами, оставивъ большіе дома сзади себя. И монахъ, и мы послѣдовали за нимъ, и онъ прислалъ намъ другой бурдюкъ вина. И онъ проѣзжалъ между горъ, на которыхъ дулъ сильный вѣтеръ, стояла сильная стужа, и выпалъ большой снѣгъ. Поэтому около полуночи онъ самъ прислалъ къ монаху и къ намъ просить помолиться Богу, чтобы Онъ умѣрилъ эту стужу и вѣтеръ, такъ какъ всѣ животныя, бывшія въ караванѣ, подвергались большой опасности, особенно потому, что они были тогда стельными и рожали. Тогда монахъ послалъ ему ладону, препоручая положить его на уголья и принести Богу. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ это, но буря, которая продолжалась уже два дня, утихла, когда наступалъ уже третій день.

Въ Вербное воскресенье мы были вблизи Каракарума. Какъ только стало разсвѣтать, мы благословили вербы, на которыхъ еще не было замѣтно никакихъ почекъ. Около девяти часовъ мы въѣхали въ упомянутый городъ, воздвигнувъ крестъ и развернувъ хоругвь; черезъ середину квартала Саррациновъ, гдѣ находится рынокъ и базаръ, мы добрались до церкви. Несторіане вышли намъ навстрѣчу съ крестнымъ ходомъ. Войдя въ церковь, мы нашли ихъ готовыми къ служенію обѣдни; отслуживъ ее, они всѣ причастились и спросили меня, не хочу ли и я причаститься. Я отвѣтилъ, что уже разъ пилъ, а причастіе слѣдуетъ принимать только нато-

щакъ. Послѣ обѣдни наступилъ уже вечерній часъ, и мастеръ Вильгельмъ повелъ насъ съ великой радостью въ свое помѣщеніе отужинать вмѣстѣ. Жена его—дочь уроженца Лотарингіи, а родилась въ Венгріи и хорошо знаетъ по французски и по командски. Нашли мы также и еще одного [европейца], по имени Базиля, сына Англичанина; этотъ Базиль родился въ Венгріи и знаетъ вышеупомянутыя нарѣчія. Послѣ ужина, прошедшаго въ великой радости, они проводили насъ въ наше помѣщеніе, которое устроили для насъ Татары на площади вблизи церкви, вмѣстѣ съ часовней монаха. На слѣдующій день ханъ прибылъ въ свой дворецъ, и монахъ, я и священники отправились къ нему. Товарищу моему они не позволили идти, такъ какъ онъ наступилъ на порогъ. Я долго размышлялъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить, идти или не идти. Я и боялся ссоры, если отстану отъ другихъ христіанъ, и [видѣлъ,] что угоденъ хану, и боялся, что то доброе дѣло, на возможность осуществленія котораго я надѣялся, встрѣтитъ препятствіе къ распространенію, а потому и предпочелъ лучше идти, хотя видѣлъ, что ихъ дѣйствія преисполнены колдовства и идолослуженія. И я не дѣлалъ тамъ ничего другого, какъ только молился громкимъ голосомъ за всю церковь, а также и за самого хана, чтобы Богъ направилъ его на путь вѣчнаго спасенія. Итакъ мы вступили на упомянутый дворъ, который былъ довольно хорошо устроенъ; лѣтомъ тамъ повсюду проведены каналы, орошающіе дворъ. Послѣ этого мы вошли во дворецъ, полный мущинъ и женщинъ, и стали предъ лицомъ хана, имѣя сзади вышеназванное дерево, которое вмѣстѣ съ сосудами занимало значительную часть дворца. Священники принесли два благословенные хлѣбца и плоды на блюдечкѣ, которые поднесли ему, произнеся надъ ними благословеніе. И дворецкій (pincerna) понесъ ихъ къ нему, сидящему вверху на очень высокомъ и приподнятомъ мѣстѣ. И онъ тотчасъ одинъ изъ хлѣбцевъ сталъ ѣсть самъ, а другой послалъ своему сыну и одному изъ своихъ младшихъ братьевъ, который былъ воспитанъ однимъ несторіаниномъ и знаетъ Евангеліе; онъ также посылалъ за моей Библіей, чтобы посмотрѣть ее. Послѣ священниковъ монахъ произнесъ свою молитву, а послѣ монаха я. Затѣмъ ханъ обѣщалъ придти на слѣдующій день въ церковь, которая достаточно велика и красива и вся обтянута сверху шелковой тканью, вышитой золотомъ. Но на слѣдующій день онъ продолжалъ свой путь, поручивъ извиниться предъ священниками, что онъ не дерзнулъ придти въ церковь, такъ какъ узналъ, что туда приносятъ покойниковъ. Мы же съ монахомъ и другіе придворные священники остались въ Каракарумѣ, чтобы тамъ отпраздновать Пасху.

ГЛАВА XLII.

Какъ несторіане совершаютъ таинства. Какъ христіане исповѣдовались у Рубрука и причащались въ Пасху.

Но вотъ приближался Великій Четвергъ и самая Пасха, а у меня не было нашихъ облаченій; кромѣ того, я наблюдалъ способъ служенія несторіанъ и очень затруднялся, что дѣлать, принять ли причастіе отъ нихъ, или служить въ ихъ облаченіи, съ ихъ чашей и на ихъ алтарѣ, или совершенно воздержаться отъ причастія. Тогда тамъ было большое количество христіанъ: венгерцевъ, алановъ, русскихъ, георгіановъ и армянъ, которые всѣ не видали причастія съ тѣхъ поръ, какъ были взяты въ плѣнъ, такъ какъ несторіане сами не хотѣли допускать ихъ къ себѣ въ церковь, если тѣ не перекрестятся снова такъ, какъ они говорили. Намъ однако они не дѣлали никакого упоминанія по этому поводу; мало того, они признавали, что Римская церковь — глава всѣхъ церквей, и что они сами должны были бы принимать патріарха отъ папы, если бы проѣздъ къ нему былъ свободенъ. И они щедро предлагали намъ свое причастіе и приглашали меня стать при входѣ въ хоръ церкви, чтобы видѣть ихъ обрядъ служенія, а наканунѣ Пасхи хотѣли поставить меня рядомъ съ купелью, чтобы посмотрѣть обрядъ крещенія. Они говорятъ, что у нихъ есть то муро, которымъ Марія Магдалина умастила ноги Господа, и они всегда подливаютъ туда масла, сколько берутъ, и на немъ мѣсятъ хлѣбъ свой. Ибо всѣ восточные люди кладутъ въ хлѣбъ свой, вмѣсто дрожжей, или жиръ, или коровье масло, или сало изъ бараньяго хвоста, или растительное масло. Они говорятъ также, что у нихъ имѣется мука, изъ которой приготовленъ былъ хлѣбъ, освященный Господомъ, и они всегда возмѣщаютъ ее въ такомъ количествѣ, въ какомъ берутъ. У нихъ есть комната, расположенная рядомъ съ церковнымъ клиросомъ, и печь, гдѣ они приготовляютъ хлѣбъ, который должны освящать съ великимъ благоговѣніемъ. Итакъ на вышеупомянутомъ маслѣ они изготовляютъ хлѣбъ шириною въ ладонь, который дробятъ сперва на 12 частей по числу Апостоловъ, а затѣмъ дѣлятъ эти части по количеству народа. Священникъ даетъ каждому въ руку тѣло Христово, и тогда человѣкъ благоговѣйно принимаетъ его на ладонь и касается ладонью до макушки головы. Вышеупомянутые христіане и самъ монахъ настаивали и просили насъ именемъ Божіимъ отслужить обѣдню. Тогда я приказалъ имъ, какъ могъ, черезъ толмача, исповѣдоваться, перечисливъ 10 заповѣдей, 7 смертныхъ грѣховъ и другое, въ чемъ человѣкъ долженъ всенародно покаяться и

исповѣдаться. Они оправдывали себя въ кражѣ, говоря, что безъ кражи не могутъ жить, такъ какъ господа ихъ не заботятся для нихъ ни объ одеждѣ, ни о пропитаніи. Тогда я, разсуждая, что они похищали имущество этихъ лицъ не безъ надлежащаго основанія, сказалъ, что имъ можно брать необходимое изъ имущества господъ, и что я готовъ сказать это предъ лицомъ самого Мангу-хана. Нѣкоторые изъ нихъ также были людьми военными; они оправдывали себя тѣмъ, что имъ необходимо идти на войну, иначе ихъ убьютъ. Я крѣпко наказалъ имъ, чтобы они не ходили на христіанъ и не обижали ихъ, иначе пусть лучше дадутъ себя убить, потому что такимъ образомъ они станутъ мучениками; и я прибавилъ, что если кто пожелаетъ обвинить меня за это ученіе предъ Мангу-ханомъ, то я готовъ заявить это въ его присутствіи. Ибо, когда я училъ этому, тутъ были придворные изъ несторіанъ, и я подозрѣвалъ ихъ, что они могутъ случайно донести на насъ. И тогда мастеръ Вильгельмъ приказалъ сдѣлать для насъ желѣзце, чтобы придавать надлежащую форму жертвеннымъ облаткамъ; у него были нѣкоторыя облаченія, которыя онъ сдѣлалъ для себя. Ибо онъ немного знаетъ грамотѣ и ведетъ себя, какъ клирикъ. Онъ приказалъ сдѣлать на франкскій ладъ изваяніе святой Дѣвы и въ окошкахъ, замыкавшихъ его, изваялъ очень красиво Евангельскую исторію; онъ изготовилъ также серебряный ковчегъ для сокрытія тѣла Христова и мощей въ маленькихъ ящичкахъ, устроенныхъ въ бокахъ ковчега. Онъ сдѣлалъ также часовню на повозкѣ, очень красиво разрисованную священными событіями. Итакъ я взялъ его облаченія и благословилъ ихъ, и мы приготовили по своему обычаю жертвы, очень красивыя, и несторіане отвели мнѣ свою крещальню, въ которой былъ алтарь. Ихъ патріархъ посылаетъ имъ изъ Балдаха четыреугольную кожу, на подобіе переноснаго жертвенника, помазанную мvромъ, и они примѣняютъ ее вмѣсто священнаго камня. Итакъ въ Великій Четвергъ я служилъ съ ихъ серебряной чашей и дискосомъ, а эти сосуды были очень велики; также было это и въ день Пасхи. И мы причастили народъ, какъ я надѣюсь, съ благословеніемъ Божіимъ. А сами они окрестили въ полномъ благочиніи въ канунъ Пасхи болѣе, чѣмъ шестьдесятъ лицъ, и всѣ христіане сообща этому весьма радовались.

ГЛАВА XLIII.

О болѣзни мастера Вильгельма и о священникѣ Іонѣ.

Тогда мастеру Вильгельму довелось тяжко захворать; когда онъ сталъ уже поправляться, посѣщавшій его монахъ далъ ему выпить ревеню, но такъ, что чуть не убилъ его. Посѣтивъ его затѣмъ, я нашелъ состояніе его весьма тяжкимъ, и спросилъ, что онъ ѣлъ или пилъ. И онъ разсказалъ мнѣ, какъ монахъ давалъ ему вышеупомянутаго питья и какъ онъ выпилъ два полныхъ блюдца, считая, что это—святая вода. Тогда я пошелъ къ монаху и сказалъ ему: «Или гряди, какъ апостолъ, творя истинныя чудеса силою молитвы и Святаго Духа, или поступай, какъ врачъ (phisicus), согласно правиламъ лѣчебнаго искусства. Ты даешь пить крѣпкое цѣлебное питье людямъ, къ этому неподготовленнымъ, какъ будто бы это питье было нѣчто священное; ты подвергнешься за это злѣйшему безчестью, если это дойдетъ до свѣдѣнія людей.» Съ того времени онъ сталъ опасаться и остерегаться меня. Довелось также въ то время захворать тому священнику, который считался какъ бы архидьякономъ другихъ, и друзья его послали за однимъ саррацинскимъ прорицателемъ, который сказалъ имъ: «Нѣкій тощій человѣкъ, который не ѣстъ, не пьетъ и не спитъ на ложѣ, разгнѣванъ на него. Если бы больной могъ получить его благословеніе, то могъ бы выздоровѣть». Тогда тѣ подумали на монаха, и около полуночи жена священника, сестра и сынъ его пришли къ монаху, прося придти и благословить больного. Они разбудили также и насъ, чтобы мы просили монаха. Тогда, въ отвѣтъ на нашу просьбу, онъ сказалъ: «Оставьте его, такъ какъ онъ, съ тремя другими, которые равнымъ образомъ пойдутъ плохими путями, вознамѣрился идти ко двору и хлопотать, чтобы я и вы были изгнаны изъ этихъ странъ». Именно между ними уже ранѣе возникла ссора отъ того, что Мангу и его жены послали въ канунъ Пасхи четыре яскота и шелковыя ткани какъ для монаха, такъ и для священниковъ, чтобы тѣ раздѣлили это между собою, и монахъ удержалъ себѣ на свою долю одинъ яскотъ, а изъ остальныхъ трехъ одинъ былъ поддѣльный, такъ какъ оказался мѣднымъ; поэтому священникамъ казалось, что монахъ удержалъ себѣ черезчуръ большую долю; отсюда могло быть, что они имѣли между собою какой нибудь разговоръ, который былъ переданъ монаху. Съ наступленіемъ дня я пошелъ къ названному священнику, имѣвшему сильнѣйшую боль въ боку и харкавшему кровью, отъ чего я подумалъ, что у него [внутренній] нарывъ. Тогда я посовѣтовалъ ему признать папу за отца всѣхъ христіанъ, что онъ и сдѣлалъ, давъ

обѣтъ, что, если Господь дастъ ему здоровья, онъ посѣтитъ папу, чтобы облобызать его стопы (visitaret pedes pape), и приложитъ все стараніе къ тому, чтобы папа послалъ свое благословеніе Мангу-хану. Я посовѣтовалъ ему также вернуть все, что у него было чужого. Онъ сказалъ, что у него нѣтъ ничего. Я упомянулъ ему также про таинство послѣдняго помазанія. Онъ отвѣтилъ: «У насъ оно не въ обычаѣ, да и священники наши не умѣютъ совершать его. Прошу васъ совершить это для меня такъ, какъ, по вашему разумѣнію, надо совершить это». Я внушилъ ему также исповѣдаться, что у нихъ не въ обычаѣ. Онъ сказалъ что-то немного на ухо одному священнику изъ своихъ товарищей. Послѣ этого онъ началъ чувствовать себя лучше и попросилъ меня сходить за монахомъ. Я пошелъ. Монахъ сперва не пожелалъ придти; но, услышавъ, что больному лучше, пошелъ со своимъ крестомъ; пошелъ и я, неся въ ковчегѣ мастера Вильгельма тѣло Христово, которое я сберегъ въ день Пасхи по просьбамъ мастера Вильгельма. Тогда монахъ началъ топтать больного ногами, а тотъ обнималъ его ноги съ полнымъ униженіемъ. Затѣмъ я сказалъ больному: «Въ Римской Церкви есть обычай, что немощные пріобщаются тѣла Христова, какъ напутствія и укрѣпленія противъ всѣхъ козней вражескихъ. Вотъ тѣло Христово, которое я сохранилъ въ день Пасхи. Ты долженъ исповѣдаться и попросить его». Тогда онъ сказалъ съ полною вѣрою: «Я прошу отъ всего сердца». Когда я открылъ его, онъ сказалъ съ большою горячностью: «Я вѣрую, что это — Творецъ и Спаситель мой, Который даровалъ мнѣ жизнь и вернетъ ее мнѣ по смерти при всеобщемъ воскресеніи». И такимъ образомъ онъ пріялъ изъ моей руки тѣло Христово, изготовленное (confectum) по обычаю Римской церкви. Затѣмъ монахъ остался съ нимъ и далъ ему въ мое отсутствіе какихъ-то напитковъ. На слѣдующій день онъ захворалъ смертельно. Тогда я взялъ масло ихъ, которое они называли святымъ, и помазалъ его по обряду Церкви, какъ онъ просилъ о томъ меня ранѣе. Нашего масла у меня не было, такъ какъ священники Сартаха удержали его все. Когда мы прочитали ему отходную, и я хотѣлъ быть при его кончинѣ, монахъ отослалъ меня домой, говоря, чтобы я удалился, такъ какъ если бы я остался тамъ, то не могъ бы входить въ домъ Мангу-хана вплоть до конца года. Когда я сообщилъ это друзьямъ больного, они сказали мнѣ, что это — правда, и попросили меня удалиться, чтобы не встрѣтить препятствія въ томъ благомъ дѣлѣ, которое я могъ бы подвинуть далѣе. Когда больной умеръ, монахъ сказалъ мнѣ: «Не безпокойтесь: я убилъ его своими молитвами. Онъ одинъ былъ ученый и противился намъ. Другіе ничего не знаютъ. Впредь всѣ они и самъ Мангу-ханъ придутъ къ нашимъ стопамъ». За-

тѣмъ онъ пересказалъ намъ вышеприведенный отвѣтъ гадателя; не вѣря ему, я спросилъ у священниковъ, друзей усопшаго, правда ли это. Они отвѣчали утвердительно, но не знали того, былъ ли онъ заранѣе предувѣдомленъ, или нѣтъ. Послѣ того я открылъ, что самъ монахъ призывалъ упомянутаго выше гадателя и его жену къ себѣ въ часовню и заставлялъ просѣвать пыль и гадать себѣ. У него былъ также какой-то русскій дьяконъ, который гадалъ ему. Когда я узналъ это, я ужаснулся его глупости и сказалъ ему: «Братъ, человѣкъ, исполненный Духа Святаго, Который всему учитъ, не долженъ искать отвѣтовъ или совѣта у гадателей; все это запрещено, и люди, этому слѣдующіе, отлучены». Тогда онъ началъ оправдывать себя тѣмъ, что это не правда, будто онъ ищетъ подобнаго. Я же былъ не въ силахъ удалиться отъ него, такъ какъ былъ помѣщенъ тамъ по приказу самого хана и не могъ переселиться безъ его особаго разрѣшенія.

ГЛАВА XLIV.

Описаніе города Каракарума. О томъ, какъ Мангу-ханъ послалъ своихъ братьевъ противъ разныхъ народовъ.

О городѣ Каракарумѣ да будетъ вашему величеству извѣстно, что, за исключеніемъ дворца, онъ уступаетъ даже (non ita bona) пригороду святаго Діонисія, а монастырь святаго Діонисія стоитъ вдесятеро больше, чѣмъ этотъ дворецъ. Тамъ имѣются два квартала: одинъ Сарациновъ, въ которомъ бываетъ базаръ, и многіе купцы стекаются туда изъ-за двора, который постоянно находится вблизи него, и изъ-за обилія пословъ; другой кварталъ Катайевъ, которые всѣ ремесленники. Внѣ этихъ кварталовъ находятся большіе дворцы, принадлежащіе придворнымъ секретарямъ. Тамъ находятся двѣнадцать кумиренъ различныхъ народовъ, двѣ мечети, въ которыхъ провозглашаютъ законъ Магомета, и одна христіанская церковь на краю города. Городъ окруженъ глиняной стѣною и имѣетъ 4 воротъ. У восточныхъ продается пшено и другое зерно, которое однако рѣдко ввозится; у западныхъ продаютъ барановъ и козъ; у южныхъ продаютъ быковъ и повозки; у сѣверныхъ продаютъ коней.

Слѣдуя за дворомъ, мы прибыли туда въ воскресенье предъ Вознесеніемъ. На слѣдующій день насъ, а именно: монаха, всѣхъ его домашнихъ, насъ и всѣхъ пословъ и иностранцевъ, которые посѣщали домъ монаха, позвалъ Булгай, главный секретарь и судья; предъ лицо Булгая насъ позвали по одиночкѣ, сперва монаха, а послѣ него насъ: они начали тщательно разспрашивать, откуда мы, зачѣмъ прибыли и въ чемъ состоитъ наше служеніе. Этотъ допросъ дѣлался потому, что Мангу-хану было доложено, будто че-

тыреста Человѣкоубійцъ прибыли въ различныхъ платьяхъ, чтобы убить его. Около этого времени вышеупомянутая госпожа снова захворала и послала за монахомъ, а тотъ, не желая идти, отвѣтилъ: «Она снова созвала вокругъ себя идолопоклонниковъ; пусть лѣчатъ ее, если могутъ. Я больше не пойду».

Наканунѣ Вознесенія Господня мы были во всѣхъ домахъ Мангу-хана, и я видѣлъ, какъ, когда онъ долженъ былъ пить, они выливали кумысъ на его войлочныхъ идоловъ. Тогда я сказалъ монаху: «Какое общеніе у Христа съ Вааломъ? Какое отношеніе у нашего креста къ этимъ идоламъ?»

Сверхъ того, у Мангу-хана имѣется восемь братьевъ: три единоутробныхъ и пять по отцу. Одного изъ единоутробныхъ онъ послалъ въ землю Человѣкоубійцъ, именуемыхъ ими Мулидетъ, и приказалъ всѣхъ ихъ умертвить. Другой отправился въ направленіи къ Персіи и уже вступилъ въ нее, собираясь, какъ полагаютъ, вступить въ Турецкую землю и готовясь отправить оттуда войско противъ Балдаха и Вастація. Одного изъ остальныхъ онъ послалъ въ Катайю, противъ нѣкіихъ народовъ, которые имъ еще не повинуются. Меньшого единоутробнаго брата, по имени Арабукху, Мангу удержалъ у себя; этотъ братъ занимаетъ дворъ ихъ матери, которая была христіанкой и рабомъ которой былъ мастеръ Вильгельмъ. Одинъ изъ братьевъ хана со стороны отца взялъ Вильгельма въ плѣнъ въ Венгріи, въ одномъ городѣ, по имени Белегравъ, въ которомъ былъ Нормандскій епископъ изъ Бельвиля, вблизи Руана; вмѣстѣ съ Вильгельмомъ былъ взятъ въ плѣнъ епископскій племянникъ, котораго я видѣлъ тамъ въ Каракарумѣ. Братъ хана отдалъ мастера Вильгельма матери Мангу, такъ какъ она очень настаивала на обладаніи имъ; по смерти ея мастеръ Вильгельмъ достался Арабукхѣ вмѣстѣ со всѣми другими, принадлежавшими ко двору матери, а черезъ него сталъ извѣстнымъ Мангу-хану, который далъ мастеру для выполненія вышеупомянутой работы 100 яскотовъ, то есть тысячу марокъ.

Итакъ наканунѣ Вознесенія Мангу-ханъ сказалъ, что хочетъ отправиться ко двору своей матери и посѣтить ее, такъ какъ это было уже близко. Монахъ же заявилъ, что хочетъ отправиться съ нимъ и дать свое благословеніе душѣ его матери. Это понравилось хану. Вечеромъ въ день Вознесенія состояніе здоровья вышеупомянутой госпожи сильно ухудшилось, и глава прорицателей послалъ къ монаху распоряженіе не бить въ доску. Хотя на слѣдующій день весь дворъ удалился, дворъ вышеупомянутой госпожи остался. Когда же мы прибыли на мѣсто остановки двора, то монаху приказано было расположиться отъ двора дальше, чѣмъ обыкно-

венно, что онъ и исполнилъ. Тогда Арабукха самъ выѣхалъ на встрѣчу брату своему хану. Монахъ же и мы, замѣтивъ, что онъ ѣдетъ мимо насъ, встрѣтили его со крестомъ. Онъ же, признавъ насъ, такъ какъ разъ былъ въ нашей часовнѣ, протянулъ руку и сдѣлалъ намъ ею крестъ, какъ епископъ. Тогда монахъ сѣлъ на коня и послѣдовалъ за нимъ, взявъ съ собою плоды. Арабукха же слѣзъ передъ дворомъ своего брата, ожидая его, пока тотъ не вернется съ охоты. Тогда монахъ слѣзъ тамъ же и поднесъ Арабукхѣ свои плоды, которые тотъ принялъ; рядомъ съ нимъ сидѣли два вельможи изъ двора самого хана, Саррацины. Арабукха, зная про вражду, существующую между христіанами и Саррацинами, спросилъ у монаха, знаетъ ли онъ упомянутыхъ Саррациновъ. Тотъ отвѣтилъ: «Знаю, потому что они собаки; зачѣмъ держишь ты ихъ возлѣ себя?» Тѣ возразили: «Зачѣмъ ты говоришь намъ обидныя рѣчи, тогда какъ мы не говоримъ тебѣ никакихъ?» Монахъ сказалъ имъ: «Я говорю правду, и вы, и Магометъ вашъ — презрѣнные псы». Тогда они начали отвѣчать богохульствами на Христа, но Арабукха удержалъ ихъ, говоря: «Не говорите, такъ какъ мы знаемъ, что Мессія—Богъ». Въ этотъ часъ поднялся внезапно такой сильный вѣтеръ по всей странѣ, что казалось, будто по ней бѣгаютъ демоны; немного спустя дошли слухи, что упомянутая госпожа умерла. На слѣдующій день ханъ вернулся къ своему двору по иной дорогѣ, а не по той, по которой выѣхалъ, ибо у нихъ существуетъ суевѣріе, что они никогда не возвращаются по той дорогѣ, по которой выѣзжаютъ. Кромѣ того, когда гдѣ побываетъ дворъ, то послѣ его удаленія никто, ни конный, ни пѣшій, не смѣетъ пройти по тому мѣсту, на которомъ пребывалъ дворъ, пока замѣтны слѣды огня, который тамъ былъ разведенъ. Въ этотъ день какіе-то Саррацины встрѣтились съ монахомъ на дорогѣ, вызывая его и споря съ нимъ. Такъ какъ онъ не умѣлъ защититься при помощи доводовъ, и они стали надъ нимъ насмѣхаться, то онъ хотѣлъ наказать ихъ плетью, которую держалъ въ рукѣ, и достигъ того, что вышеупомянутыя слова его и поступки были доведены до двора, и намъ было приказано, чтобы мы остановились съ другими послами, а не передъ дворомъ, гдѣ мы останавливались обычно.

Я же все надѣялся, что пріѣдетъ царь Армянскій. Также около Пасхи прибылъ нѣкто изъ Болата, гдѣ живутъ тѣ нѣмцы, ради которыхъ главнымъ образомъ я отправился туда; онъ сказалъ мнѣ, что этотъ нѣмецкій священникъ долженъ прибыть ко двору. И поэтому я не поднималъ никакого вопроса предъ Мангу о томъ, оставаться ли мнѣ или уѣхать; и сначала онъ далъ намъ позволеніе пробыть тамъ только два мѣсяца; а уже прошло четыре мѣсяца, даже пять. Именно это

происходило около конца мая, а мы оставались тамъ весь январь, февраль, мартъ, апрѣль и май. Я же, не слыша никакихъ извѣстій про царя или упомянутаго священника и боясь, что намъ придется возвращаться зимою, суровость которой мы испытали, поручилъ спросить у Мангу-хана, что онъ хочетъ дѣлать съ нами, такъ какъ мы охотно остались бы тамъ навсегда, если ему это было бы угодно; если же намъ надлежитъ вернуться, то намъ легче вернуться лѣтомъ, чѣмъ зимою. Ханъ тотчасъ послалъ ко мнѣ, приказывая мнѣ не отлучаться, такъ какъ на слѣдующій день онъ хочетъ поговорить со мною. Я же отвѣтилъ, что если онъ хочетъ говорить со мною, то пусть пошлетъ за сыномъ мастера Вильгельма, такъ какъ мой толмачъ былъ неудовлетворителенъ. Тотъ же, кто говорилъ со мною, былъ Саррацинъ и ѣздилъ посломъ къ Вастацію. Подкупленный его подарками, онъ посовѣтовалъ Вастацію отправить пословъ къ Мангу-хану, чтобы оттянуть время, такъ какъ Вастацій полагалъ, что они немедленно должны вступить въ его землю. И тотъ послалъ, а когда узналъ ихъ, то мало заботился о нихъ и не заключалъ съ ними мира, и они еще не вступали въ его страну, да и не смогутъ этого, лишь бы онъ осмѣлился защищаться. И они никогда никакой земли не брали силою, а только коварствомъ; и такъ какъ люди заключаютъ съ ними миръ, то они во время этого мира разоряютъ ихъ. Затѣмъ онъ сталъ усиленно разспрашивать про папу и короля Франковъ и о дорогахъ, ведущихъ къ нимъ. Монахъ же, слыша это, тихонько внушилъ мнѣ не отвѣчать, такъ какъ самъ хотѣлъ похлопотать о томъ, чтобы его отправили посломъ; поэтому я замолчалъ, не желая отвѣчать Саррацину. И онъ сказалъ мнѣ какое-то обидное слово, за которое священники несторіане хотѣли жаловаться на него, и его убили бы или крѣпко поколотили бы, но я не пожелалъ этого.

ГЛАВА XLV.

Какъ насъ нѣсколько разъ разспрашивали. Наши бесѣды и споры съ идолопоклонниками.

На слѣдующій день, именно въ воскресенье предъ Пятидесятницей, меня повели ко двору; ко мнѣ пришли старшіе секретари двора. Одинъ изъ нихъ, Моалъ, подаетъ чашу самому хану, а другіе Саррацины, и они стали спрашивать меня отъ имени хана, зачѣмъ я прибылъ. Тогда я пересказалъ имъ вышеприведенныя слова, а именно какъ я прибылъ къ Сартаху, а отъ Сартаха къ Батыю, и какъ Батый послалъ меня сюда; затѣмъ я сказалъ для передачи хану: «Мнѣ нечего сказать ему отъ имени

какого-нибудь человѣка (ибо онъ самъ долженъ знать, что Батый написалъ ему); я могъ бы сказать только слова Божіи, если онъ захочетъ ихъ выслушать». Они уцѣпились за эти слова, спрашивая, какія Божіи слова я хочу сказать ему, думая, что я хочу предсказать ему какую-нибудь удачу, какъ поступаютъ многіе другіе. Я отвѣтилъ имъ: «Если вы хотите, чтобы я сказалъ ему слова Божіи, устройте, чтобы я имѣлъ толмача». Они отвѣтили: «Мы послали за нимъ, а теперь говорите, какъ можете, чрезъ присутствующаго здѣсь толмача: мы хорошо поймемъ васъ». И они усиленно понуждали меня говорить. Тогда я сказалъ: «Кому больше поручено, съ того больше взыщется. И еще: кому больше дано, тотъ долженъ больше и возлюбить. Съ этими словами Божіими я и обращаюсь къ самому Мангу, ибо Богъ далъ ему великую власть, и богатства, которыя онъ имѣетъ, дали ему не идолы Тунновъ, а всемогущій Богъ, Который создалъ небо и землю, и въ рукѣ Коего находятся всѣ царства, и Онъ переноситъ ихъ изъ народа въ народъ за грѣхи людей. Отсюда если ханъ возлюбитъ Его, хорошо будетъ ему; иначе же да узнаетъ онъ, что Богъ взыщетъ съ него все до послѣдняго гроша (quadrantem)». Тогда одинъ изъ тѣхъ Сарраціновъ сказалъ: «Есть ли какой-нибудь человѣкъ, который не любилъ бы Бога?» Я отвѣтилъ: «Богъ говоритъ: Если кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ Мои заповѣди, а кто не любитъ Меня, тотъ не соблюдаетъ Моихъ заповѣдей. Итакъ кто не соблюдаетъ заповѣдей Божіихъ, тотъ не любитъ Бога». Тогда тотъ возразилъ: «Развѣ вы были на небѣ, чтобы знать заповѣди Божіи?»—«Нѣтъ», сказалъ я, «но Онъ Самъ далъ ихъ съ неба святымъ людямъ, и напослѣдокъ Самъ сошелъ съ неба, уча насъ, и мы имѣемъ ихъ въ писаніяхъ и видимъ въ дѣяніяхъ людей, когда они ихъ соблюдаютъ или нѣтъ». На это онъ сказалъ: «Итакъ вы хотите сказать, что Мангу-ханъ не хранитъ заповѣдей Божіихъ?» Я отвѣтилъ: «Какъ вы говорите, придетъ толмачъ, и я предъ лицомъ Мангу-хана, если ему будетъ угодно, прочитаю заповѣди Божіи, чтобы онъ самъ судилъ о себѣ, соблюдаетъ онъ ихъ или нѣтъ». Тогда они удалились и сказали ему, что я назвалъ его идолопоклонникомъ, или Тунномъ, и сказалъ, что онъ не соблюдаетъ заповѣдей Божіихъ. На слѣдующій день онъ прислалъ ко мнѣ своихъ секретарей съ такимъ порученіемъ: «Господинъ нашъ посылаетъ насъ къ вамъ съ такими словами: вы здѣсь христіане, Сарацины и Тунны. И каждый изъ васъ говоритъ, что его законъ лучше, и его письмена, то есть книги, правдивѣе. Поэтому ханъ желалъ бы, чтобы вы всѣ собрались воедино и устроили сравненіе [закона]; пусть каждый напишетъ свое ученіе (dicta) такъ, чтобы ханъ могъ узнать истину». Тогда я сказалъ: «Благословенъ Богъ, Который вложилъ это въ сердце хана. Но

Писаніе наше сказало, что рабу Господню не подобаетъ ссориться, а слѣдуетъ быть кроткимъ ко всѣмъ; поэтому я готовъ безъ спора и борьбы отдать отчетъ въ вѣрѣ и надеждѣ Христіанской предъ всякимъ того требующимъ». Они записали эти слова и доложили ему. Затѣмъ было объявлено несторіанамъ, а равно и Саррацинамъ и такимъ же образомъ Туинамъ, чтобы они позаботились о себѣ и написали то, что захотятъ сказать. На слѣдующій день онъ снова прислалъ секретарей съ порученіемъ: «Мангу-ханъ хотѣлъ бы знать, по какой причинѣ прибыли вы въ эти страны». Я отвѣтилъ имъ: «Онъ долженъ самъ знать это изъ грамоты Батыя». Тогда они отвѣтили: «Грамота Батыя затерялась, и ханъ предалъ забвенію то, что написалъ ему Батый; поэтому онъ хотѣлъ бы знать это отъ васъ». Тогда, ободрившись, я сказалъ имъ: «На обязанности нашей религіи лежитъ проповѣдовать Евангеліе всѣмъ людямъ. Поэтому, когда я услышалъ про славу племени Моаловъ, я возымѣлъ желаніе пройти къ нимъ; пока я пребывалъ въ этомъ желаніи, мы услышали про Сартаха, что онъ христіанинъ. Тогда я направилъ свой путь къ нему. И господинъ король Франковъ послалъ ему грамоту, содержащую добрыя слова, и въ числѣ прочихъ словъ свидѣтельствовалъ ему про насъ, что мы за люди, прося позволенія намъ остаться среди людей Моаловъ. Тогда онъ послалъ насъ къ Батыю, а Батый послалъ насъ къ Мангу-хану, поэтому мы просили его и теперь просимъ позволить намъ остаться». Они записали все и на слѣдующій день доложили ему. Онъ снова прислалъ ихъ ко мнѣ съ порученіемъ: «Ханъ хорошо знаетъ, что среди васъ нѣтъ никакого посла къ нему, а что вы пришли молиться за него, какъ и другіе праведные священники; но онъ спрашиваетъ, были ли когда нибудь ваши послы у насъ, или наши у васъ». Тогда я разсказалъ имъ все про Давида и про брата Андрея, и они записали все и доложили ему. Тогда онъ снова послалъ ко мнѣ съ порученіемъ: «Господинъ ханъ говоритъ: «Вы долго пребывали здѣсь; онъ хочетъ, чтобы вы вернулись въ свою землю, и спрашиваетъ, желаете ли вы взять съ собою его посла». Я отвѣтилъ имъ: «Я не посмѣлъ бы взяться провожать его пословъ за предѣлы его земли, такъ какъ между нами и вами есть земля, гдѣ идетъ война (terra guerre), а также море и горы; кромѣ того, я — только бѣдный монахъ; поэтому я не посмѣлъ бы взять ихъ къ себѣ въ спутники». И они, записавъ все, вернулись.

Насталъ канунъ Пятидесятницы. Несторіане написали хронику отъ сотворенія міра до Страстей Христовыхъ и, совершенно миновавъ Страсти, коснулись Вознесенія, Воскресенія мертвыхъ и пришествія на Судъ; въ этой записи было кое-что подлежащее возраженію, что я имъ и указалъ. Мы же

просто написали символъ, поющійся въ обѣдню: «Вѣрую во единаго Бога». Затѣмъ я спросилъ у нихъ, какъ они хотятъ поступать дальше. Они сказали, что сначала хотятъ вести разсужденіе съ Сарацинами. Я сказалъ имъ, что это не хорошо, такъ какъ Сарацины согласуются съ нами въ томъ, что признаютъ единаго Бога: «Поэтому вы имѣете въ нихъ помощниковъ противъ Туиновъ». И они согласились съ этимъ. Затѣмъ я спросилъ у нихъ, знаютъ ли они, какъ идолопоклонство получило начало въ мірѣ, и они не знали. Тогда я разсказалъ имъ, и они сказали: «Вы разскажете это имъ, а затѣмъ оставьте говорить насъ, такъ какъ трудно бесѣдовать черезъ толмача». Я сказалъ имъ: «Попробуйте, какъ вы будете держаться противъ нихъ. Я приму на себя сторону Туиновъ, а вы примите сторону христіанъ. Допустимъ такъ, что я принадлежу къ этой сектѣ; такъ какъ они говорятъ, что Бога нѣтъ, докажите, что Богъ существуетъ». Ибо тамъ существуетъ нѣкая секта, утверждающая, что всякая душа и всякая сила въ какой-нибудь вещи и есть Богъ этой вещи, и что иначе Бога не существуетъ. Тогда несторіане не умѣли ничего доказать, а разсказывали только то, что разсказываетъ Писаніе. Я сказалъ: «Они не вѣрятъ Писанію, и вы разскажете одно, а они разскажутъ другое». Затѣмъ я посовѣтовалъ имъ позволить мнѣ раньше сойтись съ ними, такъ какъ, если я буду приведенъ въ замѣшательство, имъ останется еще случай говорить; если же они будутъ приведены въ замѣшательство, то меня затѣмъ могутъ и не выслушать. Они согласились. Итакъ въ канунъ Пятидесятницы мы собрались въ нашей часовнѣ, и Мангу-ханъ прислалъ трехъ секретарей, чтобы быть третейскими судьями: одного христіанина, одного Сарацина и одного Туина; и было заявлено: «Приказъ Мангу слѣдующій, и никто да не дерзаетъ говорить, что этотъ приказъ разнится отъ приказа Божія. Онъ приказываетъ, чтобы никто подъ угрозой смертной казни не смѣлъ говорить ѣдкихъ или оскорбительныхъ для другого словъ, и чтобы никто не устраивалъ смуты, могущей помѣшать этому дѣлу». Тогда всѣ смолкли. И тамъ было большое количество народа, ибо каждая сторона призвала мудрѣйшихъ изъ своего племени, и, кромѣ того, стеклось много другихъ. Затѣмъ христіане поставили меня въ серединѣ и указали Туинамъ говорить со мною. Тогда тѣ, собравшіеся тамъ въ большомъ количествѣ, начали роптать на Мангу-хана, такъ какъ никогда никакой ханъ не посягалъ на то, чтобы открывать ихъ тайны. Затѣмъ они выставили противъ меня одного, прибывшаго изъ Катайи и имѣвшаго своего толмача, а у меня былъ сынъ мастера Вильгельма. И тотъ противникъ сперва сказалъ мнѣ: «Другъ, если ты будешь припертъ къ стѣнѣ, то поищи другого поумнѣе себя». Я промолчалъ. Тогда онъ спросилъ, о чемъ я хочу разсуждать раньше,

о томъ ли, какъ образовался міръ, или о томъ, что будетъ съ душами послѣ смерти. Я отвѣтилъ ему: «Другъ, это не должно быть началомъ нашей бесѣды. Все отъ Бога, и Самъ Онъ—источникъ и глава всего, поэтому мы сперва должны говорить о Богѣ, о Которомъ вы мыслите иначе, чѣмъ мы, и Мангу хочетъ знать, кто вѣруетъ лучше». Тогда посредники признали это справедливымъ. Онъ хотѣлъ начать съ упомянутыхъ выше вопросовъ, такъ какъ они считаютъ ихъ болѣе обоснованными; ибо всѣ они примыкаютъ къ тому еретическому ученію Манихеевъ, что одна половина вещей дурна, а другая хороша, и что существуютъ по крайней мѣрѣ два основныхъ начала, а о душахъ они всѣ мыслятъ такъ, что тѣ переходятъ изъ тѣла въ тѣло. Даже и болѣе ученый изъ несторіанскихъ священниковъ спрашивалъ у меня про души скотовъ, могутъ ли онѣ убѣжать куда-нибудь, чтобы не быть вынужденными къ труду послѣ смерти. Для подтвержденія этого заблужденія, какъ разсказывалъ мнѣ мастеръ Вильгельмъ, они даже привезли изъ Катайи одного мальчика, которому, судя по росту его тѣла, еще не было трехъ лѣтъ отъ роду. Однако онъ вполнѣ обладалъ разумомъ и самъ говорилъ про себя, что трижды подвергался воплощенію; онъ умѣлъ читать и писать. Итакъ я сказалъ упомянутому выше Туину: «Мы твердо вѣримъ сердцемъ и признаемъ устами, что Богъ существуетъ, и существуетъ только единый Богъ, и Онъ единъ совершеннымъ единствомъ. Во что вѣришь ты?» И онъ сказалъ: «Глупцы говорятъ, что существуетъ только единый Богъ, а мудрецы говорятъ, что боговъ много. Развѣ въ твоей землѣ нѣтъ великихъ владыкъ, и развѣ здѣсь нѣтъ наибольшаго владыки, Мангу-хана? Такъ обстоитъ дѣло и съ богами, такъ какъ они различны въ различныхъ странахъ». Я возразилъ ему: «Ты приводишь плохой примѣръ; не можетъ быть сравненія отъ людей къ Богу; ибо такимъ образомъ всякій могущественный въ своей землѣ человѣкъ могъ бы назваться Богомъ». И въ то время какъ я желалъ уничтожить его сравненіе, онъ опередилъ меня вопросомъ: «Каковъ твой Богъ, о Которомъ ты говоришь, что Онъ только единъ?» Я отвѣтилъ: «Нашъ Богъ, кромѣ Котораго нѣтъ иного, всемогущъ и потому не нуждается въ чьей либо помощи. Наоборотъ мы всѣ нуждаемся въ Его помощи. Не такъ обстоитъ дѣло съ людьми. Ни одинъ человѣкъ не можетъ всего, и потому на землѣ надлежитъ быть нѣсколькимъ владыкамъ, такъ какъ никто не можетъ снести всего. Точно также Онъ знаетъ все и потому не нуждается въ совѣтникѣ. Наоборотъ, вся мудрость отъ Него. Точно также Онъ всеблагъ и не нуждается въ нашихъ благахъ. Наоборотъ, Имъ мы живемъ, движемся и существуемъ. Таковъ нашъ Богъ, и потому не слѣдуетъ предполагать другого».—«Нѣтъ», сказалъ онъ, «не такъ. Наоборотъ,

на небѣ есть единый высочайшій, происхожденія котораго мы еще не знаемъ; подъ его властью находятся десять; а подъ ними одинъ низшій. На землѣ же ихъ безконечное количество». Онъ хотѣлъ плести и другія басни, но я тогда спросилъ его о томъ высочайшемъ, вѣритъ ли онъ, что тотъ всемогущъ, или думаетъ это про какого-нибудь другого бога. Боясь отвѣчать, онъ спросилъ: «Если твой Богъ таковъ, какъ ты говоришь, то почему Онъ создалъ половину вещей дурною?»—«Это ложь», сказалъ я; «кто сдѣлалъ зло, тотъ не Богъ. И все, что только существуетъ, хорошо». При этихъ словахъ всѣ Туины изумились и занесли это въ писаніе, какъ ложь или невозможное. Тогда онъ началъ спрашивать: «Откуда же, стало быть, происходитъ зло?»—«Ты плохо спрашиваешь», сказалъ я: «раньше чѣмъ спросить, откуда зло, ты долженъ спросить, что такое зло. Но вернись къ первому вопросу; вѣришь ли ты, что какой нибудь богъ всемогущъ, а послѣ этого я отвѣчу тебѣ на все, что захочешь спросить». И онъ долгое время сидѣлъ, не желая отвѣчать, такъ что слушатели секретари отъ имени хана приказали ему отвѣтить. Наконецъ онъ отвѣтилъ, что ни одинъ богъ не всемогущъ. Тогда всѣ Сарацины разразились громкимъ смѣхомъ. Когда настала тишина, я сказалъ: «Стало быть, ни одинъ изъ твоихъ боговъ не можетъ спасти тебя во всякой опасности, ибо можетъ оказаться такой случай, когда у него нѣтъ власти. Кромѣ того, никто не можетъ служить двумъ господамъ: какъ же можешь ты служить столькимъ богамъ на небѣ и на землѣ?» Слушатели сказали ему, чтобы онъ отвѣчалъ, а онъ совершенно умолкъ. И, когда я хотѣлъ распространиться въ присутствіи всѣхъ объ единствѣ Божественнаго существа и о Троичности, мѣстные несторіане сказали мнѣ, что этого довольно, такъ какъ они хотѣли говорить сами. Тогда я уступилъ имъ, и, когда они хотѣли вести преніе съ Сарацинами, эти послѣдніе отвѣтили: «Мы признаемъ, что вашъ законъ истиненъ, и что все, находящееся въ Евангеліи,—правда, поэтому мы не желаемъ имѣть съ вами о чемъ-нибудь преніе». И они признались, что во всѣхъ молитвахъ молятся, чтобы Господь далъ имъ умереть христіанскою смертію. Тамъ былъ одинъ старикъ священникъ изъ секты Югуровъ, которые признаютъ единаго Бога, а все же изготовляютъ идоловъ. Несторіане долго говорили съ нимъ, разсказывая все вплоть до прибытія Антихриста въ міръ и даже разъясняя ему и Сарацинамъ Троичность путемъ сравненій. Всѣ выслушали безъ всякаго противорѣчія, но никто однако не сказалъ: «Вѣрую; хочу стать христіаниномъ». По окончаніи этого, несторіане такъ же, какъ и Сарацины, громко запѣли, а Туины молчали, и послѣ того всѣ обильно выпили.

ГЛАВА XLVI.

Какъ призывалъ насъ ханъ къ себѣ въ день Пятидесятницы. О Татарскомъ вѣроисповѣданіи. Бесѣда о нашемъ обратномъ пути.

Въ день Пятидесятницы самъ Мангу-ханъ позвалъ меня предъ свое лицо, равно какъ и того Туина, съ которымъ я имѣлъ преніе. Раньше, чѣмъ мнѣ войти, толмачъ, сынъ мастера Вильгельма, сказалъ мнѣ, что намъ надлежитъ вернуться въ свои страны, и что я не долженъ противорѣчить этому, такъ какъ онъ узналъ про это навѣрное. Когда я пришелъ предъ лицо хана, мнѣ надлежало преклонить колѣна, что сдѣлалъ рядомъ со мною и Туинъ со своимъ толмачемъ. Затѣмъ ханъ сказалъ мнѣ: «Скажите мнѣ правду, сказали ли вы однажды, когда я посылалъ къ вамъ своихъ секретарей, что я Туинъ?» Тогда я отвѣтилъ: «Государь, я не сказалъ этого; но, если вамъ угодно, я скажу вамъ тѣ слова, которыя я сказалъ». Затѣмъ я повторилъ то, что сказалъ, и онъ отвѣтилъ: «Я правильно подумалъ, что вы не сказали, такъ какъ не это слово вы должны были бы сказать, но вашъ толмачъ плохо перевелъ». И онъ протянулъ ко мнѣ посохъ, на который опирался, говоря: «Не бойтесь». Я, улыбаясь, сказалъ тихо: «Если бы я боялся, то не пришелъ бы сюда». Ханъ спросилъ у толмача, что я сказалъ, и тотъ перевелъ ему. Затѣмъ онъ началъ исповѣдовать мнѣ свою вѣру: «Мы, Моалы», сказалъ онъ, «вѣримъ, что существуетъ только единый Богъ, Которымъ мы живемъ и Которымъ умремъ, и мы имѣемъ къ Нему открытое прямо сердце». Тогда я сказалъ: «Онъ Самъ воздастъ за это, такъ какъ безъ Его дара этого не можетъ быть». Онъ спросилъ, что я сказалъ; толмачъ сказалъ ему; тогда онъ прибавилъ: «Но какъ Богъ далъ рукѣ различные пальцы, такъ Онъ далъ людямъ различные пути. Вамъ Богъ далъ Писаніе, и вы, христіане, не храните его. Вы не находите, что одинъ долженъ порицать другого; находите ли вы это?»—«Нѣтъ, Государь», сказалъ я, «но я сначала объявилъ вамъ, что не хотѣлъ бы ссориться съ кѣмъ-нибудь».—«Я не говорю», отвѣчалъ онъ, «про васъ. Равнымъ образомъ вы не находите, что за деньги человѣкъ долженъ отклоняться отъ справедливости».—«Нѣтъ, Государь», отвѣчалъ я: «и во всякомъ случаѣ я не пріѣзжалъ въ эти страны за добываніемъ денегъ, а наоборотъ—отказался отъ тѣхъ, которыя мнѣ давали». И тутъ былъ секретарь, засвидѣтельствовавшій, что я отказался отъ одного яскота и отъ шелковыхъ тканей. «Я не говорю», сказалъ онъ, «про это. Итакъ вамъ Богъ далъ Писаніе, и вы не храните его; намъ же Онъ далъ гадателей, и мы исполняемъ

то, что они говорятъ намъ, и живемъ въ мирѣ. Прежде чѣмъ высказать это, онъ пилъ, какъ я думаю, раза четыре. И, когда я внимательно слушалъ, ожидая, не пожелаетъ ли онъ исповѣдать еще что-нибудь изъ своей вѣры, онъ началъ бесѣдовать о моемъ возвращеніи, говоря: «Ты долго оставался здѣсь; я хочу, чтобы ты вернулся. Ты сказалъ, что не смѣешь взять съ собою моихъ пословъ; хотѣлъ ли бы ты передать мои слова или мою грамоту?» И съ тѣхъ поръ я не имѣлъ случая или времени объяснить ему католическую вѣру. Ибо съ нимъ можно говорить только столько, сколько онъ хочетъ, кромѣ того случая, когда говорящій — посолъ; а посолъ можетъ говорить все, что хочетъ, и они всегда спрашиваютъ, желаетъ ли онъ говорить еще и другое. Мнѣ же онъ не позволилъ говорить больше, но мнѣ надлежало слушать его и отвѣчать на вопросы. Тогда я отвѣтилъ ему, чтобы онъ приказалъ мнѣ уразумѣть его слова и изложить ихъ письменно, и тогда я охотно передалъ бы ихъ, насколько это у меня въ силахъ. Затѣмъ онъ спросилъ, желаю ли я золота, серебра или драгоцѣнныхъ одѣяній. Я отвѣтилъ: «Мы не принимаемъ ничего подобнаго, но у насъ нѣтъ, чѣмъ возмѣстить издержки, и безъ вашей помощи мы не можемъ выбраться изъ вашей земли». Тогда онъ сказалъ: «Я прикажу, чтобы у тебя было все необходимое въ моей землѣ; хочешь ты большаго?» Я отвѣтилъ: «Съ меня достаточно этого». Тогда онъ спросилъ меня: «До которыхъ поръ ты желаешь проводника?» Я сказалъ: «Наше могущество простирается вплоть до земли царя Арменіи; если бы меня проводили до тѣхъ поръ, мнѣ было бы достаточно». Онъ отвѣтилъ: «Я прикажу проводить тебя до тѣхъ поръ, а затѣмъ самъ заботься о своей безопасности». И онъ прибавилъ: «У головы два глаза, и хотя ихъ два, однако зрѣніе ихъ одно, и куда одинъ направляетъ взоръ, туда и другой. Ты прибылъ отъ Батыя, и потому тебѣ слѣдуетъ вернуться черезъ его владѣнія». Послѣ этихъ словъ я попросилъ у него позволенія высказаться. «Говори», — сказалъ онъ. Тогда я сказалъ: «Государь, мы люди не воинственные. Мы хотѣли бы, чтобы господство надъ міромъ было у тѣхъ людей, которые будутъ справедливѣе управлять имъ, согласно волѣ Божіей. Наша обязанность учить людей жить согласно волѣ Божіей. Для этого мы прибыли въ эти страны и охотно остались бы, если бы вамъ это было угодно. Разъ вамъ угодно, чтобы мы вернулись, этому надлежитъ быть. Я вернусь и доставлю вашу грамоту, насколько это у меня въ силахъ, сообразно съ тѣмъ, какъ вы прикажете. Я хотѣлъ бы просить у вашего великолѣпія, чтобы, когда я доставлю вашу грамоту, мнѣ было позволено, если на то будетъ ваше согласіе, вернуться къ вамъ, въ особенности, потому, что у васъ въ Болатѣ есть ваши

бѣдные рабы, которые говорятъ на нашемъ языкѣ, и они нуждаются въ священникѣ, который бы училъ ихъ и дѣтей ихъ закону ихъ и охотно пребывалъ бы съ ними». Тогда онъ отвѣтилъ: «Согласенъ, если твои государи пошлютъ тебя снова ко мнѣ». Тогда я сказалъ: «Государь, я не знаю намѣренія своихъ государей, но у меня есть отъ нихъ позволеніе идти, куда я захочу, гдѣ было бы необходимо проповѣдать слово Божіе, и мнѣ кажется, что это было бы вполнѣ необходимо въ этихъ странахъ; поэтому, пришлетъ ли онъ вамъ обратно пословъ, или нѣтъ, я вернулся бы, если бы это было угодно вамъ». Тогда онъ замолчалъ и долгое время сидѣлъ, какъ бы размышляя, и толмачъ сказалъ мнѣ, чтобы я не говорилъ больше. Я же ждалъ, обезпокоенный, что онъ отвѣтитъ. Наконецъ онъ сказалъ: «Тебѣ предстоитъ сдѣлать далекій путь; подкрѣпись пищей, чтобы имѣть возможность крѣпкимъ вернуться въ свою землю». И онъ приказалъ дать мнѣ пить. Затѣмъ я вышелъ отъ лица его и послѣ того не возвращался. Если бы я, подобно Моисею, имѣлъ возможность дѣлать знаменія, можетъ быть, онъ преклонился бы.

ГЛАВА XLVII.

О прорицателяхъ и колдунахъ у Татаръ; объ ихъ обычаяхъ и дурной жизни.

Итакъ прорицатели, какъ призналъ самъ ханъ, являются ихъ жрецами, и все, что они предписываютъ дѣлать, совершается безъ замедленія. Я опишу вамъ ихъ обязанности, насколько я могъ узнать про это отъ мастера Вильгельма и отъ другихъ лицъ, сообщавшихъ мнѣ правдоподобное. Прорицателей много, и у нихъ всегда имѣется глава, какъ бы папа (pontifex), всегда располагающій свое жилище вблизи главнаго дома Мангу-хана, передъ нимъ, на разстояніе полета камня. Подъ охраной этого жреца, какъ я упомянулъ выше, находятся повозки, везущія ихъ идоловъ. Другіе прорицатели живутъ сзади двора, въ мѣстахъ имъ назначенныхъ; къ нимъ стекаются изъ различныхъ странъ міра люди, вѣрующіе въ ихъ искусство. Нѣкоторые изъ нихъ, и въ особенности первенствующій, знаютъ нѣчто изъ астрономіи и предсказываютъ имъ затмѣніе солнца и луны. И, когда это должно случиться, весь народъ приготовляетъ имъ пищу, такъ что имъ не должно выходить за двери своего дома. И, когда происходитъ затмѣніе, они бьютъ въ барабаны и другіе инструменты, производя великій шумъ и крикъ. По окончаніи же затмѣнія, они предаются попойкамъ и пиршествамъ, обнаруживая великую радость. Они указываютъ напередъ дни счастливые и несчастные для производства всѣхъ дѣлъ; отсюда Татары

никогда не собираютъ войска и не начинаютъ войны безъ ихъ рѣшительнаго слова; они [Татары] давно вернулись бы въ Венгрію, но прорицатели не позволяютъ этого. Они переправляютъ между огнями все, посылаемое ко двору, и имѣютъ отъ этого надлежащую долю. Они очищаютъ также всякую утварь усопшихъ, проводя ее черезъ огонь. Именно, когда кто-нибудь умираетъ, все, принадлежавшее ему, отдѣляется и не смѣшивается съ другими вещами двора, пока все не будетъ очищено огнемъ. Такъ, видѣлъ я, поступили съ дворомъ той госпожи, которая скончалась, пока мы были тамъ. Отсюда брату Андрею и его товарищамъ надлежало пройти между

Обрядъ очищенія огнемъ.

огнями по двумъ причинамъ: во-первыхъ, они несли подарки, во-вторыхъ, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кенъ-хану. Отъ меня ничего подобнаго не требовали, такъ какъ я ничего не принесъ. Если какое нибудь животное или что нибудь другое упадетъ на землю, пока они проводятъ это такимъ образомъ между огней, то это принадлежитъ имъ. Также въ девятый день мая мѣсяца они собираютъ всѣхъ бѣлыхъ кобылицъ стада и освящаютъ ихъ. Туда надлежитъ собраться также и христіанскимъ священникамъ съ ихъ кадиломъ. Затѣмъ они выливаютъ новый кумысъ на землю и устраиваютъ въ тотъ день большой праздникъ,

такъ какъ считаютъ, что они пьютъ тогда впервые новый кумысъ, какъ у насъ поступаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ виномъ въ праздникъ св. Варѳоломея или св. Сикста и съ плодами въ праздникъ св. Іакова или св. Христофора. Прорицателей зовутъ также, когда родится какой нибудь мальчикъ, чтобы они предсказали судьбу его; зовутъ ихъ и когда кто-нибудь захвораетъ, и они произносятъ свои заклинанія и рѣшаютъ, естественная ли это немощь, или она произошла отъ колдовства. По этому случаю женщина изъ Меца, о которой я упомянулъ выше, разсказала мнѣ нѣчто удивительное.

Однажды сдѣлали подарокъ изъ очень драгоцѣнныхъ мѣховъ, которые были назначены ко двору той госпожи, которая была христіанкой, какъ я сказалъ выше, и прорицатели пронесли мѣха между огней, взявъ изъ нихъ болѣе, чѣмъ имъ слѣдовало бы. Одна женщина, подъ надзоромъ которой была сокровищница госпожи, обвинила ихъ передъ ней за это; поэтому госпожа выразила имъ порицаніе. Послѣ этого вышло такъ, что госпожа начала хворать и испытывать какія-то внезапныя страданія въ различныхъ членахъ тѣла. Позвали прорицателей, и они, сидя издалека, приказывали одной изъ дѣвушекъ положить руку на мѣсто боли и сорвать то, что она найдетъ. Тогда та вставала, дѣлала такъ и находила у себя въ рукѣ кусокъ войлока или какую нибудь другую вещь. Затѣмъ они приказывали положить это на землю; когда дѣвушка полагала вещь, то та начинала ползать, словно какое-нибудь живое существо. Затѣмъ вещь клали въ воду, и она будто бы превращалась въ піявку, а прорицатели говорили: «Госпожа, какая нибудь колдунья такъ испортила васъ своимъ колдовствомъ», и они обвинили ту, которая раньше обвинила ихъ за мѣха. Ее вывели изъ стана на поля, семь дней били палками и подвергали другимъ наказаніямъ, чтобы она созналась. А межъ тѣмъ сама госпожа умерла. Услышавъ это, служанка сказала имъ: «Знаю, что госпожа моя умерла; убейте меня, чтобы я отправилась вслѣдъ за ней, такъ какъ я никогда не дѣлала ей зла». И такъ какъ она ни въ чемъ не сознавалась, то Мангу приказалъ позволить ей остаться въ живыхъ; и тогда прорицатели обвинили кормилицу дочери госпожи, про которую я сказалъ выше, что она была христіанкой, и мужъ этой кормилицы пользовался наибольшимъ почетомъ среди всѣхъ священниковъ-несторіанъ. Ее отвели на пытку съ одной ея служанкой, чтобы она созналась; и служанка созналась, что госпожа ея посылала ее поговорить съ какимъ-то конемъ и спросить у него отвѣтовъ. И сама женщина созналась кое въ чемъ, что она дѣлала, чтобы заслужить любовь у господина и чтобы тотъ оказалъ ей милость, но она не сдѣлала ничего, что могло бы ему повредить. Ее спросили также, былъ ли ея мужъ соучаст-

никомъ. Она оправдала его, такъ какъ сожгла знаки и буквы, которые сдѣлала. Затѣмъ ее убили; и Мангу самъ послалъ ея мужа священника на судъ къ его епископу, бывшему въ Катаѣ, хотя этотъ священникъ и не оказался ни въ чемъ виновнымъ.

Межъ тѣмъ случилось, что первая жена Мангу-хана родила сына, и прорицателей позвали предсказать судьбу младенца; всѣ они пророчествовали счастливое, говоря, что онъ будетъ долго жить и станетъ великимъ государемъ. Спустя немного дней случилось, что этотъ мальчикъ умеръ. Тогда мать въ ярости позвала прорицателей и сказала имъ: «Вы сказали, что сынъ мой будетъ жить, а вотъ онъ умеръ». Тогда тѣ отвѣтили ей: «Госпожа, вотъ мы видимъ ту колдунью, кормилицу Хирины, которая была убита нѣкогда. Она убила вашего сына, и вотъ мы видимъ, какъ она его уноситъ». А у этой женщины остались въ становищѣ взрослые сынъ и дочь; госпожа въ ярости послала за ними и приказала мущинѣ убить юношу, а женщинѣ дѣвушку, въ отомщеніе за ея сына, про котораго прорицатели сказали, что мать ихъ убила его. Послѣ этого упомянутыя дѣти привидѣлись во снѣ хану, и онъ спросилъ утромъ, что сталось съ ними. Прислужники его побоялись сказать; тогда онъ, еще болѣе обезпокоенный, спросилъ, гдѣ они, такъ какъ они предстали предъ нимъ ночью въ видѣніи. Тогда ему сказали, и онъ тотчасъ послалъ къ своей женѣ спросить у нея, съ чего она взяла, что женщина можетъ произносить смертный приговоръ безъ вѣдома своего мужа; и онъ приказалъ запереть ее на семь дней, приказывая не давать ей пищи. Мущину же, который умертвилъ юношу, ханъ приказалъ обезглавить, а голову его повѣсить на шею женщины, убившей молодую дѣвушку, и приказалъ бить ее раскаленными головнями, гоня черезъ станъ, а затѣмъ убить. Онъ убилъ бы также и жену, но пощадилъ ее только ради дѣтей, которыхъ имѣетъ отъ нея; но она вышла изъ своего двора и вернулась туда только по прошествіи мѣсяца.

Прорицатели также возмущаютъ воздухъ своими заклинаніями, и, когда отъ естественныхъ причинъ наступаетъ столь сильный холодъ, что они не могутъ примѣнить никакого средства, они выискиваютъ тогда какихъ-нибудь лицъ въ становищѣ, обвиняя ихъ, что черезъ нихъ наступаетъ холодъ, и тѣхъ убиваютъ безъ всякаго замедленія. Незадолго предъ моимъ удаленіемъ оттуда, одна изъ наложницъ хана занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинанія надъ одной рабыней ея, нѣмкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла въ себя, то у нея спросили, что она видѣла; и она видѣла многихъ лицъ; про нихъ всѣхъ прорицатели объявили, что тѣ скоро должны умереть, а такъ какъ дѣвушка не ви-

дала тамъ своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умретъ отъ этой немощи. Я видѣлъ эту дѣвушку, у ней еще сильно болѣла голова послѣ этого усыпленія. Нѣкоторые изъ прорицателей также призываютъ демоновъ и созываютъ тѣхъ, кто хочетъ имѣть отвѣты отъ демоновъ, ночью къ своему дому, полагая по рединѣ дома вареное мясо; и тотъ хамъ, который призываетъ, начинаетъ произносить свои заклинанія и, держа барабанъ, ударяетъ имъ съ силой о землю. Наконецъ онъ начинаетъ бѣсноваться, и его начинаютъ вязать. Тогда демонъ является во мракѣ, и хамъ даетъ ему ѣсть мяса, а тотъ даетъ отвѣты. Однажды, какъ сообщилъ мнѣ мастеръ Вильгельмъ, одинъ венгерецъ спрятался вмѣстѣ съ ними, и демонъ, появившись надъ домомъ, кричалъ, что ему нельзя войти, такъ какъ съ ними находится какой-то христіанинъ. Слыша это, тотъ убѣжалъ съ поспѣшностью, такъ какъ они стали разыскивать его. Прорицатели устрояютъ это и многое другое, разсказывать что было бы слишкомъ долго.

ГЛАВА XLVIII.

Описаніе большого праздника. О грамотѣ, посланной Мангу-ханомъ королю Французскому Людовику. Товарищъ брата Вильгельма остался у Татаръ.

Съ праздника Пятидесятницы они начали составлять грамоту, которую ханъ долженъ былъ вамъ послать. Межъ тѣмъ онъ вернулся въ Каракарумъ и устроилъ великое торжество какъ разъ въ осьмой день по Пятидесятницѣ и пожелалъ, чтобы въ послѣдній день этого праздника присутствовали и всѣ посланники. Онъ посылалъ также и за нами, но я ушелъ въ церковь крестить троихъ дѣтей одного бѣднаго нѣмца, котораго мы тамъ нашли. На этомъ празднествѣ мастеръ Вильгельмъ былъ главнымъ надъ виночерпіями, такъ какъ онъ сдѣлалъ дерево, наливающее питье; и всѣ, богатые и бѣдные, пѣли, плясали и рукоплескали предъ лицомъ хана. Затѣмъ онъ держалъ имъ рѣчь, говоря: «Я удалилъ отъ себя братьевъ моихъ и послалъ ихъ на опасность къ чужеземнымъ народамъ. Теперь надо посмотрѣть, что думаете сдѣлать вы, когда я пожелаю послать васъ для увеличенія нашей державы». Всякій день, въ теченіе тѣхъ четырехъ дней, они мѣняли платья, которыя онъ давалъ имъ всѣ одноцвѣтныя каждый день, начиная съ обуви и кончая головнымъ уборомъ (тюрбаномъ? tyaram). Въ то время я видѣлъ тамъ посла Балдахскаго (de Baldach) калифа; этотъ посолъ приказывалъ носить себя ко двору на носилкахъ между двухъ лошачихъ; нѣкоторые говорили о немъ, что этотъ посолъ заключилъ

миръ съ ними подъ тѣмъ условіемъ, что они должны были дать ему 10 тысячъ коннаго войска. Другіе говорили, что Мангу сказалъ, что они не заключатъ мира, если тѣ не сроютъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, а посолъ отвѣтилъ: «Когда вы сорвете всѣ копыта у вашихъ лошадей, тогда мы сроемъ всѣ наши укрѣпленія». Я видѣлъ также пословъ одного Индійскаго султана, которые привели 8 леопардовъ и 10 борзыхъ собакъ, наученныхъ сидѣть на заду лошади, какъ сидятъ леопарды. Когда я спрашивалъ объ Индіи, въ какомъ направленіи находится она отъ того мѣста, они указывали мнѣ на западъ. И тѣ послы возвращались со мною почти три недѣли все въ западномъ направленіи. Я видѣлъ тамъ также пословъ Турецкаго султана, которые принесли хану цѣнные дары; и, какъ я слышалъ, онъ отвѣтилъ, что не нуждается ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ, а въ людяхъ; поэтому онъ хотѣлъ, чтобы тѣ позаботились о войскѣ для него. Въ праздникъ святаго Іоанна ханъ устроилъ великую попойку; я насчиталъ (feci numerare) сто пять повозокъ и 90 лошадей, нагруженныхъ кобыльимъ молокомъ; такъ же было и въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла. Наконецъ, когда окончена была грамота, которую ханъ посылаетъ вамъ, они позвали меня и перевели ее. Содержаніе ея, насколько я могъ понять его черезъ толмача, я записалъ. Оно таково:

«Существуетъ заповѣдь вѣчнаго Бога: на небѣ есть одинъ только вѣчный Богъ, надъ землею есть только единый владыка Хингисъ-ханъ, сынъ Божій, Демугинъ Хингей («т. е. звонъ желѣза». Они называютъ Хингиса звономъ желѣза, такъ какъ онъ былъ кузнецомъ, а, вознесясь въ своей гордынѣ, именуютъ его нынѣ и сыномъ Божіимъ). «Вотъ слово, которое вамъ сказано отъ всѣхъ насъ, которые являемся Моалами, Найманами, Меркитами, Мустелеманами; повсюду, гдѣ уши могутъ слышать, повсюду, гдѣ конь можетъ идти, прикажите тамъ слышать или понимать его; съ тѣхъ поръ, какъ они услышатъ мою заповѣдь и поймутъ ее, но не захотятъ вѣрить и захотятъ вести войско противъ насъ, вы услышите и увидите, что они будутъ не видящими, имѣя очи; и, когда они пожелаютъ что-нибудь держать, будутъ безъ рукъ; и, когда они пожелаютъ идти, они будутъ безъ ногъ; это—вѣчная заповѣдь Божія. Во имя вѣчной силы Божіей, во имя великаго народа Моаловъ, это да будетъ заповѣдью Мангу-хана для государя Франковъ, короля Людовика, и для всѣхъ другихъ государей и священниковъ, и для великаго народа (saeculum) Франковъ, чтобы они поняли наши слова. И заповѣдь вѣчнаго Бога, данная Хингисъ-хану, ни отъ Хингисъ-хана, ни отъ другихъ послѣ него не доходила до васъ. Нѣкій мужъ, по имени Давидъ, пришелъ къ вамъ, какъ посолъ Моаловъ, но онъ былъ лжецъ, и вы послали съ нимъ ва-

шихъ пословъ къ Кенъ-хану. Когда Кенъ-ханъ уже умеръ, ваши послы добрались до его двора. Камусъ, супруга его, послала вамъ тканей насикъ и грамоту. Но какъ эта негодная женщина, болѣе презрѣнная, чѣмъ собака, могла бы вѣдать подвиги воинскіе и дѣла мира, успокоить великій народъ и творить и видѣть благое?» (Мангу самъ сказалъ мнѣ собственными устами, что Хамусъ была злѣйшая колдунья, и что своимъ колдовствомъ она погубила всю свою родню). «Двухъ монаховъ, которые прибыли отъ васъ къ Сартаху, Сартахъ послалъ къ Батыю; Батый же, такъ какъ Мангу-ханъ есть главный надъ міромъ Моаловъ, послалъ ихъ къ намъ. Теперь же, дабы великій міръ, священники и монахи, всѣ пребывали въ мирѣ и наслаждались своими благами, дабы заповѣдь Божія была услышана у васъ, мы пожелали назначить къ отправленію вмѣстѣ съ упомянутыми выше священниками вашими пословъ Моаловъ. Священники же отвѣтили, что между нами и вами есть земля, гдѣ идетъ война, есть много злыхъ людей и труднопроходимыя дороги; поэтому они опасаются, что не могутъ довести нашихъ пословъ до васъ невредимыми; но если мы передадимъ имъ нашу грамоту, содержащую нашу заповѣдь, то они сами отвезутъ ее королю Людовику. По этой причинѣ мы не посылали нашихъ пословъ съ ними, а послали вамъ, чрезъ упомянутыхъ вашихъ священниковъ, записанную заповѣдь вѣчнаго Бога: заповѣдь вѣчнаго Бога состоитъ въ томъ, что мы внушили вамъ понять. И когда вы услышите и увѣруете, то, если захотите насъ послушаться, отправьте къ намъ вашихъ пословъ; и такимъ образомъ мы удостовѣримся, пожелаете ли вы имѣть съ нами миръ или войну. Когда силою вѣчнаго Бога весь міръ отъ восхода солнца и до захода объединится въ радости и въ мирѣ, тогда ясно будетъ, что мы хотимъ сдѣлать; когда же вы выслушаете и поймете заповѣдь вѣчнаго Бога, но не пожелаете внять ей и повѣрить, говоря: «Земля наша далеко, горы наши крѣпки, море наше велико», и въ упованіи на это устроите походъ противъ насъ, то вѣчный Богъ, Тотъ, Который сдѣлалъ, что трудное стало легкимъ, и что далекое стало близкимъ, вѣдаетъ, что мы знаемъ и можемъ».

Въ этой грамотѣ они сперва именовали насъ вашими послами. Тогда я сказалъ имъ: «Не называйте насъ послами, такъ какъ я ясно сказалъ самому хану, что мы не послы короля Людовика». Тогда они пошли къ хану и сказали ему про это. Вернувшись же, они передали мнѣ, что онъ призналъ это вполнѣ хорошимъ, и что онъ приказалъ имъ написать то, что я говорилъ имъ. Я же сказалъ имъ, чтобы они удалили слово «посолъ», а назвали насъ монахами или священниками. Межъ тѣмъ, пока это происходило, мой товарищъ, слыша, что намъ надлежитъ возвращаться черезъ пустыню, и что одинъ изъ Моаловъ будетъ провожать насъ, побѣжалъ, безъ

моего вѣдома, къ главному секретарю, Булгаю, и знаками далъ ему понять, что можетъ умереть, если отправится по той дорогѣ. А, когда насталъ день, въ который надлежало отпустить насъ, именно ровно черезъ двѣ недѣли послѣ праздника святаго Іоанна, насъ позвали ко двору, и секретари сказали моему товарищу: «Вотъ Мангу-ханъ хочетъ, чтобы твой товарищъ вернулся черезъ область Батыя, а ты говоришь, что хвораешь, и это ясно видно. Мангу говоритъ такъ: если ты хочешь отправиться со своимъ товарищемъ, поѣзжай, но заботься тогда о себѣ самъ (super te sit), такъ какъ ты можешь случайно остаться у какого нибудь Яма, который о тебѣ не позаботится, и это будетъ служить препятствіемъ твоему товарищу. Если же ты хочешь остаться здѣсь, то ханъ самъ позаботится о необходимомъ для тебя, пока не явятся какіе-нибудь послы, съ которыми ты могъ бы вернуться болѣе медленно и по пути, на которомъ находятся города». Братъ отвѣтилъ: «Да даруетъ Богъ счастливую жизнь хану! Я останусь». Я же возразилъ брату: «Братъ, смотри, что ты дѣлаешь. Я не оставлю тебя».—«Вы»,—отвѣтилъ онъ,—не оставляете меня, а я оставляю васъ, такъ какъ если я отправлюсь съ вами, то вижу опасность для своего тѣла и души, ибо у меня нѣтъ терпѣнія къ невыносимому страданію». Секретари держали три одежды или рубашки и сказали намъ: «Вы не хотите брать ни золота, ни серебра, а пребывали здѣсь долгое время, молясь за хана. Онъ проситъ, чтобы каждый изъ васъ взялъ по крайней мѣрѣ по простой одеждѣ, дабы вы не уходили отъ него съ пустыми руками». Тогда намъ пришлось взять ихъ изъ уваженія къ нему, такъ какъ они считаютъ большомъ зломъ, если пренебрегаютъ ихъ дарами. Онъ и прежде неоднократно приказывалъ спросить у насъ, чего мы желаемъ, и мы всегда отвѣчали одно и то же, а именно, что христіане презираютъ идолопоклонниковъ, не стремящихся ни къ чему иному, кромѣ даровъ. И они отвѣчали, что мы глупы, такъ какъ, если бы онъ пожелалъ дать имъ весь свой дворъ, они охотно взяли бы его и поступили бы благоразумно. Итакъ, когда мы взяли одежды, они попросили насъ произнести молитву за хана, что мы и сдѣлали и, получивъ такимъ образомъ отпускъ, отправились въ Каракарумъ.

Однажды, когда мы, монахъ и другіе послы находились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, случилось, что монахъ приказалъ сильно бить въ доску, такъ что Мангу-ханъ услышалъ это и спросилъ, что это такое. Тогда ему сказали. И онъ спросилъ, почему монахъ такъ удаленъ отъ двора. Ему сказали, что затруднительно приводить ежедневно къ монаху для пріѣзда ко двору лошадей и быковъ, и прибавили, что было бы лучше, если бы онъ пребывалъ въ Каракарумѣ возлѣ церкви и тамъ молился. Тогда ханъ по-

слалъ сказать монаху, что если тотъ хочетъ отправиться въ Каракарумъ и пребывать тамъ возлѣ церкви, то онъ дастъ ему все необходимое. Монахъ же отвѣтилъ: «Я пришелъ сюда по заповѣди Божіей изъ святой земли Іерусалима и оставилъ городъ, въ которомъ находится тысяча церквей, лучшихъ, чѣмъ въ Каракарумѣ. Если ханъ хочетъ, чтобы я пребывалъ здѣсь и молился за него, какъ Богъ заповѣдалъ мнѣ, я буду пребывать, иначе же я вернусь къ своему мѣсту, откуда я вышелъ». Тогда, въ тотъ же самый вечеръ, ему привели быковъ и запрягли въ повозки, а утромъ его отвезли обратно на то мѣсто, гдѣ онъ обычно пребывалъ предъ дворомъ. И, незадолго до нашего отъѣзда оттуда, прибылъ одинъ монахъ-несторіанецъ, который казался человѣкомъ умнымъ. Старшій секретарь, Булгай, помѣстилъ его передъ дворомъ, а ханъ прислалъ къ нему своихъ дѣтей, чтобы тотъ благословилъ ихъ.

ГЛАВА XLIX.

Путешествіе изъ Каракарума къ Батыю, а отъ него въ городъ Сарай.

Итакъ мы прибыли въ Каракарумъ; когда мы были въ домѣ мастера Вильгельма, пришелъ мой проводникъ, принесшій 10 яскотовъ; пять изъ нихъ онъ положилъ въ руку мастера Вильгельма, говоря, чтобы тотъ потратилъ ихъ отъ имени хана на нужды брата; другіе пять онъ положилъ въ руку человѣка Божія, моего толмача, приказывая ему издержать ихъ въ пути на мои нужды. Такъ научилъ ихъ мастеръ Вильгельмъ безъ нашего вѣдома. Я тотчасъ распорядился продать одинъ и раздать христіанскимъ бѣднякамъ, бывшимъ тамъ, которые всѣ устремляли глаза на насъ; другой мы издержали на покупку необходимаго себѣ изъ платья и другого, въ чемъ нуждались; на третій купилъ себѣ кое-что человѣкъ Божій, при чемъ онъ получилъ нѣкоторую выгоду, и что пошло ему на пользу. Остальные мы также издержали на пути, ибо съ тѣхъ поръ, какъ въѣхали въ Персію, намъ нигдѣ не давали въ достаточномъ количествѣ того, что намъ было необходимо, а также нигдѣ и среди Татаръ, но тамъ мы рѣдко находили и что-нибудь продажное. Мастеръ Вильгельмъ, нѣкогда вашъ гражданинъ, посылаетъ вамъ поясъ, украшенный нѣкіимъ драгоцѣннымъ камнемъ, который они носятъ противъ молніи и грома, и безгранично привѣтствуетъ васъ, всегда молясь за васъ. За него я не могъ бы воздать достаточную благодарность ни Богу, ни вамъ. Окрестили мы тамъ всего 6 душъ. Итакъ мы разстались съ взаимными слезами, причемъ мой товарищъ остался съ мастеромъ Вильгельмомъ, а я возвращался одинъ

съ проводникомъ моимъ и однимъ служителемъ, имѣвшимъ приказъ брать для насъ четверыхъ въ четыре дня одного барана.

Итакъ мы ѣхали до Батыя два мѣсяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или слѣда какого-нибудь зданія, кромѣ гробницъ, за исключеніемъ одной деревеньки, въ которой не вкушали хлѣба. И за эти два мѣсяца и 10 дней мы отдыхали только одинъ единственный день, такъ какъ не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части черезъ область того же самаго народа, но совсѣмъ по другимъ мѣстностямъ. Именно мы ѣхали зимою, а возвращались лѣтомъ и по гораздо болѣе высокимъ сѣвернымъ странамъ, за исключеніемъ того, что пятнадцать дней подрядъ приходится ѣхать туда и обратно возлѣ какой-то рѣки между горъ, на которыхъ нѣтъ травы иначе, какъ возлѣ рѣки. Мы ѣхали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи кромѣ кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи безсильны найти людей, а съѣстныхъ припасовъ намъ не хватало, и лошади были утомлены. Проѣхавъ 20 дней, я услышалъ новости про царя Арменіи, что онъ въ концѣ августа проѣхалъ на встрѣчу Сартаху, двинувшемуся къ Мангу-хану со стадами крупнаго и мелкаго скота, съ женами и малолѣтками, однако большіе дома его остались между Этиліей и Танаидомъ. Я ходилъ на поклонъ къ Сартаху и сказалъ ему, что охотно остался бы въ землѣ его, но Мангу-ханъ пожелалъ, чтобы я вернулся и отвезъ его грамоту. Онъ отвѣтилъ, что волю Мангу-хана должно исполнить. Тогда я спросилъ у Койяка про нашихъ людей. Онъ отвѣтилъ, что они пребываютъ при дворѣ Батыя и окружены тщательнымъ попеченіемъ. Я потребовалъ также наше облаченіе и книги, и онъ отвѣтилъ: «Развѣ вы привезли ихъ не Сартаху?» Я сказалъ: «Я привезъ ихъ Сартаху, но не отдалъ ему, какъ вы знаете». При этомъ я повторилъ ему, какъ я отвѣтилъ, когда онъ спросилъ, желаю ли я отдать ихъ самому Сартаху. Тогда онъ отвѣтилъ: «Вы говорите правду, и правдѣ никто не можетъ воспротивиться. Я оставилъ ваши вещи у моего отца, пребывающаго вблизи Сарая, это—новый городъ, построенный Батыемъ на Этиліи; но наши священники имѣютъ нѣкоторыя изъ облаченій здѣсь съ собою». Я отвѣтилъ ему: «Изъ облаченій удерживайте, что вамъ угодно, лишь бы мнѣ возвращены были книги». Тогда онъ сказалъ, что передастъ слова мои самому Сартаху. «Мнѣ слѣдуетъ», сказалъ я, «имѣть грамоту къ вашему отцу, чтобы онъ вернулъ мнѣ все». Но они были уже препоясаны въ путь, и онъ сказалъ мнѣ: «Дворъ госпожъ слѣдуетъ за нами здѣсь вблизи, вы слѣзете тамъ, и я перешлю вамъ черезъ вотъ этого человѣка отвѣтъ Сартаха». Я безпокоился, не обманулъ бы онъ меня, однако спорить съ нимъ не могъ. Вечеромъ пришелъ ко

мнѣ тотъ человѣкъ, на котораго онъ указалъ мнѣ, и принесъ съ собою двѣ рубашки, которыя я счелъ за цѣльную, не разрѣзанную шелковую ткань. Этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «Вотъ двѣ рубашки: одну Сартахъ посылаетъ тебѣ, а другую, если ты считаешь это удобнымъ, представь отъ его имени королю». Я отвѣтилъ ему: «Я не ношу такихъ одѣяній; обѣ представлю я королю въ знакъ уваженія къ вашему господину». – «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «поступи съ ними, какъ тебѣ будетъ угодно». Мнѣ же угодно обѣ послать вамъ, и я посылаю ихъ черезъ подателя настоящаго посланія. Онъ далъ мнѣ также грамоту къ отцу Койяка, чтобы тотъ вернулъ все мнѣ принадлежащее, такъ какъ онъ не нуждался ни въ чемъ изъ моего имущества. Прибылъ же я ко двору Батыя въ тотъ же день, въ который удалился отъ него въ истекшемъ году, а именно два дня спустя послѣ Воздвиженія Святаго Креста, и съ радостью обрѣлъ нашихъ служителей здоровыми, но удрученными сильной скудостью, о чемъ разсказывалъ мнѣ Госсетъ. И не будь царя Арменіи, доставившаго имъ великое утѣшеніе и поручившаго ихъ вниманію самого Сартаха, они погибли бы, такъ какъ думали про меня, что я умеръ; Татары уже стали спрашивать, умѣютъ ли они стеречь быковъ или доить кобылицъ. Ибо, не вернись я, ихъ обратили бы въ рабство. Послѣ этого Батый приказалъ мнѣ явиться предъ его лицо и велѣлъ перевести для меня грамоту, которую посылаетъ вамъ Мангу-ханъ. Ибо Мангу написалъ ему такъ, что, если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или измѣнить, то пусть онъ это сдѣлаетъ. Затѣмъ Батый сказалъ мнѣ: «Вы доставите эту грамоту и заставите ее перевести». Онъ спросилъ также, какую дорогу хочу я избрать, по морю или по сушѣ. Я сказалъ, что море недоступно, такъ какъ наступала уже зима, а потому мнѣ надлежитъ отправиться по сушѣ. Я думалъ, далѣе, что вы пребываете еще въ Сиріи, и направилъ свой путь въ Персію. Ибо, знай я, что вы переправились во Францію, я отправился бы въ Венгрію и скорѣе добрался бы до Франціи, и по пути менѣе тягостному, чѣмъ въ Сирію. Затѣмъ мы мѣсяцъ путешествовали съ Батыемъ раньше, чѣмъ могли получить проводника. Наконецъ назначили мнѣ нѣкоего Югура, который, думая, что я ничего ему не дамъ, приказалъ, несмотря на мое заявленіе, что я хочу отправиться прямо въ Арменію, достать себѣ грамоту, что онъ проводитъ меня къ Турецкому султану, надѣясь получить отъ него подарки и имѣть больше выгоды на этой дорогѣ. Затѣмъ я пустился въ путь къ Сараю ровно за двѣ недѣли до праздника Всѣхъ Святыхъ, направляясь прямо на югъ и спускаясь по берегу Этиліи, которая тамъ ниже раздѣляется на три большихъ рукава;

каждый изъ нихъ почти вдвое больше рѣки [Нила] у Даміетты. Кромѣ того, Этилія образуетъ еще четыре меньшихъ рукава, такъ что мы переправлялись черезъ эту рѣку на судахъ въ 7 мѣстахъ. При среднемъ рукавѣ находится городъ, по имени Суммеркентъ, не имѣющій стѣнъ; но, когда рѣка разливается, городъ окружается водой. Раньше, чѣмъ взять его, Татары стояли подъ нимъ 8 лѣтъ. А жили въ немъ Аланы и Сарацины. Тамъ мы нашли одного Нѣмца съ женой, человѣка очень хорошаго, у котораго останавливался Госсетъ. Именно Сартахъ посылалъ его туда, чтобы облегчить такимъ образомъ свой дворъ. Вблизи этихъ мѣстъ пребываютъ, около Рождества Христова, Батый съ одной стороны рѣки, а Сартахъ съ другой, и далѣе не спускаются. Бываетъ, что рѣка замерзаетъ совершенно, и тогда они переправляются черезъ нее. Здѣсь имѣется огромное изобиліе травъ, и Татары прячутся тамъ между тростниковъ, пока ледъ не начнетъ таять. Отецъ Койяка, получивъ грамоту Сартаха, самъ вернулъ мнѣ облаченія, кромѣ трехъ стихарей, омофора, вышитаго шелкомъ, епитрахили, пояса, а также одежды на алтарь, вышитой золотомъ, и еще одного діаконскаго одѣянія (superpellicium); вернулъ онъ также и серебряные сосуды, кромѣ курильницы и коробочки, въ которой было мvро; эти сосуды были у священниковъ, находившихся вмѣстѣ съ Сартахомъ. Книги вернулъ онъ всѣ, кромѣ псалтыря госпожи королевы, который удержалъ съ моего позволенія, такъ какъ я не могъ отказать ему въ этомъ. Именно онъ говорилъ, что псалтырь очень понравился Сартаху. Онъ просилъ меня также, чтобы, если мнѣ доведется вернуться въ тѣ страны, я привезъ къ нимъ человѣка, умѣющаго изготовлять пергаментъ. Именно, по порученію Сартаха, онъ строилъ большую церковь на западномъ берегу рѣки и новый поселокъ, и хотѣлъ, какъ онъ говорилъ, приготовить книги для нуждъ Сартаха. Однако я знаю, что Сартахъ объ этомъ не заботится. Сарай и дворецъ Батыя находятся на восточномъ берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава рѣки, имѣетъ болѣе 7 льё въ ширину, и тамъ водится огромное количество рыбы. Не могъ я получить также переложенную въ стихи библію, книгу на арабскомъ языкѣ, стоящую тридцать бизантіевъ, и еще много другого.

ГЛАВА L.

Продолженіе пути отъ Сарая черезъ Аланскія и Лесгійскія горы, черезъ Желѣзныя Ворота и черезъ другія мѣста.

Удалившись такимъ образомъ изъ Сарая въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ и направляясь все къ югу, мы добрались въ праздникъ Святаго Мартина до горъ Алановъ. Между Батыемъ и Сараемъ, въ теченіе 15 дней, мы не встрѣтили никого изъ людей, кромѣ одного изъ сыновей Батыя, который двигался впередъ съ соколами, и его сокольниковъ, бывшихъ въ большомъ количествѣ, и одного маленькаго поселка. Двѣ недѣли, начиная съ праздника Всѣхъ Святыхъ, мы не находили никого изъ людей; и мы чуть не умерли отъ жажды въ теченіе одного дня и одной ночи, не найдя воды почти до трехъ часовъ слѣдующаго дня.

Аланы на этихъ горахъ все еще не покорены, такъ что изъ каждаго десятка людей Сартаха двоимъ надлежало караулить горныя ущелья, чтобы эти Аланы не выходили изъ горъ для похищенія ихъ стадъ на равнинѣ, которая простирается между владѣніями Сартаха, Аланами и Желѣзными Воротами, отстоящими оттуда на два дневныхъ перехода, гдѣ начинается равнина Аркакка. Между моремъ и горами живутъ нѣкіе Сарацины, по имени Лесги, горцы, которые также не покорены, такъ что Татарамъ, жившимъ у подошвы горъ Алановъ, надлежало дать намъ 20 человѣкъ, чтобы проводить насъ за Желѣзныя Ворота. И я обрадовался этому, такъ какъ надѣялся увидѣть ихъ вооруженными, ибо я никогда не могъ увидать ихъ оружія, хотя сильно интересовался этимъ. И когда мы добрались до опаснаго перехода, то изъ 20 у двоихъ оказались латы. Я спросилъ, откуда они къ нимъ попали. Они сказали, что пріобрѣли латы отъ вышеупомянутыхъ Алановъ, которые умѣютъ хорошо изготовлять ихъ и являются отличными кузнецами. Отсюда, какъ я полагаю, Татары сами имѣютъ немного оружія, а именно только колчаны, луки и мѣховые панцыри (pelliceas). Я видѣлъ, какъ имъ доставляли изъ Персіи желѣзные панцыри (platas) и желѣзныя каски, а также видѣлъ двоихъ, которые представлялись Мангу вооруженными въ выгнутыя рубашки изъ твердой кожи, очень дурно сидящія и неудобныя. Прежде чѣмъ добраться до Желѣзныхъ Воротъ, мы нашли одинъ замокъ Алановъ, принадлежавшій самому Мангу-хану, ибо онъ покорилъ ту землю. Тамъ впервые нашли мы виноградныя лозы и пили вино. На слѣдующій день мы добрались до Желѣзныхъ Воротъ, которыя соорудилъ Александръ Македонскій. Это — городъ, восточная оконечность

котораго находится на берегу моря, и между моремъ и горами имѣется небольшая равнина, по которой тянется самый городъ вплоть до вершины горы, прилегающей къ нему съ запада; такимъ образомъ выше нѣтъ никакой дороги изъ за непроходимыхъ горъ, а ниже нельзя пройти по причинѣ моря, и дорога лежитъ единственно прямо по серединѣ города поперекъ, гдѣ находятся Желѣзныя Ворота, отъ которыхъ названъ городъ. Онъ имѣетъ въ длину болѣе одной мили, а на вершинѣ горы стоитъ крѣпкій замокъ; въ ширину городъ простирается на полетъ большого камня. Онъ окруженъ крѣпчайшими стѣнами безъ рвовъ, съ башнями, построенными изъ большихъ обтесанныхъ камней. Но Татары разрушили верхушки башенъ и бойницы стѣнъ, сравнявъ башни со стѣною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящій рай земной. На два дня пути отсюда мы нашли другой городъ, по имени Самаронъ, въ которомъ живетъ много Іудеевъ; когда мы проѣхали черезъ него, то увидѣли стѣны, спускающіяся съ горъ до моря. И, покинувъ дорогу черезъ горы у этихъ стѣнъ, такъ какъ она сворачивала тамъ на востокъ, мы поднялись на горы въ южномъ направленіи.

На слѣдующій день мы проѣхали черезъ нѣкую долину, на которой видны были основанія стѣнъ, простиравшихся съ одной горы на другую, а по верхушкамъ горъ не было никакой дороги. Это были укрѣпленія Александра, удерживавшія дикія племена, то есть пастуховъ изъ пустыни, отъ наступленія на воздѣланные земли и города. Есть и другія укрѣпленія, въ которыхъ живутъ Іудеи, о которыхъ я не могъ узнать ничего вѣрнаго; однако во всѣхъ городахъ Персіи живетъ много Іудеевъ. На слѣдующій день мы пріѣхали къ большому городу, по названію Самагъ, а за нимъ на слѣдующій день въѣхали на огромную равнину, именуемую Моанъ, по которой течетъ давшая имя Кургамъ, именуемымъ нами Георгіанами, Кура. Она протекаетъ по срединѣ Тефилиса, главнаго города Курговъ, и прямо съ запада стремится, направляясь на востокъ, къ вышеназванному морю; въ этой рѣкѣ водятся отличныя лососи. На этой равнинѣ мы снова нашли Татаръ. Черезъ эту равнину также протекаетъ Араксъ, который изъ Великой Арменіи течетъ прямо въ юго-западномъ направленіи. Отъ него земля именуется Араратъ, а это и есть сама Арменія. Отсюда въ книгѣ Царствъ сказано про сыновъ Сенахерибовыхъ, что, убивъ отца своего, они убѣжали въ землю Армянъ, у Исаіи же сказано, что они убѣжали въ землю Араратъ. На западѣ, стало быть, этой красивѣйшей равнины находится Кургія. На равнинѣ прежде жили Корасмины (Crosmin). При входѣ въ горы находится большой городъ, по имени Гангесъ, ихъ прежняя столица, препятствующая Кургамъ спускаться на равнину. Итакъ мы

доѣхали до моста изъ судовъ, которыя держались вмѣстѣ большой желѣзной цѣпью, протянутой поперекъ рѣки, гдѣ соединяются вмѣстѣ Кура и Араксъ. Но Араксъ теряетъ тамъ свое названіе.

ГЛАВА LI.

Продолженіе путешествія по Араксу. О городѣ Наксуа, о землѣ Сагенсы и о другихъ мѣстахъ.

Съ того времени мы поднимались постоянно вверхъ вдоль Аракса, о которомъ сказано, что «моста не терпитъ Араксъ», покинувъ Персію слѣва къ югу, а Каспійскія горы и Великую Кургію справа къ западу, и направляясь по пути Африканскаго вѣтра къ юго-западу. Мы проѣхали черезъ становище Батыя, который является главой войска, находящагося тамъ возлѣ Аракса, и покорилъ себѣ Курговъ, Турокъ и Персовъ. У Тавриса въ Персіи есть другое лицо, главное по сбору податей, по имени Аргонъ. Мангу-ханъ отозвалъ ихъ обоихъ, чтобы они уступили свои мѣста его брату, который направлялся къ тѣмъ странамъ. Та земля, которую я вамъ описалъ, не есть собственно Персія, но прежде ее называли Гирканіей. Я былъ въ домѣ самого Батыя, и онъ далъ намъ выпить вина, а самъ пилъ кумысъ, котораго я также выпилъ бы охотнѣе, если бы онъ далъ мнѣ. Однако вино было молодое и отмѣнное. Но кумысъ приноситъ болѣе пользы голодному человѣку.

Итакъ мы поднимались вдоль Аракса съ праздника святаго Климента и до второго воскресенья Четыредесятницы, пока не добрались до истока рѣки. И по ту сторону горы, на которой начинается Араксъ, есть хорошій городъ, по имени Аарзерумъ, принадлежащій турецкому султану; тамъ по близости начинается Евфратъ, въ сѣверномъ направленіи, у подошвы горъ Кургіи; я хотѣлъ пойти къ его источнику, но были такіе глубокіе снѣга, что никто не могъ идти помимо проложенной тропинки. Съ другого бока Кавказскихъ горъ, къ югу, начинается Тигръ.

Когда мы удалились отъ Батыя, мой проводникъ отправился въ Таврисъ, чтобы поговорить съ Аргономъ, и взялъ съ собою моего толмача. Батый же приказалъ проводить меня до одного города, по названію Наксуа, который прежде былъ столицей нѣкоего великаго царства и величайшимъ и красивѣйшимъ городомъ; но Татары обратили его почти въ пустыню. Прежде въ немъ было восемьсотъ армянскихъ церквей, а теперь только двѣ маленькихъ, а остальныя разрушили Саррацины. Въ одной изъ нихъ я справилъ, какъ могъ, съ нашимъ причетникомъ праздникъ Рождества. А на слѣдую-

щій день умеръ священникъ этой церкви; для похоронъ его прибылъ епископъ съ 12 монахами изъ горцевъ. Ибо всѣ епископы Армянъ, равно какъ по большей части и греческіе, суть монахи. Этотъ епископъ разсказалъ мнѣ, что тамъ близко была церковь, въ которой замучили блаженнаго Варѳоломея, а также блаженнаго Іуду Ѳаддея, но изъ-за снѣговъ дорога туда была не доступна. Разсказалъ онъ мнѣ также, что у нихъ два пророка: первый—мученикъ Меѳодій, принадлежавшій къ ихъ народу; онъ пророчествовалъ обо всемъ, что случится съ Измаелитами, и это пророчество исполнилось на Сарацинахъ. Другого пророка зовутъ Акатронъ; онъ при смерти своей пророчествовалъ о народѣ Стрѣлковъ, имѣющемъ придти съ сѣвера, говоря, что они пріобрѣтутъ всѣ земли Востока, и [Богъ] пощадитъ царство Востока, чтобы предать имъ царство Запада, но братья наши, подобно католикамъ Франкамъ, имъ не повѣрятъ, и эти Стрѣлки займутъ земли съ сѣвера до юга, проникнутъ вплоть до Константинополя и займутъ Константинопольскую гавань. Одинъ изъ нихъ, котораго будутъ именовать мужемъ мудрымъ, войдетъ въ городъ и, увидя церкви и обряды Франковъ, попроситъ окрестить себя и дастъ Франкамъ совѣтъ, какъ убить владыку Татаръ, а ихъ тамъ привести въ замѣшательство. Слыша это, Франки, которые будутъ въ серединѣ земли, то есть въ Іерусалимѣ, набросятся на Татаръ, которые будутъ въ ихъ предѣлахъ, и съ помощью нашего народа, т.-е. Армянъ, будутъ преслѣдовать ихъ, такъ что король Франковъ поставитъ королевскій тронъ въ Таврисѣ, что въ Персіи; и тогда всѣ восточные и всѣ невѣрующіе народы обратятся въ вѣру Христову, и на землѣ настанетъ такой полный миръ, что живые скажутъ умершимъ: «Горе вамъ, несчастные, что вы не дожили до этихъ временъ». Это пророчество я читалъ уже въ Константинополѣ, куда его принесли Армяне, тамъ пребывающіе, но не обратилъ на него вниманія. Но когда я поговорилъ съ упомянутымъ епископомъ, то вспомнилъ о пророчествѣ и обратилъ на него больше вниманія. По всей Арменіи они считаютъ это пророчество столь же истиннымъ, какъ Евангеліе. Онъ также говорилъ намъ: «Какъ души въ преддверіи рая ожидали пришествія Христова, чтобы получить освобожденіе, такъ мы ожидаемъ вашего пришествія, чтобы получить освобожденіе отъ того рабства, въ которомъ пребывали такъ долго».

Вблизи упомянутаго выше города находятся горы, на которыхъ, какъ говорятъ, опочилъ ковчегъ Ноя; этихъ горъ двѣ, одна побольше другой; у подошвы ихъ течетъ Араксъ. Тамъ находится одинъ городъ, по имени Цеманумъ, что значитъ «восемь»; говорятъ, что онъ названъ такъ отъ восьми лицъ, вышедшихъ изъ ковчега и построившихъ городъ на большей

изъ горъ. Многіе пытались подняться на гору и не могли. И упомянутый епископъ разсказалъ мнѣ, что одинъ монахъ очень интересовался этимъ восхожденіемъ, но ему явился ангелъ, принесъ ему дерево отъ ковчега и сказалъ, чтобы онъ больше не трудился. Это дерево хранилось, какъ они мнѣ говорили, у нихъ въ церкви. На взглядъ эта гора не очень высока, такъ что люди могли бы хорошо подняться на нее. Но одинъ старикъ привелъ мнѣ достаточно убѣдительное основаніе, почему никто не долженъ подниматься на нее. Названіе горы «Массисъ», и это слово—на ихъ языкѣ женскаго рода. «На Массисъ», сказалъ онъ, «никто не долженъ восходить, такъ какъ это—мать міра». Въ этомъ городѣ нашелъ меня братъ Бернардъ, родомъ Каталонецъ, изъ ордена братьевъ проповѣдниковъ, который остановился въ Кургіи съ однимъ настоятелемъ Святого Гроба, владѣвшимъ тамъ большими землями. Бернардъ научился нѣсколько по-татарски и ѣхалъ съ однимъ братомъ изъ Венгріи въ Таврисъ къ Аргону, желая добиться проѣзда къ Сартаху. Когда они туда приплыли, то не могли получить доступа къ Аргону, и венгерскій братъ вернулся черезъ Тефилисъ съ однимъ слугою. Братъ же Бернардъ остался въ Таврисѣ съ однимъ братомъ-міряниномъ изъ нѣмцевъ, языка коего онъ не понималъ.

Изъ вышеназваннаго города мы выѣхали ровно черезъ недѣлю послѣ Богоявленія, а оставались мы тамъ долго изъ-за снѣговъ. Черезъ четыре дня мы пріѣхали въ землю Сагенсы, нѣкогда одного изъ могущественнѣйшихъ Курговъ, а нынѣ данника Татаръ, разрушившихъ всѣ его укрѣпленія. Отецъ его, по имени Захарія, пріобрѣлъ эту землю Армянъ, избавивъ ихъ отъ рукъ Саррациновъ. И тамъ находятся весьма красивыя селенія настоящихъ христіанъ, имѣющихъ церкви, совершенно какъ у Франковъ. И всякій Армянинъ имѣетъ у себя дома, на болѣе почетномъ мѣстѣ, деревянную руку, держащую крестъ, и ставитъ передъ нею горящую лампаду; и какъ мы пользуемся святой водой, кропя ею для отогнанія злого духа, такъ они пользуются ладономъ. Именно всякій вечеръ они зажигаютъ ладонъ, нося его по всѣмъ угламъ дома для избавленія его отъ враговъ всякаго рода. Я обѣдалъ съ упомянутымъ выше Сагенсой и получилъ много знаковъ уваженія какъ отъ него самого, такъ и отъ его жены и сына, по имени Захаріи, очень красиваго и умнаго юноши; онъ спросилъ у меня, пожелаете ли вы оставить его у себя, если онъ пріѣдетъ къ вамъ; именно, онъ такъ тяготится владычествомъ Татаръ, что хотя и имѣетъ все въ изобиліи, однако предпочелъ бы странствовать по чужой землѣ скорѣе, чѣмъ выносить ихъ владычество. Сверхъ того, они называли себя сынами Римской Церкви и говорили, что если господинъ папа

окажетъ имъ какую нибудь помощь, то они подчинятъ Церкви всѣ прилегающія къ нимъ племена.

Изъ этого города мы попали черезъ 15 дней, въ воскресенье Четыредесятницы, въ землю Турецкаго султана; первый замокъ, который мы нашли, называется Марсенгенъ. Всѣ обитатели мѣстечка были христіане: Армяне, Курги и Греки; но владычество надъ ними принадлежитъ исключительно Сарращинамъ. Тамъ начальникъ замка сказалъ мнѣ, что получилъ распоряженіе не выдавать съѣстныхъ припасовъ ни одному Франку, ни посламъ царя Арменіи или Вастація. Поэтому, начиная съ того мѣста, гдѣ мы были въ воскресенье Четыредесятницы, и вплоть до Кипра, куда я попалъ за недѣлю до праздника блаженнаго Іоанна Крестителя, намъ надлежало покупать себѣ припасы. Провожавшій меня доставлялъ мнѣ лошадей; онъ получалъ также деньги на съѣстные припасы, но клалъ ихъ себѣ въ кошелекъ. Когда онъ пріѣзжалъ куда нибудь на поле и видѣлъ стадо, то силой похищалъ барана и давалъ своему семейству ѣсть его, удивляясь, что я не хочу ѣсть отъ его хищенія.

Въ день Срѣтенія находился я въ нѣкоемъ городѣ, по имени Айни, принадлежавшемъ Сагенсѣ и очень укрѣпленномъ по своему положенію. Въ немъ находятся тысяча армянскихъ церквей и двѣ синагоги Сарращиновъ. Татары поставили тамъ судью (ballivum). Тутъ нашли меня братья проповѣдники, четыре изъ которыхъ ѣхали изъ Прованса во Францію, а пятый присоединился къ нимъ въ Сиріи. У нихъ былъ только одинъ немощный служитель, знавшій по турецки и немножко по французски. Они имѣли грамоты господина папы къ Сартаху, Мангу-хану и Бури, какія и вы дали мнѣ, а именно просительныя, чтобы тѣ позволили имъ пребывать въ ихъ землѣ и проповѣдывать слово Божіе и т. д. Когда же я разсказалъ имъ, что я видѣлъ, и какъ Татары меня отослали, они направили свой путь въ Тефилисъ, гдѣ пребываютъ ихъ братья, чтобы посовѣтоваться, что дѣлать. Я имъ надлежаще разъяснилъ, что при помощи этихъ грамотъ они могутъ проѣхать, если пожелаютъ, но должны запастись надлежащимъ терпѣніемъ къ перенесенію трудовъ и хорошенько обдумать цѣль своего пріѣзда, ибо, разъ у нихъ не было другого порученія, кромѣ какъ проповѣдь, Татары станутъ мало заботиться о нихъ, особенно если у нихъ нѣтъ толмача. Что сталось съ ними потомъ,—не знаю.

ГЛАВА LII.

Переправа черезъ Евфратъ. Крѣпость Камаѳъ. Возвращеніе въ Кипръ, Антіохію и Триполи.

Далѣе, во второе воскресенье Четыредесятницы, мы прибыли къ истоку Аракса и, переваливъ черезъ вершину горы, добрались до Евфрата, возлѣ котораго спускались восемь дней, направляясь все на западъ до нѣкоей крѣпости, по названію Камаоъ. Тамъ Евфратъ сворачиваетъ на югъ въ направленіи къ Алапіи. Мы же, переѣхавъ черезъ рѣку, стали направляться черезъ высочайшія горы и по глубочайшимъ снѣгамъ на западъ. Тамъ въ томъ году было такое страшное землетрясеніе, что въ одномъ городѣ, по имени Арсенгенъ, погибло 10 тысячъ лицъ, извѣстныхъ по имени, помимо бѣдняковъ, о которыхъ не было свѣдѣній. Проѣхавъ верхомъ три дня, мы увидѣли отверстіе въ землѣ, образовавшееся отъ ея раскола при колебаніи, и груды земли, сползшія съ горъ и наполнившія долину; поэтому, если бы земля поколебалась нѣсколько больше, буквально исполнилось бы то, что говоритъ Исаія, а именно: «Всякая долина наполнится, и всякая гора и холмъ принизится».

Мы проѣхали по равнинѣ, на которой Татары побѣдили Турецкаго султана. Писать, какъ его побѣдили, было бы слишкомъ длинно; но одинъ служитель моего проводника, бывшій съ Татарами, говорилъ, что ихъ было всего на все не больше 10 тысячъ; а одинъ Кургъ, рабъ султана, говорилъ, что съ султаномъ было 200 тысячъ, всѣ на лошадяхъ. На этой равнинѣ, на которой происходила эта война, а вѣрнѣе это бѣгство, образовалось во время землетрясенія большое озеро, и мнѣ говорило мое сердце, что вся эта земля открыла уста свои для принятія и впредь крови Сарацинов. Въ Себастѣ, что въ Малой Арменіи, мы были на Страстной недѣлѣ. Такъ посѣтили мы гробницу сорока мучениковъ. Тамъ есть церковь во имя святаго Власія, но я не могъ пойти въ нее, такъ какъ она находится на верху въ крѣпости. Въ недѣлю по Пасхѣ мы прибыли въ Кесарію Каппадокійскую, въ которой находится церковь святаго Василія Великаго.

Послѣ этого, черезъ 15 дней, мы прибыли въ Иконій, дѣлая небольшіе дневные переходы и отдыхая во многихъ мѣстахъ, такъ какъ не могли очень скоро доставать лошадей. И проводникъ мой устраивалъ это умышленно, взимая въ каждомъ городѣ себѣ продовольствіе за три дня; я очень этимъ огорчался, но не смѣлъ говорить, такъ какъ онъ могъ бы продать или

убить меня и нашихъ служителей, и никто не сталъ бы противорѣчить. Въ Иконіи я нашелъ многихъ Франковъ и одного генуэзскаго купца изъ Акры, по имени Николая де Сенъ-Сиръ, который съ однимъ своимъ товарищемъ, Венеціанцемъ, по имени Бонифаціо де Молендино, получилъ исключительное право на торговлю квасцами въ Турціи, такъ что султанъ не можетъ никому продать сколько бы то ни было, кромѣ ихъ двоихъ, а они сдѣлали квасцы настолько дорогими, что то, что прежде продавалось за 15 бизантіевъ, нынѣ продается за 50. Мой проводникъ представилъ меня султану. Султанъ сказалъ, что охотно прикажетъ проводить меня до моря Арменійскаго или до Киликіи. Тогда вышеупомянутый купецъ, зная, что Саррацины мало обо мнѣ заботятся, и что я чрезмѣрно тяготился обществомъ моего проводника, ежедневно надоѣдавшаго мнѣ просьбами о подаркахъ, приказалъ проводить меня до Курты, гавани царя Арменіи. Я прибылъ туда наканунѣ Вознесенія и остался вплоть до дня, слѣдующаго за Пятидесятницей. Тогда я услышалъ, что прибыли послы отъ царя [Армянскаго] къ его отцу. Я сложилъ свои пожитки на корабль, чтобы отвезть ихъ въ Акру, самъ же налегкѣ отправился къ отцу царя узнать, не услышалъ ли онъ чего нибудь новаго о своемъ сынѣ. Я нашелъ старика въ Ази вмѣстѣ со всѣми сыновьями, кромѣ одного, по имени Барунузина, который занимался постройкой какого-то замка. Отъ сына онъ получилъ нѣсколько сообщеній, а именно, что тотъ возвращался, что Мангу-ханъ значительно облегчилъ ему подать, и, кромѣ того, даровалъ ему то преимущество, чтобы ни одинъ посолъ не вступалъ въ его страну; по этому поводу старикъ со всѣми сыновьями и со всѣмъ народомъ устроили большой пиръ.

Меня же онъ приказалъ проводить къ морю до гавани, называемой Ауаксъ; оттуда переправился я на Кипръ и въ Никозіи нашелъ вашего Провинціала, который въ тотъ же день повезъ меня съ собою въ направленіи къ Антіохіи, находящейся въ очень плохомъ состояніи. Тамъ мы пробыли праздникъ апостоловъ Петра и Павла.

ГЛАВА LIII.

О томъ, какъ братъ Вильгельмъ писалъ изъ Триполи къ королю Людовику, донося ему о своемъ путешествіи и объ отправкѣ пословъ къ Татарамъ.

Отсюда прибыли мы въ Триполи, гдѣ, въ день Успенія Святой Дѣвы, имѣли собраніе нашего ордена; и Провинціалъ вашъ опредѣлилъ, чтобы я избралъ [монастырь въ] Акрѣ, не позволивъ мнѣ явиться къ вамъ и приказавъ, чтобы я написалъ вамъ то, что хочу, черезъ подателя сего по-

сланія. Я же, не смѣя противиться обѣту послушанія, составилъ, какъ могъ и умѣлъ, прося прощенія у вашей несравненной кротости какъ за лишнее, такъ и за нехватки, или за сказанное не совсѣмъ умно, а скорѣе глупо, такъ какъ я человѣкъ не достаточно умный и не привыкъ составлять такія длинныя повѣствованія. Миръ Божій, который превосходитъ всякое пониманіе, да хранитъ сердце ваше и разумѣніе ваше! Охотно я повидалъ бы васъ и нѣкоторыхъ особенно близкихъ мнѣ друзей, которыхъ имѣю я въ королевствѣ вашемъ. Поэтому, если это не противно вашему величеству, я хотѣлъ бы молить васъ, чтобы вы написали Провинціалу о позволеніи мнѣ явиться къ вамъ, подъ условіемъ скораго возвращенія въ Святую Землю.

О Турціи знайте, что тамъ изъ десяти человѣкъ одинъ не Сарацинъ, а все это—Армяне и Греки, и дѣти властвуютъ надъ этимъ краемъ. Именно у султана, побѣжденнаго Татарами, была законная жена изъ Иверіи: отъ этой жены у него былъ разслабленный сынъ, котораго онъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Другой сынъ у него родился отъ греческой наложницы, которую онъ потомъ передалъ одному могущественному эмиру (amiraldo); третій сынъ у него былъ отъ турчанки; соединившись съ нимъ, многіе Турки и Туркоманы пожелали убить сыновей христіанъ.

Какъ я узналъ, они рѣшили также, въ случаѣ побѣды, разрушить всѣ церкви и убить всѣхъ тѣхъ, кто не пожелаетъ сдѣлаться Сарацинами; но сынъ этотъ былъ побѣжденъ, и многіе изъ его приближенныхъ были убиты. Онъ обновилъ свое войско во второй разъ, и тогда его взяли въ плѣнъ, въ оковахъ держатъ его и понынѣ. Пакастеръ, сынъ Гречанки, сталъ заботиться о своемъ сводномъ братѣ, чтобы тотъ сталъ султаномъ, такъ какъ другой, котораго отправили къ Татарамъ, былъ слабаго сложенія; родственники его со стороны матери, Иверы или Георгіаны, вознегодовали на это. Отсюда нынѣ въ Турціи владычествуетъ отрокъ, не имѣющій никакой казны, немного воиновъ и много недруговъ. Сынъ Вастація слабаго сложенія и ведетъ войну съ сыномъ Ассана, который также еще мальчикъ и угнетенъ рабствомъ Татаръ. Поэтому, если бы воинство Церкви пожелало пойти къ Святой Землѣ, то было бы очень легко или покорить всѣ эти земли, или пройти черезъ нихъ. Венгерскій король имѣетъ, самое большее, не свыше 30 тысячъ воиновъ. Отъ Кельна до Константинополя только сорокъ дней пути на повозкахъ, а отъ Константинополя не будетъ столькихъ дней пути до земли царя Арменіи. Нѣкогда проходили черезъ эти земли доблестные мужи и имѣли успѣхъ; однако противъ нихъ стояли весьма сильные непріятели, которыхъ нынѣ Богъ уничто-

жилъ съ лица земли. И намъ не слѣдовало подвергаться опасности моря и зависѣть отъ милосердія корабельныхъ служителей, а той платы, которую надлежало заплатить за перевозъ, хватило бы на издержки при путешествіи по сушѣ. Увѣряю васъ, что если бы ваши поселяне, не говоря уже о короляхъ и воинахъ, пожелали идти такъ, какъ идутъ цари Татаръ, и довольствоваться такою же пищей, то они могли бы покорить цѣлый міръ.

Мнѣ кажется безполезнымъ, чтобы какой нибудь братъ ѣздилъ впредь къ Татарамъ такъ, какъ ѣздилъ я, или такъ, какъ ѣдутъ братья проповѣдники; но если бы господинъ папа, который является главою всѣхъ христіанъ, пожелалъ отправить съ почетомъ одного епископа и отвѣтить на глупости Татаръ, которыя они уже трижды писали Франкамъ (разъ блаженной памяти папѣ Иннокентію четвертому и дважды вамъ: разъ черезъ Давида, который васъ обманулъ, а теперь черезъ меня), то онъ могъ бы сказать имъ все, что захочетъ, и даже заставить, чтобы они записали это. Именно они слушаютъ все, что хочетъ сказать посолъ, и всегда спрашиваютъ, не желаетъ ли онъ сказать еще; но ему надлежитъ имѣть хорошаго толмача, даже многихъ толмачей, обильныя средства и т. д.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРЕВОДУ ПЛАНО КАРПИНИ.

Стр. 1.

Монгаловъ] *D'Avezac* p. 530) и *C. Raymond Beazley* (The texts and version of John de Plano Carpini and William de Rubruquis, London, Hakluyt Society, 1903, p. 274) считаютъ эту форму за славянскую и объясняютъ появленіе ея у Карпини вліяніемъ на него его толмача, поляка Бенедикта, и русскихъ проводниковъ.

ордена миноритовъ] Одно изъ подраздѣленій францисканцевъ.

Стр. 3.

Солангковъ] У средневѣковыхъ магометанскихъ писателей Sulangka, вѣроятно, часть сѣверо-восточной Манчжуріи и даже сѣверная Корея.

Гуировъ] Тотъ же самый (вост.-турецкій) народъ, который у Рубрука называется Югуры (Уйгуры). Въ XIII столѣтіи они занимали мѣстность въ Восточномъ Туркестанѣ, съ городами Бишбалыкъ (развалины около Гучена) и Кара-ходжа (развалины въ 30 верстахъ къ вост. отъ Турфана). Ср. *E. Bretschneider*, Mediaeval Researches From Eastern Asiatic Sources. Vol. I (London 1888), стр. 236 — 263. — *В. В. Радловъ*, Къ вопросу объ Уйгурахъ. Спб. 1893.

Наймановъ] Согласно восточнымъ писателямъ, это племя жило вблизи истоковъ рѣки Иртыша и къ западу и востоку отъ Алтайскихъ горъ. *Bretschneider*, тамъ-же, т. I, стр. 43, примѣч. 98. Слово *Найманъ* по монгольски значитъ восемь.

конскаго навоза] Употребленіе въ топливо навоза объясняется скорѣе тѣмъ, что и доселѣ еще буряты считаютъ дымъ отъ этого топлива дезинфецирующимъ средствомъ. *Galsang Gombojew*, Randbemerkungen zu Plano Carpini въ Mélanges Asiatiques, v. II (St. Pétersbourg. 1856), p. 651.

Каракаронъ] У Рубрука Каракарумъ, по-китайски Ho lin, «монгольская столица, построенная при преемникѣ Чингизъ-хана, Угэдэѣ, около развалинъ стараго уйгурскаго города того же имени, на берегу рѣки Орхона. Тѣ и другія развалины носятъ названіе Харабалгасунъ и находятся въ 35 в. отъ озера Угэй-нора». *В. В. Бартольдъ* въ примѣч. на стр. 81-й книги: *И. П. Минаевъ*, Путешествіе Марко Поло (Спб. 1902). Плано Карпини первый западно-европейскій писатель, упоминающій о Каракарумѣ. Честь установленія мѣстонахожденія Каракарума принадлежитъ Н. М. Ядринцеву.

въ Сыръ-Ордѣ] Ср. стр. 54. Сыра-Орда находилась въ мѣстности Ormektua, «приблизительно въ 22 льё къ югу отъ Кяхты по дорогѣ въ Ургу». *D'Ohsson*, Histoire des Mongols, v. II (La Haye, 1834), p. 84, n. 2.

Стр. 5.

Борода] По свидѣтельству *Гомбойева* (стр. 651 сл.), Татары обычно выщипывали бороду желѣзомъ, но это не мѣшало имъ смотрѣть съ презрѣніемъ на тѣхъ, кто отъ природы лишенъ былъ бороды.

изъ букарана] По объясненію *Дюканжа* (Glossarium mediae et infimae latinitatis), тонкое полотно, отсюда франц. bougran.

балдакина] По объясненію *Дюканжа* (тамъ-же), драгоцѣнная узорчатая ткань изъ золотыхъ и шелковыхъ нитей. Слово это производили отъ названія Вавилона въ средніе вѣка *Балдакка*. Ср. фрц. baudequin.

Стр. 6.

нѣчто круглое] Разумѣется уборъ, называемый Рубрукомъ bocca (стр. 77); у магометанскихъ писателей онъ именуется bogtac. *Bretschneider*, т. I, стр. 53. По свидѣтельству *Г. Н. Потанина*, нынѣ подобные уборы среди монгольскихъ женщинъ неизвѣстны.

Стр. 7.

идолы изъ войлока] О подобныхъ идолахъ изъ войлока у современныхъ бурятовъ и ихъ основанныхъ на древней традиціи названіяхъ см. у *Гомбоева*, стр. 652 сл.

Стр. 8.

Михаила, который былъ однимъ изъ великихъ князей русскихъ] Михаилъ Всеволодовичъ, князь Черниговскій, замученный 20 сентября 1246 г. и причтенный къ лику святыхъ.

Стр. 9.

Андрей, князь Чернигова] «Въ одной лѣтописи (*Карамзинъ*, *IV*, примѣч. 62) подъ 1245 годомъ упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитаго Батыемъ; Плано-Карпини называетъ его княземъ Черниговскимъ». *Соловьевъ*, Исторія Россіи, кн. 1, ст. 876.

отнята голова у огня] Любопытныя замѣчанія объ этомъ и нижеслѣдующихъ суевѣріяхъ у современныхъ монголовъ см. у *Гомбоева*, стр. 653 сл.

пройти между двухъ огней] Объ очищеніи огнемъ въ нашихъ лѣтописяхъ говорится слѣдующее: «Обычай бо имѣя Канъ и Батый, аще кто придеть поклонитися има, не повелѣваеть предъ ся вести, но приказано бяше влъхвомъ вести я сквозѣ огнь и поклонитися кусту и огневи и идоломъ; а иже что приношахуть дары цареви, и отъ всего того взимающе влъсви и вметахуть во огнь; таже предъ царя пущающе съ дары» (Ростовская лѣтопись, см. *Карамзинъ*, *IV*, примѣч. 41). — «Повелѣваша своимъ волхвомъ складсти два огня, и провести всѣхъ князей рускихъ избояры ихъ сквозе огнь, и поклонитись кусту и идоломъ ихъ и огню; и дары, елико приносятъ царю, часть нѣкую въ огнь вметаху и тако привожаху ихъ ко царю... Дошедшимъ же имъ мѣста идѣже бѣ огнь накладенъ по обѣ страны, и мнозіи князи Рустіи зббояры своими идяху сквозе огнь, и поклоняхуся солнцу и огню идоломъ ихъ» (Никоновская лѣтопись, III, 20). Первое упоминаніе объ этомъ обычаѣ относится къ 569 г. по Р. Хр. Ср. *Гомбойсвъ*, стр. 661 сл.

Стр. 10.

по полету птицъ] *Гомбойевъ* (стр. 655) дополняетъ сюда крикъ сороки и ворона. «Съ древняго времени также сова считается зловѣщей птицей. Вой собаки также предвѣщаетъ несчастье».

выставляютъ копье] *Гомбойевъ* (тамъ-же) говоритъ, что этотъ обычай соблюдается и понынѣ.

хоронятъ же его со ставкой] *Гомбойевъ* (стр. 656) свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай прекратился впослѣдствіи подъ вліяніемъ буддизма.

Стр. 11.

Оккодай-канъ (ошибочно напечатано *ханъ*)] Правильнѣе Угэдэй, третій сынъ Чингизъ-хана, вступившій на ханство въ сентябрѣ 1229 г. и умершій въ декабрѣ 1241 г. «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Переведено съ Китайскаго Монахомъ *Іакинфомъ*» (Спб. 1829), стр. 148 и 299.

Стр. 13.

Ярославъ, великій князь Руссіи] Ярославъ II Всеволодовичъ (1190—1246)--кн. новгородскій, впослѣдствіи великій кн., отецъ св. Александра Невскаго. Умеръ черезъ недѣлю по выѣздѣ изъ Орды (30 сент. 1246 г.).

Стр. 14.

жиромъ отъ мяса]. *Гомбойсвъ* (стр. 659) приводитъ нѣсколько любопытныхъ выраженій изъ языка татаръ, указывающихъ, что этотъ упрекъ въ неопрятности вполнѣ примѣнимъ и къ его современникамъ.

Стр. 16.

Йека-Монгалъ... Су-Монгалъ] Что слова *йека* и *су* переведены правильно, показываетъ *Strahlenberg*, Dictionnaire calmuque et mungale въ 'Description historique de l'empire russien, vol. II, pp. 338 et 362. У восточныхъ историковъ Йека-Монгалъ извѣстны подъ именемъ Монголовъ Nyroun. а у китайскихъ — Черныхъ Tha-Tha. *D'Avezac*, p. 531.

Тартарами] Эта форма собственнаго имени поставлена мной только здѣсь для большаго соотвѣтствія съ латинскимъ текстомъ. Она возникла на основаніи игры словъ: Татары и Тартаръ (подземное царство). Ср. *d'Avezac*, p. 531, n. 3.

Меркитъ] Могущественное племя, жившее по берегамъ Селенги и Байкала, между Татарами съ востока и Найманами съ запада. Ср. *d'Avezac*, p. 533.

Мекритъ] «Страна *Баргу*, нынѣ Забайкалье, гдѣ жилъ народъ *меркиты* или мекриты». *В. В. Бартольдъ*, стр. 92, примѣч. 3-е.

Хингисъ] Эта форма удержана для соотвѣтствія съ латинской Chingis. Обычно *Чингисъ*, знаменитый завоеватель, родился около 1155 г., умеръ въ августѣ 1227 г.

Стр. 17.

Кара-Китан] Эта держава была основана въ 12 столѣтіи выходцами изъ Сѣв. Китая, бѣжавшими отъ нашествія чжурчжэней или Кинъ (*d'Ohsson*, I, p. 3), и занимала значительную часть нынѣшняго китайскаго и русскаго Туркестана, отъ Лобъ-Нора до средняго теченія Сыръ-Дарьи и отъ Хотана до Балкаша. Черными на востокѣ называются народы, платящіе дань, а свободные отъ нея именуются бѣлыми (отсюда бѣлый царь).

Омылъ] Йемъ-ли у Китайцевъ, нынѣ Имиль, на рѣкѣ того же имени, немного къ западу отъ озера Кизилбаша.

великая пустыня] Гоби или Шамо.

Стр. 18.

Сари-Гуйюръ] То-есть Желтые Уйгуры, подраздѣленіе племени Уйгуровъ, жившее вблизи озера Куку-Нора въ сѣв. Тибетѣ. *Bretschneider*, I, p. 263; II, p. 205.

Караниты] М. б., тотъ же народъ, который у восточныхъ писателей именуется Karanut, одно изъ подраздѣленій монгольской расы. См. *d'Ohsson*, I, pp. 425—7.

Войратъ] См. *Bretschneider*, II, 159—173. Старинное названіе западныхъ монголовъ или Калмыковъ.

земли Комана] Противорѣчіе со слѣд. страницей, гдѣ сказано болѣе правильно, что Комановъ покорилъ сынъ Чингисъ-хана, Тоссукъ.

на войну противъ Китаевъ] Война Чингисъ-хана съ Китаемъ продолжалась отъ 1211 по 1215 годъ (взятіе Пекина). Окончательное завоеваніе Сѣв. Китая совершилось при преемникѣ Чингиса, Угэдэѣ.

Стр. 19.

по имени Тоссука] Старшій сынъ Чингисъ-хана, по-монгольски Juji или Chuchi, умершій ранѣе отца (въ 1224 г.), отецъ Батыя.

канъ] То есть Khan, Khagan или Khakhan, у Китайцевъ Han, у Византійцевъ Χαγάνος — турецкій императорскій титулъ, впервые встрѣчающійся въ китайскихъ лѣтописяхъ въ 312 г. по Р. Хр.

малую Индію] Вѣроятно, страны по западному берегу Инда.

въ большой Индіи] То есть въ Индостанѣ.

Пресвитеромъ Іоанномъ] «Въ представленіи средневѣковыхъ людей пресвитеръ Іоаннъ — могущественный христіанскій повелитель, владѣнія котораго простираются отъ крайней Индіи до Вавилона, оплотъ христіанства на Востокѣ, о какомъ тогда мечтали западные люди». *А. Н. Веселовскій*, Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1875, кн. 4, стр. 329 сл. На самомъ дѣлѣ это былъ «*Унханъ* или *Ванъ-ханъ*, ханъ христіанскихъ кераитовъ, который до возвышенія Чингизъ-хана былъ самымъ могущественнымъ лицомъ въ Монголіи». *В. В. Бартольдъ*, стр. 82, примѣч. 2-е.

обликъ собачій] О подобныхъ легендахъ, весьма распространенныхъ въ средніе вѣка, см. *Beazley*, p. 280.

Стр. 20.

Буритабетъ] Это современный Тибетъ.

Кергисъ] То есть Черкесы на Кавказѣ, покоренные Монголами въ 1227 г.; Киргизы же были побѣждены уже въ 1207 г.

заключенные среди Каспійскихъ горъ] См. извѣстное свидѣтельство нашей лѣтописи подъ 1096 г. и у *Плинія*, Естеств. исторія, кн. VII, § 23.

Стр. 21.

многочисленные законы и постановленія] Подробно перечислены у *d'Ohsson*, I, 404—416.

настоящаго Куйюкъ-кана] Куйюкъ или Guyuk (въ китайскихъ источникахъ) былъ сыномъ Угэдэя (Оккодая) и внукомъ Чингиса. «Угэдэй Ханъ завѣщалъ, чтобы по немъ преемствовалъ внукъ его Шилмынь (Shyramûn), но по кончинѣ его, Ханьша, учинившись правительницею, собрала князей и вельможей въ урочище Далань-даба, гдѣ на общемъ совѣтѣ положили возвести на ханство Куюка». Исторія первыхъ четырехъ хановъ, стр. 298. Куйюкъ былъ великимъ ханомъ съ 1246 по 1248 г.

Стр. 22.

былъ убитъ ударомъ грома] Это свѣдѣніе невѣрно.

Хыаадай] Русское искаженіе имени Chagatai. По свидѣтельству персидскихъ историковъ, его владѣнія простирались отъ страны Уйгуровъ до Аму-Дарьи. *Bretschneider*, I, 99, n. 252.

имени четвертаго мы не знаемъ] Это былъ Тулуй (To-lei въ китайскихъ лѣтописяхъ), отецъ Мангу и Кублая. Ему Чингисъ оставилъ почти всѣ свои войска (101000 изъ 129000).

Коктена] Правильнѣе Kutan.

Хиренена] Это Shyramûn, упомянутый въ примѣч. къ стр. 21.

Батый] Batu. Слово это означаетъ *силу* или *крѣпость*.

Сыбанъ] Shyban или Shiban, воевавшій въ Россіи, Польшѣ и Венгріи.

Бора] Правильно Bura.

Берка] Въ русскихъ лѣтописяхъ Беркай и Бирка, особенно угнетавшій русскихъ, такъ что въ нашихъ лѣтописяхъ отмѣчается, что по смерти этого хана «бысть ослаба Русской землѣ».

Менгу] У Рубрука Мангу, преемникъ Куйюка. Въ нашихъ лѣтописяхъ Менгу-ханъ.

Бихакъ] Восточные историки называютъ его Bujek, Buygek или Buchek, китайскіе—Pocho.

Хирподанъ] Charmaghan, воевавшій въ Ю.-З. Азіи въ 1229—31 г.г., умеръ въ 1241 г.

Хубилай] Кублай, при дворѣ котораго былъ Марко Поло.

Синокуръ] Shinkur, сынъ Тоссука.

Сибедей] Sobodai, Subutai или Subudai, одинъ изъ величайшихъ монгольскихъ вождей.

вонномъ] Такъ переводитъ Карпини слово Bahadur.

Коренца] Ср. стр. 47.

Стр. 24.

земли Высокаго-Султана] Хорасміи, по теченію Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, на мѣстѣ теперешней Хивы. Имя этого султана по *Авезаку* (р. 504, n. 1) было A'lây-el-Dyn Mohhammed.

Бисерминовъ] Это старинное славянское искаженіе формы *мусульмане*. Ср. *Герберштейнъ* (стр. 141): «Названіе Бесермены ихъ (Татаръ) радуетъ, а этимъ именемъ любятъ называть себя и Турки». Земля Бисерминовъ—мусульманская Центральная Азія.

Бархимъ] Опечатка вм. Бархинъ (ср. стр. 51). Вѣроятно, на р. Сыръ-Дарьѣ.

Іанкинтъ] Тамъ-же.

Орнасъ] Вѣроятно, находился по сосѣдству съ 2 предыдущими. Толмачъ Карпини, *Бенедиктъ*, смѣшавшій Азовское море съ Аральскимъ, помѣщалъ Орнасъ въ Хозаріи, откуда *Языковъ* отожествлялъ Орнасъ съ Азовомъ.

Стр. 25.

Турковъ] То есть Торковъ. Это—одно изъ тюркскихъ племенъ, кочевавшее въ южно-русскихъ степяхъ.

съ Венграми и Поляками] О походахъ Татаръ на Польшу и Венгрію см. подробно у *d'Ohsson*, II, p. 120—83.

Мордвановъ] То есть Мордвы.

Билеровъ] Такъ, или въ формѣ Биларъ, называются у нѣкоторыхъ мусульманскихъ историковъ и географовъ Болгары или Булгары, столица которыхъ была недалеко отъ Казани. См. *П. А. Александровъ*, Экскурсія къ болгарскимъ развалинамъ въ Истор. Вѣстн., 1908 г., кн. 12, стр. 1073—1105.

Баскартъ] Башкиры.

къ Паросситамъ] Финскія племена, жившія въ Пермской и Вятской губерніяхъ. Упоминаніе про дымъ объясняется тѣмъ, что они постоянно разводятъ его лѣтомъ для удаленія мухъ и комаровъ.

къ Самогедамъ] То есть Самоѣдамъ.

чудовищъ] Вѣроятно, тамошніе моржи и тюлени.

Стр. 26.

Хирподанъ] Опечатка вм. Хирподан*а*.

Оккодай-кана] Опечатка вм. Оккодай-канъ.

Кергисъ] То есть Черкесовъ, см. выше примѣч. къ стр. 20.

Исидоръ] Епископъ Севильскій († 636 г.).

Георгіаніи] Грузіи.

де Урумъ] Лучше *Урумскаго*. Султанъ Кейкобадъ изъ малоазійской вѣтви Сельджукидовъ.

Халапіи] Алеппо.

Де Балдахъ] Правильнѣе *Балдахскаго*. Балдахъ—средневѣковое названіе Багдада.

бизанціевъ] Правильнѣе бизантіевъ. Разумѣются т. н. византины, первоначально византійскіе солиды, а затѣмъ всякая восточная золотая монета (отсюда фрц. besant). Цѣна ея очень колебалась и зависѣла отъ мѣста чеканки (и, стало быть, количества металла). Приблизит. 2 р. 50 к.—5 р. Съ византіями, вѣроятно, тожественны иперперы.

Стр. 27.

это число — тьма] «Татарское слово, на которое здѣсь намекается, есть toumân (т. е. 10.000). Иностранецъ могъ легко смѣшать его съ thoumân (т. е. облака, дымъ, тьма)». *D'Avezac*, p. 683, n. 12. Съ нижеслѣдующимъ изложеніемъ о войскѣ Татаръ см. *d'Ohsson*, I,

386—404. Брошюра поручика г. *К. Смирнова* «Армія Монголовъ въ XIII вѣкѣ. По запискамъ современника-европейца» (Спб. 1908) не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ представляетъ только пересказъ данныхъ Марко Поло.

Стр. 34.

дохорь] Ср. приведенныя у *Карамзина* (т. III, примѣч. 27) «Дѣянія прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ», гдѣ хорекъ названъ *дъхорь*.

Башаѳовъ] Въ нашихъ лѣтописяхъ *баскаковъ*, ср. *Bretschneider*, II, 78.

Стр. 35.

царя Георгіаніи] То есть Грузіи. Объ этомъ спорѣ Мелика и Давида ср. *d'Ohsson*, II, p. 206—7.

Обезами] То есть Абазами или Абхазами, ср. *d'Avezac*, p. 497.

Комана] Центръ Азіи. *D'Avezac*, p. 708.

Туматъ] Монгольское племя, кочевавшее по сосѣдству съ Киргизами. Ср. *d'Avezac*, p. 571.

Касмиръ] Кашмиръ, область въ Индіи, между 33°27′—34°37′ сѣв. шир. и 74°30′—76°14′ вост. долг.

Сарацены] То есть подданные султана Алеппскаго, ср. *d'Avezac*, p. 572.

Туркоманы] Туркмены.

Корола, Комуки] Эти имена возстановлены у *d'Avezac'*а гипотетично: въ рукописяхъ стоитъ Catoracomuty, Korola Tomici и Colona Thorati. Тотъ же ученый (стр. 575) предполагаетъ, что Корола тожественны съ Coreli, которыхъ называетъ Альбертъ Кампенскій, какъ народъ сосѣдній съ Башкирами, а Комуки то же, что Дагестанскій народецъ Ghomyq, Coumiks или Qomouq.

Кассы] Варьянтъ Sassi. Народъ въ точности неизвѣстный, ср. *d'Avezac*, p. 574.

Якобиты] Секта сирскихъ монофизитовъ.

Аланы или Ассы] Народъ, принадлежавшій къ арійской расѣ и притомъ къ иранской ея вѣтви. См. обстоятельную монографію проф. *Ю. А. Кулаковскаго*, Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей («Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-Лѣтописца» кн. XIII, и отд. Кіевъ 1899), гдѣ указана и другая главная литература (см. особ. «Живую Старину» за 1894 г., стр. 65—77). «Совершенно ... неизвѣстна намъ судьба аланскихъ поселеній, которыя въ придонскихъ мѣстностяхъ встрѣчали Плано Карпини и Рубруквисъ. Но не лишено интереса отмѣтить, что на территоріи степнаго Крыма въ нынѣшнемъ Евпаторійскомъ уѣздѣ живетъ и понынѣ имя *Асъ* въ названіяхъ двухъ волостей: Біюкъ-Асъ и Кучукъ-Асъ, т. е. Большой и Малый Асъ». *Ю. А. Кулаковскій*, стр. 65.

Стр. 36.

Несторіаны] Лучше *Несторіане*. Какъ видно изъ описанія Рубрука, представители этой ереси пользовались большимъ уваженіемъ при дворѣ Мангу-хана. Врядъ ли возможно, вмѣстѣ съ *d'Avezac* (стр. 573), пріурочивать въ данномъ мѣстѣ Несторіанъ къ индійской территоріи.

Армены] Армяне.

Кангиты] Или Канглы, по *Рубруку* (стр. 101). Ср. стр. 50. *D'Ohsson* (I, 196) называетъ ихъ *Cancalis* и считаетъ выходцами изъ безводныхъ равнинъ, расположенныхъ къ С. отъ оз. Хорасма и къ С. В. отъ Каспійскаго моря.

Команы] Такъ, по имени рѣки Кумы, впадающей въ Каспійское море, называются въ венгерскихъ и византійскихъ лѣтописяхъ половцы, ср. стр. 50 и *Н. Я. Аристовъ*, О землѣ Половецкой (Кіевъ, 1877).

Врутахи] *D'Avezac* (стр. 496) предлагаетъ искать это племя на Кавказѣ по правому берегу Куры, между рѣками Berdâgj или Berdougji и Араксомъ.

Хазары] Gazari; общепринятая форма *Хозары*.

Тарки] Неизвѣстный народъ; рукописи даютъ формы: Tarci, Tarti, Tati, Thaos, Thoas.

Чиркасы] То есть Черкесы.

Руѳены] То есть Русскіе.

Мангія] Часть южнаго Китая, *Manzy* мусульманскихъ писателей, *Man-tsu* китайскихъ историковъ. *D'Avezac*, p. 576.

Саксы] Saqsyn у восточныхъ историковъ, народъ, сосѣдній съ Хозарами и Великой Булгаріей, вѣроятно, финскаго происхожденія. *D'Avezac*, тамъ-же.

Стр. 38.

и въ надписаніи печати его] Ср. *d'Ohsson*, II, 235 сл.

Стр. 40.

баллисты] Т. н. самострѣлы. «Величина самострѣловъ была иногда необыкновенна: у Половецкаго хана Кончака «бяху луци тузи самострѣлнии, одна 50 мужь можашеть напрящи (Лѣтоп. по Ипат. сп., изд. 1871 г., стр. 428)». *Савваитовъ*, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и т. д. (Спб. 1896), стр. 123.

Стр. 43.

сказано въ Писаніи] Книга Притчей Соломоновыхъ, гл. 1, ст. 5. Въ русской Библіи: «Послушаетъ мудрый, и умножитъ познанія, и разумный найдетъ мудрые совѣты ».

Стр. 44.

къ королю Богемскому] Венцеславу I (родился въ 1205 г.; правилъ отъ 1240 до 1253 г.).

Къ князю Силезіи, Болеславу] Болеславъ V Стыдливый, 1226—1279, герцогъ Лигницкій, Сандомирскій и Краковскій.

къ князю Ланцискому, Конраду] Этотъ Конрадъ (дядя Болеслава) былъ герцогомъ Мазовскимъ и Куявскимъ; столицей его былъ Плоцкъ. Ланцискъ нынѣ Ленчица, уѣздн. городъ Калишской губ., на р. Бзурѣ. Сp. *d'Ohsson*, II, 121.

Господинъ Василько] Василько Романовичъ, кн. Волынскій († 1269 г.), сынъ Романа Мстиславича, кн. Галицкаго.

брату его, Даніилу] Знаменитый Даніилъ Романовичъ, король Галицкій (1201—1264).

Княгиня Краковская] Гремислава.

сынъ его] Лешко, см. *d'Avezac*, p. 482, n. 1.

Стр. 45.

тысячникомъ] По-монгольски mingatan.

въ Даниловѣ] Рукоп. Darifone.

на второй день] То есть 4-го февраля 1246 г.

Кановъ] Уѣздн. городъ Кіевск. губ. на р. Днѣпрѣ, въ 120 верст. отъ Кіева.

по имени Михей] По мнѣнію *Rockhill'*я (Rubruck p. 5), его монгольскій титулъ былъ Daruga.

Коренцы] Толмачъ Карпини, *Бенедиктъ*, называетъ его Curoniza.

Стр. 47.

III] Опечатка вм. VIII.

на порогъ] О почитаніи порога у современныхъ Монголовъ см. у *Гомбойева*, стр. 660 сл.

Стр. 48.

среды Страстной Недѣли] 4-го апрѣля.

Мауци] Варьянты: Montij, Mocuy. Это Маучi, второй сынъ Хыаадая.

Картанъ] Варьянты: Carton, Carbon, Tirbon.

Великое море] Черное море.

рукавъ Св. Георгія] Босфоръ. Въ одномъ латинскомъ паломничествѣ въ Святую Землю (*Avezac*, p. 853) сказано, что этотъ рукавъ «раздѣляетъ двѣ земли, именно Романію и Македонію».

эти рѣки впадаютъ] Плано Карпини путаетъ вмѣстѣ моря Азвское, Черное и Каспійское.

три левки] Левка есть древнегалльская мѣра длины, соотвѣтствующая французскому льё $= \frac{1}{25}{}^{\circ}$ меридіана = 4445 метр.

Елдегай] Наши лѣтописи, упоминая это лицо по поводу убіенія св. Михаила Черниговскаго, называютъ его Елдега и стольникомъ Батыевымъ.

Стр. 49.

въ день Великой Пятницы] 6-го апрѣля.

Онъ также сидитъ] *Гомбойевъ* (стр. 662 сл.) замѣчаетъ, что съ проникновеніемъ буддизма Монголы стали размѣщаться иначе въ своихъ кибиткахъ.

королю Венгерскому] Белѣ IV (1235—1270 сл.), ср. *d'Ohsson*, II, 132—159.

если предъ ними не поютъ] *Гомбойевъ* (стр. 663 сл.) называетъ это пѣніе выраженіемъ уваженія къ извѣстному лицу.

Великой Субботы] 7-го апрѣля.

Стр. 50.

Кахи] Кахетины.

Цикковъ] «Цихія, Зихія, земля на восточномъ берегѣ Чернаго моря». *Языковъ*, стр. 270. Варьянты: Sittorum, Zythorum и Zichorum: у Гаклюйта даже Scythia.

недѣлей по Пасхѣ] 16-го апрѣля.

Вознесенія] 17-го мая.

Стр. 51.

въ землю Висерминовъ] Хорасмію.

большая рѣка] Сыръ-Дарья.

Буринъ] *У Рубрука* Бури.

Каданъ] По *Рашидъ-Эддину*, сынъ Оккодая. Ср. *d'Avezac*, p. 584.

Іоанна Крестителя] 24-го іюня.

нѣкое море] Байкальское озеро.

Стр. 52.

въ канунъ дня] 28-го іюня.

они язычники] Противорѣчіе съ *Рубрукомъ*, который (стр. 93) называетъ наймановъ христіанами-несторіанами. О найманахъ см. у *Н. А. Аристова*, Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (изъ «Живой Старины», 1896 г.). Спб. 1897, стр. 85—87.

Въ день же апостоловъ] 29-го іюня.

Маріи Магдалины] 22-го іюля.

засѣданіе] Kuriltai по-монгольски.

тому назадъ] Именно въ 1241-мъ г., ср. *d'Ohsson*, II, 195.

вручилъ ему переводъ] Вмѣсто «вручилъ» лучше сказать «препоручилъ» или «переслалъ».

къ своей матери] Ее звали Туракина.

гдѣ собиралось] По *d'Ohsson'* у (II, 195), вблизи озера Gueuca.

Стр. 53.

бѣломъ пурпурѣ] См. *Ducange*, Glossarium mediae et infimae latinitatis, s. v. purpura.

двадцать марокъ] 1 марка вѣсила ½ фунта (16 лотовъ).

Стр. 54.

Снаружи былъ] Подробно повѣтствуетъ объ этомъ собраніи *d'Ohsson*, II, 196 сл.

нѣкоего ручья] Вѣроятно, рѣка Орхонъ.

въ день Успенія] 15-го августа.

блаженнаго Варѳоломея] 24-го августа.

обращенными къ югу] *Гомбойевъ* (стр. 664) говоритъ, что это почитаніе юга соединялось съ культомъ предковъ.

Стр. 55.

Рисунокъ, помѣщенный на этой страницѣ, объясняется слѣдующимъ мѣстомъ *Викентія изъ Бовэ* (кн. XXXII, гл. XXXII, по переводу *Д. И. Языкова*, стр. 39—41): «Послѣ сего постлали они на землѣ войлокъ, на который посадя его сказали: «Возведи очи свои горѣ и познай Бога, и обрати ихъ на войлокъ, на которомъ ты сидишь. Если ты будешь хорошо править своимъ государствомъ, если будешь щедръ, если водворишь правосудіе и будешь чтить вельможъ своихъ каждаго по достоинству, то будешь владѣть со славою, и весь свѣтъ покорится твоей власти, и Богъ дастъ и тебѣ все, чего только сердце твое пожелаетъ. Но если ты станешь дѣлать противное, то будешь несчастенъ и отверженъ, и столь нищъ, что не будетъ у тебя и войлока, на которомъ теперь сидишь». Сказавъ это, тѣ же бароны посадили Гогову жену подлѣ него на войлокъ и такъ обоихъ ихъ сидящихъ подняли вверхъ, торжественно и громогласно провозгласили императоромъ и императрицею всѣхъ Татаръ».

Хингай] Tchincaï у *d'Ohsson* (II, 189), который сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой личности.

съ восточной стороны] Ср. у *Гомбойева*, стр. 666.

Стр. 58.

Кадана] Опечатка вм. *Кадака* (ср. ниже).

день блаженнаго Мартина] 11-го ноября.

Стр. 59.

онъ долженъ стать христіаниномъ] *Рашидъ-Эддинъ* (ср. *d'Ohsson*, II, 235) жаловался на униженія, которыя магометане терпѣли при Куйюкѣ.

Кардинала, легата Аллеманніи] Гуго де Сантокаро, ср. *d'Avezac*, p. 481.

Стр. 60.

въ праздникъ блаженнаго Бриція] 13-го ноября.

и грамоту] Она приведена у *d'Avezac'a* (стр. 594 сл.), но не имѣетъ особаго интереса и значенія.

къ Вознесенію Господню] 9-го мая 1247 г.

Стр. 61.

за пятнадцать дней] 9-го іюня.

Монгрота] Въ «Словарѣ древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ» *Н. М. Тупикова* (Спб. 1903) этого имени нѣтъ.

Сангора] Такого имени также нѣтъ у *Н. М. Тупикова*.

Темера] У *Тупикова* (стр. 445) имѣемъ Темирь и Темиръ.

Дубарлай] Также нѣтъ у *Тупикова*.

Лемфинкъ] Можетъ быть, Чимкентъ (ср. *Rockhill*, p. 31).

Угнея... Коктелеба] Нѣтъ у *Тупикова*.

Стр. 62.

Леодіи, Кампаніи] Во франц. переложеніи этой главы (*Языковъ*, стр. 216) Liège, Champagne.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРЕВОДУ РУБРУКА.

Стр. 65.

въ Екклезіастѣ] Въ нашей Библіи эта цитата имѣется въ «*Книгѣ премудрости Іисуса, сына Сирахова*» (гл. XXXIX, ст. 5): «Будетъ путешествовать по землѣ чужихъ народовъ, ибо испыталъ доброе и злое между людьми».

седьмаго мая] Въ оригиналѣ nonas maij, что я принималъ сперва за nona d.' maij, но всѣ переводчики передаютъ: «7-го мая».

великимъ] *Исидоръ* (Origg. XIII, 16, 1) называетъ такъ все Средиземное море. Черное же море именуется такъ еще у *Марко Поло (И. П. Минаевъ*, стр. 4). Ср. стр. 48.

Стр. 66.

1400 миль] Этотъ размѣръ представляется преувеличеннымъ, такъ какъ теперь длина Ч. моря измѣряется въ 1160 километровъ.

одинъ на сѣверѣ—югѣ] Ср. ниже «находится на югѣ» и «находится на сѣверѣ». Въ оригиналѣ вездѣ *ad aquilonem... ad meridiem*. Т. к. буквальный переводъ противорѣчилъ бы географіи, остается допустить, что эти выраженія стоятъ здѣсь въ смыслѣ т. н. локатива (ср. *G. H. Grandgent*, An introduction to vulgar Latin. Boston, 1908, p. 46).

Синополь] Синопъ, или Синопа, взятый Турками въ 1215 г.

Газарія] Такъ, по имени народа Хозаровъ, назывался Крымъ, вѣроятно, съ 8-го столѣтія (*Rockhill*, p. 42, n. 1).

къ Иверіи... Георгіи] См. примѣч. къ стр. 26.

Керсона] Херсонесъ Таврическій.

островъ] Ср. о немъ у *А. Л. Бертье-Делагарда:* Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса (въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи», издаваемыхъ Имп. Археологическою Коммиссіею. Спб. 1893, стр. 58—61), гдѣ цитованъ, по *Бержерону*, и данный текстъ Рубрука. Ср. *В. В. Латышевъ*, ΠΟΝΤΙΚΑ (Спб. 1909), стр. 374.

Солдаія] Нынѣ Судакъ («собств. Сугдакъ», *В. В. Бартольдъ* въ «Марко Поло», стр. 5, прим. 1-е), посел. Таврич. губ., Θеодосійскаго у.

горностаевъ и бѣлокъ] Въ оригиналѣ varium et grysiam. Ср. *Ducange*, s. v.

бумазею] Ср. *Ducange*, s. v. Bombax et Gambeso.

Матрика] Materkha у восточныхъ писателей, Ταμάταρχα или Τα Μάταρχα у Константина Порфиророднаго, Тмутаракань нашихъ лѣтописей.

нѣкое море] Азовское.

Осетровъ, чебаковъ] У *Дюканжа* словъ hosas barbatas нѣтъ. Переводъ данъ по *Д. И. Языкову*, который присоединялъ сюда еще и тунцовъ. *Чебакъ*—названіе леща въ Азовскомъ морѣ.

Зикія] Ziquia или Zikia, ср. примѣч. къ стр. 50.

Свевы] Вѣроятно, Сваны, обители Сванетіи.

Иверы] Татары покорили ихъ въ 1239 г., такъ что показаніе Рубрука неправильно.

Стр. 67.

Трапезунда] Этотъ городъ былъ покоренъ Монголами въ 1244 г.

Гвидо] Рубрукъ можетъ разумѣть только Андроника I Гида, умершаго, однако, еще въ 1235 г.; при Рубрукѣ-же въ Трапезунтѣ правилъ Мануилъ I (1238—63).

Вастація] Іоаннъ III Дука Ватацесъ, никейскій императоръ (1222—1254). Онъ платилъ дань монголамъ.

Аскаръ] Θеодоръ *Ласкарисъ*, сынъ Вастація отъ первой жены его Ирины, дочери императора Θеодора Ласкариса.

Блакія] Валахія. Ср. *Ю. А. Кулаковскій*, «Гдѣ находилась вичинская епархія констан-

тинопольскаго патріархата»? Визант. Врем. 1897, № 3, стр. 9 отд. отт.

Асану] Разумѣется династія царей Асѣней. Во время Рубрука царемъ былъ Михаилъ Асѣнь.

въ Вербное Воскресенье] 12 апрѣля.

Сартаху] Имя этого сына Батыя и внука Чингисъ-хана въ рукописяхъ передается весьма различно (ср. *Rockhill*, p. 18). Форма *Сартахъ* ближе всего воспроизводитъ написаніе этого имени у современныхъ Рубруку магометанскихъ писателей.

будто онъ христіанинъ] Ср. стр. 94. Мнѣніе о томъ, что Сартахъ былъ христіаниномъ и даже носилъ санъ діакона, держалось очень упорно. Ср. *І. А. Орбели*, ҺАсанъ Джалалъ, князь Хаченскій въ «Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ», 1909, № 6, стр. 423, примѣч. 7-е.

Сарацинами] Монголы называли Магометанъ Sartol. Это слово, какъ и названіе Сарацины, происходитъ отъ арабскаго sharki «восточный». Ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 68.

везшій подарки] Въ оригиналѣ lator praesentium, что надо понять, какъ «податель настоящаго посланія», ср. стр. 176.

Госсель] Такъ стоитъ въ текстѣ *Авезака*; въ рукописяхъ Gosset и Goset.

человѣкъ Божій] Ср. наше выраженіе «рабъ Божій», указывающее на недостатокъ разума у человѣка.

замковъ] См. *А. А. Куникъ*, О запискѣ готскаго топарха въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 24 (1874), стр. 78, примѣч. 3-е.

Нѣмецкій] Teutonicum въ оригиналѣ. Ср. *Ю. А. Кулаковскій*, Аланы и т. д., стр. 65, примѣч., а также примѣчанія къ данному мѣсту *Rockhill*'я и *Beazley*.

Команы] Половцы.

Стр. 69.

поль-иперпера] См. примѣч. къ стр. 26 *Beazley* опредѣляетъ цѣнность иперпера въ 10 шиллинговъ 6 пенсовъ.

Скиѳію] Въ оригиналѣ Cithiam. *Исидоръ* (Originum lib. XIV, 3, 31) опредѣляетъ границы Скиѳіи отъ восточной Индіи до Германіи и Дуная.

Стр. 71.

одинъ дворъ] Въ оригиналѣ una curia. Этимъ словомъ Рубрукъ передаетъ татарское *орда* (стр. 96). Китайскіе писатели переводятъ это слово «движущійся дворецъ». Ср. *d'Ohsson*, I. p. 83. n. 2: «*Ordou* называется собраніе шатровъ (pavillons), палатокъ и хижинъ, которые составляютъ обычное поселеніе государя и его женъ, равно какъ и лицъ, состоящихъ у него на службѣ; отъ слова ordou произошло слово *horde*, значеніе котораго иное (т. е. орда, шайка, сборище). Множество людей, повинующихся татарскому монарху, именуется его *улусъ*, т. е. его народъ, а частная территорія государя, вождя племени, вождя семейства называется его *юрта*».

Стр. 72.

напитокъ] Т. н. *террацина* (стр. 139).

изъ отдаленныхъ странъ] Вѣроятно, изъ Персіи и Туркестана.

маленькой гитарой] Вѣроятно, подобіе нашей балалайки.

Стр. 73.

вилочки] Вилка стала необходимой принадлежностью столовой посуды только около половины XIV вѣка. Ср. *Marquardt-Mau*. Privatleben der Römer, 2-te Auflage, p. 370 (Berl. 1886) и *Lumbroso*, La forchetta di tavola in Europa въ Mem. Acc. Lincei, Sc. morali, X, 19 fevr. 1882.

каптаргакъ] «Капы въ Туркестанѣ = мѣшки, для укладыванія всякаго товара. *Костенко* III, 75». *Бретшнейдеръ*.

Стр. 74.

кумысъ] «Eau de vie de lait de cavale en Kirghise et Turc—*kumyz*, en mongol aradja. (Kalmuk) *tchigan*». *Бретшнейдеръ*.

вино съ прибавкой свѣжаго винограда] Въ оригиналѣ «vinum raspei.» Vin râpé (il fait l'effet de Champagne). *Baker*. «Клерованное вино». *Д. И. Языковъ*.

правиломъ—свертыванію] Въ оригиналѣ regula enim est quod nullius animalis in cuius fetus ventre lac non invenitur coagulum coagulatur. *Rockhill*, м. б. точнѣе, передаетъ мѣсто такъ: «It is a fact that (the milk) of no animal will curdle in the stomach of whose fetus is not found curdled milk».

Стр. 75.

гріутъ] Ср. на стр. 78 *грутъ*. «Сыръ по киргизски *krout*, по турецки *kourt*, по монгольски (*Пьвцовъ*, Путешествіе въ Монголію, стр. 84) *hurut* или *bislik*». *Бретшнейдеръ*.

согуръ] «По *Потанину*, киргизы называютъ это животное *суурь*». *Бретшнейдеръ*.

кролики съ длиннымъ хвостомъ] Горностаи.

аркали] «*Потанинъ*, II, 142. Ovis argali=argali или *arcar*». *Бретшнейдеръ*. По *Rockhill*'ю, это то же животное, что ниже (стр. 103) называется куланъ (culan или khulan, по монгольски).

Стр. 76.

соколы, кречеты и аисты] Въ оригиналѣ falcones, girfaus, erodios. Переводъ для erodios данъ приблизительно къ величинѣ этихъ птицъ (также передаетъ слово и *Д. И. Языковъ*, ср. *Ducange*, s. v. herodius). Неправильно, повидимому, *Rockhill* считаетъ это слово за прилагательное и переводитъ hawks and *peregrine* falcons. *Языковъ* отожествлялъ herodius съ беркутомъ (aquila imperialis).

Паскату] Въ другихъ мѣстахъ Pascatir (Башкирія).

Керкиса] Здѣсь страна Киргизовъ.

а другую, волосъ которой] Т. н. *еріакъ*.

павіановъ] Въ оригиналѣ papionibus. Ср. cynocephalus papion. Но здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣются «лѣсныя собаки, болѣе свирѣпыя, чѣмъ волки». *Ducange*, s. v. Papio. Поэтому ниже (стр. 126) въ переводѣ оставлена форма папіоновъ.

шапки] У *Языкова* бурки.

Стр. 77.

бокка] По монгольски bogtac. Ср. *Плано Карпини*, стр. 6.

Стр. 78.

ложатся въ постель] Ср. *Плоссъ*, Женщина. Переводъ *М. Бартельса*, т. II (Спб. 1900), стр. 140 сл.

грутъ] См. примѣч. къ стр. 75.

Платьевъ онѣ никогда не моютъ] Эти и нижеслѣдующіе странные обычаи монголовъ стоятъ по большей части въ соотвѣтствіи съ наставленіями Чингисъ-хана. См. *d'Ohsson*, I, p. 409.

Стр. 80.

Мангу-хана] Онъ былъ великимъ ханомъ между 1251—1257 гг.

Команы] О могилахъ половецко-татарской эпохи въ Россіи см. у *Д. Я. Самоквасова*, Могилы русской земли (М. 1908), стр. 337 сл.

Стр. 81.

изъ города] Въ оригиналѣ de villa. Вѣроятно, разумѣется Константинополь.

Скатай] Въ рукописяхъ варьянты: Scatai, Scatay, Scatatai, Scatatay и Scatanay. *Rockhill* склоненъ думать, что это лицо тожественно съ Каданомъ у *Плано Карпини* (стр. 22 и 51).

императоръ константинопольскій] Балдуинъ II, послѣдній импер. латинской имперіи (1228—1261).

айра] «По *Потанину*, кислое молоко по-монгольски arik, по-киргизски aïran». *Бретшнейдеръ*.

Стр. 83.

въ восьмой день] 5-го іюня.

за Пятидесятницей] 8-го іюня.

Наканунѣ] 6-го іюня.

Аланы] См. примѣч. къ стр. 35.

Стр. 84.

иперперы] См. примѣч. къ стр. 26.

Въ день] 7-го іюня.

Стр. 85.

перекопомъ] Перекопскій перешеекъ, соединяющій Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Въ древности онъ былъ перекопанъ рвомъ, см. *Геродотъ*, IV, 3. *В. В. Латышевъ*, Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, т. I, вып. 1 (Спб. 1893), стр. 11.

Исидоръ] Въ сочиненіи *Originum* lib. XIV, cap. IV, 3. О громадномъ значеніи Исидора въ началѣ средневѣковья ср. свидѣтельства, собранныя у *Philippe*, Lucrèce dans la théologie chrétienne (Paris 1896), p. 25 s.

Капчатъ] «*Радловъ* (Aus Sibirien, II, 10) и *Sven Hedin* упоминаютъ племя Киргизовъ, по имени Kipchak, и понынѣ живущее въ восточномъ Памирѣ». *Rockhill*.

до Этиліи] *Птолемей*, первый изъ классическихъ писателей, упоминающихъ про Волгу, называетъ ее *Rha*, *Константинъ Багрянородный*—*Atel* или *Etel*.

Стр. 86.

Пруссія] Окончательное покореніе ея рыцарями тевтонскаго ордена совершилось значительно позже, ср. *Соловьевъ*, кн. I, ст. 816—820.

Стр. 87.

Маріи Магдалины] 22-го іюля.

Азію отъ Европы] Что Донъ (Танаидъ) служилъ границей между Европой и Азіей, это было общераспространенное мнѣніе античныхъ географовъ, которое повторяютъ еще *Герберштейнъ* (стр. 105) и *Олеарій* (стр. 387).

поселокъ] Casalia именовались мѣстности, примыкавшія къ замку или городу: это могли быть какъ отдѣльные дворы, такъ и цѣлыя деревни. См. *Heyd*, Die italienischen Handelskolonien in Palästina въ Zeitschr. f. Staatswiss., Bd. XVI, p. 32.

чебакъ] См. примѣч. къ стр. 66.

изъ болотъ Меотиды] Что разумѣется подъ этимъ названіемъ, въ точности неизвѣстно. *Бенедиктъ*, толмачъ Плано Карпини, понималъ подъ нимъ соленыя озера въ степяхъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. *D'Avezac*, p. 777. По *Герберштейну* (стр. 105), Донъ беретъ начало изъ Иванова озера, а, по *Олеарію*, изъ 3 озеръ, называемыхъ Resanscha (см. его карту).

Стр. 88.

Моксель] Moxii у *Барбаро*. Ср. названіе рѣки *Мокша* (лѣвый притокъ Оки въ Пензенск. и Тамбовской губ.) и *Герберштейнъ*, стр. 103.

Мердасъ] Мордва. Ср. *Герберштейнъ*, тамъ-же.

Стр. 89.

Лесгами] Вѣроятно, Лезгинцы.

Капчатъ] Въ рукописяхъ варьянты: Capchac и Capchat.

Койяку] Въ рукописяхъ варьянты: Caiac, Coiac и Coiat.

Ямъямъ] На стр. 123 и 164 только *ямъ*, отсюда наши *ямская слобода*, *ямщикъ*.

церковной утвари] Въ оригиналѣ capella, ср. *Ducange*, s. v.

Стр. 90.

Балдуина Гэно] Baudouin de Hainaut, рыцарь при дворѣ императора Константинопольскаго, ср. *Rockhill* ad l.

Давида] Ср. стр. 91, 151, 162 и 178. Его путешествіе относилось къ 1248 г. См. *Rockhill* ad loc.

Стр. 91.

въ Аконѣ] То есть въ Акрѣ.

въ день] 1-го августа.

слѣдующее] 2-го августа.

Стр. 92.

правила] Sentencias. На стр. 100 Рубрукъ говоритъ, что у него не было другихъ книгъ, кромѣ Библіи и служебника. *Beazley* понимаетъ подъ Sentenciae большой трудъ *Петра Ломбардскаго*, епископа Парижскаго († 1164), носившаго прозвище Magister Sententiarum.

Моалъ] Эта форма, повидимому, взята изъ Турецкой формы даннаго имени Mogal.

Стр. 93.

взяли Антіохію] Въ 1098 году.

Конъ-хамъ] Это есть титулъ Gur Khan («Всеобщій ханъ»), принятый въ 1125 г. (а не въ 1098) основателемъ Каракитайской имперіи въ средней Азіи Ye-lu Ta-shih. *Bretschneider*, I, 216, 225, 235; II, 256 и прим. 1059.

хамъ] Не имѣетъ ничего общаго со словомъ ханъ. *Beazley*.

Каракатай] Ср. *Bretschneider*, I, 208—235 и прим. къ стр. 17.

Кенъ-хана] Варьянтъ Ken chan. Это — Куйюкъ у *Плано Карпини*.

Андрей] Андрей de Longumeau или de Lonjumel былъ посланъ Людовикомъ IX къ Монголамъ въ февралѣ 1249 г.

Ункъ] Или Togrul, сынъ Гуръ-хана, ср. выше. Ср. *d'Ohsson*, I, p. 51. Марко Поло (стр. 82) отожествляетъ попа Ивана съ Ункъ-ханомъ.

Каракарумъ] Это наиболѣе часто встрѣчающееся названіе этого города (другіе варьянты Caracaron, Carecarum, Caratorum, Caratharum).

Критъ] Вѣроятно, Кераиты, жившіе къ с.-в. отъ оз. Байкала.

Стр. 94.

Тартары] По *Rockhill'*ю, первое упоминаніе этого имени относится къ 732 г. по Р. Хр. Ср. *d'Ohsson*, I, p. 427—29.

Онанкеруле] Мѣстность въ бассейнѣ Амура, между рѣками Ононъ и Карулэнъ. Ср. *Beazley*, p. 323.

Стр. 95.

въ доску] Греч. Semanterium. Ср. *F. X. Kraus*, Realencyklopädie der christl. Alterthümer, Bd. I (Freiburg im Breisgau), p. 622 s.

Сирканъ] Ср. Hyrcanium. Варьянты Sirsan и Sirtan. М.-б., это названіе происходитъ отъ персидской провинціи Schirwan, главный городъ которой б. Шемаха.

Исидоръ] Онъ считалъ Каспійское море заливомъ (Origg. XIII, 17, 1). Ср. стр. 96.

Мулигекъ] «Имѣется въ виду арабское слово *мульхидъ* =еретикъ». *В. В. Бартольдъ*, стр. 57, прим. 2-е.

Человѣкоубійцъ] «Названіе секты было *Хашишинъ* отъ одуряющаго напитка хашишъ. Убійства исмаилитовъ получили такую извѣстность, что отъ названія ихъ секты произошло франц. слово assassin (убійца)». *В. В. Бартольдъ*, стр. 58, прим. 1-е.

Кангле] Кангиты у *Плано Карпини*, стр. 36, 50 и 51.

Стр. 96.

Исидоръ] *Origg.* XIV, 3, 34.

поселокъ] Укака у *Марко Поло* (стр. 6). «Увекъ или село Ивановское, Саратовской губ. и уѣзда, въ 12 в. отъ Саратова (татарское названіе было Укекъ». *В. В. Бартольдъ*).

городовъ Великой Булгаріи] У теперешняго селенія Болгары или Успенское, ср. примѣч. къ стр. 25.

въ Израильскомъ народѣ] См. книгу *Числъ*, гл. I, ст. 51—53; гл. II, ст. 1—31.

Стр. 97.

къ Кенъ-хану] Им. брата Андрея, ср. примѣч. къ стр. 93.

Стр. 98.

де Поликарпо] Разумѣется Плано Карпини. Объ упоминаемой затѣмъ перемѣнѣ платья говоритъ толмачъ Плано Карпини, *Бенедиктъ* (*Avezac*, p. 777 s.).

Жана де Бомонъ] Это былъ адмиралъ флота Людовика IX при высадкѣ въ Египтѣ, 5-го іюня 1249 г. «Жаль, что мы не имѣли чести знать Господина де Бомона». *Карамзинъ*, IV, прим. 49-е.

Стр. 99.

для служителя] Николая, см. стр. 68.

Наканунѣ Успенія] 14-го августа.

Стр. 101.

На второй день] Въ оригиналѣ secunda die, что можно понять: «на другой день», т. е. 15-го сентября.

Всѣхъ Святыхъ] 1-го ноября.

Канглы] По мнѣнію *d'Avezac*'а (p. 469), Печенѣги.

Ягакъ] Яикъ, н. Уралъ.

Паскатиръ] Башкирія.

Исидоръ] *Origg.* IX, 2, 66.

Блакъ] То есть Валахи.

произошли тѣ] Это передвиженіе Булгаръ было около 485 г. по Р. Хр. Ср. *Bretschneider*, II, 82 слл.

по словамъ Господнимъ] *Второзаконіе*, XXXII, 21 (ср. *Посл. къ Римлянамъ*, X, 19). Въ нашей Библіи: «Они раздражили Меня не богомъ, суетными своими огорчили Меня: и я раздражу ихъ не народомъ, народомъ безсмысленнымъ огорчу ихъ».

Стр. 102.

отъ Парижа до Орлеана] 100 километровъ. По вычисленіямъ *F. M. Schmidt*'а (Ueber Rubruk's Reise von 1253—55 въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. XX Band (1885), p. 162, n. 161), Рубрукъ дѣлалъ ежедневно по 80 килом.

пшена] Въ оригиналѣ milium, ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 103.

четыре сына] Juchi, Chagatai, Ogodai и Tului. Старшій умеръ еще при жизни отца.

наканунѣ] 31-го октября.

черезъ какія-то горы] Въ оригиналѣ per alpes quasdam. По *Дюканжу* (s. v. Alpes, 2), Alpes могло означать даже горныя пастбища, расположенныя въ котловинахъ. Поэтому пониманіе въ данномъ мѣстѣ Пешелемъ и Шмидтомъ предлога per безусловно неправильно. Ср. *Rockhill* ad l.

Куламъ] См. примѣч. къ стр. 73.

Кинчатъ] Варьянты Kenchac, Kenchat и Kinchat. У восточныхъ писателей Kedjek; вѣроятно, въ бассейнѣ р. Таласа.

Стр. 104.

Таласъ] Городъ на рѣкѣ того же имени; точное положеніе его неизвѣстно. См. *Schmidt*, p. 194 ss.

Бури] Буринъ у *Плано Карпини*, стр. 22. Ср. *d'Ohsson*, II, 111.

Болатъ] Bolo у Китайскихъ писателей. «Lag im Gebiete der Borotola nördlich vom Sairamsee». *Schmidt*, p. 200.

Стр. 105.

Эквіусъ] Вблизи нынѣшняго Копала; точное положеніе неизвѣстно. *Schmidt*, p. 203.

Кайлакъ] Вѣроятно, Kayalik, Kaligh и Khaulak у мусульманскихъ писателей, Haiva-li у китайскихъ; находился, по *Шмидту* (стр. 204), немного къ западу отъ нынѣшняго Копала.

Органумъ] Альмаликъ или Кульджа. *Bretschneider*, I, 114, 167 и прим. 285. По мнѣнію *Yule*, Органа было имя царицы той страны (*Schmidt*, p. 204), такъ что Рубрукъ здѣсь странно ошибся.

Югуровъ] Уйгуровъ, см. прим. къ стр. 3.

Стр. 106.

крестикъ изъ чернилъ] О подобномъ обычаѣ среди Турокъ говоритъ византійскій писатель *Ѳеофилактъ* (т. 46, стр. 225 Боннскаго изданія).

пасха Саррациновъ] Вѣроятно, Байрамъ.

блаженнаго Христофора] То есть великаномъ. См. *Kraus*, l. c., I, p. 289.

идолъ такой большой] О колоссальныхъ статуяхъ Будды см. у *Rockhill'я* ad loc.

Стр. 107.

общинѣ] Разумѣется буддистскій монастырь.

со 100] По Rockhill'ю, теперь 108.

on mani baccam] Это первое упоминаніе европейца о великой формулѣ буддистовъ: *Om, mani padme hûm,* что *Rockhill* переводитъ: «Om, the jewel in the lotus, hûm», а *Бретшнейдеръ:* «Salut perle renfermée dans le lotus».

Стр. 108.

изображенія своихъ умершихъ] Ср. *d'Ohsson,* I, p. 16.

Стр. 109.

свою дочь] Фактъ неизвѣстный. Ср. *Rockhill* ad loc.

Тангуты] См. *Марко Поло,* стр. 74. Племя въ сѣв. Тибетѣ. Чингисъ-ханъ воевалъ съ ними въ 1209—10 гг. и покорилъ ихъ въ 1226—7 г. «*Исторія первыхъ четырехъ хановъ*», стр. 41 сл. и 133.

быки] Т. н. *якъ* (poëphagus grunniens).

Тибетцы] Ср. *Марко Поло,* стр. 168 слл. У *Плано Карпини* (стр. 20) Буритабетъ.

Стр. 110.

У Югуровъ — нарѣчія] «Интересное и вполнѣ точное замѣчаніе». *Rockhill.*

Лонга и Соланга] См. примѣч. къ стр. 3.

дощечку] По китайски hu, ср. *Rockhill,* ad loc.

Мукъ] Вѣроятно, тунгузское племя Mouky. *Schmidt,* p. 218.

Стр. 111.

какъ я полагаю] Рубрукъ — первый изъ западныхъ писателей, который отожествляетъ Катайю съ Серами.

отъ нѣкоего ихъ города] Взято у *Исидора* (Origg. XIV, 3, 29).

городъ съ серебряными стѣнами] Вѣроятно, Singanfu. Ср. *Beazley.*

среди горъ Кавказа] Ср. у *Исидора* (Origg. XIV, 8, 2): «Кавказскія горы, протянувшіяся отъ Индіи до Тавра, именуются на своемъ протяженіи различными именами сообразно съ разнообразіемъ народовъ и языковъ».

Скиѳіи] Въ оригиналѣ Sithie и Sichie. Ср. *Исидоръ* XIV, 4, 31.

Сегинъ] Обыкновенно его отожествляютъ съ Hsi-an Fu.

Стр. 112.

Туиновъ] «Touin — lama en ouigour (Djihan-koushaï). *Quatremère,* Hist. d. Mongols, p. 198. Восточный Сборникъ, 64 (Григорьевъ): тойнъ». *Бретшнейдеръ.* Ср. *d'Ohsson.* II, 264, n. 1.

святого Андрея] 30-го ноября.

столицы] Въ оригиналѣ ad capud. *Rockhill* переводитъ: to the head of that province.

моря] Вѣроятно, разумѣется соединеніе озеръ Балкаша и Ала-куль. См. *Шмидтъ,* стр. 206.

долина] По *Шмидту* (стр. 206 сл.), «углубленіе, отдѣляющее джунгарское Алатау отъ горъ Барлыкъ и связующее бассейны Ала-куль и Эбинооръ». Рѣка, вѣроятно, Тосту.

большимъ горамъ] Вѣроятно, Тарбагатай.

святого Николая] 6-го декабря.

Стр. 113.

субботу] 13-го декабря.

одно мѣсто] Ср. *Плано Карпини,* стр. 51, и другія свидѣтельства, собранныя у *Шмидта,* стр. 207.

на ту равнину] У города Омылъ, ср. *Плано Карпини,* стр. 17 и 51.

Стр. 114.

Стикана] Въ рукописяхъ варьянты: Stican, Strican, Strichan и Stichin. У *Плано Карпини* Сыбанъ, у магометанскихъ писателей Schiban. Ср. *d'Ohsson,* II, 8.

Сиремонъ] Хирененъ у *Плано Карпини* (стр. 22). По *d'Ohsson'у* (II, 187), Куйюкъ былъ его дядей. Ср. съ даннымъ разсказомъ изложеніе *d'Ohsson'а* (II, 255 s.).

Ибо въ печали — утѣшителя] Вѣроятно, намекъ на начало книги *Плачъ пророка Іереміи.*

Стр. 115.

блаженнаго Стефана] 26-го декабря.

Евангелиста Іоанна] 27-го декабря.

рисовое пиво] На стр. 120 и 139 оно названо террацина, по монгольски tarassun. Ср. *Марко Поло,* гл. CI (стр. 151 сл.).

Стр. 116.

сейчасъ лишимся ихъ] Въ оригиналѣ statim admitteremus eos. *Rockhill* исправляетъ emitteremus: ближе къ тексту было бы amitteremus.

великій секретарь] Булгай Ака, начальникъ ханской канцеляріи, финансоваго и внутренняго управленія. Ср. *d'Ohsson,* II, 260.

Стр. 117.

brosdate sive bistrate] См. *Ducange,* s. v. brusdus.

Стр. 118.

впервые] Въ оригиналѣ primo, что *Rockhill*, кажется безъ нужды, исправляетъ на *principi* или *prime*, подразумѣвая подъ этимъ первую жену Мангу-хана.

дня избіенія] 3-го января 1254 г.

Стр. 119.

полыни] «Saksaul или Anabasis Ammodendron». *Rockhill*, стр. 35.

тюленя] Въ оригиналѣ bovis marini.

Стр. 120.

балъ] Или boal, т. н. *буза*.

Стр. 122.

той госпожи] См. стр. 119.

Стр. 123.

султана Монъ-Реальскаго и Кракскаго] Монреаль и Кракъ—города Аравіи.

изъ Амморика] Въ оригиналѣ ab Ammorico. Что кроется подъ этимъ собственнымъ именемъ — неизвѣстно. *Rockhill* исправляетъ (невѣроятно) на Hermenia (Арменія).

Отономъ] Odon или Eudes de Château-Roux или Château-Raoul въ Берри, кардиналъ епископъ Тускульскій.

Стр. 124.

Молесъ] Вѣроятно, искаженіе имени Louis.

при Мансурѣ] Знаменитая битва 1249 г., въ которой Людовикъ былъ взятъ въ плѣнъ.

полныя отверстій] См. *Н. И. Веселовскій*, Свистящія стрѣлы въ *Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Комм.*, вып. 30-й (Спб. 1909), стр. 160.

буллу] См. *Н. И. Веселовскій*, тамъ же, стр. 156.

Стр. 126.

просоваго пива] Въ оригиналѣ cervisia de milio. Это единственное упоминаніе о подобномъ напиткѣ. *Rockhill* отожествляетъ его съ китайскимъ huang chiu.

Котота Катенъ] Магометанскіе писатели называютъ ее *Kutuktai Khatun*. Khatun, турецкое Khanum, происходитъ отъ *ханъ* и давалось, какъ титулъ, вдовамъ императоровъ и князей.

Стр. 128.

греки—канонъ] Въ оригиналѣ: quem Greci dicunt fuisce *canon*. Послѣднее загадочное слово скорѣе всего надо разсматривать, какъ сокращеніе canonizatum (т. е. причисленъ къ лику святыхъ).

кости бараньихъ лопатокъ] Этотъ способъ гаданія, не чуждый и античнымъ народамъ, называется скапуломантіей или омоплатоскопіей. Ср. *Gombojew*, p. 654 s.; *Тэйлоръ*, Первобытная культура. Пер. подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго*, изд. 2-е (Спб. 1896), т. I, стр. 112, и другую литературу, указанную у *Rockhill'я* ad loc.

Стр. 130.

молодая дѣвушка] Ср. стр. 119. Въ изложеніи Рубрука замѣчается нѣкоторая неясность, такъ какъ, вѣроятно, та же дѣвица разумѣется и въ въ слѣдующей фразѣ.

къ тому, кто] По мнѣнію *Rockhill'я*, это былъ Arghun I, имѣвшій резиденцію въ Таврисѣ.

Стр. 131.

по названію ревень] Это средство было въ большомъ ходу у монголовъ, ср. *d'Ohsson*, I, p. 372.

Стр. 132.

жидкую глину] Вѣроятно, кирпичный чай.

Стр. 133.

надъ двумя прутьями] О такомъ гаданіи упоминаетъ и Марко Поло (ср. *Rockhill* ad loc.). *Аммianъ Марцеллинъ* (кн. XXXI, гл. 2, § 24) говоритъ слѣдующее про Алановъ: «Ихъ способъ предугадывать будущее страненъ: связавъ въ пучекъ прямые ивовые прутья, они разбираютъ ихъ въ опредѣленное время съ какими-то таинственными заклятіями и получаютъ весьма опредѣленныя указанія о томъ, что предвѣщается» (Переводъ проф. *Ю. А. Кулаковскаго*, вып. 3, Кіевъ, 1908, стр. 242 сл.).

Стр. 134.

Су-Моалъ] См. примѣч. къ стр. 16.

Керкисы] Киргизы.

Оренгаи] Урянхайцы, живущіе нынѣ по обѣ стороны Русско-Китайской границы, приблиз. между 50 и 53 сѣв. шир. и 59—69 вост. долг.

Исидоръ] Вѣроятно, въ XIV-й книгѣ, ср. *Rockhill*.

Солинъ] См. стр. 207 сл. по 1-му изд. *Моммзена* (Берл. 1864).

Онъ разсказалъ мнѣ] Аналогичные разсказы въ китайскихъ сочиненіяхъ см. у *Rockhill'я* ad loc.

Стр. 135.

Кауле] То есть *Као-ли*, названіе династіи, царившей въ Кореѣ до середины XV столѣтія.

Манзе] «Такъ [Манги или Манзи] называлась часть Китая къ югу отъ Желтой рѣки» *П. П. Минаевъ*, стр. 159, прим. 3-е.

бумажка изъ хлопка] При дворѣ Кублая были въ ходу ассигнаціи изъ коры тутоваго дерева, см. *Марко Поло*, гл. XCVI.

и одно начертаніе слово] «Это древнѣйшее западное извѣстіе о письменахъ китайцевъ». *Rockhill*.

сыропустная недѣля] 23-го февраля.

аксамита] «Золотая или серебряная ткань съ травами и разводами, плотная и ворсистая какъ бархатъ». *Саввaитовъ*, стр. 2.

Стр. 136.

святого Іакова] Вѣроятно, de Compostella, въ Испанской области Галиціи.

Стр. 137.

ересь Манихея] Въ оригиналѣ Manchei и Manichei. Основатель секты носилъ почетное прозвище Мани (греч. Μάνης).

братъ, получающій — городъ] *Rockhill* говоритъ, что эти слова взяты изъ книги *Притчей Соломоновыхъ*, гл. XVIII, ст. 19. *Baker* цитуетъ «Притчи, 10». Въ нашей Библіи въ гл. XVIII, ст. 20, стоитъ слѣдующее: «Озлобившійся братъ неприступнѣе крѣпкаго города, и ссоры подобны запорамъ зáмка».

Стр. 138.

большое серебряное дерево] См. примѣч. *Rockhill'я* (ad loc.), который описываетъ цѣлый рядъ подобныхъ сооруженій при восточныхъ дворахъ. Ср. *I. А. Орбели*, стр. 433, примѣчаніе 4-е.

Стр. 140.

ханъ сидитъ—съ сѣверной стороны] Ср. *Марко Поло*, гл. LXXXVI (стр. 128).

около воскресенья] Въ оригиналѣ circa dominicam in Passione (am Sonntag Judica, *Schmidt*, p. 220), т. е. 29-го марта.

между горъ] По *Шмидту* (стр. 220), цѣпь Хангай (Khangaikette).

Въ вербное воскресенье] 5-го апрѣля.

Стр. 142.

Великій Четвергъ] 9-е апрѣля. Правда, *d'Ohsson* (II, 299) считаетъ, что Пасха въ 1254 г. была 19 апрѣля. Ср. стр. 118.

Стр. 143.

четыреугольную кожу] Антиминсъ. Ср. *Православную Богословскую Энциклопедію*, т. I, изд. 2-е (Петроградъ, 1904), стр. 797 сл., *Kraus*, I, p. 57.

Стр. 146.

просѣвать пыль] Ср. *Тэйлоръ*, т. II, стр. 247, о суевѣріяхъ англійскаго простолюдина: «Вечеромъ наканунѣ дня св. Марка нужно посыпать очагъ золой, чтобы увидать отпечатокъ ноги того, кто долженъ умереть въ этомъ году».

въ воскресенье] 17-го мая.

Стр. 147.

Наканунѣ Вознесенія] 20-го мая.

Одного изъ единоутробныхъ] Именно Hulagu.

Одного изъ остальныхъ] Кублая.

Арабукху] Arik Boga.

Бѳлегравъ] По *Rockhill'ю*, Бѣлградъ.

Стр. 148.

На слѣдующій день] 22-го мая.

царь Армянскій] Heythum I, царь Малой Арменіи.

Стр. 149.

въ воскресенье] 27-го мая.

Стр. 150.

Богъ говоритъ] См. *Евангеліе отъ Іоанна*, гл. XIV, ст. 15 сл.

на слѣдующій день] 25-го мая.

Стр. 151.

Писаніе наше] *Ап. Павелъ*, 2-е посланіе къ Тимоѳею, гл. II, ст. 24: «Рабу же Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ».

На слѣдующій день] 26-го мая.

канунъ Пятидесятницы] 30-го мая.

Стр. 153.

подвергался воплощенію] По замѣчанію *Rockhill'я*, Рубрукъ—первый изъ западныхъ писателей, который упоминаетъ про буддійское ученіе о воплощеніи. О важности этого ученія въ религіозной системѣ буддизма см. *Subhadra Bhikschu*, Buddhistischer Katechismus, 5-te Auflage (Braunschweig 1896), стр. 9.

Стр. 155.

Въ день Пятидесятницы] 31-го мая.

Стр. 157.

на нашемъ языкѣ] Мѣсто, важное для опредѣленія національности автора. См. Введеніе.

онъ преклонился бы] Армянскій историкъ *Haiton* (Heythum) говоритъ, что Мангу-ханъ и всѣ его домашніе приняли крещеніе отъ

армянскаго, епископа, сопровождавшаго царя Heythum'a I (въ 1253 г.). См. *Bergeron*, Voyages faits principalement en Asie, t. II (A la Haye, 1725), p. 39.

Стр. 158.

проводя ее черезъ огонь] См. примѣч. къ стр. 9.

бѣлыхъ кобылицъ] Ср. у *Марко Поло* (гл. LXXXIX) описаніе празднества, устраиваемаго при дворѣ хана въ началѣ новаго года (въ февралѣ мѣсяцѣ, стр. 132).

Стр. 159.

находила у себя въ рукѣ кусокъ войлока] См. любопытныя параллели къ данному разсказу у *Тэйлора*, т. II, гл. 14.

Стр. 160.

знаки и буквы] Ср. аналогичный разсказъ у *d'Ohsson*'a, IV, 54.

возмущаютъ воздухъ] Ср. *Марко Поло*, стр. 154.

Стр. 161.

Нѣкоторые изъ прорицателей также призываютъ демоновъ] До какой степени прочно держатся подобные обряды и нынѣ, показываетъ фельетонъ одного изъ участниковъ Туруханской экспедиціи, г. *Вас. Анучина:* «Спиритизмъ и шаманизмъ» *(Биржевыя Вѣдомости*, 1910, № 11622, вечерній, 19 марта).

въ осьмой день] 7-го іюня.

мѣняли платья] См. примѣч. къ стр. 98 и *Марко Поло*, гл. XC (стр. 134 сл.).

Стр. 162.

какъ сидятъ леопарды] См. *Марко Поло*, гл. XCII (стр. 136).

Турецкаго султана] «This sultan was Azzeddin, son of Ghaisheddin Keikhosrew II». *Rockhill.*

святаго Іоанна] 24-го іюня.

апостоловъ Петра и Павла] 29-го іюня.

Хингисъ-ханъ] «*Чинк* (tchink) значитъ по монгольски *сильный*, *твердый*, а частица *гизъ* (guiz) обозначаетъ множественное число (le pluriel)». См. *d'Ohsson*, I, p. 99, n. 2.

сынъ Божій] Это—древній китайскій императорскій титулъ T'ien-tzü («сынъ-неба»).

Демучинъ] Искаженіе имени *Тэмуцзинь* (Тьхѣ-му-чжень), что значитъ *лучшее желѣзо*. Это слово смѣшивалось съ турецкимъ Temurdji — кузнецъ, отсюда и пошла легенда, что Чингисъ-ханъ былъ кузнецомъ. Ср. *Исторія первыхъ четырехъ хановъ*, стр. 378 и *d'Ohsson*, I, p. 36, n. 2.

Хангей] Въ оригиналѣ Cingei, то же, что Хингисъ (Чингизъ).

не захотятъ вѣрить и захотятъ вести войско] Въ оригиналѣ глаголы имѣютъ обратный порядокъ: *voluerunt* credere et *noluerunt* facere exercitum.

Стр. 163.

Камусъ] Въ оригиналѣ здѣсь Camus, ниже Chamus. Это была вдова Куйюка Ogoul Gaïmisch, интриговавшая противъ Мангу, ср. *d'Ohsson*, II, p. 268 s. *Исторія первыхъ четырехъ хановъ*, стр. 309.

мой товарищъ] Варѳоломей изъ Кремоны.

Стр. 164.

черезъ двѣ недѣли] 8-го іюля.

Однажды, когда мы] Этотъ эпизодъ нарушаетъ хронологію разсказа.

Стр. 165.

противъ молніи и грома] Ср. у *d'Ohsson*'a (II, 614) разсказъ о камняхъ, вызывающихъ, при обмакиваніи ихъ въ воду, даже среди лѣта снѣжный вихрь и чрезмѣрный холодъ.

Стр. 166.

одной деревеньки] Въ оригиналѣ una villula, что правильнѣе передать *«одного городка»*, хотя *Rockhill* переводитъ one little village. *Шмидтъ* (стр. 231) предполагаетъ, что это былъ Омылъ, который Рубрукъ, по его словамъ (стр. 113), посѣтилъ при возвращеніи.

возлѣ какой-то рѣки] По *Шмидту* (стр. 230), Улунгуръ.

Сарая] Сарай, бывшая столица Золотой Орды, лежалъ на лѣвомъ берегу р. Ахтубы, въ мѣстности, гдѣ нынѣ находится уѣздный городъ Астраханской губ. Царевъ. См. статью г. *Шперка* въ «Энциклопед. Словарѣ» *Брокгауза* и *Эфрона*, полут. 56, стр. 399.

Стр. 167.

два дня спустя] 16-го сентября.

ровно за двѣ недѣли] 16-го октября.

Стр. 168.

Суммеркентъ] Въ оригиналѣ варьянты: Summerkent и Summerkeur. Точное положеніе этого города и исторія его неизвѣстны; можно думать, что онъ впослѣдствіи былъ затопленъ Волгой. *Шмидтъ* (стр. 242 сл.) относитъ къ Суммеркенту сообщеніе одного Бакинскаго географа Абд-алрашида (въ началѣ XV в.), говорящаго про городъ Sacassin.

Стр. 169.

Всѣхъ Святыхъ] 1-го ноября.

Святаго Мартина] 15-го декабря.

Желѣзными Воротами] Дербентъ, который, по преданію, былъ основанъ Александромъ Великимъ. Объ этомъ городѣ много говоритъ *Олеарій* (стр. 485 слл.), дающій и любопытное его изображеніе.

Аркакка] Въ оригиналѣ planicies Arcacci. Это имя совершенно неизвѣстно.

Стр. 170.

Самаронъ] Точное положеніе этого города неизвѣстно; онъ находился въ серединѣ между Дербентомъ и Шемахой, на два дня пути отъ того и другого города.

о которыхъ я не могъ узнать ничего вѣрнаго] Намекъ на извѣстную легенду о народахъ Гогъ и Магогъ (см. *книгу пророка Іезекіиля*, гл. 39, и *Откровеніе св. Іоанна*, гл. 20, ст. 77. Ср. *А. Н. Веселовскій*, въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1875, кн. 4, стр. 304 слл.).

Самагъ] Шемаха, уѣздн. городъ Бакинской губ.

Моанъ] По *Шмидту* (стр. 247), нынѣ Mugan.

Тефилиса] Нынѣшній Тифлисъ.

въ книгѣ Царствъ] Кн. IV, гл. 19, ст. 37.

у Исаіи] Гл. 37, ст. 38. Въ нашей Библіи въ томъ и другомъ мѣстѣ стоитъ: «въ землю Араратскую».

Корасмины] *По Rockhill'ю*, Хорасміи.

Гангесъ] По *Шмидту* (стр. 248), нынѣшнее Gendje или Елизаветполь.

Стр. 171.

Кура и Араксъ] У сел. Джеватъ, Бакин. губ.

«моста не терпитъ Араксъ»] Въ оригиналѣ pontem dedignatur Araxes. Это цитата изъ Энеиды: VIII, 728 (гдѣ сказано, однако, indignatus)—мѣсто, часто приводимое, ср. *Ribbeck* ad loc.

Аргонъ] Arghun aka, ср. *Rockhill* ad loc.

становище Батыя] Въ оригиналѣ: per herbergiam ipsius Baatu или Baachu. Конечно, это лицо надо отличать отъ извѣстнаго Батыя, упомянутаго раньше. Другіе писатели называютъ этого монгольскаго генерала Bajothnoy (причемъ noy является отзвукомъ монгольскаго слова noian «господинъ»), Bachou, Baiju и Bachu Churchi. Онъ принималъ Асцелина, который сообщаетъ про этого вождя много любопытнаго (ср. у *Д. И. Языкова*, стр. 223 слл.).

святаго Климента] 23-го ноября.

второго воскресенья] 15-го февраля.

Аарзерумъ] Нынѣ Эрзерумъ. Раньше (на стр. 125) въ оригиналѣ этотъ городъ былъ названъ Arseron.

Таврисъ] Taurinum въ оригиналѣ.

Наксуа] Нахичевань.

Стр. 172.

два пророка] См. *А. Н. Веселовскій*, о. с., стр. 328 сл., примѣч. 1-е.

Цеманумъ] Въ рукописяхъ варьянты: Cemanium, Cemaurum и Cemanum. Ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 173.

Массисъ] Это армянское названіе Арарата.

Изъ вышеназваннаго города] То есть Нахичевани.

черезъ недѣлю] 13-го января.

Сагенсы] Разумѣется владыка Анійскій Шахиншахъ.

Стр. 174.

Изъ этого города] *Rockhill* опять предполагаетъ, что это—Нахичевань.

въ воскресенье] По мнѣнію *Rockhill'я*, второе. Слѣдуетъ замѣтить, что хронологическій порядокъ изложенія здѣсь сильно спутанъ.

Марсенгенъ] Варьянтъ: Mersengen. По мнѣнію *Rockhill'я*, это нынѣшній Меджингертъ (между Карсомъ и Эрзерумомъ).

за недѣлю] То есть 17-го іюня.

Айни] Ани, столица Багратидскаго царства, городъ важный своими археологическими памятниками. Ср. *Н. Я. Марръ* въ «Извѣстіяхъ Императ. Акад. Наукъ», 1910. № 6 (1 апрѣля), стр. 438 слѣдд. Тамъ-же (стр. 445 сл.) указана важнѣйшая литература, посвященная изслѣдованію древностей Ани.

Стр. 175.

во второе воскресенье] 15-го февраля.

Камаѳъ] Κάμαχα у *Константина Порфиророднаго*, на нынѣшнихъ картахъ Kemakh или Gemash.

Алапіи] Алеппо.

Арсенгенъ] Нынѣ Эрзинджанъ или Эрзингянь, городъ въ Эрзерумскомъ вилайетѣ Азіатской Турціи.

говоритъ Исаія] Гл. XL, ст. 4. Въ нашей Библіи: «Всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизится».

по равнинѣ] Именно между Эрзерумомъ и Эрзингянью. Турецкимъ султаномъ былъ Ghaiatheddin Keikosrew II, а со стороны Татаръ сражался генералъ Baatu или Baachu,

упомянутый выше (стр. 171). Битва происходила въ 1243 или 1244 г.

въ Себастѣ] Нынѣ Сивасъ, недалеко отъ истоковъ Галиса (н. Кизиль Ирмака).

на Страстной недѣлѣ] Въ 1254 г. она продолжалась съ 21-го до 28-го марта.

сорока мучениковъ] Римскихъ воиновъ, замученныхъ въ гоненіе Лицинія.

въ недѣлю по пасхѣ] 4-го апрѣля.

Кесарію Каппадокійскую] Прежде, до обращенія Каппадокіи въ римскую провинцію, Мазака, столица тамошнихъ царей.

Иконій] Городъ Малой Азіи, нынѣ Конія.

Стр. 176.

до Киликіи] Чтеніе спорно. Въ оригиналѣ: Silice или Ecilie.

до Курты] Вѣроятно, Corycus античныхъ писателей; теперь и городъ, и имя исчезли.

наканунѣ Вознесенія] 5-го мая.

до дня, слѣдующаго] 16-го мая.

Ази] Sis въ Киликіи, столица Малой Арменіи.

Барунузина] Baron Oschin, ср. *Rockhill* ad loc.

Ауаксъ] Лаясъ у *Марко Поло*, стр. 12. Нынѣ Lajazzo.

Стр. 177.

особенно близкихъ] Въ оригиналѣ: speciales, варьянтъ: spirituales.

законная жена] Thamar, дочь Грузинской царицы Kusudan.

Пакастеръ] Rokneddin.

Сынъ Вастація] Θеодоръ II Ласкарисъ (1256—1259).

съ сыномъ Ассана] Михаилъ Асѣнь (1245—1258).

УКАЗАТЕЛИ

КЪ ПЕРЕВОДУ

ПЛАНО КАРПИНИ.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

УКАЗАТЕЛИ

КЪ ПЕРЕВОДУ

РУБРУКА.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

